

И. В. ВОРОБЬЕВ

**СКОПИТЕЛЬСКИЕ
В III-VII вв.**

Annotation

Книга представляет собой первую в советском японоведении попытку фундаментального, комплексного анализа истории Японии в III–VII вв. В ней рассматриваются основные аспекты этнической, социально-экономической и культурной — истории населения Японских островов того периода. Автор подробно исследует сложный процесс возникновения феодальной государственности и классической культуры Японии.

- [М. В. Воробьев](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1. Источниковедение и историография](#)
 - [Источниковедение](#)
 - [Историография](#)
 - [Глава 2. Проблема хронологии](#)
 - [Глава 3. Окружающий мир](#)
 - [Корея](#)
 - [Китай](#)
 - [Глава 4. Этнос](#)
 - [Ранняя фаза этнической истории Японского архипелага](#)
 - [Этническая история Ямато](#)
 - [Переселение китайцев и корейцев](#)
 - [Глава 5. Общество](#)
 - [Ематай во II–III вв](#)
 - [Загадка местонахождения владений вадзин](#)
 - [Политическая история и внешние сношения](#)
 - [Общественный строй](#)
 - [Органы власти](#)
 - [Хозяйство](#)
 - [Культурно-исторический аспект проблемы владений на о-ве Кюсю](#)
 - [Ямато с IV в. по первую половину VII в.](#)
 - [Политическая история](#)
 - [Внешние сношения режима Ямато](#)
 - [Общественный строй](#)
 - [Организация управления](#)
 - [Экономические отношения](#)

- [Прелюдия реформ Тайка](#)
 - [Ямато во второй половине VII в. Реформы Тайка](#)
 - [Внутри — и внешнеполитическое положение](#)
 - [Реформы общественного строя](#)
 - [Реформы системы управления](#)
 - [Реформы экономической жизни](#)
 - [Оценка реформ Тайка](#)
 - [Культура](#)
 - [Культурные связи](#)
 - [Религия](#)
 - [Письменность, наука](#)
 - [Технология](#)
 - [Архитектура и монументальное искусство](#)
 - [Прикладное искусство](#)
 - [Традиционно-бытовая культура](#)
 - [Итоги](#)
 - [Заключение](#)
 - [Использованная литература\[66\]](#)
 - [Произведения основоположников марксизма-ленинизма\[67\]](#)
 - [Источники](#)
 - [Литература](#)
 - [Словарь терминов](#)
 - [Япония в III–VI вв](#)
 - [Япония в VII в.](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

М. В. Воробьев

**Япония в III–VII вв. Этнос, общество,
культура и окружающий мир**

Предисловие

Япония не принадлежит к числу стран, обиженных невниманием. Она рано стала объектом живого научного и общественного интереса во многих странах мира, в том числе и в нашей стране. Более ста лет назад особый комитет подготавливал III Международный съезд ориенталистов, состоявшийся в 1876 г. в Петербурге. В вопросник, опубликованный в газете и содержащий наиболее важные и нерешенные проблемы востоковедения, комитет включил следующий вопрос: «К какому времени относятся древнейшие летописи или вообще письменные исторические сказания японцев и на каких источниках основаны позднейшие, известные нам исторические их компиляции?» (Труды..., 1879–1880, с. XXXIX). Тогда на заседании отдела Дальнего Востока съезда по этому вопросу высказались двое присутствующих, причем из них лишь один (японский делегат) дал удовлетворительный, хотя и не исчерпывающий, ответ (Труды..., 1879–1880, с. LXVII–LXXVIII).

Если общественный интерес в XIX — начале XX в. часто подогревался политическими событиями, экзотичностью — на европейский взгляд — этой страны, то внимание ученых привлекало островное положение Японии, позволявшее изучать многие исторические, этнические, культурные и иные процессы в наиболее чистом виде. Указанное обстоятельство оказалось столь значительным и непреходящим, что интенсивное изучение этих процессов в самой Японии не только не оттолкнуло ученых всего мира и нашей страны от самостоятельной работы, а, наоборот, подхлестнуло их рвение. Ведь сложившаяся ситуация — хорошо опубликованные источники, обилие исследовательской литературы — обеспечивала неазиатских ученых материалом, позволявшим реализовать отмеченную уникальную возможность.

Обращаясь к теме, сформулированной в заглавии книги, мы не стремились к максимально полному охвату научной литературы, в том числе японской — последняя необъятна. Малообозрима даже та сравнительно небольшая ее часть, которая нам доступна. Поэтому при написании книги мы использовали лишь те источники и литературу (из доступных нам), которые нам показались наиболее важными для развития темы, и в той форме, которая для наших целей оказалась достаточной

(например, мы использовали переводы «Кодзики», «Нихонги», хотя и с пёрепроверкой этих переводов по оригиналам в нужных случаях). Частичным восполнением для читателя упущенного потока литературы служит довольно пространная историография (гл. 1).

Сузив круг привлекаемой литературы, мы, однако, расширили фронт исследования. Мы попытались рассмотреть историю этническую, общественную (политическую и социально-экономическую), культурную на протяжении III–VII вв. — времени разложения первобытнообщинного строя, формирования раннеклассовых образований, начала создания единой «правовой» монархии. Изучение осуществляется с учетом событий, происходивших на материке. Комплексный анализ взаимодействия таких компонентов, как этнос, общество, культура, окружающий мир, и следствий такого взаимодействия предлагается в Заключении, равно как и некоторые соображения общего характера.

Мы не претендуем на исключительность такого подхода к изучению большого и по-своему органичного исторического периода в жизни одной страны. Существует не так уж мало монографий, охватывающих на равноправных началах не менее чем две грани жизни народа из перечисленных: общество и этнос (Конрад, 1923; «Всемирная история», 1957; Egami, 1964), общество и культура (Попов, 1964; Тамура, 1956), Япония и материк (Wada, 1956; Hashimoto, 1956), причем в последней паре в скрытом состоянии присутствуют и упомянутые тематические аспекты. Однако сочетание трех-четырех сторон исследования в их взаимосвязи и в одной монографии — явление более редкое. Необходимость его предчувствовалась уже давно: «Япония в древности представляла собою дальнюю периферию восточноазиатского мира, — писал крупнейший советский японовед Н. И. Конрад. — История Японии с древности развивалась в соприкосновении с историей Кореи и Китая, и процессы, развернувшиеся в этих странах, не могли в какой-то мере не отразиться на Японии» (Конрад, 1974 (I), с. 366).

Мы убеждены, что высокий уровень методологии исторических исследований в СССР, включая и комплексный подход, ставит на очередь многоплановые исследования. Попытку такого исследования мы и представляем на суд читателей.

Глава 1. Источниковедение и историография

Источниковедение

Письменные литературные источники по древней и раннесредневековой истории Японии наиболее сложны по структуре и многогранны по содержанию. Разумеется, ими одними не ограничен круг источников. Существуют и многие другие виды материалов: археологические, антропологические, этнографические, эпиграфические и т. п. Однако, поскольку в данной работе используются в основном письменные памятники, иные источники разбору не подвергаются.

В течение III–VII вв. в Японии еще не была создана собственная письменность, а проникновение в страну китайской письменности где-то в V в. не повело автоматически к возникновению местной историографии, хотя бы текущей. Упоминания в тексте «Нихонги» — источнике VIII в. — таких сочинений, как «Тэнноки» («Записки о государях»), «Кокки» («Записки о стране»), «Хонги» («Основные записки»), «Тэйки» («Записки об императорах»), наконец, «Кудзики» («Записи о старине»), возводимых к 20-м годам VII в., не подтверждаются ни существованием самих этих источников, ни ссылками на них в других источниках. О «Кудзики», например, мы узнаем, что этот источник сгорел в 645 г. Об упомянутых сочинениях ничего не говорится и в том месте «Нихонги», где под 681 г. передаются распоряжения императора Тэмму (673–686) по составлению хроники и по собиранию сведений о древности. Безусловно, какие-то письменные материалы должны были существовать — без них просто невозможно создать летопись за длительный период, но характер этих материалов неизвестен. Поэтому можно считать, что все японские литературные источники по эпохе до VII в. включительно по времени создания несинхронны эпохе.

Наиболее ранними из них следует признать «Кодзики», или «Записи о делах древности», в трех книгах. По преданию, «Кодзики» составлены к 712 г. придворным Оно Ясумаро со слов некоего Хиэдано Арэ, якобы обладавшего феноменальной памятью. Таким образом, предание считает «Кодзики» произведением, как бы мы сказали, фольклорным, лишенным письменной традиции. Действительно, это столько же исторический источник, сколько и литературный памятник. Он историчен по фактологическому принципу содержания и по хронологической

последовательности изложения, но повествование преподнесено в виде мифов, сказаний, преданий, развертывающихся во времени. Источник охватывает историю страны от «сотворения мира» и до 628 г. Однако начиная с VI в. изложение подменяется простой генеалогией. Это вполне соответствовало задаче составителя: обосновать идею этнического единства японцев (народа Ямато) и принцип божественного происхождения императорского клана и фамилии Ямато. Этим целям подчинены вся структура источника, отбор материала и его оформление. Происхождение мира рисуется как акт однозначный появлению страны, народа, императора, но не внешнего мира. Мифологический этногенез начинается с момента происхождения народа (вкуче со всем сущим) и прослеживается через этап поглощения «иностранцев» до оформления единого народа, вожди которого иерархически соподчинены друг другу. Вызревание императорской власти прослеживается с момента «божественного происхождения» (от богини солнца Аматэрасу) через ее постепенное распространение по архипелагу по «воле богов» до ближайших к составителю поколений «императоров», дела которых известны его современникам, поэтому важна лишь фиксация их генеалогического родства с предшественниками. «Кодзики» — многогранный памятник, поэтому к нему обращаются все исследователи, какой бы стороной жизни японского народа они ни интересовались [Конрад, 1974 (I), с. 13; 1974 (II), с. 104–105]. Имеется несколько переводов этого памятника на английский язык и несколько изданий таких переводов (см. [Kojiki, 1969]).

Уже в 714 г. принц Тонэри возглавил работу комиссии по составлению настоящего исторического источника — «Нихонги», или «Нихонсёки» («Записи Японии», или «Летописи Японии»), в 30 книгах. Работа над ней завершилась к 720 г., а само сочинение охватило период с «возникновения мира» и по 697 г. Замысленные как историческое сочинение, «Нихонги» составлены по плану китайских погодных летописей «Ши цзи» («Исторических записок») и «Хань шу», или «[Цянь] Хань шу» («Описание династии Ранней Хань»), на материале каких-то неизвестных нам местных документов (вроде генеалогических списков кланов, о которых говорится в тексте самого сочинения под 694 г.) и корейских хроник, например «Пэкче понги» («Основных записок о Пэкче»), ныне утраченных. Язык «Нихонги», как и язык «Кодзики», — китайский. Несмотря на очевидное знание составителями китаеязычных светских и религиозных сочинений, дух «Нихонги» далек от китайских исторических концепций и еще более — от буддийских. «Нихонги» свободны от идеи определяющего значения

«естественного закона» в жизни людей, народов, государств, от догмы о том, что история— урок для правителей, от переоценки дел прошлой династии с позиции правящей, столь характерной для китайских официальных источников. Идея «урока правителям» преподнесена в ослабленном, часто «заземленном» виде. Прошлых династий в стране просто не существовало. В «Нихонги» отсутствует мрачная концепция буддизма о наступлении «третьего века», который для буддизма представлялся быстрой деградацией человеческого общества. Все связанное с буддизмом вообще занимает мало места в «Нихонги», точнее, в 12 последних книгах, приходящихся на время после проникновения буддизма в Ямато (так первоначально именовалась Япония). Упоминается лишь та сторона буддизма, которая связана с государственной жизнью. Идеи синто ощущаются в основном в первых книгах летописи. По сравнению с «Кодзики» «Нихонги» — светское сочинение. «Нихонги» послу-жили образцом для последующих летописей.

Создание «Нихонги» — это предприятие сознательное и официозное, может быть, даже в большей степени, чем написание «Кодзики». «Нихонги» составлялись «новым» режимом, в обстановке острой борьбы, только что завершившейся победой царского клана, объединившего страну, но победой во многом еще только военно-политической. «Нихонги» должны были закрепить эту победу идеологически, ввести ее в традицию, переосмыслить японское прошлое в интересах императора и его окружения в VIII в. Поэтому при составлении «Нихонги» многое из того, что в то время казалось ненужным, несущественным, изымалось, неудобное — исправлялось или отбрасывалось. Возможно, что при этом вводилось далекое от исторически достоверного.

Печальным примером тенденциозности составителей «Нихонги» служат многочисленные расхождения в именах, фактах и датах в «Кодзики» и «Нихонги», созданных почти одновременно. Хронологии этих источников посвящена отдельная глава данной книги. Здесь же надо указать, что лишь с 527 г. даты «Кодзики», «Нихонги» и корейской летописи «Самкук саги» («Исторические записки трех государств») начинают совпадать. Даже применительно к V в. исторические факты обладают лишь относительной достоверностью, поскольку в упомянутых трех источниках даты совпадают лишь частично. При всем этом «Нихонги» остаются первостепенным источником для периода, которому посвящен наш труд. Этот источник переведен на английский язык, а перевод

неоднократно переиздавался (см. [Nihongi, 1956]).

В 713 г. всем губернаторам было приказано составить на китайском языке естественно-географические описания («Фудоки») вверенных им провинций. В описания входили сведения об уездах, населенных пунктах, храмах, рельефе, полях и их плодородии, флоре и фауне, обычаях. Эти сведения обильно снабжены мифами, преданиями и легендами. «Фудоки» представляют большой историко-культурный интерес. Их составление, растянулось до 945 г. К сожалению, до наших дней полностью дошли лишь описание одной провинции Идзумо (Идзумо фудоки, 733 г.), крупные фрагменты четырех «фудоки», посвященных провинциям Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн, и более мелкие фрагменты и цитаты из 48 описаний, включая и упомянутые пять. Общая цифра почти равна числу провинций той эпохи, и, следовательно, в VIII–X вв. в Японии удалось осуществить полное естественно-географическое и этнографическое описание страны по провинциям. Сохранившиеся пять «фудоки» переведены на русский язык [Древние фудоки, 1969; Идзумо фудоки, 1966].

«Кого сюи», или «Дополнения к сказаниям о старине», составлены Имбэ Хиронари около 808 г. из мифов и сказаний, не попавших в ортодоксальные «Кодзики» и «Нихонги». Политический характер сочинения подтверждается принадлежностью автора к старейшему жреческому клану Имбэ (Имубэ), некогда игравшему главную роль в отправлении синтоистского культа. После 645 г. клан Имбэ оказался потесненным не только царским кланом, но и кланом Накатоми, под эгидой и в интересах которых и составлялись упомянутые два источника. Составитель «Кого сюи» стремится доказать первенствующее значение клана Имбэ и вторичное — кланов царского и Накатоми [Конрад, 1974 (II), с. 86]. Существует перевод источника на английский язык, переиздававшийся не менее двух раз, и немецкий [Florenz, 1919] ^[1]

«Кудзики» («Записи о старине») составлены в IX в. представителем другого знаменитого клана — Мононобэ — и примерно с той же целью, что и «Кого сюи». По-видимому, для того чтобы придать сочинению первенствующее по времени значение по сравнению с «Кодзики» и «Нихонги», его создание было приписано Сётоку-тайси и даже датировано 620 г. Используя одно место в «Нихонги» [Nihongi, XXIV, 25], где говорилось о гибели исторических хроник во время пожара в доме Сога,

Эмиси в 645 г., авторы «Кудзики» объявили свое сочинение уцелевшим частично. Не считая нескольких мифов, чисто историческая часть сочинения мало отличается от текста «Нихонги». Сочинение интересно как пример (и не единственный) существования в раннесредневековой Японии неортодоксальных и тем самым в какой-то степени полемических сочинений.

Известную ценность для историко-культурного исследования имеют «норито» — обращения к синтоистским божествам. 28 таких синтоистских молитвословий собраны в восьмой книге «Энгисики» («Церемонии годов правления Энги»), составленной в 927 г., но сами «норито» значительно древнее. Основная их масса датируется VII в. и относится к так называемой культовой поэзии. Содержание «норито» не только воссоздает религиозный мир древних японцев, но и снабжает нас сведениями об их культурной и хозяйственной жизни. Существуют переводы «норито» на английский язык [Sources..., 1974].^[2]

В 815 г. принц Манда и Фудзивара Сонондэ составили «Новый реестр кланов и фамилий» («Синсэн сёдзи року») в 30 книгах, т. е. генеалогию 1182 кланов и фамилий страны. Реестр явился итогом длительной деятельности правительства по упорядочению отношений родства в среде знатных кланов. Как мы узнаем далее, уже в первых книгах «Нихонги», рисующих картину далекого прошлого Ямато, выражена тревога по поводу незаконного присвоения фамилий кланов (удзи) и званий (кабанэ). Тенденция к присвоению, а также вообще к нарушению общественной иерархии возрастала по мере притока иноземцев, демографических и социальных пертурбаций. Знатные кланы заводили собственные генеалогии, на основании которых строили свои планы и предъявляли претензии сначала двору Ямато, а затем центральному правительству государства по поводу своего статуса. В VIII в. правительство затребовало для проверки клановые генеалогии (хонкэйтё). Позднее в столице Хэйан и в пяти пристольных провинциях осуществили перепись, на основе которой и был составлен «Новый реестр». Он признал благородными 1182 клана и фамилии, разделил их на четыре категории по знатности: 1) потомки верховного божества и императорского (царского) клана (кобэцу), 2) потомки остальных божеств Ямато (симбэцу), 3) потомки иноземцев (сёбан), 4) лица неизвестного происхождения (митэйно дзосё). Характерно, что реестр как бы исключал из благородных кланы; нестоличные и

непристоличные. В действительности дело обстояло сложнее. После реформ Тайка (645) в так называемом «правовом государстве» («рицурё кокка») иерархия кланов в конечном счете основывалась на положении их представителей в иерархии должностей, рангов, званий, которыми распоряжалось центральное правительство. Если фамилия находилась на государственной службе или имела ранг, то, даже если она жила на о-ве Кюсю, ее включали в реестр по столице, где находилось учреждение, за которым числилась фамилия. Реестр является важным источником для изучения этнического и социального состава населения древней и раннесредневековой Японии.

Китайские источники служат важным подспорьем при изучении Японии интересующей нас эпохи. Если не считать «Шань хай цзин» {«Каталог гор и морей»), «Хань шу» («[Цянь] Хань шу»), «Лунь хэн», «Вэй ле» («Краткая история династии Вэй»), чьи сведения о Японии ограничиваются отдельными строчками или скупыми цитатами, сохранившимися от них в других сочинениях, то речь может идти о китайских династийных историях. Из 25 таких историй 16 содержат раздел, посвященный Японии. Упомянутые разделы входят составными частями в одну из четырех глав, каждая из которых содержит сведения о народностях, живущих в одной из стран света на периферии Срединной империи. Японцы, естественно, отнесены к восточным народам. Описание периферийных народов лишь в тенденции ведется с соблюдением хронологической (летописной) последовательности. Оно более свободно и насыщено сведениями о природе, быте, культуре, обычаях, чем собственно хроники. По объему эти разделы невелики (в пределах нескольких страниц). Они привлекательны тем, что старейшие из них созданы лет на четыреста раньше «Нихонги», содержат исторические факты по таким эпохам (I–V вв.) и районам (о-в Кюсю), которые плохо освещены в «Нихонги», отличаются довольно надежной хронологией.

Девять наиболее древних китайских династийных историй именуют Японию Во (яп. Ва), а японцев — вожэнь (яп. вадзин). Из этих девяти «Вэй чжи» («Описание Вэй»), часть «Сань го чжи» («Описание трех царств») и «Хоу Хань шу» («История Поздней Хань») наиболее близки к древнему источнику — «Вэй ле», ныне утраченному. «Лян шу» («История Лян») и «Цзинь шу» («История Цзинь») во многом следуют «Вэй чжи», а «Суй шу» («История Суй») — «Хоу Хань шу». «[Нань] Ци шу» («История [Южной]

Ци») и «Сун шу» («История [Лю] Сун») ^[3] основаны на иных источниках, а не на «Вэй ле». В свою очередь, «Сун шу» дала материал для «Нань ши» («Истории южных династий»), а «Суй шу» — для «Бэй ши» («Истории северных династий»).

Наиболее древними и оригинальными источниками являются «Вэй чжи» и «Хоу Хань шу». Династийная история Тан представлена в «старом» («Цзю Тан шу») и в «новом» («Синь Тан шу») вариантах, из которых предпочтительнее последний. Учитывая принцип наибольшей оригинальности в изложении материала, можно наметить хронологические рамки разделов о Японии: «Хань шу» — I в. до н. э., «Хоу Хань Шу» — I в. до н. э. — II в. н. э., «Вэй чжи» — I — середина III в., «Сун шу» — I–V вв., «Цзинь шу» — III в., «Нань ши» — IV–VI вв., «Суй шу» — III — начало VII в., «Синь Тан шу» — VI–IX вв. Интересующие нас разделы переведены на европейские языки: на английский — разделы из «Хоу Хань шу», «Вэй чжи», «Сун шу», «Суй шу», «Синь Тан шу» [Japan..., 1951], на русский язык — разделы из «Вэй чжи», «Цзинь шу» [Кюннер, 1961], «Хоу Хань шу», «Нань ши», «Суй шу» [Бичурин, 1950].

Самый древний сохранившийся корейский исторический памятник «Самгук саги» («Исторические записки трех государств»), составлен Ким Бусиком в 1145 г. по имевшимся тогда корейским и китайским сочинениям. «Записки» содержат немало сведений из области сношений между странами Корейского полуострова и Ямато. Переводов на западные языки нет, на русский язык переведены книги, посвященные государству Силла [Ким Бусик, 1959].

Изучение источников в Японии в последние десятилетия продолжалось с неослабевающей интенсивностью. Из многих десятков монографий в качестве примеров назовем труд Хирата Тосихару об условиях возникновения японской классической литературы, работу Канда Хидэо по организации материала в «Кодзики», сравнительный анализ «Кодзики» и «Нихонги», выполненный Умэдзава Исэдзо, исследование Яку Масао, посвященное определению значения, придаваемого «Кодзики» в Японии, книгу Кодзима Нориюки о влиянии классической и исторической литературы Китая на «Нихонги». Стали классическими и переиздаются труды Такэда Юкити и Курано Кэндзи по «Кодзики». Саэки Арикиё произвел сличение разных версий «Синсэн сэдзи року» ^[4].

Ученые Западной Европы и США также приняли участие в источниковедческой работе. Необходимо отметить переиздание перевода «Нихонги», сделанного В. Г. Астоном, и перевода «Кого сюи», выполненного Като Гэнти и Хосино Хикосиро, а также появление новых переводов «Кодзики» и «норито» — плод труда Д. Филиппи. Существенное значение имеет издание переводов Цунода Рюсаку разделов, посвященных японцам, из китайских летописей. Все работы, о которых шла речь, выполнены на английском языке. Эти важные источники стали доступны научной общественности.

Собственно источниковедческая работа представлена монографией Дж. Юна, охватывающей не только китайские источники, но и важнейшую литературу по Ематай [Young, 1958]; работой П. Уилера, в которой наряду с глубоким исследованием японской мифологии содержится история создания «Кодзики», оценка различных списков [Wheeler, 1952]; сборниками, в которых «Нихонги» и другие источники подвергаются специальному анализу [Robinson, 1966; Sources..., 1965], а также предисловиями и комментариями к упомянутым переводам источников.

Два издания естественно-географических и этнографических описаний «фудоки» с переводом их на русский язык и с комментариями вводят в русское и мировое востоковедение источники первостепенного значения для понимания древней культуры страны (перевод и комментарии К. А. Попова). Перевод этих источников тем более важен, что остается до сей поры единственным переводом на европейский язык (Древние фудоки, 1969; Идзумо фудоки, 1966). Важными достижениями востоковедов СССР являются: издание переводов глав, посвященных восточным иноземцам, из двух китайских летописей, «Вэй чжи» и «Цзинь шу», никогда раньше не переводившихся на русский язык, а также исправлений переводов Н. Я. Бичурина из других китайских летописей [Кюннер, 1961]; выход в свет на русском языке т. I «С'амкук саги», вообще никогда на европейские языки не переводившихся [Ким Бусик, 1959]; переиздание знаменитого сборника переводов из китайских летописей Н. Я. Бичурина [Бичурин, 1950].

В источниковедческом плане японоведов СССР в последние годы привлекали «Кодзики» [Пинус, 1973; Черевко, 1977, 1973] и в меньшей мере другие источники по древней и средневековой Японии [Конрад, 1974 (I); 1974 (II)].

В последние десятилетия отмечалась активная и успешная разработка учеными ряда стран источников, связанных с проблемой Ематай ^[5]. Исследования китайских источников, содержащих сведения о Ематай, проводятся по-новому (см., например, [Young, 1958]), с широкими историческими, этнографическими и археологическими экскурсами в японский, корейский, китайский, тихоокеанский материал. Выяснено сложное наложение различных исторических версий, первоисточников и фактов в китайских летописях, создающих запутанную картину. Указанный раздел о вожэнь (вадзин) в «Вэй чжи» составлен около 297 г. разными путями и по различным источникам. В нем использованы доклады и личные заметки послов, ездивших на острова, донесения наместников из китайского владения в Северной Корее — Лолана, отрывки из ранних исторических сочинений (например, «Вэй ле») и даже фрагменты других глав этой же летописи. В результате получился сложный конгломерат, отдельные сведения которого ставят в тупик исследователей.

Историография

Интернациональная историография этнической, социально-экономической и культурной истории Японии III–VII вв. весьма обширна и могла бы быть предметом самостоятельного критического исследования. Мы не ставили перед собой такую задачу, а руководствовались желанием дать читателю представление о некоторых важных направлениях и отдельных работах в этой области, характерных для двух-трех последних десятилетий.

Перейдем теперь к рассмотрению важнейших работ по этнической истории [Ethnology in Japan, 1968, с. 9—17; Mizuno, 1968; Japan..., 1970, 1965, с. 119–134; Япон..., 1960]. В этой сфере центральное место занимает концепция Ока Масао. Он выделил пять этнокультурных комплексов: 1) охотничий, предположительно меланезийский (матрилинейное общество, «тайные организации», разведение клубней таро); 2) охотничий аустроазиатский (матрилинейное общество, разведение суходольного риса в горах); 3) охотничий тунгусский (патрилинейное общество, клановая организация хала, суходольное земледелие); 4) рыболовческий аустронезийский (патриархальное общество, возрастные классы, разведение поливного риса); 5) комплекс алтайцев-завоевателей (патриархат, клановая организация, земледелие с применением железных орудий). Он первый привлек внимание к японскому этносу как структурному целому ^[6]. В 1949 г. на симпозиуме «Происхождение японского народа, его культуры и образование японского государства» подведен итог многолетним этногенетическим исследованиям ^[7]. Подтверждены факты многообразия происхождения и техники возделывания поливного риса и тесная связь этих достижений с этнической историей. В конце 50-х годов Оно Сусуму обосновал тесное родство японского и корейского языков, а Идзуи Коноскэ — родственные связи японского и аустронезийских языков, что, естественно, говорит в пользу соответствующих этнических связей ^[8]. Канасэки Такэо утверждает, что после периода дзёмон (неолит) физический тип японцев мало менялся [Kanaseki, 1966]. Но Исида Эйитиро признает предками современных японцев носителей культуры яёи. Он полагает, что древние японский этнос

и культура сложились на рубеже нашей эры [Ishida, 1974].

Японские этнологи в последние десятилетия особенно интенсивно разрабатывают южные этногенетические связи японцев. Янагида Кунио утверждает, что о-ва Окинава, в частности о-в Миякодзима, были оплотом предков японцев, которые двигались в поисках земель для расселения и наконец достигли Японии ^[9]. Вакамо ри Таро, изучая татуировку, определил, что народы Юго-Восточной Азии заселили Японию еще до проникновения туда риса ^[10]. С 40-х годов XX в. возросло внимание к западному направлению, приведшее к разработке широкоизвестной теории миграции на Японский архипелаг воинственных кочевников Восточной Азии. Как утверждает Эгами Намио, кочевники прошли через Маньчжурию и Корею, формируя там свои государственные образования, в III–IV вв. вторглись на Японские острова, где и создали правящую династию государства Ямато [Egami, 1964, 1963].

За эти десятилетия подтвердилось, что японская народность сложилась в результате неоднократных смещений в разное время многих этнических пластов самого разного происхождения. Но удельный вес этих пластов, условия, время, когда они появились, еще до конца не выяснены.

Западноевропейская и американская этнография за последние 20 лет сказала не так много нового по вопросам этнической истории древних японцев. Э. Киддер разбирает вопросы этногенеза японцев в связи с появлением культуры раннего металла (яёи) и протоисторической курганной культуры [Kidder, 1959]. Г. Сансом много места уделяет разбору миграций и этнических компонентов, составляющих японскую народность, причем особо останавливается на северном направлении [Sansom, 1962]. Большой груд Ш. Агенауэра целиком посвящен этногенезу японцев, но, к сожалению, главным образом на неолитической стадии ^[11]. Причем если Э. Киддер рассматривает проблему с археологических позиций, Г. Сансом — с позиций культурно-исторических, то Ш. Агенауэр привлекает очень широкий круг источников: антропологические, этнографические и — главное — лингвистические.

Значительные плоды принесло изучение этногенеза японцев в СССР. Первой послевоенной работой явилась статья археолога А. П. Окладникова, к которой приложена обширная библиография, составленная Н. А.

Береговой. За ней последовали работы этнографа Н. Н. Чебоксарова и антрополога М. Г. Левина. Результатом их совместного труда явилась интересная обобщающая работа ^[12]. В книге М. Г. Левина, изданной посмертно, освещены основные этапы этнической истории Японии и сложение антропологических типов [Левин, 1971]. В ней широко использованы личные обмеры автора, литературные данные, материалы смежных наук. Этногенезом японцев много "и плодотворно занимался С. А. Арутюнов. Он показал сложное влияние миграций с Корейского полуострова на традиции архипелага [Арутюнов, 1961], создавшее культуру раннего металла. Он и Б. Г. Григоренко обратили внимание на взаимосвязи между Арктикой и Японским архипелагом ^[13].

Ликвидация серии политических запретов, существовавших в довоенной и особенно в воюющей Японии, привела наряду с другими причинами к заметному оживлению в области изучения истории Японии, в том числе древней и средневековой [Saeki, 1977; Japan..., 1965; 1970; Japan..., 1960; Takahashi, 1956].

В 23-томной «Истории Японии», выпущенной издательством «Иванами сётэн», суммированы последние достижения японской науки, а разработки выполнены с учетом положений основоположников марксизма-ленинизма [Иванами..., 1962, т. 1–4].

В периодизацию древней истории вводятся понятия «дикость», «варварство» и «цивилизация». Дикость подразделяется на ранний период (докерамическая культура и палеолит) и поздний период, включая неолитическую культуру дзёмон (VIII–VII тыс. — IV в. до н. э. Варварство охватывает энеолитическо-бронзовую культуру яёи (III в. до н. э. — III в. н. э.) и ранний железный век — курганный период (вторая половина III — конец IV в.). Цивилизация начинается с первых пяти царей Ямато, исторически достоверных, т. е. с начала V в. (Сырицын, 1970, с. 53).

Тенденция комплексного изучения проблемы Ематай, претворившаяся организационно в симпозиумах, общих сборниках, наметилась еще в 50-х годах (см., например, сборник «Яматай коку»). В 1965 г. Ассоциация истории права созвала симпозиум, на котором знаменитое «Владение царицы» было охарактеризовано как образование, переходное от федерации племен к ранней государственности. Позднее Уэда Масааки высказал

мнение, что Ематай — это глава союза мелких племенных объединений и может считаться идентичным Ямато, располагавшимся в Кинай [Уэда, 1959]. Эноки Кадзуо развил теорию нахождения Ематай на Кюсю в виде союза местных племен [Эноки, 1960]. Иноуэ Мицусада утверждает, что союз во главе с Ематай был свободной федерацией мелких, «карликовых» государств, а режим Ямато оформился не ранее чем во времена правления Одзина, т. е. в конце IV в. [Иноуэ, 1960]. По схеме Тома Сэйта процесс становления японского государства развивался в такой последовательности: племенной союз (будзоку рэнго) — союз мелких государств (сёкокка рэнго) — объединение страны (кокудо тоицу). Ематай по этой схеме сохраняло сильные пережитки племенного союза, но находилось на стадии союза мелких государств Северного Кюсю [Тома, 1960]. Сторонники размещения Ематай на Северном Кюсю, учитывая внешнеполитический фактор, относят объединение всей страны ко времени ослабления Китая, т. е. к IV–V вв.^[14] Мидзуно Ю и Иноуэ Мицусада связывают объединение с восточным походом выходцев из Кореи [Mizuno, 1968; Иноуэ, 1960]. Последние, двигаясь с юга Кюсю на север, завоевали Ематай, а потом пошли на восток, в Кинай, где правитель Одзин основал новую династию. Эгами Намио роль, создателей новой династии отводит конникам-тунгусам, которые в IV в. н. э. через Северное Кюсю проникли в Ямато [Egami, 1964].

Отражение объединения страны ищут и в эпической литературе. Историки и филологи упорно разыскивают в Японии следы «героической эпохи» («эйю дзидай»)^[15]. В основе дискуссии о «героической эпохе» лежит разное понимание социальной структуры Японии в III–IV вв. В то время как адепты теории «Ематай в Кинай» настаивают на раннем образовании деспотического государства — во II–III вв. н. э. (Уэда Масааки, Сэки Акира, Кобаяси Юкио), сторонники теории «Ематай на Кюсю» считают III–IV вв. периодом первобытной демократии, олигархической власти влиятельных семей и лишь в V в. допускают существование деспотической царской власти (Тома Сэйта, Исимода Сё, Иноуэ Мицусада). Сторонники теории сакрального характера царской власти возводят ее к концу IV в. [Waida, 1976].

В 1964 г. Институт японской культуры созвал симпозиум по вопросам происхождения японского государства. Центральное место в работе симпозиума заняла дискуссия по концепции Эгами Намио о двух

завоеваниях, приведших к воцарению Судзина (начало IV в.) и Одзина (конец IV в.) ^[16]. Основной социальной ячейкой в этот период представители рассматриваемого направления считали институт удзи (клан). Но в определении указанного понятия существует значительная разноречивость. Сейчас японские историки склонны оценивать структуру удзи как «фиктивно-кровнородственную организацию», где господствовали «ложнопатронимические отношения». Разбирая функциональную сторону удзи, Абэ Танэхи-ко пришел к выводу, что удзи — это система управления, созданная государством Ямато для обеспечения господства влиятельных семей над зависимыми (бэминами) ^[17]. Этих зависимых большинство японских исследователей рассматривают как рабов японского типа [Наоки, 1964; Кадоваки, 1960]. Сиодзава Кимио рассматривает удзи как организацию для взимания дани-ренты [Сиодзава, 1958]. В этом Каваото Нохэй видел признак зарождающегося феодального общества, крепостнический вариант которого он усматривал в системе «рицурё», т. е. «правовом государстве» VIII–IX вв. ^[18]. Основы этого «правового государства» были заложены в ходе реформ Тайка, которым посвящено множество работ, подробно рассмотренных И. М. Сырицыным [Сырицын, 1973].

Проблема оценки социально-экономического строя Японии в III–VII вв. — одна из наиболее острых и спорных [Конрад, 1937; Поздняков, 1962; Сырицын, 1977, 1969; Тихвинский, 1967].

Выдвигались утверждения о существовании в древней Японии рабовладельческого строя (Такигава Масадзиро), причем иногда в классической его форме (Ватанабэ Есимити); деспотии, сложившейся в условиях азиатского способа производства (Сиодзава Кимио); феодальной формации, господствовавшей в стране сразу же после окончания первобытного этапа (Хаякава Дзиро); о наличии собственного исторического пути, непохожего на всемирный (Иси — мода Сё), в виде, например, так называемой «древней императорской системы», «героической эпохи» (Тома Сэйта), «правового государства» («рицурё кокка»).

В настоящее время в Японии наиболее популярна концепция рабовладельческого строя, якобы господствовавшего в стране с конца первобытности и до X или XII в. [Мацуока, 1970]. Причем варианты

рабовладельческой системы предлагаются разные. Наряду с классическим направлением — идеей «деспотической империи» — распространена концепция «всеобщего рабства» на базе азиатского способа производства [Shiozawa, 1965, с. 70–71].

Феодалное направление, известное в Европе благодаря работам Мацуока Хисао, относит упрочение феодальных отношений в Японии к XII в., а по Мацуока Хисао — даже к XVI в.^[19]

Масса работ посвящена частным, но важным вопросам истории Японии этого времени. Мысль о том, что VII век явился поворотным пунктом в истории древней Японии, так как открыл эпоху создания аппарата управления государством Ямато, постепенно вошла в научный обиход с конца второй мировой войны.

Седьмой век, на который приходится правление Суйко, реформы Тайка и гражданская смута года дзинсин (672), — один из самых бурных и ярких периодов раннесредневековой истории Японии. Изучение «системы 12 рангов» — важной части политической системы правления Суйко (начало VII в.) — показало, что японская система отличалась от китайской^[20]. Нисидзима Садао утверждал, что в начале VII в. Ямато представляло собой, в противовес корейским царствам, небольшой замкнутый мир^[21]. Против этого возражает Иноуэ Хидэо, разработавший схему параллельного развития древнего общества у народов Восточной Маньчжурии, Кореи и Японии, находившихся в контакте [Inoue, 1974].

Прежде считалось, что реформы Тайка — это начало реализации китайской «системы гражданских и уголовных узаконений» («люйлин», яп. «рицурё»), но все шире распространяется мнение, что решающая фаза в процессе эволюции «рицурё» приходится не на годы тайка (645–649), а на время после смуты года дзинсин (672)^[22]. Ряд исследований подтвердил сравнительно позднее приложение на практике части мероприятий, являющихся составной частью реформ Тайка.

Развитие процесса реформ, начавшегося в середине VII в. и закончившегося установлением системы «рицурё» в начале VIII в., сопровождалось централизацией режима Ямато. Однако историки спорят о том, можно ли ее рассматривать как процесс установления самодержавной

власти императора [Seki, 1959]. Свидетельством развернувшейся дискуссии служат сборники, слегка варьирующие в своих заголовках выражение: «Спорные вопросы японской истории». В одном из таких сборников десятилетней давности к «спорным вопросам» отнесены такие: когда и откуда пришли японцы? что такое Ематай? было ли древнее японское государство рабовладельческим? когда утвердился феодализм? [Нихонси-но сотэн, 1963]^[23].

Послевоенная западноевропейская и американская литература по государственному и общественному устройству Японии III–VII вв. не так уж бедна. Идея существования в стране рабовладельческой формации, да еще чуть ли не до X в., столь популярная в Японии, не нашла сочувствия за ее пределами. Лишь единичные исследователи на Западе и в США признают существование в Японии самостоятельного рабовладельческого этапа [Jouin de Longrais, 1958, с. 279]. В противоположность этому вопрос о японском феодализме обсуждается на страницах научных журналов [Hall, 1962], сборников и даже монографий [Duus, 1969]. Хотя вопрос о феодализме в Японии и решается в этих работах положительно, а в ряде случаев, как, например, в работах Э. О. Рейшауэра, Япония и Англия провозглашаются единственными типично феодальными странами, но время его становления выносится за пределы III–VII вв., поэтому практическое значение этих работ для нашей книги снижается. Исключение составляет лишь книга П. Дуза. В ней автор расширяет рамки феодального периода: от VI до середины XIX в.

Из работ общего характера для нашей темы представляют несомненный интерес следующие. Дж. В. Холл предложил тонкий анализ наименее ясного вопроса — развития второстепенных, периферийных центров, в частности Киби (в пров. Бидзэн), и взаимоотношений этой периферии с центром, т. е. с Ямато [Hall, 1966]. Не менее важен первый том трехтомной «Истории Японии» Г. Б. Сансома, в котором автор начинает изложение с описания географической и этнической среды и переходит к подробной характеристике режима Ямато, реформ Тайка и т. п. [Sansom, 1958]. Государственному аппарату Японии, в том числе раннему, посвящена сводка А. Гонтье [Gonthier, 1956]. К редким сравнительно-историческим исследованиям принадлежит труд Ф. Жёна де Лонгре [Jouin de Longrais, 1958]. В нем отдельные темы (поместья, феодализм, социальная структура, брак) рассматриваются на материале Европы и

Японии, в том числе и VII в. Одна из последних по времени сводок по истории Японии — университетский курс — стремится выделить вехи в истории страны. Однако это стремление основывается на приверженности к таким традиционным воззрениям, которые давно оставлены в европейско-американской историографии [Seth, 1969].

Р. Дж. Миллер в 1953 г. защитил диссертацию (неопубликованную), посвященную дезинтеграции системы удзи как социально-политической силы в древней Японии и присвоению верховной власти кланами тэнно (царским) и Сога в ходе военного и экономического развития страны. Новейшая монография этого автора ограничена VII в. и посвящена одной проблеме: клановым званиям — кабанэ [Miller, 1974; ср. Kiley, 1977; Мещеряков, 1978]. Используя приемы графического и частотного анализов, автор выяснил конкретное место носителей различных, званий в японском обществе до и после 645 г. и показал, как эти звания, формально, казалось бы, ставшие после реформ пережитком, были использованы для укрепления нового режима — создания вокруг него слоя вельмож и служилых.

При всей неравномерности изучения японской истории и неравноценности последних изданий европейские и американские востоковеды внесли немалый вклад в разработку сложных проблем древней и раннесредневековой истории Японских островов.

В послевоенный период при обсуждении вопросов древней истории Японии все громче звучит голос корейских историков (см. [Рю Хакку, 1975]). Критической переоценке подвергаются те разделы японской истории, которые связаны с историей Кореи, как-то: корейско-японские отношения, японские походы в Корею, японские «владения» на Корейском полуострове (Мимана). Резкой критике подверглись ряд источников и их интерпретация ^[24]. Утверждают, что эстампажи, сделанные в Корее с погребальной стелы когурёского короля Квангэтхоя-вана еще в прошлом веке и являющиеся важнейшим источником по корейско-японским отношениям в древности, неточны или даже фальсифицированы. А именно эта стела и «Нихонги» создают базу для традиционной японской версии этих отношений [Rih Jin Hi, 1974]. Другие идут дальше, утверждая, что и соответствующие главы «Нихонги» ненадежны, и поскольку корейские и китайские источники молчат о таких заметных событиях, как японские

вторжения в Корею в древности, создание японских владений в Корее, то и сами эти события не имели места или даже содержат в себе противоположный смысл. Так, японский миф о «нисхождении» на Японские острова народа тэнсон (букв, «внуков, или потомков Неба») перетолковывается как переселение на архипелаг людей из южнокорейского племенного образования Кара где-то во II–III вв. [Ким Сокхён, 1965], сведения из «Вэй чжи» о сношениях Ематай с хан в Южной Корее объясняются как переселение части ханей в Японию [Лим Чонсан, 1965]. Объявляется позднейшей выдумкой предание о походе японской царицы Дзингу в Силлу [Цой Килсон, 1963]. Некоторые клановые и племенные объединения в Ямато провозглашаются корейскими по происхождению [Ким Сокхён, 1963] или преимущественно пэкчийскими [Лим Чонсан, 1966]. В таком же духе пересматриваются некоторые факты внешнеполитической деятельности японского «регента» Сётоку-тайси [Лим Чонсан, 1967 (I)], реформы Тайка, особенно в части грядущих за ними отношений между Ямато и Пэкче [Лим Чонсан, 1967 (II)].

Надо сказать, что критические замечания по указанным выше вопросам раздаются не только в КНДР. Именно Ли Чинхи, проживающий в Японии, является застрельщиком широкой дискуссии, развернувшейся в этой стране по вопросу о стеле Квангэтхо-вана. Его критику сделанных японскими офицерами эстампажей поддержали некоторые историки Южной Кореи. Даже в полуофициальной многотомной «Истории Кореи», созданной Сеульским университетом в 1960 г., отмечается, что в традиционной версии проблемы Мимана много неясного [Хан гук са, 1960, с. 378].

Нужно также отметить выход в свет в Пхеньяне монографий, посвященных рассмотрению всего круга проблем, связанных со стелой Квангэтхо-вана (издание включает новую публикацию источника, комментарий и исследование [Пак Сихён, 1966]), с ранними корейско-японскими отношениями [Ким Сокхён, 1966], с категорией зависимого населения Кореи [Лим Консан, 1963].

Японские ученые в массе своей признают обоснованность критического подхода к источникам обеих стран, но категорические выводы корейских коллег считают опрометчивыми, чрезмерными.

Ученые КНР в последние десятилетия обнаружили меньше интереса к проблемам древней истории Японии, чем их корейские коллеги. Это и

понятно: в этот период китайская история была менее тесно связана с японской, чем корейская. В нескольких статьях, разбирающих сношения между и Японией в древности, настойчиво подчеркивается дружественный и взаимовыгодный характер этих связей [Хэ Чанцюнь, 1965; Шао Сюньчжэн, 1955].

В Советском Союзе древней и средневековой Японии всегда уделялось значительное внимание. Уже к 1917 г. Н. И. Конрад, Д. М. Позднеев, О. В. Плетнер, Е. Г. Спальвин обнаружили глубокий интерес к древней и средневековой истории, к культуре и этнографии Японии и начали успешно создавать источниковедческую базу [Podpalova, 1968, 1970]. В 20-е годы эта область знаний была развита в Ленинградском и Владивостокском университетах. В своей книге Н. И. Конрад развенчал реакционный миф официальной японской историографии о божественном происхождении японского народа и императорской династии [Конрад, 1923]_ Он показал, что этот миф, которым японские империалисты обосновывали идеи о руководящей роли Японии в дальневосточных делах, выражает настроения доисторической родовой системы... О. В. Плетнер также присоединился к позиции, занятой Н. И. Конрадом ^[25].

Дискуссия, развернувшаяся в 1929–1933 гг. по проблемам социально-экономических формаций, оказала влияние и на изучение древней японской истории. В 30-е годы проблемы древней и средневековой истории Японии изучались и развивались по-прежнему в основном в стенах университетов, в университетских курсах. Свидетельством этой деятельности явились опубликованные курсы лекций Н. И. Конрада [Конрад, 1937] ^[26]. Несмотря на сильный крен в сторону политической истории из-за неразработанности социально-экономической документации древней Японии в то время, в этих лекциях уже обосновывалось положение о прямом переходе от первобытности к феодализму, минуя рабовладельческий строй, — положение, выдержавшее испытание временем... В докладе и статье «Надельная система в Японии» Н. И. Конрад, раскрыл суть реформ Тайка как введение государственной собственности на землю и наделной системы ^[27].

После долгого перерыва в выпуске исторических японоведческих книг в 1939 г. вышла монография по общей истории Японии, написанная Е. М. Жуковым, в которой дается анализ древней и средневековой истории

Японии [Жуков, 1939]. Это первое в нашей стране марксистское исследование истории Японии.

В соответствующих главах «Всемирной истории» феодальные отношения Японии рассматриваются с IV в. в связи с историей Кореи и Китая и на фоне мировой истории [Всемирная история, т. III, 1957; т. IV, 1958]. В двух учебниках Московского и Ленинградского университетов древняя и средневековая история Японии излагается как часть соответствующего этапа исторического развития Востока, что позволило более детально рассмотреть многие специфические вопросы ^[28]. К ним относятся контакты между корейскими и японскими владениями в древности и в раннем средневековье, проблема Мимана, оценка источниковедческой базы [Рю Хакку, 1975].

Если книга Е. М. Жукова подытожила довоенные достижения советских японистов-историков, то спустя почти 30 лет внешне похожая роль выпала на долю работы Х. Т. Эйдуса. В доступной для широких слоев читателей форме в ней сжато излагаются основные события и проблемы японской истории [Эйдус, 1968].

Советские историки внесли большой вклад в изучение социально-экономической истории древней и средневековой Японии, неоднократно выступая в печати с оценкой дискуссий, проходивших в Японии по вопросу формационной принадлежности тех или иных периодов японской истории, развивая и уточняя позитивные выводы ведущих советских востоковедов по этой проблеме [Тихвинский, 1967] ^[29].

Работы по древней и раннесредневековой культуре Японии часто бывает трудно выделить из массы этнолого-культуроведческих [Minami, 1963; Cultural Anthropology..., 1967; Japan..., 1970; 1965; Japon..., 1960].

Обширность сферы истории культуры обусловила значительное количество культуроведческих монографий, появившихся в Японии за последние четверть века. Одно из лучших общих исследований принадлежит Вацудзи Тэцуро [Вацудзи, 1957]. В нем затрагивается очень широкий диапазон вопросов: от проблемы вожэнь в китайских летописях до появления зачатков литературы, от характеристики диффузии континентальной культуры до оценки древнейших письменных источников

страны. В более скромной по объему книге Накамура Коя история культуры увязана с естественно-географической характеристикой ареала, с социальным развитием древних японцев, с потоком китайской идеологии и литературы [Накамура, 1958]. Тамура Минору обнаруживает тенденцию связывать изучение древнеяпонской культуры с развитием государственности [Тамура, 1956]. Ценным исследованием по японской культуре является работа Иэнага Сабуро, недавно переведенная в нашей стране. Не отрицая специфически японского понимания культуры, автор не возводит его в абсолют, а рассматривает японскую культуру как историческую категорию и как часть мировой культуры [Иэнага, 1972]. Из работ по истории науки надо выделить сводку Есида Мицукуни [Есида, 1955] и в особенности книгу Цугэ Хидэоми на английском языке [Tuge, 1961]. Несмотря на небольшой объем этих сочинений, авторам удалось нарисовать впечатляющую картину развития ряда отраслей науки и техники в стране с момента их зарождения (или восприятия). Работ по истории древнего искусства появляется в Японии также очень много. Отметим многотомный альбом с комментариями, великолепно изданный и включающий в себя шедевры всех сфер японского искусства с глубокой древности ^[30], труд общего характера группы авторов, переведенный на русский язык [Ито и др., 1965]. Значительный интерес представляет работа Эгами Намио о происхождении и первых шагах японского искусства [Egami, 1973], а также монография Нома Сэйроку о древней японской скульптуре, в том числе и о скульптуре раннего железного века, с прекрасными иллюстрациями [Noma, 1954].

Из западноевропейской и американской литературы по культуру» ре Японии наиболее интересна монография Г. Б. Сансома, которая рассматривает происхождение японского народа, его древние мифы, религию, письменную традицию, китайские инновации и пр. (Sansom, 1962).

Советская историография по истории культуры Японии не особенно обильна, но зато может похвалиться несколькими ценными исследованиями. Одно из них впервые на русском языке в монографической форме рассматривает проблемы развития японской культуры, науки (в основном естествознания и географии), их связей с культурами других стран [Попов, 1964]. Я. Б. Радуль-Затуловский в одной из своих монографий приводит обширный материал по идеологии и

религии Японии, важный для истории ранней культуры страны [Радуль-Затуловский, 1947]. Искусство Японии, в том числе и древнее, неплохо освещено в нескольких оригинальных монографиях. Альбом Б. П. Денике содержит хорошие иллюстрации и фундированный вступительный очерк [Денике, 1935]. Многие положения этой книги сохраняют значение до настоящего времени. В монографии В. Е. Бродского высказываются интересные соображения о достижениях ранней японской живописи | Бродский, 1969]. В первых двух главах прекрасно иллюстрированной монографии Н. С. Николаевой рассматривается становление декоративного искусства древней и раннесредневековой Японии в связи с историей культуры и искусства [Николаева, 1972]. Последним по времени исследованием древней культуры Японии стала книга Н. А. Иофан. Начиная изложение с истоков японской национальной культуры, автор рассматривает мифы и верования, эстетические представления и их воплощение, проблему соотношения местного и заимствованного, обусловившего облик классической японской культуры в VIII в. В своей монографии автор широко привлекает оригинальный материал [Иофан, 1974]. В монографии, выпущенной нами в соавторстве с Г. А. Соколовой, первые главы посвящены научным и технологическим аспектам культуры Японии интересующего нас времени [Воробьев, Соколова, 1976].

Глава 2. Проблема хронологии

Изучая Японию III–VII вв., мы сталкиваемся с серьезной трудностью — отсутствием сколько-нибудь надежной хронологии. Эта трудность, конечно, связана с малочисленностью аутентичных, летописных и иных памятников письменности более раннего, чем VIII в., происхождения. Именно поэтому некоторые культурно-исторические хронологии относят начало собственно исторического периода, т. е. периода политической истории с надежной хронологией, к 551 г., а время с 250 по 550 г. называют «полуисторическим» [Beardsley, 1950, с. 8].

Вспомнив все сказанное выше об условиях создания «Нихонги» (а также «Кодзики»), легко предвидеть всю их хронологическую шаткость. Одной из дополнительных конкретных причин этой шаткости можно назвать слепое подражание структуре китайских летописей. События давние и трудно ориентируемые во времени уже в VII–VIII вв. датированы составителями задним числом по китайскому лунному календарю, иногда с совершенно легкомысленной точностью. При этом следует напомнить, что документированное знакомство японцев с этим календарем относится лишь к началу VII в. Но китайская летописная традиция требовала, например, приурочивания хотя бы одного события к каждому году правления царя или императора. Японские летописцы по мере сил следовали этому правилу, допуская лишь совершенно неизбежные отклонения, когда речь шла о ранних царях.

В качестве даты основания Японии был принят 660 г. до н. э. Полагают, что при этом руководствовались китайской традицией: 58-й год (синью) 60-годичного цикла считался годом перемен, а «великие перемены», «революции» по этой традиции случаются один раз в 1260 лет (на протяжении двадцати одного 60-годичного цикла). Когда в 604 г. в Ямато ввели календарь, отсчет в глубь времен от 601 г. (ближайшего года синью) и дал дату основания династии [Kemper, 1971]. «Магия чисел» не помешала японским историографам вольно обращаться с практической, текущей китайской хронологией и летописанием: так, одному японскому царю V в. приписан указ суйского императора VII в. Но корейская хронология V–VI вв. использована более осторожно.

Попытки построить хронологию древней японской истории на материале «Нихонги» и «Кодзики» предпринимались давно (табл. 1). В частности, один из вариантов был предложен японским ученым Ёсида Того еще в 1893 г. В своих выкладках Есида уже учитывал датировку событий, нашедших отражение как в японских, так и в корейских источниках (табл. 1).

Таблица 1
Исчисления дат правления царей — Ямато*

Имя царя	Годы правления по «Нихонги»	— Год смерти				
		по Ёсида	по Накада	по Хасимото	по Мидзуно	по Киддеру
Дзимму	660—585 (до н. э.)	—	141 (до н.э.)	—	—	—
Суйдзэй	581—549	—	111	—	—	—
Анэй	548—511	—	81	—	—	—
Итоку	510—477	—	51	—	—	—
Косэ	475—393	—	21	—	—	—
Коан	392—291	—	9 (н.э.)	—	—	—
Корэй	290—215	—	39	—	—	—
Когэн	214—158	—	69	—	—	—
Кайка	157—98	—	99	—	—	219
Судзин	97—30	198	129	—	318	249
Суйнин	29 г. до н.э.—70 г. н.э.	238	159	—	—	280
Кэйко	71—130	268	189	—	—	316
Сэйму	131—190	295	219	—	355	343
Тюай	191—200	302	249	—	362	346
Дзингу (регент)	201—269	—	—	392	389	—
Одзин	270—310	394	279	411	394	395
Нинтоку	313—399	427	309	431	427	427
Ринто	400—405	432	339	432	432	432
Хансэ	406—411	437	369	437	432	438
Ингё	412—453	454	399	453	462	453
Анко	454—456	469	429	462	462	—
Юряку	457—479	489	459	479	489	—
Сэйнэй	480—484	496	—	484	—	—
Кансо	485—487	504	—	487	—	—
Нинкэн	488—498	509	—	498	—	—
Бурэнгу	499—506	517	—	506	—	—
Кэйтай	507—531	527	—	533	527	—
Анкан	534—535	535	—	535	535	—
Сэнка	536—539	539	—	539	—	—
Киммэй	540—571	570	—	571	—	—
Бидацу	572—585	584	—	585	584	—
Ёмэй	586—587	587	—	587	587	—
Судзюн	588—592	592	—	592	591	—
Суйко	593—628	628	—	628	628	—

*Составлено по [Wedemeyer, 1930; Накада, 1956; Hashimoto, 1956; Mizuno, 1967; Kidder, 1959]. Год смерти означает год конца правления, и наоборот.

При сопоставлении дат смерти 24 японских царей^[31] в «Кодзики» и «Нихонги», начиная с царя Судзина и кончая царицей Суйко, выясняется, что совпадение в днях отсутствует вовсе, совпадение в месяцах образует непрерывный ряд только с царя ЁМЭЯ, а до этого встречается лишь в Ингё и Юряку (но в 10 случаях из 24 «Кодзики» вообще не указывают дату смерти). Совпадение в годе- смерти наступает с Анкана, если не считать

Бидацу (оба источника расходятся в датах на год), т. е. с 535 г., и весьма приближенно с Ингё, т. е. с 454 г.

Не удивительно, что, обращаясь к хронологии древней Японии, В. Г. Астон еще в конце прошлого века пришел к следующим неутешительным выводам [Aston, 1889, с. 73]. Древнейшей приемлемой датой японской истории, подтверждаемой иноземными источниками, следует считать 461 г. Но даже записи событий, относящихся к Vb., часто удревнены на два 60-годичных цикла. С осторожностью следует относиться и к некоторым событиям VI в.

В период между двумя мировыми войнами проблемами японской хронологии в Европе усиленно занимались европейские ученые, в частности Гаспардон [Gaspardon, 1938] и А. Ведемейер [Wedemeyer, 1927, 1930]. А. Ведемейер составил сводную таблицу традиционных дат (табл. 2).

Простой взгляд на таблицу обнаруживает целую серию неточностей, подрывающих доверие к хронологии японских источников. Срок царствования десяти из 18 первых царей выше 50 лет. Фантастичен и возраст царей. Из первых 16 царей восемь (или десять) якобы прожили 100 лет и более. Но даже эти цифры по-разному исчисляются обоими источниками.

Поэтому А. Ведемейер взял за основу исчисления 60-годичный цикл, привлек корейские и китайские источники и построил новую хронологию царствований. По этой хронологии, цари с Дзимму до Тюоя царствовали с 17 г. до н. э. по 362 г. н. э., Дзингу — в 363–389 гг., Одзин — в 390–406 гг., цари с Нинтоку по Юряку — в 409–479 гг. Пользуясь этой хронологией, Ведемейер написал исследование по древней истории Японии [Wedemeyer, 1930]. ХОТJS позднее некоторые японские ученые взяли эту хронологию за основу, всеобщего признания она не получила.

Большее признание получила хронологическая схема, составленная А. Ведемейером для V в. Он использовал записи о японских царях в китайском источнике «Сун шу» и попытался отождествить последних с царями, упоминаемыми в японских источниках, (табл. 3). Это отождествление в целом было принято историками с большим интересом, поскольку родственные отношения между четырьмя последними царями воспроизведены в источниках обеих: стран одинаково.

В послевоенное время работы по изучению ранней японской хронологии развернулись на новом, более высоком уровне (см. [Groot, 1948; Kim, 1972; Marugame, 1972]).

Таблица 2

Хронологические вехи, относящиеся к ранним японским царям*

Посмертно-е имя	По «Нихонги» и «Кудзюкию»									По «Созэкию» Продолжительность жизни
	Год рождения			Год назначения наследником	Первый год правления	Год смерти	Возраст умершего			
	вычисленный		традиционный				вычисленный		традиционный	
	от даты воцарения	от даты смерти		со дня рождения	со дня воцарения					
Дзимму	711	711	—	667	660	585	—	127	127	137
Суйдзэй	632	632	—	585	581	549	—	84	84	45
Анэй	577	567	—	557	548	511	—	67	57	49
Итоку	553	—	—	538	510	477	—	77	—	45
Косё	506	—	—	489	475	393	—	114	—	93
Коан	427	—	—	408	392	291	—	137	—	123
Корэй	342	—	—	317	290	215	—	128	—	106
Коган	274	—	—	255	214	158	—	116	—	57
Кайка	208	212	—	193	157	98	—	111	115	63
		(213)**			(158)**			(110)**		
Судзин	148	149	—	130	97	30	—	119	120	168
	(149)**			(131)**				(120)**		
Суйнин	73	70	69	50	29**	70**	139	143	140	153
Кэйко	13	25***	—	8***	71***	130	—	143	106	137
Сэйму	93***	84	—	116	131	190	—	98	107	95
	(98)**			(121)**				(93)**		
Тюай	148	149	—	178	192	200	—	53	52	52
Дзингу	—	170	—	—	201	269	—	—	100	100
Одзин	200	201	200	203	270	310	111	111	110	130
Нинтоку	—	—	—	—	313	399	—	—	—	—
Ритю	329	336	—	343	400	405	—	77	—	64
Хансё	—	—	—	401	406	410****	—	—	(70)	60
	(351)**					(410)**		(60)		
Ингё	—	—	—	—	412	453	—	—	—	78
Анко	—	—	—	—	454	456	—	—	—	56
		(401)**							(56)**	
Юряку	—	—	418	—	457	479	62	—	—	124
		(355)**							(124)**	

* [Wedemeyer, 1930. с. 6]. Таблица приводится с некоторыми сокращениями.

** Расхождение в источниках основных и соответственно вычисленных дат.

*** С отмеченного года даты относятся к нашей эре.

**** Возможно, 411. Неясность в одном источнике — «Нихонги».

Накада Каору предлагает следующие любопытные соображения о древней японской хронологии [Накада, 1956, с. 179–185]. Девять царствований, от Дзимму до Судзина, непомерно растянуты в угоду известной нам теории древнекитайских натурфилософов о так называемой революции синью. Но хотя Дзимму и следующие за ним правители кажутся

мифическими, трудно, по его мнению, допустить, что могли появиться и существовать мифы, не имеющие в своей основе реальных фактов. Руководствуясь этими соображениями, Накада Каору сделал два допущения: он отнес время смерти Судзина к 129 г. и признал 249 г. годом похода Дзингу в Корею. Свой выбор даты смерти Судзина он не обосновал сколько-нибудь убедительно. Отталкиваясь от этих дат, он по-своему заполняет как 120-летний период между этими датами, так и предшествующий и последующий периоды. При этом Накада Каору

Таблица 3
Японские цари V в. (по «Сун шу» и японским источникам)*

По «Сун шу»				По японским источникам		
китайское чтение	Имя цари		Контакты с Китаем		Имя цари	Годы правления (по Ведемейеру)
	японское чтение	Примечание	год	вид		
Цань	Хомуда-Садза	Садза — часть имени Нинтоку-о-садзаки тэнгю	413	послал посольство	Нинтоку	394 (409?) — 427
			421	получил титул		
			425	послал посольство		
			430?	•		
Чжэнь	Ми, Мидзуа	Китайское имя Чжэнь и японское Ми передаются одним иероглифом «Сай» и «цума» означают «потоки», хотя и передаются разными знаками	430?	•	Ритю Хансё	427—432
			438	получил титул		
Цзи	Сай, О Асацума	«Сай» и «цума» означают «потоки», хотя и передаются разными знаками	443	послал посольство, получил титул	Ингё	—
			451	получил титул		
Хин	Ко, Авахо	«Ко» и «хо» означают «процветать», хотя и передаются разными знаками	460	послал посольство, получил титул	Анко	454—?
			462	получил титул		
У	Бу, Такэ	«У» и «Такэ» передаются одним иероглифом	477	послал посольство, получил титул	Юряку	?—489
			478	послал посольство, получил титул		
			479	получил титул		

*[Wedemeyer, 1930, с. 99, 105].

исходит из предположения, что 11 царей (от Суйнина до Юряку) правили каждый в среднем по 30 лет. Это дает в итоге 330 лет против 409 лет, по «Нихонги». «Потерю» же 79 лет из 409 он пытается «оправдать» ссылками на общую непомерную протяженность правления первых четырех царей из указанных одиннадцати (от Суйнина до Тюая), и на более мелкие, но частые временные пробелы в других царствованиях. Наряду с

«потерей» 79 лет в схеме Накада допущен и общий сдвиг во времени всего 330-летнего периода, особенно заметный для начальной стадии (см. табл. 1). Но Накада Каору пошел дальше и внес дальнейшие уточнения в сроки правлений, ориентируясь на даты событий, отраженных как в японских, так и в корейских источниках (см. табл. 4). Все параллели, кроме последней, подтверждают, как кажется, мнение о «потере» в «Нихонги» целых 60-годичных циклов как об одной из причин хронологических разрывов.

Таблица 4
События, зафиксированные одновременно японской и китайской летописями *

«Нихонги»		«Тонгук тонгэм»	
дата	событие	дата	событие
Дзингу, год 55-й (255) ➤ 56-й (256)	Царь Пэкче Чхого-ван умер. На престол вступил его сын Квисю-ван.	Цзинь, ничжан, год 3-й (375)	Царь Пэкче Кымчхо-го-ван умер, воцарился Кымгусу-ван.
➤ 64-й (264)	Царь Пэкче Квисю-ван умер, воцарился Чхимню-ван.	тайюань, год 9-й (384)	Царь Пэкче Кымгусу-ван умер, воцарился Чхимню-ван.
➤ 65-й (265)	Чхимню-ван умер, воцарился Синса-ван.	тайюань, год 10-й (385)	Чхимню-ван умер, воцарился Синса-ван.
Одзин, год 3-й (272) ➤ 8-й (277)	Синса-ван умер, воцарился Асин-ван. Царь Пэкче Асин-ван совершил объезд владений, отправил принца Чикчи в «Храм неба», заключил договор.	тайюань, год 17-й (392) лунъянь, год 1-й (397)	Синса-ван умер, воцарился Асин-ван. Заключен договор между Пэкче и Ва (Японией), принц Чончжи отправлен послом.
➤ 16-й (285)	Царь Асин-ван умер. Японский государь объявлял об этом принцу-послу, велел ему вернуться в свою страну и занять трон, пожаловал ему земли Восточной Каны.	все, год 1-й (405)	Асин-ван умер. Принц Чончжи находился в Японии. Принц Хунхэ предложил дожидаться Чончжи. Принц Хельле убил Хунхэ и воцарился. Чончжи вернулся с сотней японских воинов и воцарился.
➤ 25-й (294)	Царь Пэкче Чончжи-ван умер, воцарился Кунсин-ван.	Сун, юнчу, год 1-й (420)	Чончжи-ван умер, воцарился Кунсин-ван.

* Для удобства сравнения имена и страны из «Нихонги» даны в корейском чтении.

Главными уязвимыми пунктами схемы Накада являются чрезмерная приверженность к округленному 30-летнему сроку каждого правления и выбор двух абсолютных хронологических вех, к которым привязывается весь 330-летний период.

Выкладки Накада Каору не удовлетворили многих. Хасимот Масукити в основу своих расчетов положил обширные и скрупулезные подсчеты средней продолжительности правления как японских

императоров и сёгунов, так и государей Китая, Кореи, древних Греции и Рима, России, западноевропейских держав, учитывая при этом эпоху, национальные традиции, характер наследования (прямой, не прямой) и т. п. В итоге он счел 20-летний срок правления* наиболее приемлемым в качестве основы для исчисления времени правления пяти государей древней Японии от Судзина до Тюая. Привязку дат их царствований он осуществляет на базе сопоставления времени их воцарения или смерти, зафиксированного в японских источниках в виде циклических знаков, с абсолютными значениями последних по китайским летописям. По мере приближения к нашим дням расчеты Хасимото все уверенней корректируются фактическими сведениями источников [Hashimoto, 1956, с. 626–688] (см. табл. 1).

Существуют и другие схемы, основанные как на исчислении средней продолжительности правлений, так и на других методиках. Примером первой можно считать выкладки Ясумото Битэн, использовавшего вычислительную технику и определившего среднюю продолжительность правления древних и «легендарных» царей Японии в 10,3 года. При этом время правления Дзимму у него пришлось на 271–311 гг. (см. [Арутюнов, 1975, с. 11]).

Все эти рассуждения и вычисления не лишены остроумия и логического основания, если, конечно, принять за истинное число самих царей. Но и в разобранных случаях более надежна суммарная цифра продолжительности серии царствований, чем установление конкретных дат правления каждого царя. Большинство событий летописей, приуроченных к традиционной хронологии, все равно не удастся привязать к новой.

Эта решающая трудность, по всей вероятности, проистекает из прискорбной множественности погрешностей самого разного рода и происхождения, которая в совокупности привела к создавшейся ситуации. В основе неясности хронологии нет системы, не заложено какой-либо одной ошибки (в пропуске или добавлении одного или нескольких 60-годичных циклов, царствования или группы царствований и т. п.). Уже в VIII в. имеющийся лоскутный материал, по-видимому часто не записанный и еще чаще не привязанный ни к какой дате, был искусственно и произвольно, ретроспективно размещен во времени. Только этим можно объяснить отсутствие или несовпадение в двух почти одновременно завершённых источниках даже основных дат жизни, смерти и

царствования, возраста правителей, царей и императоров. С каждым годом, проходившим после этого, уменьшалась возможность восстановления купюр, уточнения ошибок и пропусков в датах. Вероятно, поэтому при написании политической истории Японии за эти века практически пользуются традиционной хронологией или же вовсе не указывают дат, а отмечают год правления того или иного царя (так поступаем и мы).

Глава 3. Окружающий мир

Корея

Географическая изоляция Японских островов — явление бесспорное и для истории страны первостепенное. В исследовательском отношении оно приобретает до известной степени значение негативное: признание этого факта как бы снимает внешнюю — для народа, его истории и культуры — среду, выводит страну из русла мировой истории и обращает взор исследователя исключительно на внутренние события. Пытаясь преодолеть подобную тенденцию, мы посвятили специальную главу окружающему Японию миру.

Хотя на первый взгляд события на материке в III–VII вв. вряд ли могли оказать существенное влияние на положение на Японских островах — вследствие трудности связей, взаимной незаинтересованности и неравенства уровней развития, — такой вывод преждевременен и во многом ошибочен. Немногочисленные письменные источники и более обильные археологические материалы свидетельствуют о взаимном интересе и о несомненном воздействии континентальной политики и культуры на жизнь Японского — архипелага. Безусловно, привязанность к континенту архипелага была меньше, чем, например, Корейского полуострова, но сама эта привязанность имела для Японии большее значение, чем изоляция, столь часто отмечаемая. Этот факт оправдывает наше внимание к делам на континенте [ср. Ishida, 1968].

Вплоть до конца VI — начала VII в. все происходящее на Корейском полуострове имело для японцев значительно большее значение, чем события в самом Китае. Поэтому прежде всего обратимся к корейским делам и рассмотрим их сквозь призму этнического, общественно-политического и культурного развития.

Этногенез корейцев известен довольно плохо. В древнейшем прошлом какую-то роль в нем сыграли палеоазиаты. В неолите сложились две локальные этнические области. Южная, более древняя, была связана с протоиндонезийским, малайским миром, что подтверждается общностью сюжетов о рождении героев из яйца, культа черепахи и барабанов. Северная, более поздняя, уходила корнями в протоалтайский, тунгусо-

маньчжурский мир; свидетельство этому — мифы о Чумоне и Тонмёне (героях-основателях Когурё и Пуё), сюжет о героях табунщиках и стрелках. С переходом к культуре металла (середина I тысячелетия до н. э.) сформировались специфические черты этих культурно-этнических областей и одновременно наметились пути к их сближению. Северная область развивалась в постоянном контакте с соседними племенами. Маньчжурии и Северного Китая, что способствовало интенсивному смешению, образованию скотоводческо-земледельческого хозяйства и ранней государственности (древний Чосон). Южная область вела более изолированное существование, мало контактируя с северной и совсем не контактируя со своей «прародиной». Поэтому этническое развитие на юге приняло более спокойный, возможно, застойный характер, общественно-политическое — отставало от севера, зато здесь распространилось рисосеяние. Но именно на этой базе сложилась культура, комплекс основных элементов которой проник в Японию и создал там предпосылки для появления культуры яёи.

С рубежа нашей эры картина этнической истории Корейского полуострова становится яснее благодаря сведениям китайских источников. Корейский полуостров в это время был заселен местными племенами. По среднему течению р. Амноккан (Ялу) и в северо-западной части полуострова жили когурё (кит. гаогюйли); к северу от них, в Маньчжурии, — пуё (кит. фуюй), а к северо-западу — мальгаль (кит. мохэ); к югу от когурё — окчо (кит. воц-зюй); на центральном участке, ближе к Желтому морю, — мэк (кит. мо); в северо-восточных прибрежных районах — ымну (кит. илоу); в центральных районах, примыкающих к Японскому морю, — е (кит. вэй); в юго-восточной части полуострова — чинхан (кит. чэньхань); в южной — пёнхан (кит. бяньхань); в юго-западной — махан (кит. махань). Все они находились на разных этапах этнической истории; их общество проходило разные стадии разложения первобытнообщинного строя, хотя до сложения подлинного троецарствия (Когурё, Пэкче, Силла), появление которого летописная традиция относит к I в. до н. э., было еще далеко.

Несмотря на то что эти племена сохраняли этническую (и лингвистическую) специфику, процесс этнического смешения (включая и интеграцию пришлых тунгусо-маньчжурских, «китайских» элементов) неуклонно вел к созданию единой этнической общности. Из китайских источников мы узнаем, что предок когурё пришел из пуё, как и предок

пэкче, а предки шести общин Силлы — из древнего Чосона. Язык пэкчийцев был сходен с когурёским, а язык силланцев был понятен знающему язык пэкчийцев; язык самих когурёсцев был похож на язык пуё, язык окчо — на язык когурё.

В свете сказанного естественно, что политическое объединение Корейского полуострова в середине VII в. было подготовлено созданием единой корейской этнической общности [Джарылгасинова, 1979, с. 108–114; 1972, с. 171–178; Первобытное..., 1978, с. 121].

Корея как единое политическое целое появилась на дальневосточной исторической арене лишь во второй половине VII в., а весь предшествующий период оказался заполнен борьбой противоборствующих сил: местных и иноземных, племенных и государственных, выступавших как носители разных этнических, социальных и культурных традиций. Этот процесс, однако, обладал одной отличительной чертой — неуклонной тенденцией к консолидации этих традиций.

В 108 г. до н. э. западноханьские войска разгромили древний Чосон, располагавшийся в Восточной Маньчжурии и Северной Корее. На завоеванной территории были образованы четыре китайские префектуры, размещение, судьба и даже само существование которых вызвали впоследствии нескончаемые споры, не утихшие до сих пор. По всей вероятности, префектура Лолан распространялась на бассейн р. Чхончхонган и Тэдонган, префектура Сюаньту — на среднее течение р. Амноккан и ее притоки, префектура Линьтунь — на центральный участок восточного побережья, префектура Чжэньфань — на междуречье Ханган и Кымган. Лишь некоторые префектуры имели фиксированные уезды, причем названия большинства этих уездов и их расположение (которое могло бы конкретизировать положение самих префектур) остались неизвестными. Более того, почти наверняка префектуры не имели четких административных границ, особенно на северо-востоке, востоке и юге. В них просто включалось все пространство до известных в то время естественных пределов, т. е. до моря. Не удивительно, что кризис в Ханьской империи заставил сократить расходы на экспансию и на управление полупризрачными префектурами. В результате в 82 до н. э. Чжэньфань была ликвидирована, а в 75 г. до н. э. Линьтунь слилась с реорганизованными префектурами Сюаньту и Лолан. Итак, префектуры, наиболее отдаленные от метрополии, вовсе исчезли, по-видимому, не без

участия- местных племене и хан [История Кореи, 1960; Gardiner., 1969].

После падения Западной Хан и в период узурпации Ван Мана (9—23 гг.) в Лолане, до этого сравнительно процветающем, дела пошли хуже. Поселенцы оказались отрезанными от метрополии народностями ухуань и сяньби, а южнокорейские племена хан усилили свои набеги на территорию префектуры, захватывая в плен китайских поселенцев.

Неуверенность в завтрашнем дне порождала в Лолане авантюристические настроения. Так, в 25 г. некий Ван Дяо убил губернатора Лолана, назначенного центральным правительством, и провозгласил себя диктатором. Лишь в 30 г., когда новая династия — Восточная Хань — справилась с самыми неотложными делами в метрополии, она смогла послать сюда военный отряд, и Ван Дяо» погиб от рук собственных приспешников. При Ван Дяо племена Северо-Восточной и Восточной Кореи — окчо и е — вышли из-под контроля администрации Лолана, и новая династия вынуждена была признать их вождей «заграничными вассалами», предложив; им получать инвеституру на правление в Лолане.

Мелкие образования постоянно враждовали друг с другом, и это облегчило их поглощение владением Когурё, которое еще в 12 г. н. э. восстало против власти Ван Мана и самоопределилось на территории в верхнем и среднем течении Амноккан и его притоках.

Префектура Сюаньту, с ним соседствовавшая, немало терпела от набегов Когурё, и в 106 г. ее ставку перенесли к Ляодуну.

Китайские владения в Кореи при Восточной Хань сократились до сравнительно небольшой территории, прижатой к провинции Ляодун, но в целом положение в Лолане несколько стабилизировалось. В 132 г. Лолан сумел даже отобрать у Когурё утраченные ранее районы префектуры Сюаньту, но неуклонное ослабление центральной власти в Северном Китае во второй половине II в. снова привело китайские колонии на полуострове к изоляции. В 189–190 гг. военачальник Дун Чжо захватил контроль над Лояном — столицей Восточной Хань. По всему Китаю против него восстали полководцы. Дун Чжо решил закрепить за собой окраины и послал в них своих людей. Таким путем власть в Ляодуне перешла в руки Гун Суньду — сына мелкого чиновника из Сюаньту (190–204). В смутные годы он не только распространил свою, власть на обе указанные

административные единицы, превратив их в свои вотчины, заставил Когурё и Пуё (кит. Фууй) признать свой авторитет, но даже послал флот на Шаньдун.

Его сын и наследник Гун Сунькан (205–220) послал в Лолан войска, поскольку местная администрация оказалась не в силах отразить вылазки южноханских племен и китайские поселенцы разбегались, боясь попасть в плен. Войска Гун Сунькана, по-видимому, имели какой-то успех, потому что в междуречье Тэдонган-Имджинган была создана префектура Дайфан с центром где-то около современного Сеула.

Смерть Гун Сунькана совпала с образованием династии Вэй, созданной в Северном Китае полководцем Цао Пи (220–265), но еще в 207 г. Цао Цао — отец основателя династии Вэй — добился от Гун Сунькана признания своего вассального положения. Поэтому на вакантный пост губернатора Лолана назначили Гун Сунь-гуна — брата Гун Сунькана, которого в 228 г., однако, сверг подросток Гун Суньюань — сын Гун Сунькана.

К этому времени фамилия Гунов потеряла влияние на когурёские дела, а сам Гун Суньюань затеял неосторожную интригу. Он заключил с царством У союз против Вэй, но Вэй сначала подорвала этот союз, а потом, в 237 г., послала войска в Маньчжурию к Корею, чтобы распространить свой контроль на вотчину Гунов. В 238 г. ставка Гун Суньюаня в Ляодуне была взята, сам он убит, а его силы рассеяны. Особый десант высадился в Лолане и Дайфане и овладел положением. В отношении местных племен хан династия Вэй повела двойственную политику: с одной стороны, она жаловала вождям почетные титулы и подарки, а с другой — предприняла такой административный нажим, который из-за «несходства в толковании» (по выражению китайской летописи) повел к восстаниям. Очевидно, племена хан уже не желали мириться с гнетом, они убили губернатора Дайфана, но восстание было подавлено.

Период с 238 по 245 г. прошел под знаком возрождения китайского авторитета в Маньчжурии и Корею. Однако в отличие отханьского проникновения оно происходило в условиях консолидации местных племен, нашедшей свое наиболее яркое выражение в образовании Когурё — первого бесспорного государства на полуострове.

Согласно китайским летописям, когурёсцы (кит. гаогюйли) на рубеже новой эры переселились на среднее течение р. Ялу с верховьев Сунгари из владений племени пуё. В начале нашей эры когурёсцы были включены в одноименный уезд преф. Сюаньту, а их вождь получил титул китайского владельца — хоу1. В 12 г. н. э. им было велено выступить в поход против сюнну, и тогда когурёсцы восстали и убили китайского губернатора. Самое примечательное то, что китайцы, по-видимому, не смогли справиться с восставшими. Во всяком случае, когда в 33 г. когурёсцы впервые отправили посольство к Восточной Хань, их правитель косил титул вана (короля).

Похоже, впрочем, что этот правитель выполнял функции вождя союза пяти племен, боровшихся между собой за лидерство внутри союза. Родовая знать пользовалась большим влиянием в раннем Когурё. По «Вэй чжи», в середине III в. знатные, или тэга (кит. дацзя), «не обрабатывают землю, тем же, что садятся есть, свыше 10 000 ртов. Низшие семьи издавна приносят рис и прочее зерно, рыбу, соль и подносят их» [Кюнер, 1961, с. 232]. Поскольку территория когурёсцев отличалась гористостью и мало подходила для земледелия, а рыболовство не могло обеспечить всех нужд, они рано стали совершать набеги на соседние земли. Не ограничиваясь эпизодическими набегами на е и пуё, когурёсцы к середине I в. распространили свой контроль на земледельческие поселки окочо, живших к югу от р. Тумынь, вытеснив оттуда китайцев. В середине III в. они все еще взимали с окочо дань тканями, рыбой, солью и рабами.

В конце I в. когурёсцы перешли к набегам на земли китайской префектуры Сюаньту. Китайский ответный рейд в 121 г. не имел успеха. Напротив, когурёсцы вторглись в Ляодун, войдя в соглашение с народностью сяньби. Они захватили столицу префектуры Сюаньту, однако были остановлены с помощью войск Пуё. Впрочем, обе стороны не имели сил продолжать войну. И Восточная Хань и Когурё раздирались внутренними противоречиями, но лучше налаженная государственная машина ханьского Китая, несмотря ни на что, продолжала действовать. Король Когурё заключил мир с Китаем и возвратил пленных. Китайцы постепенно вернули часть Сюаньту, в 169 г. отбили набег когурёсцев на эту префектуру, в конце II в. когурёсцы признали себя вассалами Гун Суньду и даже послали ему на помощь войска.

Внутренние неурядицы в самом начале III в. переросли в Когурё в открытую войну за пост короля, причем за каждого из претендентов стояли

разные племена союза. Воспользовавшись этим, Гун Сунькан вторгся и опустошил Когурё. Но хотя когурёский король и вынужден был в 209 г. перенести столицу в Хвандо на р. Ялу, племенной союз не распался; сохранилось и когурёское влияние на окчо, е, мэк. Поэтому поражение не лишило когурёсцев активности. В 233 г. они совершили рейд в Ляодун, где укрылись побежденные в междоусобице когурёские роды, в 235 г. вошли в кратковременный союз с южнокитайской династией У, а в 238 г. уже выступили на стороне вэйских войск, действовавших против сторонников У в Ляодуне. Но дальнейшие набеги Когурё на западные земли вызвали в 244–245 гг. опустошительное китайско-сяньбийское вторжение. На этот раз китайцам удалось, покорив окчо и других данников Когурё, ослабить когурёсцев экономически и вывести их из игры на полстолетия (246 г.).

После участия в войне против Когурё на стороне Китая в 244–245 гг. сяньбийцам было разрешено поселиться в северных пределах Ляодуна, но последующее движение сяньбийцев на запад, совпавшее с ослаблением китайской династии Цзинь, прервало связи между Китаем и Кореей и отдало Ляодун в руки сяньбийцев, которые создали на этих пространствах царство Янь — по имени древнего китайского княжества.

Активизировали свою деятельность и южнокорейские племена. В 246 г. племена махан напали на одну из крепостей Дайфана, но вэйские войска нанесли им поражение. Китайская летописная традиция именно к этому году относит образование государства Пэкче (при короле Кои), В III–IV вв. в юго-восточной части полуострова сложились племенные союзы пёнхан, кая (кара). Столица Силлы — Кымсон — подвергалась нападению соперничающего образования Исого.

Для Кореи IV век приобрел то же значение, что для Запада V столетие; это был период перехода от древности к средневековью. Для Корейского полуострова он ознаменовался сменой сил, действующих на его арене. Вместо китайских префектур и противостоящих ему местных племенных объединений на нее вступили три аборигенных государства, сяньбийское государство Янь и японское Ямато.

В самом начале IV в. активизирует свою деятельность и Когурё. Эта активность связывается с Мичжонваном (300–330) — первым когурёским королем, фигурирующим и в китайских и в корейских летописях (под именем Ыгбуль, кит. Ифули), и проявилась она прежде всего в набегах на китайские префектуры Лолан и Дайфан, уже ряд лет лишённые поддержки

метрополии. Считается, что Лолан пал в 313 г., а часть поселенцев (примерна Ч&) Даже перебралась в Янь. Однако администрация префектур[^] судя по эпиграфическим находкам, продолжала функционировать по крайней мере до середины IV в. Как бы то ни было, с этого времени и по 552 г. Когурё играло доминирующую роль на полуострове.

Когурё в это время было озабочено защитой своих западных границ. В 319 г. оно вступило в коалицию с китайскими властями Ляодуна и некоторыми другими племенами Корейского полуострова. Коалиция выступила против царства Янь, но потерпела крах. Ляодун и часть земель Когурё попали в руки фамилии Муюн»?

В поисках союзника против сяньбийского Янь когурёсцы в 330 г. отправили посольство ко двору династии Поздняя Чжао в Северном Китае, и в 338–339 гг. оба государства напали на Янь. Исход войны был печален для Когурё: сяньбийцы в 342–343 гг. нанесли ему жестокое поражение и разграбили его столицу на р. Ялу — (вандо. Единственным положительным следствием минувшего десятилетия явился для когурёсцев приток беглецов из Янь.

Ликвидация китайских префектур происходила в условиях соперничества между Когурё и Пэкче за обладание освобождаемыми землями. В междуречье Ханган — Кымган в начале IV в. зародилось, а к середине IV в. сформировалось государство Пэкче. Его происхождение не совсем ясно. По-видимому, переселенцы из разгромленного Пуё перехватили у местного князька (царя Цинь) инициативу в движении за объединение племени махан (королевский род Пэкче носил фамилию Пуё). Выход Пэкче на политическую арену ознаменовался крупными успехами: в 369 г. Пэкче окончательно присоединило общины махан и одержало первую победу над Когурё, в 371 г. взяло Пхеньян и перенесло свою столицу из Вире на север — в Хансон, захватив всю территорию Дайфана, в 377 г. вторично осадило Пхеньян. Но на этом успехи Пэкче кончились. 369 год можно считать годом начала трехсотлетнего периода войн между Когурё и Пэкче. Другие этим годом датируют завоевание народности махан (или даже всего полуострова) конииками-пуе [Ledyard, 1975, с. 234–235].

Поскольку Пэкче было сравнительно небольшим государством, ему было трудно выдерживать натиск Когурё. И действительно, медленно, но

верно Когурё оттесняло Пэкче на юг. Пэкче судорожно искало союзников и в 372 г. отправило посольство ко двору династии Восточная Цзинь, официально заявив о своем существовании. Поскольку Когурё считалось заграничным вассалом предшествующей династии Западная Цзинь, завоевавшей в 370 г. Янь и планировавшей поход на юг в глубь полуострова, пэкчийский владетель не получил немедленной и реальной помощи, но это посольство положило начало тесным связям Пэкче с китайскими государствами.

Однако Пэкче нуждалось в срочной поддержке, и тогда его взоры обратились к Японии. Хотя «Нихонги» и «Самкук саги» возводят дипломатические отношения между корейскими владениями и Японией к I в. до н. э., весь этот период для обеих сторон в политическом отношении носит легендарный характер. Даже завоевание Силлы японской царицей Дзингу в 200 г. кажется мифом уже хотя бы потому только, что, когда в ближайšie годы владетель Пэкче пожелал отправить посольство в Японию, никто из мелких правителей юга не знал дороги на острова. Владетель Тансуна на р. Нактонган, который, кажется, был центром древней "торговли с Японией, уверял, что не имел дел с этой страной, хотя и слышал о ней. С другой стороны, послы японцев с начала нашей эры ездили в Лолан через Корею, а корейцы торговали с японцами железом.?

Режим Ямато, сложившийся в конце III — начале IV в. в Центральной Японии, в середине IV в. распространил свой контроль на о-в Кюсю. Похоже, Пэкче около 367 г. послало туда своего представителя. Уже в 369 г. совместные усилия войск Пэкче и Японии привели к изгнанию когурёсцев с части бассейна р. Нак-тонган. Пэкче расширило свою территорию и было защищено японскими гарнизонами от Силлы. В течение последующих 20 лет Пэкче поддерживало активные дружеские связи с Восточной Цзинь и с Японией.

Японская армия, если верить традиции, используя вражду между Силлой и Кая, около 369 г. создала на юге полуострова опорный пункт — «зависимое владение» Мимана (кор. Имна), часто из-за трудностей сообщения с Ямато действовавшее довольно самостоятельно. Появление этого владения, а также угроза со стороны Когурё и Пэкче заставили Силлу отправить в 377 г. посольство к Восточной Цзинь, а в 399 г. — в Когурё (последнее посольство просило о помощи в борьбе с Кая и Ямато).

В 391 г. на когурёский престол вступил Квангэтхо-ван (букв. «Расширитель страны»), полностью заслуживший это свое посмертное имя. Когурё сильно расширило при нем свои пределы: на западе оно включило земли Ляоси, находящиеся по западную сторону р. Ляохэ, которая считалась традиционным рубежом ки- тайско-«варварского» мира; на севере вобрало в себя поселения пуё, еще сумевшие до той поры сохранить независимость; на юге отторгло земли Пэкче, лежащие к северу от р. Ханган; на юго-востоке сильно потеснило силланцев и японские гарнизоны во владении Кая (400 г.). Кроме территорий Когурё приобрело массу податного населения, рабов, скот. В 427 г. когурёский король Чансу перенес столицу на юг, в Пхеньян, и начал длительную войну за объединение полуострова. Однако ему не удалось достичь ни тактической задачи — разгрома Пэкче, ни стратегической — завоевания всего полуострова. По мере продвижения в глубь государства Пэкче росло сопротивление, а его военно-объединительная политика лишь сильнее сплачивала союз Пэкче и Силлы, к которому примкнула и Япония, боявшаяся вторжения когурёсцев на архипелаг. Последняя в 404 и 407 гг. уже посылала из Мимана войска на помощь Пэкче, но неудачно.

Пэкче в V в. вступило в полосу неудач. В то время как перенесение когурёских столиц все дальше на юг (Куннэсон — Хвандо — Пхеньян) свидетельствовало об успешной экспансии, передвижение столиц Пэкче в том же направлении (Хансон, в 475 г. Унджин, в 538 г. Саби) говорит о безуспешных попытках отразить эту экспансию [История Кореи, 1960; Пак, 1957; Hulbert, 1962].

Ожесточенные когурёско-пэкчийские войны в IV–V вв. малс затронули Силлу, сложившуюся на базе племен чинхан и пёнхан. Скорее они создали благоприятную почву для быстрого развития этого государства: усилился приток населения, бежавшего из районов военных действий, оживилась торговля. В 503 г. состоялось официальное принятие титула короля (вана) и названия государства — Силла.

В VI в. Силла нашла силы для активной внешней политики, в 512 г. она захватила о-в Усан (Уллындо) и когурёские владения по побережью Японского моря. В 532 г. Силла покорила ряд племен кая (кара), живших в нижнем течении р. Нактонган и находившихся в союзе с японцами. В 533 г. в союзе с Пэкче силланцы сильно потеснили когурёсцев в районе нижнего течения р. Ханган и вышли на побережье Желтого моря.

Последняя акция Силлы резко изменила расстановку сил на полуострове. Выход Силлы к Желтому морю облегчал этому государству сношения с Китаем (с династией Лян), вбивал клин между Когурё и Пэкче. Как бы это ни показалось странным, такой оборот дела решительно поссорил Силлу с ее союзником — Пэкче. Пэкче считало себя монополистом в сношениях с Китаем, а земли, захваченные силланцами у Когурё, — своими. Разгорелась война между Пэкче и его новым союзником, Когурё, с одной стороны, и Силлой — с другой, закончившаяся в 554 г. разгромом пэкчийских войск под крепостью Квансан и гибелью короля Пэкче. К этому времени владения Силлы в системе трех государств достигли максимальной протяженности, простираясь до нынешней провинции Северная Хамгёндо, а ее влияние стало первенствующим. С захватом в 562 г. силланцами владений Кая на полуострове установилось подлинное троецарствие и окончилось «военное присутствие» Ямато. Но эти же успехи окончательно поссорили Силлу с соседями. Поэтому силланцы стали домогаться союза с государством Лян. Воздействие Лян на расстановку сил на полуострове оказалось меньшим, чем в свое время влияние Японии, но в 589 г. Китай объединила династия Суй, которая вскоре решила вернуть то, что считала своим наследством. В 598 г. крупная суйская армия выступила против Когурё, но последнее отбило вторжение. После этой победы когурёсцы в 603–608 гг. вновь устремились на юг против Силлы, а заодно и против Пэкче. Но вскоре, в 612 г., Когурё столкнулось с новым суйским вторжением по суше и по морю, которое когурёсцы мужественно отразили. Через пять лет династия Суй перестала существовать, и когурёсцы, безусловно, могли гордиться своим вкладом в падение этой династии.

Наступила передышка, имевшая для корейских государств роковое значение: поверженную суйскую династию в 618 г. сменила еще более могущественная, танская, силы же Пэкче и Когурё оказались подорванными предыдущими вторжениями. Земли этих стран лежали опустошенными, а оборонительные мероприятия (например, десятилетнее строительство стены поперек перешейка, начатое в 631 г.) усугубляли страдания народа. Тем не менее дух сопротивления не покинул когурёсцев: именно он привел начальника строительства стены ён Гэсомуна в результате переворота 642 г. на пост главнокомандующего и фактического правителя страны.

Междоусобные войны на полуострове облегчили танское вмешательство. Хотя и Пэкче и Силла стремились заручиться поддержкой Тан, последняя делала ставку на Силлу. Тогда Пэкче вошло в сговор с Когурё, и в 643 г. обе страны напали на Силлу. Нападение вызвало открытое вмешательство танских армий и флота в 645 г. Огромная армия вторжения была разбита когурёсцами; не имели успеха и вторжения в 647 и 648 гг.

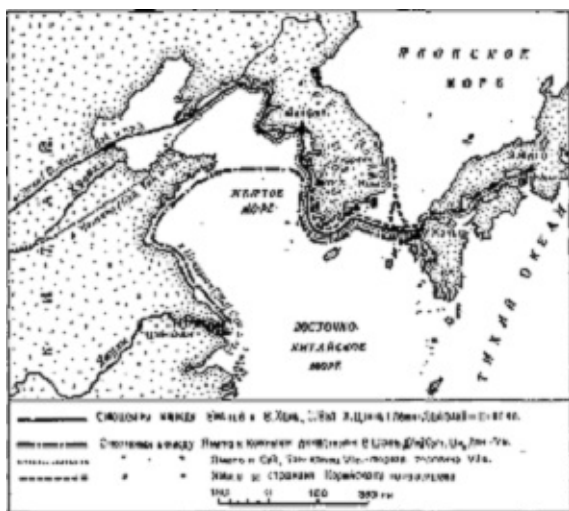
Происшедшие события тем не менее не изменили ни расстановки сил на полуострове, ни политики взаимных союзов ради взаимных войн. Изменился лишь удельный вес Силлы, крепнувшей по мере ослабления двух других государств, и росли ее претензии на гегемонию на полуострове. Целям достижения последней соответствовало и воспитание новой военной знати в организации хваранов. После неудачной инициативы Силлы найти пути примирения с Когурё (642 г.) прежняя ситуация повторилась в точности. Силла стала крепить союз с Китаем. Не могущее наладить разрушенное хозяйство Пэкче искало выхода в новой войне. Заручившись поддержкой Когурё, оно развернуло военные действия против Силлы. На китайский ультиматум в 651 г. Пэкче ответило союзом с Японией и захватом 30 силланских крепостей. Силланцы отбили нападение, но в 655 г. объединенные силы Когурё, Пэкче, мальгаль обрушились на Силлу. Последняя обратилась за помощью к династии Тан. Совместные действия танских и силланских войск быстро привели к уничтожению Пэкче (660 г.). На землях бывшего Пэкче появились китайские округа и китайский наместник.

Разгром союзника и перспективы войны на два фронта тяжело отразились на воле Когурё к сопротивлению; хозяйственный и военный потенциал этого государства еще раньше сильно пострадал от шестидесятилетних постоянных войн. Смерть Ён Гэсомуна послужила толчком к разброду в верхах и к борьбе его сыновей за власть. Новое наступление танско-силланской коалиции в 667–668 гг. когурёсцы уже не смогли отразить. Их страна разделила участь Пэкче.

Теперь за гегемонию на Корейском полуострове боролись две державы: китайская Тан и Силла. Тан обладала мощными армиями и неисчерпаемыми резервами, но все это находилось в метрополии, коммуникации же непомерно растянулись и стали легкоуязвимы. Силла уступала по мощи Китаю, зато обладала хотя сравнительно небольшой, но

опытной армией, воинственно на-строенной аристократией, а главное, выступала как лидер корейской народности, законный объединитель корейских земель и поэтому пользовалась поддержкой повстанческих отрядов.

По всем этим причинам Силле удалось в одиночку добиться в войне с Тан таких успехов, которые до 660–668 гг. ей ни разу не удавалось достичь, выступая союзником Тан в борьбе против Когурё и Пэкче. К 670 г. силланцы смогли освободить территорию Пэкче, в 675–676 гг. разгромить основные силы танского Китая и фактически изгнать их с полуострова [История Кореи, 1974, с. 87–90], К 668 г. прекратили существование все прочие династии и государства, и страна вступила в период Объединенной Силлы.

Связи между странами Азиатского континента и Японскими островами в III–VII вв.

Политические события, нами изложенные, развертывались на базе крупных социальных перемен. Складывание племенных объединений, известных под именем «трех хан», переросло в формирование ранних государств — Когурё и Пэкче в III–IV вв., Силла в VI в. Впрочем, точное время создания этих государств и их формационная принадлежность выяснены еще без достаточной определенности. Очевидно, это были образования феодального типа или на какой-то своей стадии так называемые «варварские» государства синтезного типа. Объединенная Силла уже обнаруживает отчетливые признаки феодализма [Пак, 1969].

В 687 г. были установлены земельные наделы для чиновников,

выдаваемые лишь в кормление и подлежащие изъятию, которые, впрочем, скоро пришлось заменить выдачей жалования натурой. Но основной класс производителей — крестьянство — находился на положении государственных арендаторов, обязанных за свои наделы вносить налог, подать и отбывать трудовую повинность. Поместьями обладали крупные чиновники и храмы.

Новое, военное сословие, пришедшее к власти и придавшее феодальному строю военный характер, потеснило старую родовую знать. Для упрочения своего влияния оно создало новый кодекс законов, пересмотрело старую систему родovitости (кольпхум), оформило новую структуру власти. Король (ван) стал непререкаемым главой государства. Вся территория Силлы делилась на девять областей (пять наиболее важных выделялись в разряд наместничеств), а области — на округа. Их начальники назначались из центра и объединяли в своем лице военную и гражданскую власть. Разветвленный административный аппарат выполнял все функции управления. Теория централизованной монархии строилась на конфуцианстве, однако правительство широко поддерживало и буддизм, строя новые храмы и одновременно сдерживая храмовое землевладение. Поскольку земли к северу от р. Амноккан отошли к Китаю, когурёсцы, ощущая свою принадлежность к корейской народности, массами переселялись на полуостров.

События культурной жизни Корейского полуострова в III и последующих веках имели для Японии не меньшее значение, чем происшествия политической истории.

Отдельные эпитафии в когурёских курганах подтверждают знакомство когурёсцев с китайской иероглификой уже в III в., в V в. в Когурё воздвигнута знаменитая стела Квангэтхо-вана (414 г.), появилась разнообразная китаеязычная литература. Проникновение китайской письменности в Пэкче и Силлу задержалось примерно на век. В Силле в VII в. китайское письмо было даже приспособлено для записи корейских слов («иду»).

Бок о бок с продвижением на полуостров китайской письменности происходило последовательное проникновение конфуцианства, буддизма и даосизма. Первое упоминание о буддизме в Когурё относится к 372 г., в Пэкче — к 384 г., а в Силле — к 528 г. Очень скоро он был возведен в ранг

государственной религии. Конфуцианская и буддийская литература стала источником философских и этических постулатов, основой воспитания и образования. В каждом государстве открываются свои школы (в Когурё — уже в 372 г.), а после объединения полуострова государством Силла в 682 г. открыты государственные школы (кукхак) с девятигодичным сроком обучения на трех курсах. Завоевав полуостров, рукописная литература через Пэкче перекинулась на Японский архипелаг, обогащенная местными традициями и вызванными ею к жизни новыми формами в науке и искусстве.

Хотя корейских математических трудов эпохи трех государств мы не знаем, следы использования китайской математики обнаруживаются в самых различных сферах: в строительстве в виде применения соотношения 3:4:5 при закладке фундаментов или при наложении друг на друга двух квадратов при сооружении восьмиугольного потолка колодезного типа в курганных камерах или принципа пропорциональности и масштабности в процессе возведения дворцов и пагод. Математика применялась при планировке земельных участков и вычислении наклона оросительных каналов, для измерения времени, а главное — в ходе астрономических наблюдений.

Изучение фресок раннекогурёских курганов (IV в.) косвенно свидетельствует о существовании довольно отчетливых представлений не только о солнце и луне, но и о других планетах, о некоторых созвездиях и звездах — многие из них воспроизведены в целом верно, а в середине VII в., в 647 г., силланцы смогли построить одну из наиболее древних на Дальнем Востоке астрономических обсерваторий (Чхомсондо). Они же создали самостоятельный лунно-солнечный календарь — символ культурной автономии на Дальнем Востоке, но вскоре, в 650 г., под давлением китайцев вынуждены были от него отказаться. В 674 г. корейский посол привез на родину новый, китайский календарь, а в 692 г. буддийский монах завез астрономическую карту, на которой вселенная изображалась в виде двух свободно висящих полусфер — неба и земли.

В странах Кореи были известны «Ши цзи» Сыма Цяня и китайские летописи («[Цянь] Хань шу» и др.). Сыма Цянь ввел способ нарастающего изложения, при котором в сочинение включались известные произведения предшественников или значительные отрывки из них, иногда без комментариев и особых оговорок. Этими трудами закрепились связи

истории и географии, характерная для дальневосточной науки. Каждое из государств обладало своей историографией: Когурё — «Записками о минувшем» («Юги», IV в.), Пэкче — «Историческими записками» («Соги», 374 г.), Силла — «Историей государства» («Кукса», 545 г.).

Примечательным, хотя, возможно, недостоверным фактом когурёской географии выступает таинственная карта страны, составленная, по преданию, в 28 г. и отправленная в Китай. Подобная акция в ту эпоху имела не столько научный, сколько политический смысл: посылку карты одной страной другой стране в дальневосточной дипломатии можно сравнить с выдачей ключей от города в Европе. К VII в. карты существовали во всех трех государствах.

В трех царствах широко применялись китайская медицинская литература и практика. В Когурё и Пэкче существовали и какие-то свои лечебники, а когурёские врачи славились по всему полуострову. Сложилась древняя корейская медицинская школа, немало способствовавшая формированию медицины японской. В 692 г. открылось медицинское училище.

Познания в технике и технологии, несомненно, отличались большей разносторонностью, чем знания чисто научные, хотя об этом мы чаще узнаем по материальным находкам, а не по записям в летописных сочинениях, повествующих об эпохе до III в. включительно. На полуострове господствовал ранний железный век, существовавший в сложной культурной среде — в условиях доживания в глухих районах энеолитическо-бронзовых традиций и процветания в центре страны оазиса китайской цивилизации — Лола-на. Находки литейных форм из глины и камня, безусловно, свидетельствуют о существовании местной бронзовой металлургии. Однако в эпоху, синхронную Ематай, бронзовая культура на полуострове сменилась раннежелезной, впитав в себя достижения первой.

Вследствие доступности железных руд перечень изделий из этого металла оказался обширным: тут и оружие (мечи, наконечники ашпий ветрел), и орудия земледелия (мотыги, заступы, серпы), и инструменты (топоры, ножи, шилья, стамески), и части лошадиной упряжи (удила, стремена).

Добыча металлов, их обработка и, как говорят летописи, даже вывоз

железа неизбежно привели ко многим новшествам в хозяйстве и общественной жизни. Появились гончарные печи с искусственной подачей воздуха, позволяющей поддерживать равномерный жар на уровне 1000° и обжигать гладкую и крепкую серую керамику с набивным орнаментом, часто весьма сложной формы и изредка— с зеленоватой поливой. Стали обжигать кирпич и черепицу— как строительные, так и декоративные.

В VI–VII вв. значительно развились производство строительных материалов (камня и кирпича — в Когурё, кирпича и черепицы — в Пэкче, керамических бытовых изделий — в Силле), добыча и обработка металлов (когурёское оружие и силланские ювелирные изделия), шелководство (Силла), ткачество (Пэкче и Силла), приготовление красок (Когурё). Совершенствовался морской транспорт— в Пэкче и особенно в Силле. Каботажное плавание на веслах на значительные расстояния зафиксировано уже в III в. В VI в. суда выходили в открытое море, плыли в Японию и на п-ов Шаньдун.

К моменту занесения китайских архитектурных приемов и стилей местное строительство уже прочно встало на ноги. Когурёсцы прославились своими укреплениями в излучице реки, перегороженной валом, горными крепостями, ступенчатыми пирамидами («Могила полководца» у Тунгоу высотой 13,5 м), пэкчийцы — горными укреплениями, силланцы — оборонительными валами, дворцами и курганами. В IV–VI вв. проникновение буддийских архитектурных приемов совпало с оформлением местных строительных традиций в архитектуре. В Когурё складываются основные строительные приемы и конструктивные особенности, которые потом, на протяжении веков, будут определять корейский архитектурный стиль: система многочисленных стропил, консоли, сочетание изогнутых линий конька и многослойного свисающего карниза крыши, применение каменного фундамента (цоколя), деревянных колонн на каменных базах.

С буддизмом и буддийскими изваяниями на Корейский полуостров через Когурё проникает индусско-китайская иконография. Первые скульптуры буддийских божеств выполнены из глины в Когурё в конце IV в., в Силле они сосуществовали с погребальными фигурками — оберегами. К VI в. они вытесняются бронзовыми, иногда позолоченными скульптурами буддийских божеств в Пэкче и каменными и бронзовыми — в Силле. Эти стоящие во весь рост удлинённые фигурки, смотрящиеся

лишь фронтально, со строгими лицами и полулунным очертанием губ, с непроработанными ногами, с застывшими складками одежды восприняли многое от стиля религиозной скульптуры «варварской», тобасской династии Северная Вэй. К VII в. резкие и застывшие черты постепенно вытесняются более грациозными и живыми, а сами изваяния допускают обозрение в профиль. Согласно письменным источникам, отливались весьма крупные статуи, например, для храма Хваннюса в Силле, на которые, как считают, пошло до 38 кг золота и до 2 т. бронзы.

Решающее влияние на стиль и формы живописи трех государств оказали китайские эстетические теории и основные принципы живописи, разработанные Се Хо (V в.). Однако ранние живописные памятники (некоторые фрески Когурё) испытали еще ханьское и центральноазиатское влияние. Когурёские фрески вообще являются наиболее яркими и многочисленными памятниками древнекорейского искусства. На них воспроизводятся повседневная жизнь, окружение покойного, а иногда и сама погребальная процессия, рисуются четыре гения — охранителя четырех частей света и другие символические изображения (все как часть заупокойного культа). Поверхность изображаемого покрыта яркими красками, пропорциональность и перспектива игнорируются. Зато хорошо передаются динамизм происходящего и ощущение насыщенной жизни.

Живопись, приближающаяся по типу к станковой, представлена чуть ли не единственным экземпляром — портретом японского принца Сётокутайси с сыновьями, нарисованным художником — пэкчийским принцем Ачжа около 597 г. в Японии. Тщательно выписанные фигуры намеренно изображены без учета перспективы и пропорциональности: сыновья несоразмерно низкого роста.

Прикладное искусство эпохи трех государств весьма своеобразно, хотя не о всех его разделах и применительно не ко всем царствам мы имеем достаточно подробные сведения. С учетом вышесказанного следует выделить когурёские орнаментальные кирпичи, лицевая, сторона которых украшена изображением феникса, а длинная торцовая — иероглифами; круглые отогнутые концы черепицы (антефиксы), на которых воспроизведены цветок лотоса, пятиугольник из жимолости', узор веревочного узла, морда демона, изображения волн с арабесками или папоротника и колеса. Интересны золотые ажурные и плоские резные украшения Пэкче, а также фигурные орнаментальные кирпичи и изразцы с рельефным литым рисунком (пейзажа, феникса, чудовища таотэ, гениев —

охранителей частей света, лотоса и др.).

Силланцы отличались в обжиге крепкой, почти «каменной» серой посуды разнообразной формы («обжиг Силлы»), но прославились ювелирным и камнерезным искусством. Знаменитые золотые короны представляют собой обруч, на который припаяны спереди три золотые ветви, а сзади — пара таких же оленьих рогов и пара крыльев. На тех и на других висят золотые бутоны цветов, листья, две тесьмы с драгоценными подвесками и пластинами. Повсюду свешиваются бусы из стекла, хрусталя, яшмы и нефрита разных форм, но чаще коммобразные. При движении корона мелодично звенела. Пояса, собранные из тонких ажурных звеньев, изготовленных из разных металлов, со свешивающимися с них золотыми цепочками, серьги оригинальной формы, металлические поделки с инкрустацией крыльев золотого жучка «пилдэнчук» заслуженно гвошлись в сокровищницу древнекорейского искусства [История Кореи, 1974, с. 73–79].

Краткий обзор культурной жизни на полуострове позволяет сделать вывод об успешном формировании культуры единого стиля. Такая культура сложилась к середине VII в., и процесс политического объединения Кореи, с одной стороны, облегчался складывающимся культурным единством, а с другой — сам облегчал завершение культурного единообразия. Кристаллизация этого единообразия, несомненно, в сильной степени поощрялась заимствованием иноземных новшеств.

Такие важные культурные достижения, как китайская письменность, буддизм, конфуцианское учение, научная и философская логика, приемы и формы научного исследования, теория и практика эстетики, для всех корейских образований предстали в единообразном виде и уже тем самым послужили нивелирующим началом. Хотя отдельные восприимчивики неизбежно по-своему преломляли эти достижения, особенно в художественной практике, объединяющее начало тем не менее оказалось сильнее.

Китай

Непосредственное влияние Китая на Японские острова в сколько-нибудь широком диапазоне началось позднее, чем корейское или по крайней мере корейско-китайское, имея в виду префектуру Лолан. Поэтому мы очень бегло коснемся положения в Китае при династии Восточная Хань, и то лишь потому, что с этой династией союз Ематай находился в сношениях.

Древнекитайская этническая общность «хуася» сложилась в VII–VI вв. до н. э. на Среднекитайской равнине, откуда началось ее распространение вширь. Захватнические войны династий. Западная и Восточная Хань (II в. до н. э. — II в. н. э.) создали империю, в которой собственно китайский этнос стал островом в этническом море. Однако объединение страны в известной мере способствовало этнической консолидации, проявившейся, в частности, в появлении нового этнонима — хань. Именно при династиях Хань и сложились основные принципы этнического и политического противопоставления Срединной империи окружающему миру по типу «центр — периферия». Однако уже на этом этапе отношения с Корейским полуостровом стали развиваться по типу «центр — центр».

После краха Ханьской империи и до укрепления Суйской, т. е. на протяжении 350 лет, этнические процессы приобрели небывалый размах. В ходе войн, междоусобиц, угона населения, проводившихся как китайскими, так и некитайскими династиями и государствами, переселилось на юг Китая около 1 млн. человек (1/8 часть населения севера и 1/6 часть населения юга). Необычайной интенсивности достигли разносторонние межэтнические связи между группами коренных ханьцев, неханьскими обитателями бывшей империи и пришлыми племенами. Компактное расселение ряда некитайских племен, в том числе и в пределах бывшей империи, на севере Китая (гуннов, цян, ди, сяньби, тобаидр.) содействовало возникновению некитайских династий и государств — как на территории Китая (Вэй), так и за его пределами (Янь). Изменившаяся этнополитическая обстановка привела к утрате ханьцами монолитной позиции этнического противостояния окружающему миру по типу «центр — периферия» — она стала недейственной по отношению к Японскому архипелагу и даже к Корейскому полуострову. Одновременно возникли

локальные центры в бывшей китайской империи, которые рассматривали как периферию своих соседей. Примером такого отношения может служить интерес государства Вэй к корейским делам и царства У — к японским.

Однако численное превосходство ханьцев, особенно по сравнению с отдельными неханьскими народностями, и прежде всего на Китайской равнине и в междуречье Хуанхэ — Янцзы, большая зрелость и стойкость китайского этноса дали себя знать, как только наметился кризис в этническом развитии некитайских народностей, многие из которых уже подверглись ассимиляции и аккультурации в разной степени. На новой стадии своего развития китайский этнос сумел возглавить борьбу за создание новой, Суй — Танской империи. Победа в этой борьбе облегчалась ему внешней опасностью, угрожавшей всему сообществу этносов в Китае, со стороны Тюркского каганата. Позиция «центр — периферия» была восстановлена, но с существенными поправками: на расширенной этнической основе самого «центра» и при более равноправном отношении к «периферии» [Первобытная..., 1978, с. 102–115; Народы Восточной Азии, 1965, с. 141–148].

Рассмотрим теперь общественно-политическое положение Китая в это время.

Воспользовавшись широким недовольством политикой Ван Мана, вылившимся в обширное крестьянское движение «краснобровых», потомок ханьской династии (Лю Сю) в 25 г. провозгласил правление Восточной (по столице в Лояне), или Поздней, ханьской династии. Первые императоры новой династии освободили некоторые категории рабов и зависимых, провели перераспределение земель, оживили казенную надельную систему, снизили налоги и списали недоимки. Династия укрепила свое положение, широко развернув формирование кадров чиновников, зависимых от центральной власти, используя для этой цели государственные школы и принцип «выдвижения в чиновники». Династия Восточная Хань вела активную внешнюю политику, сильно укрепившую ее престиж. Особенно успешной оказалась политика раскола, сдерживания и натравливания друг на друга суннских (гуннских) племен, проводимая в третьей четверти I в. Бань Чао [Очерки..., 1959; История Китая..., 1974, с. 41–50].

Во II в., т. е. во второй половине царствования династии, обстановка изменилась к худшему. Постоянное и роковое зло династий- ного Китая —

разорение арендаторов казенных земель — усиливало аристократию и ослабляло правительство, лишая его доходов и социальной базы. Огромные расходы на внешнюю политику, на войны, например с цзянами, ослабление императорской власти и возвышение евнухов, финансовые неурядицы и стихийные бедствия — все это отягощало и без того тяжелое положение крестьянского люда. В стране вспыхнуло восстание «желтых повязок». Оно было подавлено, но лишь усилиями крупных землевладельцев и полководцев, а не стараниями центральной власти. Эта последняя неудача стоила династии дорого: она рухнула окончательно в 220 г., но уже в течение нескольких десятилетий до этого ее власть была эфемерной.

Свержение династии Восточная Хань в условиях разгрома крестьянского восстания означало победу центробежных сил и открыло многовековой период удельной раздробленности и междоусобиц: эпоха троецарствия III в. сменилась эпохой южных и северных династий IV–VI вв.

Цао Пи — сыну знаменитого полководца Цао Цао — выпала сомнительная честь низложить последнего ханьского императора. Он стал родоначальником новой династии — Вэй (220–265), властвовавшей над рядом провинций — современными Цзянсу, Аньхой, Хубэй. Другой военачальник, Лю Бэй, провозгласил собственную династию Хань в области Шу — в истории его династия сохранилась под именем Шу или Шу-Хань (221–263). Он царствовал над землями, занятыми ныне Сычуанью, Сиканом, Юньнанем, Гуйчжоу и рядом районов Шэньси и Ганьсу. Третий полководец, Сунь Цюань, создал династию У (222–280) со столицей в г. Цзянье (Нанкине), простиравшую свою власть на нынешние Фуцзянь, Гуандун, Гуанси.

Не прекращающиеся в течение всего III века кровопролитные войны привели к отпадению окраин, в том числе и северо-восточных, к резкому сокращению численности населения, к разорению целых районов, к массовому бродяжничеству. Мелкие и крупные военачальники оказались в кризисном состоянии, как будто неразрешимом. Их существование поддерживалось лишь многочисленными воинскими отрядами. Но для комплектования отрядов требовались рекруты, а для их прокормления — провиант. Ни того, ни другого неоткуда было взять, так как и крестьянское население и запашка катастрофически уменьшились. Выход был найден в создании военных и гражданских поселений. И организованное по-

военному крестьянство, и войска, непосредственно не ведущие боевых действий, — все были посажены на землю. В среднем половина продукции поселений поступала непосредственно в казну. Другая половина способствовала хозяйственному укреплению деревни. Эта аграрная политика достигла особого успеха в бассейне р. Хуанхэ, протекавшей через владения Вэй. Последняя усилилась и возвысилась над другими царствами, поглотив династию Шу.

Но и внутри Вэй зрели силы, которым суждено было изменить династийную принадлежность этого государства и открыть перед ним путь к кратковременному объединению под своей эгидой большей части Китая. Власть в стране захватила сильная фамилия Сыма, и в 265 г. Сыма Янь низложил вэйского государя и вступил на престол в Лояне как представитель новой династии — Западная Цзинь (265–316). В 280 г. Западная Цзинь уничтожила государство У и два десятка лет до мятежа удельных княжеств правила всей страной.

Установление мира, хотя, как оказалось, недолгого, во владениях единой династии Западная Цзинь делало невозможным дальнейшее существование военных поселений как основы аграрной системы, тем более что процент ренты достиг 70–80. В 280 г. вместо военных поселений стали вводить систему наделного землепользования. Чиновники получили ранговые земли и крестьян для обработки этих земель, а остальное сельское население превращалось в казенных крестьян. Последние получали «поля во владение» (чжаньбянь), урожай с которых шел в их пользу, и «тягловые поля» (котянь), доход с которых поступал в казну (около 40 % всего зернового продукта работника).

Однако эти мероприятия не успели создать правительству опоры в виде слоя казеннообязанных крестьян, так как страна оказалась охваченной смутами одна другой страшней. В самом конце III в. поднялся «мятеж восьми удельных князей». В то же время сотни тысяч некитайского населения (сюнну, цзе, сяньби, ди, цян, дзун и др.) переселились во Внутренний Китай и были приняты в подданство. Они сразу стали объектом наиболее жестокой эксплуатации и вербовки в отряды мятежных князей. Жившие компактными этническими группами, эти северные и западные племена еще не расстались с воинственным складом жизни, поддерживали тесные связи с их «застенными» родичами. В атмосфере междоусобиц они быстро почуяли свою силу.

Застрельщиками мятежа оказались сюнну (304 г.), к ним присоединились прочие некитайские племена, и через десяток лет власть Западной Цзинь во всем Северном Китае рухнула. Новая китайская династия — Восточная Цзинь (317–420) — перенесла столицу в Цзянькан (Нанкин) и сохранила за собой юг страны. Северный Китай в политическом отношении почти на полтора века утратил единство и китайское правление. На его территории возникали и гибли кратковременные династии, организованные удачливыми вождями северных и западных некитайских племен, по своему произволу перекраивавшими карту страны.

Культурное и политическое значение эпохи, получившей в истории название периода южных и северных династий — наньбэйчао IV–VI вв., заключалось в передвижении с севера на юг китайского государственного и культурного центра и в образовании на севере сплава китайско-«варварской» культуры. Такая передислокация ценностей оказала существенное влияние и на заморских соседей, в том числе и на японцев. Северный путь в Китай через

Корейский полуостров утратил немалую часть своего значения, ибо вел уже в «варварские» государства. Освоение южного морского пути вдоль берега Китая до устья р. Янцзы сопровождалось пересмотром многих традиционных воззрений японцев на место концентрирования и характер «истинно-китайской культуры», на монолитность и прочность объединенного Китая, наконец, на роль «варварской» периферии. Самому процессу освоения предшествовал полуторастолетний перерыв в связях с этой частью континента. Пройдя этот болезненный путь, японцы вновь завязали сношения в первую очередь с основной династией — Восточной Цзинь — и лишь после ее скорого краха — с тремя другими южными династиями: Сун, Ци, Лян, последовательно сменявшими друг друга и претендовавшими на известную гегемонию. Калейдоскопичность массы династий наньбэйчао лишала большинство из них всякого влияния за узкимц границами собственных территорий. Поэтому нашу характеристику этих царств мы ограничим указанными четырьмя.

Восточная Цзинь раздиралась противоречиями между нахлынувшими с севера приспешниками династии: их окружением и феодалами — с одной стороны, и местными, южными помещиками, оттесненными от власти, — с другой. В этой коллизии, сопровождавшейся крестьянскими восстаниями, выдвинулся военачальник Лю Юй. Он сумел снискать расположение у разных слоев населения: у помещиков — разгромом повстанцев (412 г.), у

крестьянства — уменьшением бремени поборов с жителей Юга (413 г.), у широких масс населения — прекращением столкновений между кликами феодалов (404 г.) и удачными походами на север (410, 417 гг.). Вскоре он отстранил от власти цзиньского императора и провозгласил новую династию — Сун, или [Лю] Сун (420–478).

Дальнейшая смена династий: [Южная] Ци (479–501), [Южная] Лян (502–556), наконец, Чэнь (557–588) — определялась итогами борьбы крупных домов. В правление всех этих династий, сменявших друг друга, окрепла господствующая социальная система, включающая служилое дворянство, бюрократию и знать. Соотношение этих элементов оказалось крайне сложным и полностью никого не удовлетворяло: знать обладала политической властью и экономическим могуществом, претендовала на монополию в управлении; служилое дворянство, выдвинувшись на поле брани, не могло закрепить своего положения, не обладая ни родовитостью, ни рангом; чиновники — носители рангов по идее должны были зависеть лишь от императора и избираться из числа способных людей всех сословий, но комплектовались (причем их высший слой) в основном из знати. Несомненный экономический прогресс в Южном Китае (расширение запашек, улучшение системы орошения, развитие металлургии, ткачества) сопровождался укреплением товарно-денежных отношений.

На севере Китая, в особенности в государстве Тоба-Вэй (386–534), фактически объединившем Север, напротив, сохранилось натуральное хозяйство и вводилась с 485 г. система уравнивающего землепользования (цзюньтяньчжи) как средство, способное воспрепятствовать бегству крестьян и укрепить экономику. Эта система предусматривала наделение безземельных крестьян и рабов отторженными государственными землями взамен уплаты налогов и явилась предтечей последующих аналогичных систем, послуживших образцом для Японии.

Экспансионистская политика династии Тоба-Вэй, даже после покорения ею Северного Китая, отнюдь не была оставлена. Она лишь дополнялась вынужденными хозяйственными мероприятиями, от которых в конечном счете завоеватели ожидали как обогащения верхушки, так и средств для новых походов, в которых бы были заняты рядовые сяньбийцы. Всеобщая ненависть коренного населения к неуемным завоевателям содействовала оригинальной правительственной политике — обязательной

декретированной китаизации сяньбийцев, целью которой было сбить волну возмущения. Такая политика не примирила китайцев с сяньби, но зато внесла этнический и культурный разброд в среду последних, давно уже разделившихся на враждебные социальные группы. В ослабленной империи вспыхнуло повстанческое движение, которое было подавлено, но оно дало толчок к грызне победителей за престол, которая окончилась распадением государства на целый ряд более мелких соперничающих династий.

Но эта политическая деградация оказалась последней на ближайшее столетие. Силы центробежные явно теряли почву: в стране наступило некое этническое равновесие на базе ассимиляции значительной части пришлых элементов; выявилась культурная близость между Севером и Югом, между пришлыми кочевниками и оседлыми китайцами; в результате ряда мер хозяйство, особенно на Юге, до известной степени стабилизировалось и наметился общий рынок; воинственные феодалы истребили друг друга, а общественное мнение вполне сочувствовало идее объединения. Поэтому вельможа государства Северное Чжоу Ян Цзянь при поддержке «группировки Гуаньлун», хозяйничавшей в царствах Западная Вэй и Северное Чжоу, без особого труда сверг императора Северного Чжоу и провозгласил себя императором новой династии — Суй (581–618). В 589 г. он уничтожил на Юге династию Чэнь и фактически объединил весь Китай.

Последующие реформы укрепили положение династии. Правительство повсеместно ввело государственную надельную систему по образцу тоба-вэйской, лишь несколько уменьшив размер надела, но зато обеспечив землей основной контингент земледельцев (свободных и рабов), государственные налоги (зерном), подать (тканями), трудповинность, условия отбывания которой были четко определены. При осуществлении этих реформ провели перепись населения. Государство приступило к широкому строительству общественных амбаров-запасников, к выпуску единой стандартной монеты, разрешило свободную торговлю и занятия ремеслом, составило новый кодекс законов [История Китая..., 1974, с. 51–60].

Эти мероприятия дали быстрый и значительный эффект, упрочив прежде всего финансовую базу власти. Слепленная успехами, династия Суй развернула огромное внутреннее строительство и активную экспансию вовне и, не рассчитав ресурсов, вызвала кризис. Строительство Великой

китайской стены, прокладка дорог и почтовых трактов, рытье каналов («Великого канала» и др.) хотя сами по себе выглядели общепольными мероприятиями, но вкупе с возведением дворцов и парков поглощали огромные средства и человеческие ресурсы. Остаток забирала война: с ближайшими соседями — тюрками и тугухунь — и с отдаленными странами — Кореей, Линьи (Южный Вьетнам), Тайванем. Дальние заморские экспедиции уже и вовсе не диктовались неотложными политическими соображениями.

В 611 г. разразился взрыв: вспыхнула крестьянская война, усилились сепаратистские тенденции наместников и полководцев, не гнушавшихся союзом с «застенными» (некитайскими) племенами. Один из мятежных наместников — Ли Юань — прочнее других сумел захватить престол, провозгласить династию Тан (618–907) и после десятилетней тяжелой борьбы разгромить и повстанцев и сепаратистов.

Весь VII век, которым и закончим наш очерк истории Китая, знаменовал собой для страны путь вверх, к подъему, который наступил в VIII в. Вслед за отменой множества жестоких постановлений, обнародованных в последние годы династии Суй, наступил период реформ. На примерах недавнего, прошлого правители усвоили, как важно для устойчивости династии иметь монолитные и послушные органы гражданского и военного управления. Новые императоры обратили внимание на гражданскую и военную администрацию. Кроме дворцовых и военных экзаменов была разработана система отбора на чиновничьи должности или экзаменационная система. Программа экзаменов требовала отличного знания конфуцианской морали и максим управления, а для того чтобы этими знаниями снабдить будущих кандидатов, создавались государственные школы. В зависимости от ранга школы варьировался контингент учащихся. Но перечень условий поступления и экзаменов был составлен таким образом, что давал явное преимущество сыновьям служилого дворянства и чиновничества.

При Тан окрепла система военных поселений (фубин) — самообеспечивающихся формирований воинов в походе, земледельцев в мирное время. Кроме пограничных частей основная масса гарнизонов располагалась вокруг столицы Чанъань.

Аграрная политика ранней Тан покоилась на надельной системе.

Последняя напоминала суйскую и отличалась от нее в двух важных пунктах: 1) женщины, как правило, наделов не получали, но и налогов не платили; 2) рабы обоюбого пола тоже не получали наделов и не платили налогов, что сдерживало рост земельных владений рабовладельцев.

В целях поощрения хлебопашества была разработана шкала налоговых льгот при переселении крестьян, при вспашке ими целины, при стихийных бедствиях. В первые годы существования новой власти была отлита новая стандартная монета и установлен ряд льгот для ремесленников и торговцев.

Успехи танской династии во внешней политике по своему звучанию перекрывали даже немалые достижения деятельности внутригосударственной. Неотложной задачей династии явилось противостояние Восточнотюркскому каганату — опоре сепаратистских наместников, — опустошавшему китайские пограничные области. После длительной подготовки Тан в 629–630 гг. уничтожила Восточный каганат. Используя правило «разделяй и властвуй», династия поставила под свой контроль племена телэ, жившие к северу от Гоби. На южных границах владений тюрков и телэ создали новые наместничества, послужившие аванпостами танского продвижения на запад. На пути этого продвижения стоял Западный тюркский каганат. Первый удар китайцев обрушился на Гаочан (640 г); за ним последовали другие. В результате походов каганат оказался на грани гибели (657 г.), а китайцы вышли на границу с Ираном. Позднее в этих же краях китайцы вступили в военный контакт с арабами, преградившими им путь на запад (751 г.). Открытие сухопутного пути в Малую Азию, находящегося под китайским контролем, контакт между иранско-арабским и китайским мирами приобрел значение, которое трудно переоценить. В VII в, династия Тан оказывала сложное культурно-дипломатическое противодействие усиливавшемуся государству Туфань (Тибет), что отодвинуло военные схватки, невыгодно обернувшиеся для Китая, до третьей четверти VII в. С 641 г. открываются постоянные обмены посольствами с царствами п-ова Индостан, а в разные годы VII в. — торговые сношения со странами Бирмы и Индокитая.

Для избранной нами темы особого внимания заслуживает корейская политика тайского Китая, о которой мы довольно подробно рассказывали в предыдущем разделе. Воспользовавшись междоусобицами на полуострове, Китай с 644 по 668 г. неоднократно посылал свои и союзные — из

вассальных племен сяньху, уйгуров армии и флот против Когурё и его союзника Пэкче. На последней стадии войны китайцы вступили в бой с японским десантом и нанесли ему поражение (663 г.). Война закончилась разгромом Когурё и Пэкче и образованием в 668 г. протектората Аньдун.

Культурная история Китая за весь период со II по VII в. чрезвычайно сложна и насыщена массой открытий и достижений. Вкратце можно отметить следующие ее стороны, оказавшие заметное воздействие на культуру Японского архипелага. Окончательно упрочилось конфуцианское учение, которое приобрело значение государственной и всеобщей этической доктрины. Также при Восточной Хань развились такие стороны китайской натурфилософии, как учение о силах инь и ян, о пяти стихиях. В I в. в Китай проникает буддизм, а в середине II в. делаются переводы буддийских канонов. В конце II в. возникают религиозные даосские секты, активно участвовавшие в восстании «желтых повязок». Значительного прогресса достигают астрономия, история и география. В период правления династий Цзинь огромное распространение получил буддизм. Сохраняя еще некоторый дух равенства людей, привлекательный для широких слоев населения, буддизм именно в это время сформулировал учение о рае и аде как о воздаянии за прожитую жизнь. В даосизме, как отражение неурядиц эпохи, крепились элементы мистицизма, магии, алхимии, на которые возлагалось доставление верующему бессмертия и счастья.

В эту эпоху составлены «Сань го чжи» и «Хоу Хань шу», содержащие древнейшие летописные сведения о японской земле. Далеко пошла вперед математика, и были сделаны важные технические изобретения (водоподъемное колесо) и усовершенствования (компаса, ткацкого станка). Многие идеи и сюжеты буддийского учения оказали значительное воздействие на искусство, особенно в том варианте, который сложился в царстве Вэй.

Величие танской культуры в полной мере дало себя знать уже после VII в. Но и в начале Тан уже забрезжила заря этой культуры: мир культуры Среднего Востока через Центральную Азию вступил в Китай. Изобретение книгопечатания сыграло ведущую роль в распространении памятников письменной культуры, научной и философской литературы. Прогресс был достигнут и в математике, астрономии (календарь линьдэли), в картографии (карта «Хайнэй хуанту»), в истории (из 24 династийных историй при Тан составлено восемь), в судостроении (постройка судов

дальнего плавания). Огромного успеха достиг буддизм, причем его распространение шло как в ширину, т. е. территориально, так и вглубь, захватывая новые сферы культурной, духовной жизни или по крайней мере проникая в них [История Китая..., 1974, с. 61–84]. Диапазон распространения танской культуры, а также элементов других далеких культур (иранских, арабских, индийских и т. д.), «захваченных» танской волной, огромен; он больше диапазона культуры любой другой эпохи Китая, в том числе и более поздней.

Эта глава в нашей работе не является лишь фоном, оттеняющим события, происходившие на японской земле. Она призвана выявить основные идеи, события в политической и культурной жизни Дальнего Востока, безусловно оказывавший то или иное влияние на отдельные части ареала. Поэтому подытожим, что же из этого предстало перед поднимающейся Японией. Остановимся лишь на общем, так как о частностях мы будем иметь возможность поговорить в дальнейшем. Разумеется, сам сосед не оставался неизменным и, следовательно, менялось его отношение к происходящему рядом с ним; более того, вполне допустимо наличие определенной временной невосприимчивости к тем или иным новшествам. Наконец, мы не знаем, как полна была та информация, которую японцы получали из Кореи и из Китая.

Однако со всеми оговорками мы можем смело утверждать, что для периода до Нара (VIII в.) все, с чем в материальной и духовной области приходилось сталкиваться Японцам, хоть на шаг да оказывалось впереди японского. Это постоянное опережение создавало своеобразный психологический климат: опережение казалось естественным и само собой разумеющимся (как только его стали замечать и анализировать), но отсюда вытекала и преувеличенная надежда избежать всех серьезных и видимых осложнений при условии внимательного слежения за окружающим и правильного на него реагирования.

Миграции с Корейского полуострова на архипелаг, начавшиеся по крайней мере с эпохи яёи и полностью не прекращавшиеся до середины VII в., должны были довольно хорошо и регулярно осведомлять японское население о положении на полуострове. От японцев не укрылись ни консолидация южнокорейских ханей, ни учреждение китайского центра в Лолане. Бурная история Лолана должна была оказывать непосредственное влияние на положение дел в Ематай. И если на этой стадии японцы

ограничивались выражением добрососедских и даже даннических чувств, то все усиливающаяся напряженность на полуострове вынудила их сменить тактику. Бесконечные свары и войны между тремя основными и многими более мелкими владениями, частые вторжения китайских войск на полуостров (вэйских, цзииьских, суйских, танских) держали в напряжении японских правителей не только на Кюсю, но и в Кинай. Активное вмешательство режима Ямато в корейские дела в немалой степени диктовалось боязнью вторжения на острова враждебных сил. Такая боязнь имела все основания: посылали же китайцы вооруженные экспедиции за море для поисков «островов бессмертия», воевала же суйская династия с Тайванем.

Японцы издавна привыкли смотреть на Корею как на ворота, из которых может появиться и грозная опасность, и полезная новизна. Стараясь избегнуть первой, они внимательно присматривались ко второй. Очень скоро они поняли, что Корея не является сама по себе первоисточником всего нового, что где-то за ней находится еще более могущественная и культурная страна. Эта страна лежала слишком далеко, чтобы можно было непосредственно участвовать в ее жизни, как обстояло дело с Кореей. К тому же на любом повороте истории она оказывалась по своей мощи несоизмеримой с крохотным Ямато. Послы, а потом школяры и паломники привозили восторженные известия об этой стране.

Впрочем, отстоявшись, удивительные новости выкристаллизовывались в наблюдения о важнейших пружинах общественного устройства Китая, его силы и культуры. Создание общественной системы, покоящейся на «разумных» этических отношениях, на строгой «родственной» подчиненности — подданного императору, ребенка отцу, — служило заманчивым примером для строителей режима Ямато. Удельные войны, мятежи знати, вторжения «варваров» служили грозным предостережением против пренебрежения нравственными и государственными устоями. Формирование просвещенного слоя чиновников и служащих, целиком зависевших от правительства, и особенно огромной массы земледельцев — государственных арендаторов — казалось передовым людям Ямато залогом прочного процветания режима. Духовные запросы населения — и это тоже обнаруживал континентальный опыт — великолепно удовлетворял буддизм. Это универсальное учение, выгодно отличавшееся от родовых культов, с одной стороны, цементировало общество на каких-то более или менее всеобщих

интересах, выходящих за рамки общинно-родовых, а с другой — не проникало (пока!) в сферу правления. И коль скоро оказывались привлекательными основные положения политической, хозяйственной, общественной жизни континента, роль страны — их обладателя (Китая и Кореи) неизмеримо возрастала. Стало уже вопросом времени, случая да местных условий восприятие тех или иных частных элементов этой системы или выработки своих собственных положений и взглядов, разбуженных и поощряемых усвоенными идеями

Глава 4. Этнос

Ранняя фаза этнической истории Японского архипелага

Значение этнического фактора для осмысления общей истории какого-либо народа, понимаемой как итог всей его деятельности, неоспоримо. Оценка этноса как понятия чисто социального наиболее последовательно выражена С. А. Токаревым в его трактовке признаков этноса: один язык, единство происхождения, единая территория расселения, близость культурных и бытовых навыков, общее этническое самосознание [Основы этнографии, 1968, с. 8—10]. Однако признаки эти, даже в предложенной формулировке, таковы, что полное изучение каждого из них требует привлечения наук не только чисто социальных. Этносоциальное направление разработало учение об этносе как о самоорганизующейся системе, которая сама определяет набор, удельный вес признаков, их соотношение и взаимосвязь [Бромлей, 1973, с. 44]. Приведенный перечень показывает, что указанные явления — признаки непременно и активно участвуют в любом историческом процессе. Упадок же или подъем в развитии этноса тут же сказывается на общем историческом процессе. Особенно сильно влияние «пиковых» моментов этногенеза на ранних ступенях истории народов. В этой ситуации для наблюдателя этнические процессы выступают на передний план исторической картины (вспомним подъем и движение сюнну, или гуннов, сяньби, монголов и пр.). Для докапиталистической истории характерны минимум две «пиковые ситуации» этнической истории: формирование первобытнообщинного племени и раннефеодальной народности. Вторая ситуация прямо связана с темой нашей работы, но не безразлична для нее и первая. Эти две «пиковые ситуации» не просто два момента подъема в однородном в целом процессе. Каждый из них характеризуется своей, только ему присущей нагрузкой. Возьмем для примера принципиальное отношение этноса к культуре в целом на двух этих стадиях.

Культура, которая сплачивает племя, наследственная. Процесс накапливания новых культурных навыков очень медленный, почти незаметный для одного поколения. Именно традиции регламентируют жизнь племени: ведь они передают навыки в борьбе с природой. Сюда входят и трудовые навыки, и осмысление природы, проблемы жизни и смерти, и космогонические представления. Культурный облик такого

общества очень устойчив, традиционен. Когда группа близких племен образует народность, в ней уже есть, классы, которые нельзя скрепить мифами. Объем знаний и представлений о мире качественно меняется — появившаяся письменность позволяет новой информации охватить все большее число людей. Написанное живет самостоятельно, а устный миф — лишь в устах рассказчика. Законы предков не столько управляют обществом, сколько служат ему фундаментом. Тут возникает проблема сохранения исторических ценностей. Законы и традиции могут забыться; чтобы этого не случилось, появляется эпос.

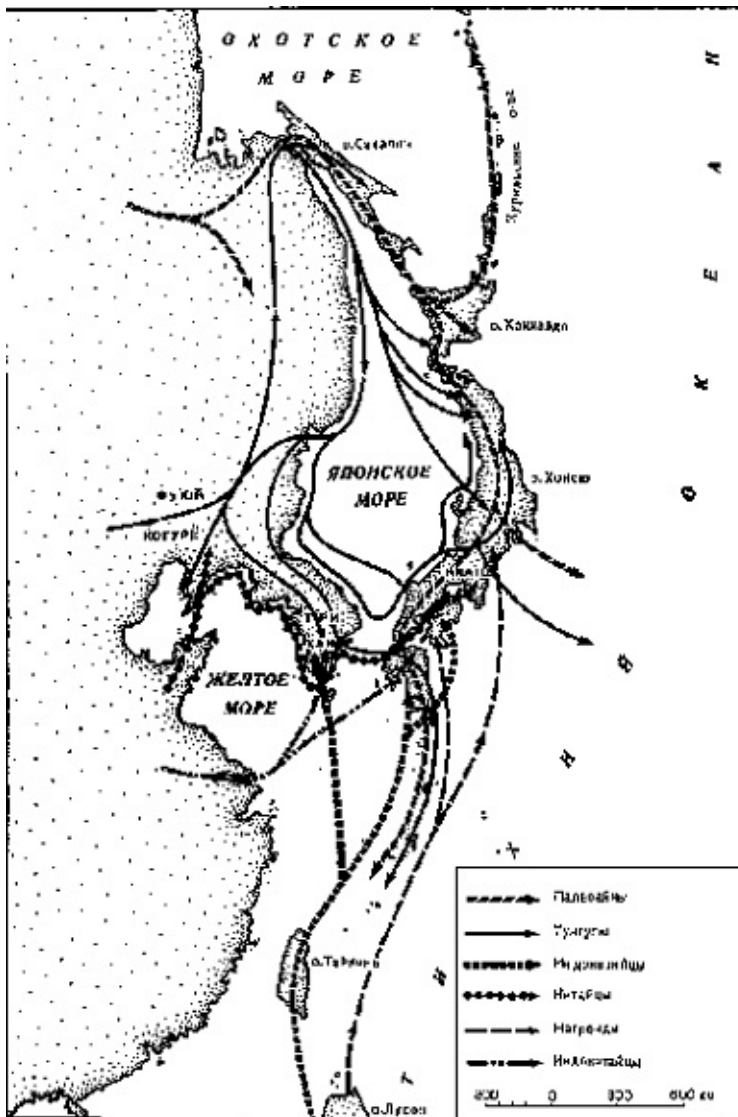
Говоря о двух стадиях этнического процесса — формировании племени и народности, — мы акцентировали внимание на их культурной характеристике. Это объясняется как традицией культуроведческого освещения этнических процессов («социальное направление»), так и большей отзывчивостью культурных явлений на процессы, происходящие в этнической области.

Этническая история японского народа в истоках своих восходит к таким далеким временам, когда еще не существовало ни японской народности, ни японского племени, ни самих японцев, если употреблять эти термины в этнологическом смысле, а не соотносить их с позднейшими японцами. Обращение к столь далекой эпохе могло бы быть оправдано отнесенностью к ней многих этнических компонентов, из которых гораздо позднее сформировалась японская народность. Но интересы нашей работы, естественно, ограничивают внимание к этим временам (см. [Иноуэ, 1964; Чебок-саров, 1964; Воробьев, 1958, с. 101–105]).

В конце неолита, т. е. в конце эпохи дзёмон и в начале яёи (середина I тысячелетия до н. э.), по-видимому, этническая масса рисоводов мигрировала в Японию из района, лежащего к югу от р. Янцзы. Возможно (или не исключено), что путь этот не пролегал непосредственно из районов южнее Янцзы в Японию, а проходил через Южную Корею, сыгравшую роль «промежуточной станции». При этом носители рисоводческой культуры могли испытать некоторое языковое и культурное влияние алтаеязычных народов Центральной и Северо-Восточной Азии, еще находясь в Корее. Пришельцы обладали матрилинейной общественной системой: родители жили врозь, а дети оставались с матерью. Они принесли с собой миф об Аматаэрасу — богине солнца. Удаление богини в пещеру и наступление мрака, как утверждают, есть пересказ средствами

мифа предания о солнечном затмении, характерного для племени мяо в Китае и для других аустроазиатов (Ока, 1964, с. 83–85). Миф о божественной паре (брат и сестра), которая поженилась и породила другие божества, часто встречается у южнокитайских и южноазиатских народов. Это же можно сказать про миф о духах земледелия и пищи, различные части тела которых дают жизнь разным растениям (см. [Kojiki, I, 4–7]).

Расцвет культуры яёи, энеолитической и раннего металла, тесно связан с разведением поливного риса. Техника орошения, специфические орудия труда, религиозные обряды и церемонии, связанные с поливным рисом, одинаковы во всем ареале: в материковой Юго — Восточной Азии и в островной Индонезии.

Этнорасовые миграции на Японский архипелаг (по Нисимура Синдзи)

Общество носителей культуры яёи покоилось на системе возрастных классов. Подростки 14–15 лет после церемоний инициации объявлялись принадлежащими к классу юношей. По обычаю они оставляли родительские дома, переселялись в «дома для юношей». Кроме класса юношей насчитывалось еще несколько классов, в которые мужская молодежь переходила по мере возмужания. Такая организация сохранилась кое-где в глухих уголках Центральной и Юго-Западной Японии вплоть до настоящего времени. Ее наблюдали у тайваньцев, океанийцев, индонезийцев и у других аустронезийцев.

Однако культура яёи не чисто аустронезийская в любом смысле — этническом или культурном. Это сложная культура, кроме местного и аустронезийского компонентов она включала достижения культуры донсон эпохи бронзы (Южный Китай и Северный Вьетнам), племен юэ (Южный Китай) и Восточно-Китайского побережья, культурные и этнические индонезийские элементы [Ichi-kawa, 1961].

Одновременно с этими южными компонентами или даже несколько раньше через Маньчжурию и Корейский полуостров на архипелаг проникли северные и северо-западные народности. Эти народности сначала возделывали просо, а позднее, в Южной Корее и Западной Японии, освоили рисосеяние. Они жили патрилинейными экзогамными кланами (хала). Древнеяпонское «хара» значит то же самое, что и термин «хала», столь широко распространенный среди современных сибирских тунгусов. В древней Корее понятие «хала» стало синонимом клана или народности.

Народности севера принесли с собой шаманизм и некоторые другие верования Северо-Восточной Сибири, полулунные ножи, распространенные и в Южной Маньчжурии, гребенчатую керамику яёи. Косвенное проникновение культурного наследия, восходящего к культуре сибирской бронзы, также связано с миграцией этих племен в Японию. По всей вероятности, эти племена говорили на одном из алтайских языков, близком к тунгусскому, и были связаны родственными узами с обитателями Корейского полуострова. Они быстро смешались с носителями южных культур, но сумели распространить свой алтайский язык среди местного населения. Алтайская основа японского языка, по-видимому, сложилась именно в это время.

По Канасэки Такэо, исследовавшего скелеты людей яёи, в начале этого периода произошла значительная миграция носителей континентальной культуры. Пришельцы распространились не только по Северному Кюсю, но и вплоть до области Кинай. По черепным показателям они не очень отличались от людей дзёмон, но оказались несколько выше ростом. Поскольку у них не было последователей в виде новых мигрантов, эта черта подверглась диффузии, поэтому их нельзя выявить среди современных японцев. По росту они приближались к современным корейцам, что, естественно, не мешает считать Корею ближайшим географическим источником их появления [Komatsu, 1962, с. 23–24].

На этой стадии этнической истории Японии происходило образование двух центров — культурных и, по-видимому, этнических, — обусловленное спецификой распространения в стране людей и культуры яёи.

Для распространения культуры яёи в Японии характерны два процесса: 1) восприятие населением более высокой культуры со всеми ее техническими достижениями и с земледелием, сопровождавшееся ассимиляцией в довольно узком ареале; 2) поверхностное подражание внешним чертам этой культуры (орнаменту, формам керамики) в более широком ареале [Арутюнов, 1961, с. 141–154].

Первый процесс господствовал на Северном Кюсю, где переселенцы с материка не растворились в гуще местного населения и не порвали связей с Южной Кореей. На это указывает сравнительно долгое синхронное развитие погребений в глиняных урнах, бронзовых мечей и копий, гребенчатой керамики типа суку.

Гораздо слабее было связано население Северного Кюсю с жителями Центральной Японии (Кинай), где формировался второй культурный центр. Но в отличие от первого здесь преобладало спокойное развитие культуры, включавшей многие местные черты. В Центральной Японии аборигены превалировали над пришельцами и принадлежали к аустронезийским племенам или к метисированным южноайнским. Как бы то ни было, и те и другие оказались лучше подготовлены к освоению новой культуры, чем айны с севера Хонсю, подражавшие лишь внешним сторонам этой культуры.

После о-ва Танэгасима наиболее удобный путь на восток и северо-восток для айнов и аустронезийцев пролегал по восточному берегу Кюсю и далее вдоль Санъёдо (южной половины Хонсю, отгороженной от северной хребтом) и по побережью Внутреннего Японского моря. Северо-Западное Кюсю и северная половина о-ва Хонсю (Синъиндо) оказывались, таким образом, в стороне от основного миграционного потока.

Так как энеолитические пришельцы проникли на архипелаг именно через Северное Кюсю, в этническом смешении, образовавшемся на Северном Кюсю и в пров. Нагато, превалировали пришлые элементы. Это подтверждается большим сходством памятников культуры Южной Кореи и Северного Кюсю. Юг Кюсю, где жили кумасо, оказался отрезанным хребтом, и пришельцы двинулись на восток — по северной и южной сторонам Хонсю. По мере удаления от первоначального центра их этническое и культурное влияние уменьшалось. Ярким свидетельством этого является культурно-этнический облик Кинай в энеолитическое время. Хотя здесь сложился второй культурный центр, в нем превалировали местные черты. Местные традиции оказали заметное влияние даже на такие специфические достижения пришельцев, как рисосеяние и соответствующий земледельческий инвентарь (на Северном Кюсю превалировали поливное рисосеяние и полулунные ножи наиболее архаичного типа; в Кинай большой удельный вес приобрели суходольное рисосеяние и полулунные ножи типа наиболее развитого). Различны и бронзовые предметы (культура копий и мечей на Кюсю и культура зеркал и колоколов дотаку в Кинай), погребения (глиняные урны и мегалитические сооружения на Северном Кюсю и в Западной Японии, погребения под каменными и земляными насыпями в Кинай).

Но в обоих центрах шло активное переосмысление занесенных элементов. Это особенно отчетливо прослеживается в изделиях из бронзы. На Северном Кюсю самостоятельно изготавливали парадные мечи с широкими лезвиями, лишь очень отдаленно связываемые с аустронезийскими, а в Кинай — колокола (дотаку), вообще не поддающиеся сопоставлению.

Сила местных этнических традиций, некогда тоже связываемых с пришельцами, но ко времени развития культуры яёи уже оцениваемых как аборигенные, подтверждается, в частности, анализом рельефов на знаменитом колоколе-дотаку из Кинай. На одной сцене представлен амбар

на высоких сваях, с приставной лестницей, под двускатной коньковой крышей. Специфически длинная коньковая балка, образующая фронтоны с большими выносами, опирается на особые сваи, не связанные со стенами сооружения. Такая конструкция крыши типична для Индонезии, а амбары на сваях — для айнов, но таких крыш и таких амбаров нет ни в Корее, ни на Кюсю.

В конце периода яёи рисосеяние распространилось почти по всем Японским островам, население выросло, производство развилось. Все это вызвало определенную стратификацию общества. Влиятельные роды появлялись и крепили во всех уголках страны. Но ни этнически, ни культурно страна еще не стала единой. Отдельные этнические группы, прибывшие на архипелаг в разное время, сохраняли известную независимость и культурную само-стоятельность, несмотря на продолжавшееся смешение.

Сравнительное изучение корейско-японских лингвистических связей показывает, что фонетический строй японского языка в древности был гораздо ближе к корейскому, чем в настоящее время; последующие изменения в японской фонетике происходили под влиянием аустронезийского субстрата. Словарный состав японского языка обнаруживает близость к древнекорейским терминам охотничьего и примитивно-земледельческого хозяйства, к аустронезийским существительным рыболовческо-собирающего круга, к айнским ритуальным и тайным выражениям [Miller, 1967].

Можно говорить о пяти этнических компонентах, которые приняли участие в формировании японской народности: 1) айнском, 2) индонезийском (кумасо, хаято), 3) древнем восточноазиатском (предки ва), 4) о собственно корейском и 5) о собственно китайском; 4-й и 5-й — более поздние [Арутюнов, 1962, с. 5, 12–13].

Айнский компонент (эмиси) должен был участвовать в формировании этноса ва, но роль его в этом процессе неизвестна. Неясно, участвовали ли айны непосредственно в этом процессе наравне с кумасо и хаято, или слияние двух последних элементов произошло еще раньше [Howell, 1968]. Изучение айнско-японских параллелей показывает, что 1) айнские заимствования в японской культуре относятся по времени к раннему средневековью, по зоне — к северным районам Хонсю, по сфере

приложения — к ритуально- обрядной; 2) удельный вес этих заимствований невелик по сравнению с проявлением айнских черт в антропологической характеристике японцев; 3) более древние айнско- японские параллели могут восходить к айнско-аустронезийской неолитической общности [Арутюнов, 1957].

Если археологические и лингвистические данные позволяют отнести эмиси к айнам, то этническая принадлежность кумасо и хаято менее ясна. По мнению Комаи Кадзутика, в иероглифическом написании этих этнонимов скрывается намек на их размещение по отношению друг к другу и к массе японцев. Кумасо первоначально- жили на территории нынешних префектур Кумамото и Миядзаки, тогда как хаято заселяли префектуру Кагосима. Некоторые ученые считают эти племена не японскими, а хаято причисляют к индонезийцам. Но ни в одной из этих префектур в топонимике не сохранилось индонезийских элементов. По-видимому, кумасо и хаято — уже относились к японской народности, когда эмиси сохраняли этническую самостоятельность [Komai, 1969; Takakura, 1960, с. 13; Slawik, 1955].

Древний восточноазиатский компонент связывается с носителями культуры яёи. Ко всему сказанному о ней надо добавить, что, вероятно, от ее носителей — людей ва или их непосредственных предков — сохранилось несколько слов, записанных китайцами в «Вэй чжи», которые определяются как японские слова. Развитие ткачества, поливного рисосеяния, земледельческих поселений («аграрная революция», по Исида Эйитиро), во многом обязанное- диффузии с континента, создало основу первого, раннего варианта японской культуры в собственном смысле слова. Это же развитие в сочетании с языковым обеспечило, как считают, начало формирования японской народности. И хотя обычаи этой народности (вадзин) еще сочетали в себе элементы островного южноазиатского мира с элементами континентальными, североазиатскими, достигнутые в начале нашей эры результаты не могли быть перекрыты последующими этническими и культурными потоками или политическими событиями [Ishida, 1974, с. 17, 23, 30–39, 44–49, 90; Mizuno, 1968, с. 73].

Появление людей и культуры яёи оказалось вехой, отмечающей важные перемены в этническом облике населения архипелага. Вместо языковых связей с Юго-Восточной Азией на первый план выступают связи с народами Корейского полуострова [Арутюнов, 1960, с. 71].

Формирование двух культурно-этнических центров при сохранении изолятов (хаято, кумасо) отмечает наступление той стадии этнической истории, которая характеризуется появлением племен и союзов племен.

Этническая история Ямато

Этническая история Японии, вступая в «полуисторический» или предписьменный период, тем не менее скрывает в себе много неясного даже по основной проблеме: наличия или отсутствия новых миграций. Согласно наиболее широко распространенному мнению, предложенному японскими учеными, изложенному и развитому в работах С.А.Арутюнова [Арутюнов, 1961, с. 155–173], М. Г. Левина [Левин, 1971, с. 186 и сл.], дело происходило таким образом.

Культура раннего железного века, курганная и культура Ямато развились на основе двух бронзовых культур без новых миграций — о них ничего не говорят уже существовавшие в то время китайские летописи. Утверждения некоторых ученых о связи пластинчатых лат, наездничества, соколиной охоты с культурой кочевников Центральной Азии сторонники этого мнения считают малоубедительными. Эти элементы, по их предположению, могли занести в Японию и китайцы, в частности беженцы из разгромленного царства У (280 г.) Лингвисты твердо выделяют в японском языке два пласта китайских заимствований — уский (III в.) иханьский (до VII в.) [Арутюнов, 1961, с. 155–173]. Эти японские ученые возводят культуру Ямато к культуре бронзы в Кинай, но надо помнить, что в момент формирования культуры Ямато район Кинай был, в сущности, островком в море культуры с центром на Северном Кюсю (представленной, например, каменными ящиками). Знаменитые квадратно-круглые курганы Кинай возникли под влиянием Китая (квадратная пристройка напоминает китайскую алтарную насыпь), но все же из более ранних, архаичных круглых курганов Северного Кюсю. Даже почитатели глиняных цилиндров- кругляков по основанию курганов (ханива), по-видимому, унаследовали идею кюсюских циклопических каменных оград вокруг холмов (когоиси), служивших объектом поклонения. Знаменитая впоследствии триада — меч, яшма, зеркало — еще в I в. до н. э. почиталась на Северном Кюсю.

В общетеоретическом плане в японской этнографии замечается крен в сторону автохтонности в результате боязни вульгарного миграционизма. Этот крен сказывается и в прямолинейном выведении культуры Ямато из недр культуры яёи. Между культурой «бронзы в Кинай и культурой Ямато

существует несомненная преемственность. Она проявляется в тождественности керамики, медных наконечников стрел, бронзовых сельскохозяйственных орудий, типа жилища, бытовой утвари. В этом смысле верно мнение, что культура бронзы в Кинай легла в основу общепонской культуры. Но неверно, что распространение культуры Кинай происходило путем завоеваний, проходивших из этого центра на окраины, — в таком случае мы всюду находили бы там дотаку, оставленные завоевателями. Этого не случилось, и в 674 г. находка этого предмета привела современников в недоумение. Более того, этот факт как раз говорит о завоевании области Кинай пришельцами с Северного Кюсю и о последующей гибели, уходе в клады дотаку. Бурный расцвет грандиозных памятников Ямато обязан своим происхождением завоевателям, имевшим возможность сгонять население на возведение огромных курганов и камер.

В результате завоевания Кинай выходцами с Кюсю сложилась синтетическая культура Ямато, основа которой была местной. Религия и быт знати занесены сюда с Кюсю. Эта культура Ямато распространилась по всей Японии уже из области Кинай [Kinoshita, 1971]. Население Ямато в этническом отношении можно считать японцами, основываясь на параллелях между обычаями и этнографическими чертами средневековых японцев.

События, связанные с победой выходцев Северного Кюсю над жителями Кинай, нашли отражение в мифах, зафиксированных в «Кодзики». Имя правительницы Ематай Химико может быть расшифровано либо как «княжна» (химэко), либо как «жрица солнца» (хи-мико), слово «ва» — как часть выражения «вага куни» — («наша страна»). Миф о споре божеств Аматэрасу и Сусаноо может рассматриваться как косвенное свидетельство о победе северо-кюсюских сил над кинайскими. В одном из вариантов этого мифа в результате борьбы Аматэрасу производит женские божества из своего меча, а Сусаноо — мужские из своего ожерелья. Божества, порожденные Аматэрасу, почитались на Кюсю, а божества, рожденные Сусаноо, — в Центральной Японии [ср. Којікі, I, 15–17].

Миф положительно оценивает Аматэрасу, связанную с Кюсю (и с мечом), и отрицательно — Сусаноо, отождествляемого с Восточной Японией, и утверждает победу Аматэрасу (Кюсю) над Сусаноо (Кинай). Дзимму, возглавивший восточный поход, по одной версии, считался правнуком Аматэрасу [Nihongi, I, 62]. Приготовление к походу, вероятный

объезд вокруг Кюсю напоминают сбор сил союзников Ематай. Поход сопровождался уничтожением местной знати, кото. рая в основном была жреческого происхождения... На это указывают применяемый к ним титул «хофури» (жрец), расположение их ставки на вершине горы, где зарывали и дотаку.

В III в. на Кюсю существовала федерация племен, говоривших на японском языке, развивавших культуру бронзы, связанных с материком. Центр в Кинай, враждебный первому, был слабо связан с материком. В конце III в. федерация на Кюсю разгромила федерацию в Кинай, истребив жреческую знать. Кинай стал центром складывающегося японского государства. Историко-религиозная, мифологическая традиция средневековой Японии восходит по преимуществу к вадзин с Кюсю [Sakazume, 1963].

Существуют и другие изложения этой же позиции, варьирующие частности. Многие высказанные положения безусловно справедливы, как, например, замечание о тесной связи культуры Ямато с культурой яёи. Более проблематично возведение происхождения квадратно-круглых курганов Кинай к китайским, а ханива из Кинай— к когоиси с Кюсю. Трактовка мифов об Аматаэрасу допускает иной вывод. Последовательность и направление завоеваний с Кюсю на Кинай, из Кинай — на всю Японию, включая и Кюсю, безоговорочно не подтверждаются объективными данными.

Поэтому в 50-х годах XX в. распространилась новая теория, иначе объясняющая сложившуюся ситуацию. Она попала в том «Япония», изданный ЮНЕСКО в 1964 г. и, следовательно, твердо заявила права на гражданство [Jарап... 1964].

В своем полном, развернутом, авторском виде она изложена Эгами Намио, развита его сторонниками [Egami, 1964, 1963]. Доводы СВОДЯТСЯ к следующему. Курганный период можно разделить на два этапа с разными по облику- культурами. Ранний сложился где-то в Кинай на базе культуры яёи (конец III — конец V в.). На этом этапе господствовали круглые курганы, гробы из двух выдолбленных плах, вертикальная камера; инвентарь уже нес ритуальную, символическую нагрузку; во всем чувствовались традиции культуры яёи. Магическо-религиозная окраска сближает раннекурганиое общество с обществом вожэнь, описанным в

«Вэй чжи». Оно закономерно развилось на месте из предшествующего.

На позднем этапе (конец V — конец VII в.) появились квадратно-круглые курганы в виде замочной скважины, каменные и деревянные гробы материкового типа, зарытые в землю, а за ними горизонтальные камеры и даже фрески. В погребальный инвентарь включаются: оружие, упряжь, каменные имитаций бытовых вещей, а затем и ханива. Погребальный инвентарь принимает характер заупокойного. Большинство оружия, упряжь, одежда и украшения, включая и опознаваемое на ханива, аналогично тому, которое связывают с хусцами из Центральной и Восточной Азии, появившимися в III–V вв. за Китайской стеной. Культура хусцев предстает перед нами уже китаизированной. Развитие упряжи, лука и стрел, пригодных для стрельбы с коня, одежды и лат, удобных для наездника, приобретает практический, военный уклон. На ханива, изображающих воинов, можно опознать цилиндрический рукав куртки, расширяющийся кверху; широкие мешковидные шаровары, перехваченные кожаным поясом с застежкой; с пояса свисают цепочки. Этот обычный наряд наездника дополнен высокими кожаными — сапогами. Доспехи короткие, по пояс, из мелких пластин с отверстиями. Рукоятка меча украшена изображением головы феникса или дракона. На стрелах есть приспособление для того, чтобы в полете раздавался свист. В III–V вв. такая китаизированная культура процветала в Северном Китае у сяньби и хунну, у когурё и пую.

Различие в образе жизни, погребениях, в представлениях о будущей жизни наблюдается на стадиях ранней и поздней курганной культуры, но оно не ощущалось на стадии яёи. Магические, жреческие черты мирного земледельческого общества юго-восточного происхождения, присущие яёи и ранней курганной культуре, слабеют, а военные признаки наезднического аристократического коллектива североазиатского корня растут на поздней стадии курганной культуры. Это говорит о резком, скачкообразном переходе от ранней курганной культуры к поздней. Разумеется, кроме притока новой культуры из-за моря этот переход был обусловлен и важными внутренними причинами. Подобное различие в археологических комплексах наблюдается и на памятниках Кореи, Маньчжурии, Северного Китая, Центральной Азии, даже Южной России и Венгрии в III–V вв. В этих районах действовали воинственные кочевники центральноазиатского происхождения, чья культура напоминает культуру поздних курганов Японии.

В обозначение японских (кабанэ) и корейских (кольпхун) клановых званий входит один и тот же знак, означающий «кость» (яп. бонэ). Среди монгольских племен слово «бонэ» определяет патриархальный клан. Японское «удзи», или «уди» (патриархальный клан), обнаруживается в корейском в форме «ул»; уру-г (родичи) — в монгольском, ури (потомки) — в бурятском, уру (родственники) — в тюркском, ур (сыновья) — в тунгусском. Эти лингвистические сближения в недрах алтайских языков, несомненно, подтверждают родство указанных народностей.

В японских мифах выделяются две категории божеств: небесные (Аматэрасу) и земные, или местные, причем небесные пришли извне и стали властителями над местными. Возможно, это разделение отражает какую-то реальность в недавнем прошлом страны. Верховное божество называлось Такамимусуби, т. е. «Высокая троица». Центральное место в системе мифов занял миф о завоевании божественным внуком Ниниги «Срединной страны» (Японии) и о пожаловании ему трех священных регалий. Таким образом, миф обосновывает права клана тэнно на Японию. Очень похоже объясняет корейский миф о Танкуне условия основания древнекорейского Чосон. Сходство наблюдается и в деталях: упомянуты «три небесных знака», сошествие духа на дерево на горе; другое имя Такамимусуби — Такаги — как раз и означает «высокое дерево», японская вершина Кусифуру подозрительно похожа на корейскую Куси. Оба мифа, вероятно, одного происхождения [Kojiki, I, 38, 39]. Миф о пришествии в Идзумо по требованию местных богов является одним из таких примеров, а восточный поход «царя» Дзимму-другим. Согласно одной из версий, предок Дзимму по воле Аматэрасу спустился на гору в Кюсю, чтобы управлять страной, но аналогичное предание существует и в Южной Корее — в шести владениях кара. Основываясь на этом, некоторые ученые раскрывают японский миф о «сошествии тэнсон» — «небесного внука» Аматэрасу — с приближенными (народа тэнсон) как переселение на острова во II–III вв. выходцев из корейского образования Кара [Ким Сокхён, 1965].

В ходе восточного похода Дзимму сталкивается с местным божеством Утохико, который перевозит героя в новое царство через реку на черепахе. Аналогичная сцена есть в мифах у когурё и у пэкче. Дзимму носил титул «первого правителя страны», но аналогичным титулом обладал и «царь»

Судзин, собственное имя (или второй титул) которого звучало как «принц Мима» (может быть, Мимана?). Возможно, Судзин (первая половина IV в.) и был в действительности первым царем Японии (см. [Kojiki, I, 63–68]).

В китайских летописях есть сообщение о пяти государях Японии, которые просили у китайского двора подтвердить их титулы государей Японии и Южной Кореи, ссылаясь на положение, существовавшее в эпоху трех хан в Корее. Но из истории мы знаем о двух объединителях хан — о царе Цинь (III в.) и о выходце из дома царя Фуюй (первая половина IV в.). Смещенный царь Цинь ушел из Махан до 280 г. н. э. и поселился в Пёнхан (Мимана). Возможно, последний царь Цинь и есть Судзин, и тогда понятны его претензии.

Другой китайский источник отличает Японию (Эрбянь) от Ва, говоря, что Япония первоначально была маленькой страной, но потом заняла земли Ва. Правда, эти сведения поздние (VII в.), но они предшествуют составлению официозных «Нихонги». И в то время как последняя отстаивает местное происхождение царской династии, первые указывали на ее иноземные корни.

В «Нихонги» содержится любопытное сообщение об охоте на оленей, в которой в 611 г. участвовала царица [Nihongi, XXII, 24]. Охотились в охотничьих угодьях в определенное время на оленей ради рогов-пантов, обладавших целебными свойствами. Она неоднократно упоминается в «Манъёсю» [Sugiyama, 1971]. Но кроме этой практической цели существовал еще и аспект ритуальный, уходящий корнями в идеологию северных кочевников, которые через Китай и Корею добрались до архипелага. В «Самкук саги» описывается весенняя охота на оленей на холмах Лолана. Король со свитой убили оленей и кабанов и принесли их в жертву богам неба, гор и рек. Среди петроглифов Северной Азии можно встретить изображение оленя, а «олень — золотые рога» стал символом солнца, бессмертия, вечного счастья. Большие рога благородного оленя — это панты, содержащие тоническое средство, которое всегда отождествлялось с бессмертием и счастьем. Такое же значение, по-видимому, имели золотые короны — Силлы и бронзовая корона из кургана Фунаяма у Эда на Кюсю с украшениями в виде рогов.

Гипотеза о воинственных кочевниках из Азии, ставших господами над «мирным и религиозным» народом, покоится, как утверждают сторонники

этой концепции, на дуалистическом характере древнеяпонской мифологии, религии, общественной структуры, обычаев.

Итак, по мысли Эгами Намио, процесс образования японского народа, безусловно, происходил уже в период яёи, когда разведение риса стало основой японского хозяйства, и до нашей эры; уже тогда появился японский язык. Формирование японской народности в экономическом отношении обязано тому обстоятельству, что аборигены Центрального и Южного Китая занесли в Японию культуру поливного риса. Сам народ открыл культурное общение между Японией, с одной стороны, и Маньчжурией и Северным Китаем — с другой (через Корею). Культура металла маньчжурского и корейского происхождения была занесена в Японию, а кровь их носителей смешалась с кровью населения Западной Японии. По Эгами, по археологическим, этнографическим и историческим данным происхождение японского народа и государства предстает в следующем свете. Режим в Ямато был создан наездниками Восточной Маньчжурии одинакового происхождения с пуё и когурё. Эти наездники первоначально двигались на юг со своей родины и завоевали Южную Корею. После краха их завоевания им пришлось затвориться в Мимана, откуда они двинулись на Северное Кюсю примерно в первой половине IV в., в правление Мимаки-ири хико (Судзина). В конце IV или в начале V в. при Одзине они настолько усилились, что смогли вернуть господство над Южной Кореей, перенести политический центр в Кинай, основать там режим Ямато и перейти к объединению страны.

Если отвлечься от сильного крена в сторону признания новой миграции творцом перечисленных событий, то сама характеристика этнической истории Японии этого времени находит подтверждение в трудах советских ученых. «Очевидно, ко времени сложения государства Ямато следует отнести формирование японской народности. В аспекте этнической истории это означало завершение в Центральной и Южной Японии процесса смешения различных по происхождению групп в единое этническое образование, начавшегося еще в последних веках до нашей эры» [Левин, 1971, с. 186].

Переселение китайцев и корейцев

Тем не менее и после этого ход этнической истории населения архипелага оставался достаточно напряженным и проходил под заметным воздействием миграции и диффузии. В IV–VII вв. в страну мигрировали значительные массы обитателей Кореи и Китая, причем мы знаем даже приблизительное время прибытия отдельных партий, их примерную численность и расселение по стране. В предварительном плане можно сказать, что эта миграция сыграла существенную роль в окончательном складывании этнического облика японцев. Значение диффузии континентальной культуры, «ввязанной с этой миграцией, представляется еще более важным. Поскольку она как лак легла на всю японскую основу, создано впечатление о ее всепроникающем и решающем влиянии [Saito, J 969; Mun Sa Wi, 1971].

Судя по летописи «Нихонги», большие группы китайцев из префектур Лолан и Дайфан (Корея), переселившиеся в Японию, состояли из циньцев (или хата) во главе с Гун Юэцзюнем и ханьцев (или ая) во главе с Атики (кор. А Чжики). Первые появились в Японии около 14 г. правления Одзина (283 г.?), вторые — в 20 г. (289 г.?). О действительной, хотя бы приблизительной дате приезда можно лишь догадываться по косвенным данным. По «Кодзики», Атики привез в подарок железный меч с семью отростками. Похожий меч сохранился, на нем есть датирующая надпись — 369 г. Поэтому предполагают, что оба персонажа прибыли между 370–375 гг. [ср. Kojiki, II, 104—7].

С одной из первых партий ханьцев прибыл и знаменитый Вани (кор. Ван Ин); о дате его приезда много писали, и в конце концов она тоже отнесена к IV в. Напомним, что это время ознаменовалось на Корейском полуострове крахом китайских префектур, а это должно было вызвать перемещение колонистов.

Названия «ая» и «хата» как родовые фамилии иммигрантов в первом поколении упоминаются уже в V в. при награждении званиями представителей их высшего слоя [Lewin, 1962]. Ая — одно из чтений (ая, ая-но атаби, аябэ) в древнеяпонском произношении двух иероглифов, которые буквально значат «люди хань, ханьцы». Хата-одно из званий

(кабанэ), жалуемых иммигрантам; для его написания использован китайский знак, определяющий династию Цинь; отсюда — «циньцы».

В подсчетах числа иммигрантов в протоисторические и исторические эпохи в Японии авторы не сходятся. Но известно, что в 14 и 16 гг. правления Одзина пришелец Гун Юецзюнь явился во главе населения 120 уездов. При Нинтоку бьгао расселено население 127 уездов Цинь. Но в Лолане при Ранней Хань числилось лишь 25 уездов: похоже, «сотня» подставлена ошибочно и перед цифрой следует поставить предлог «из».

Ханьцы происходили из 17 уездов, сперва они прибыли в Дайфан, а после упразднения последнего — в Японию. Число тех и других, по поздним источникам, колебалось между несколькими сотнями и несколькими тысячами. По главе о Юряку (вторая половина V в.) в «Нихонги» и по «Новому реестру кланов и фамилий» («Синсэн сёдзи року»), насчитывалось 92 корпорации (бэ) циньцев-иммигрантов и в них числилось 18 670 человек; при вступлении на престол Киммэя (вторая половина VI в.) циньцев оказалось 7053 двора. По утверждению некоторых исследователей, это составляло 3 % всего податного населения [Аоки, 1974, с. 71]. Сведения о ханьцах менее определены: в «Дополнениях к сказаниям о старине» («Кого сюи») утверждается, что их считали десятками тысяч.

По аналогии с современными демографическими данными, в эпоху яёи на островах могло жить что-то около миллиона человек, в начале VII в. — миллионов пять японцев, в середине VIII в. — до 8,5 млн.

Иноземцы прибывали в Японию через Корейский полуостров тремя волнами: 1) IV — начало V в.; 2) вторая половина VI — начало VII в.; 3) 60-е годы VII в. — VIII в. [Lewin, 1962, с. 190–193; Рак Siin, 1972]. Всех иммигрантов селили компактными группами в строго определенных районах."

С V в. ая особенно густо расселялись на Хонсю по побережью Внутреннего Японского моря, вблизи тех мест (Нагато, Ямато), где размещались царские ставки. Поселения ая (ямато-но ая) кроме клана Сака-но-э находились в провинциях Ямато, Кавати. Хата придерживались той же тенденции: жить вблизи ставок «царя» — и поселились в основном в провинциях Ямасиро, Сэтцу, Кавати. Материал о поселениях потомков

«ханьцев» относится к VII–X вв. К этому времени обозначения Аяхито, Аябэ, Аяхитобэ утратили свою характерную социальную функцию и превратились в простые фамилии. Внезапное появление этих фамилий в разных провинциях дает право на предположение, что эти фамилии или группы фамилий есть результат смешения аборигенов с потомками пришельцев. Это можно подтвердить на примере провинций Ямато и Кавати, находящихся на восточной оконечности Внутреннего Японского моря.

С V в. хата заселяли побережье Внутреннего Японского моря, восточное побережье Кюсю, западное побережье Сикоку, южное побережье Хонсю. Затем — они переселились в провинции Бидзэн, Сацума, Сэтцу, Кавати, Танива, Ямато, Ямасиро и далее в Тика- цуоми, Мино.

Китайский посол, сопровождавший японского к себе на родину в Китай в 608 г., упоминает некую страну Суво [Jарап..., 1951, с. 32], «чьи люди похожи на китайцев». Возможно, речь идет о стране Хата.

Появление корейских военнопленных и китайских иммигрантов на островах способствовало консолидации централизованного режима, который противостоял эмиси, владевшим севером Хонсю. Эти иммигранты отнюдь не оказались в положении изолированного меньшинства. Они стали частью господствующей в Японии социальной структуры. Обе группы (ая и хата) расслаивались, с одной стороны, на ряд более мелких привилегированных, управленческих прослоек, а с другой — на массу рядовых, которые еще раньше в корейских поселениях находились в подчинении у своих вождей. В процессе натурализации обе группы, каждая по-своему, прошли путь развития, который отличался значительными особенностями, оказавшими влияние на окончательный их социальный состав [Soong Yiie-lun, 1971; Imai, 1967].

Если суммировать все, что нам известно о социальной структуре ямато-но ая перед реформами Тайка, то мы получим следующие разряды [Lewin, 1962, с. 126]: 1) ая-но атаэ (клановый союз). Его члены — это хранители казны, административные деятели, начальники профессиональных и ремесленных объединений, обладавшие земельной собственностью; 2) ая-но обито (отдельный клан). Его члены — это служащие территориальных учреждений, начальники профессиональных объединений; 3) ая-но сугури (отдельный клан). Его члены — это

начальники аябэ; 4) аяхито (отдельный клан). Его члены — это мастера-ремесленники (самостоятельные или члены объединений), свободные крестьяне, служащие (например, сборщики налогов, писцы); 5) аябэ и аяхитобэ (корпорации). Это зависимые профессиональные объединения или крестьяне. Группы 1–4 — свободные, группа 5 — полусвободная.

Социальное положение группы хата в общем соответствовало состоянию ая. Но высшие слои хата к моменту переселения по социальному престижу не дотягивали до ая, поэтому и положение основной массы хата оказалось в Японии ниже. Среди них обнаруживается лишь один руководящий клан — это клан «принца» Юдзуки. Хата обладали более широким низшим, крестьянским слоем, над которым находилась единственная профессиональная группа ремесленников — шелкоткацкая. Из этого крестьянского субстрата выросли впоследствии мелкие землевладельцы. В культурном отношении и по положению при дворе хата уступали ая. Не известно ни одного случая, когда бы род хата выполнял функцию писцов, столь распространенную среди ая. Причины более низкой их культурной роли очевидны. Силла, откуда хата иммигрировали в Японию в V в., была сравнительно изолирована от китайской культуры. Ая же прибыли из китайской колонии Лолан, хранившей еще традиции ханьской культуры. Социальная структура хата тоже зависела от этого фактора: группа хата по абсолютному и процентному отношению группы несвободных далеко обгоняла другие группы переселенцев. Не удивительно, что хата очень рано стали употреблять на подневольных работах. Уже при Нинтоку их посылали на строительные и ирригационные работы в Ямато и Кавати. Их участие в хозяйственном развитии Центральной Японии значительно [Lewin, 1962, с. 133–137; Мидзуно, 1973].

Социальное положение ая и хата оставалось неизменным до середины VII в., как, впрочем, и других переселенцев. Ассимиляция с аборигенами на протяжении поколений зашла настолько далеко, что натурализовавшиеся иммигранты в социальном отношении мало чем отличались от местных жителей. Окончательная японизация облегчалась двумя мероприятиями в ходе реформы Тайка. Первое мероприятие заключалось в ликвидации системы корпораций (бэ), как зависимых, так и привилегированных. Тем самым уничтожались корпоративные основы неравенства или изолированности. С этих пор единственное отличие ая и хата стало заключаться в фамилиях. Второе мероприятие сводилось к упразднению

старых званий и к введению восьми новых (685 г.). Так, были упразднены звания привилегированных, старых иммигрантов— атаэ, обито, мяцуко, должностные звания оми, фубито, сугури, оса, киси, эси, кусуси.

Ая играли большую политическую роль, нежели хата. Уже родоначальник клана Ая-но атаэ — Ати-но Оми и его сын Цукано Оми оказались ближайшими приближенными царей Ритю и Юряку. Хата вступили на политическую арену в V в., когда Хата-но кими сакэ стал придворным Юряку. Как управляющий царскими корпорациями, он ведал 18 670 членами 98 групп хата. Один из ая в конце концов поддержал клан Сога в его стремлении принять буддизм. Ая принимали участие в просветительской деятельности Сётоку-тайси, в реформах 645 г. В тесном контакте с родом Сога, принявшим во второй половине VI в. буддизм, находились ая и хата, представители которых ведали финансами Сога. Строительство первых храмов тоже не обошлось без их участия.

Иммигранты с материка были естественными проводниками китайской письменности. Верхний их слой, конечно, был грамотным. Не случайно в течение нескольких столетий переводчиков И писцов набирали только из их среды. Но удивительно другое: почему этот грамотный слой почти не оставил после себя конкретных письменных материалов ни на старой, ни на новой родине? (ср. [Аоки, 1974, с. 19]). Допустимо, что со старой родиной они быстро утратили связь, на новой же далеко не всегда встречали дружелюбный прием и попадали на службу к правителям Ямато. В японских источниках столкновение между пришельцами и аборигенами — нередкий мотив, хотя он обычно предстает в мифологическом оформлении, в виде схватки между пришлым и местным божествами [Древние фудоки, 1969, с. 34, 77, 92–93], причем объектом борьбы часто является земля [Древние фудоки, 1969, с. 90, 95]. И очень часто победу одерживает прошлое божество — иногда обнаружив лучшие навыки в рисосеянии [Древние фудоки, 1969, с. 91].

Переселениями в Ямато групп ая и хата миграции на острова не закончились, они лишь сократились. Так, в 666 г. из Пэкче прибыло 2 тыс. человек обоего пола. Их поселили в восточных провинциях. В начале IX в. в столице Хэйан и в пяти центральных провинциях (гокинай) произвели перепись, которая выявила 1182 клана и фамилии. В перечне «Синсэн сёдзи року» они разбиты на четыре группы: 1) кобэцу — ответвления верховного божества и императорского клана; 2) симбэцу — отпрыски «земных богов»

(т. е. не Аматаэрасу и др.); 3) сёбан — иноземные кланы; 4) ми-тэй-но дзосё — кланы неизвестного происхождения (табл. 5, 6).

Таблица 5

Разбивка кланов по провинциям и по группам на основании — переписи в начале IX в.

Провинция	Кобэцу	Симбэцу	Сэбан	Митэй-но дзосё	Итого
Сакё *	104	81	72	11	268
Укё **	18	65	102	23	268
Ямасиро	25	45	22	11	103
Ямато	19	44	26	11	100
Сэтцу	30	45	29	14	118
Кавати	46	63	56	31	196
Идзуми ***	33	60	20	16	129
Всего	335	403	327	117	1182

* Восточная половина г. Хэйан.

** Западная половина г. Хэйан.

*** В VII в. входила в пров. Кавати.

Среди 117 фамилий неизвестного происхождения числится 47, предки которых, несомненно, пришли с материка. Интересно, что около 800 г. треть фамилий в Центральной Японии вела свое происхождение с материка. Эта перепись — последняя попытка выделить самостоятельную группу иноземного происхождения.

В III–VII вв. существовали постоянные контакты с континентом. Переселение корейцев и китайцев зафиксировано не только в летописях.

Таблица 6

Разбивка иноземных кланов (сёбэн) по месту происхождения и проживанию.

Происхождение	Происхождение					Итого
	Хань	Пэкче	Когурё	Силла	Мимана	
Сакё *	39	11	15	1	3	72
Укё **	44	46	9	3	—	102
Ямасиро	9	6	5	1	1	22
Ямато	11	6	6	1	2	26
Сэтцу	13	9	3	1	3	29
Кавати	36	15	3	2	—	56
Идзуми ***	11	8	—	1	—	20
Всего . .	163	104	41	10	9	327

* Восточная половина г. Хэйан.

** Западная половина г. Хэйан.

*** В VII в. входила в пров. Кавати.

Очертания голов глиняных статуэток-ханива вполне соответствуют конфигурации обнаруженных черепов той эпохи. Население этого времени по высоте и ширине костяка не отличалось от современных японцев середины XX в., только Череп(а) у них были ниже. Высота лица у них была выше, чем у людей дзёмон, но ниже, чем у жителей яёи и современных японцев. Черты лица отличались большей уплощенностью, чем у народа дзёмон. Прикус встречался менее чем в 30 % случаев. Их отличие от современных японцев ощущается меньше, чем последних от людей яёи или дзёмон.

Эта антропологическая картина может быть усилена социоэтнической и культурно-исторической. Хотя численность китайско — корейских иммигрантов всех потоков по сравнению с массой всего аборигенного населения оказалась невелика, их значение не определяется этим простым соотношением. Пришельцы, обладавшие более высокими общественными и культурными навыками, прибыли в страну, где уже зрела государственность. Они были сразу поставлены ей на службу. Их расселили компактными группами в исконно японских провинциях (гокинай) вблизи царских ставок. Это позволило им не утонуть в чуждом этническом море, а раствориться в нем постепенно, делясь своими навыками (последние сохранялись и совершенствовались в бэ). Предпочтительное использование их представителей в аппарате управления, в делопроизводстве, в специализированном ремесле и прикладном искусстве, в окружении правителя, на службе поднимающегося буддизма и конфуцианства неизбежно повышало их социальное положение и престиж. В период

реформ они оказались надежной опорой реформаторов. В итоге они заняли прочное место в новом привилегированном сословии (см. [Ким Сокхён, 1966]).

Древнейший и древний этапы этнической истории обитателей Японских островов отличаются довольно бурным течением процессов этнорасовых смешений, естественным следствием миграции населения и диффузии культуры. Смещение, однако, как правило, приводило не к полному уничтожению старых компонентов, а к наслаиванию новых компонентов на старые [Mizuno, 1968, с. 73–74]. В настоящее время утверждают: 1) современные японцы подразделяются на два локальных типа: а) тип Тохоку и побережья Японского моря, б) тип Кинай (Кинки, побережье Внутреннего Японского моря, Токайдо, Южное Канто); 2) тип «а» имеет общие черты с айнами, а тип «б» — с корейцами; 3) из географического распространения этих типов следует, что тип «а» аборигенный и первоначально распространился по всей Японии, а тип «б» — пришлый из Кореи и распространился через зону Внутреннего Японского моря до Кинки и далее на восток; 4) айны и японцы смешивались при контактах; то, что результат смешения напоминает показатели типа «а», возможно, означает участие айнов в формировании этого типа; 5) главными этническими компонентами, участвовавшими в этногенезе японцев, были айны и корейцы. Южные китайцы, микронезийцы, индонезийцы, возможно, вступали в контакт с этими главными компонентами, но главным образом на о-ве Сикоку [Kanazeki, 1965; Tubaki, 1968].

Процесс формирования японской народности достиг поворотного пункта в конце раннего железного века, или курганной эпохи, и нашел свое выражение в создании сравнительно однородного пласта населения на значительной части территории островов (в Кинки, Тюгоку, на севере Кюсю). Этот пласт успешно испробовал свои силы как на политической арене — в создании режима Ямато, так и в культурной сфере — в кристаллизации культуры Асука. Но с достижением поворотного пункта формирование древней японской народности еще не закончилось. Новая и последняя крупная волна китайско — корейской миграции и диффузии придала окончательный облик древней японской народности, связав ее прочными кровными узами с современным ей китайско — корейским миром. Отныне и надолго однородное население твердо закрепило за собой этническую территорию: о-ва Кюсю, Сикоку, Хонсю (кроме северной

оконечности последнего), создало свой язык и приняло единую китайскую письменность, осознало себя как народ — Ямато и, как таковой, создало особую модель общества и культуры.

Глава 5. Общество

Ематай во II–III вв

Загадка местонахождения владений вадзин

Самое раннее упоминание о стране народа вадзин (кит. во- жэнь) мы находим в китайском источнике «Вэй чжи». Однако лаконизм главы о вожэнь в «Вэй чжи», некритическое смешение сведений, относящихся, возможно, к разным народам и полученных составителем из вторых рук, сочетаются с нечеткостью чисто географических представлений о расположении описываемых земель и народов и породили проблему местонахождения владений Ва, которая не решена окончательно и по сию пору. Уже авторы «Нихонги» столкнулись с этой проблемой и не могли безоговорочно принять дат и версий «Вэй чжи», поэтому они избрали другой путь: они цитировали «Вэй чжи» в примечаниях к основному тексту и лишь намекали на то, что Химико, правительница Ематай, и Дзингу, царица Ямато, — одно и то же лицо, поскольку они жили примерно в одно время. В 1264 г. Ематай впервые отождествили с Ямато в «Сёку Нихонги». Мотоори Норинага в 1778. г. обосновал расположение Ематай на Кюсю, косвенно подкрепляя этим право местного князя посылать дань за рубеж и получать помощь оттуда. Находка известной золотой печати в 1784 г. укрепила эту теорию и способствовала появлению гипотезы, по которой и Химико и Дзингу привязывались к Кюсю. Позднее археологи установили существование двух культурных центров: с ханьскими зеркалами на Кюсю и вэйскими — в Центральной Японии, на о-ве Хонсю (Кинай), где находилось Ямато. Наличие остатков вэйской культуры считалось доказательством связей Ямато с династией Вэй и центрального положения Ямато в III в. Это усилило позиции сторонников отождествления Ематай с Ямато. Однако неспособность историков той поры использовать археологические материалы и воссоздать картину завела проблему расположения Ематай в тупик. Этот тупик стал преодолеваться лишь после второй мировой войны.

В настоящее время одни помещают Ематай на Северное Кюсю, другие — в центр Хонсю, отождествляя Ематай с Ямато, и эти две точки зрения противостоят друг другу. Сторонники первой теории думают, что Ематай, вероятнее всего, находилось в нынешнем уезде Ямато в пров. Тикуго на Северном Кюсю и поэтому все сказанное в «Вэй чжи» б вожэнь должно

относиться к Северному Кюсю. Лишь одно место в главе о вожэнь серьезно противоречит этой концепции. Выехав из Фуми (кит. Буми) на юг, «достигают Тоумаго (яп. Тома, Цума), водою ехать 20 дней... [отсюда] на юг достигаешь страны Иематай... водой ехать 10 дней, сушей ехать один месяц» [Кюннер, 1961, с. 244]. Поскольку Фуми отождествляется с современным городом Уми в преф. Фукуока, невозможно найти на Кюсю пункт, добраться до которого требовалось бы столько времени. По мнению Хасимото Масукити, составитель, работая над рукописью, слышал о Ямато, вести о котором донесли до Кюсю, и ошибочно смешал время, нужное, чтобы добраться с Кюсю до Ямато в Центральной Японии, со временем, которое требовалось для путешествия из Фуми в Ематай (расположенное в Тикуго) [Hashimoto, 1956, с. 1].

Поскольку направление движения в том виде, как оно дано в «Вэй чжи», предполагает помещение Ематай где-то на Кюсю, сторонники теории «Ематай в Кинай» утверждают, что «Вэй чжи» путает направление и вместо востока ошибочно указывает на юг, а вместо северо-востока — на юго-восток. С этими поправками они помещают, в частности, страну Куна (кит. Гоуну), располагавшуюся по «Вэй чжи» «на юге», в область Кэно на востоке.

Когда сторонники теории «Ематай в Кинай» пытаются доказать, что время составления раздела о вожэнь в «Вэй чжи» совпадает с периодом возникновения объединенного режима Ямато в Кинай, это выглядит анахронизмом. По «Вэй чжи», в это время даже Корея была еще на стадии племенных объединений, несмотря на близость к Китаю. И невероятно, чтобы Ямато, отделенное морем от Китая, уже тогда стало объединенным государством. Если бы эта страна была политически объединена — от Кюсю на западе до Кэно на востоке, — то ее влияние безусловно должно было бы ощущаться на юге Корейского полуострова. Однако «Вэй чжи» ничего об этом не сообщает. Фраза: «Она — сосед Во на юге» — может означать существование японских эмигрантов, живших к югу от корейских поселений на Корейском полуострове. На основании этого нельзя утверждать, что народ вадзин, или ва, был уже объединен режимом Ямато и что политическая; мощь последнего ощущалась на Корейском полуострове. Далее, по «Вэй чжи», Ематай включало в сферу своего влияния нынешние острова Ики и Цусима. Для того чтобы добиться этого, Ямато неизбежно должно было покорить Западное Хонсю, но этого оно достигло значительно позднее. По этим причинам теория, отождествляющая Ематай с Ямато в

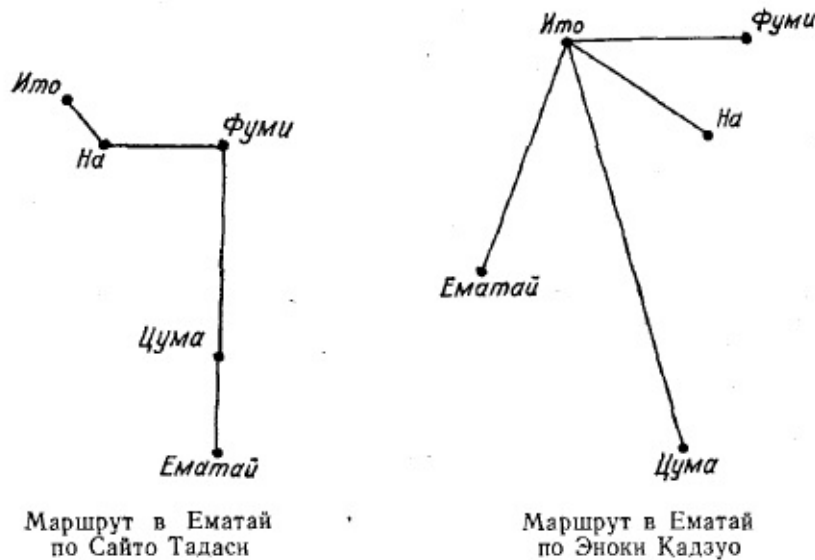
Кинай, не выдерживает критики. «Вэй чжи» содержит фразу: «Ныне 30 владений имеют сообщения через послов-переводчиков» [Кюнер, 1961, с. 243]. И поскольку каждое — владение имело своего правителя, речь не может идти о государстве (Ематай), объединенном под властью царицы Химико. Это — доказывает, что время создания «Вэй чжи» не только не совпало с периодом существования объединения Ямато в Кинай, протянувшегося от Кюсю до Кэно, но и определенно предшествовало ему.

О стране Ито (кит. Иду) в «Вэй чжи» рассказывается как «о месте, куда ездил посол Дайфана». Некоторые ученые понимают эту фразу как указание на то, что все посольства династии Вэй не ездили дальше Ито. Хасимото Масукити же считает, что эти послы заезжали в Ито по пути в Ематай и обратно. Страна Ито, локализуемая у Хаката в преф. Фукуока, могла служить перевалочным пунктом на пути в Ематай из Дайфана лишь в том случае, если Ематай находилось на Кюсю. Это может дополнительно свидетельствовать в пользу теории «Ематай на Кюсю» [Hashimoto, 1956, с. 3].

О расположении различных владений вадзин существует несколько предположений (см. [Uemura, 1955; Maki, 1970]). По одному из них, вадзин жили где-то в море к юго-востоку от преф. Дайфан (провинции Хванхэдо и Кёнгидо Кореи). Из префектуры к вадзин ехали морем вдоль берега, пересекали земли хан (махан?) и двигались на юг (или восток?), пока не достигали страны Куя в районе Кымхэ (кит. Гоусе). Путь составлял 7 тыс. ли с лишним. В источнике говорится, что это владение находилось на северном берегу страны Ва, т. е. там, где впоследствии располагалась Имна (Мимана). Продолав из Куя более 1000 ли, приплывали на Тайма (современный остров Цусима, кит. Дуйма) и через новые 1000 ли с лишним — на о-в Ики (кит. Ичжи); еще через 1000 ли попадали во владение Мацуро (кит. Молу), отождествляемое с Мацуро у Карацу в преф. Фукуока. Двигаясь отсюда на юго-восток по суше, через 500 ли достигали Ито, или Идзу (кит. Иду). Отсюда через 100 ли в том же направлении лежало На (кит. Ну), предположительно связываемое с уездом Нака у Хаката. От него в 100 ли к востоку располагалось владение Фуми (кит. Буми), а на расстоянии 20 дней пути по воде на юге — Тома (кит. Тоума), отождествляемое с уездом Мицума в преф. Фукуока (отсюда разновидность чтения — Цума). Далее на юг в 10 днях морского пути и месячного пути сушей находилось Ематай [Сайто, 1956, с. 48–55]. По'другой теории, выдвинутой Эноки Кадзуо, все упомянутые расстояния отсчитываются от

Ито [Эноки, 1960].

Поскольку раздел о вожэнь составлен по разным источникам, в одном месте указывается, что расстояние от Дайфана до Ематай достигало 12 тыс. ли, а в другом—10,5 тыс. ли, не считая двух морских переездов (20 и 10 дней). Ситуация осложняется тем, что при этом в тексте «Вэй чжи» появляется новое понятие — «Владение царицы» (Ньюванго, яп. Дзёококу). Связь его с Ематай, во главе которого стояли правительницы, выглядит само собой разумеющейся. И все же тождественность «Владения царицы» и Ематай периодически берется под сомнение. В «Вэй чжи» такое отождествление прямо не проведено, хотя как будто подразумевается и подтверждается недавними археологическими изысканиями. Тем не менее продолжают раздаваться голоса, что та «кое отождествление — результат ошибочных выводов ученых XVIII в. [Маки, 1970].

Эноки Кадзуо полагает, что часть маршрута, по которому «водой ехать 10 дней, сушей ехать один месяц», надо исчислять не от Тома, а от Ито [Эноки, 1960]. Тогда, учитывая китайские нормы пешего путешествия (1500 ли в месяц), сроки приобретут смысл избирательный (либо-либо), а не совмещения (и... и) и весь маршрут достигнет цифры 12 тыс. ли: Куя — Мацуро (10 тыс.)+ Мацуро — Ито (500 ли) + Ито — Ематай (1500 ли). При таком способе подсчета устраняется противоречие между цифрами расстояний до «Владения царицы» из двух пунктов. По этой теории,

Ематай должно было находиться в Хирано, на Северном Кюсю. Несмотря на критику, эта теория продолжает привлекать к себе сторонников [Хиго, 1956].

Из многих предположений о местонахождении самого Ематай наибольшей популярностью пользуется то, которое помещает его в уезд Ямато пров. Тикуго (преф. Фукуока), но с поправками в пользу расширения территории Ематай в сторону Хирано, так как считается, что по географическим условиям здесь не могло в III в. существовать сильного царства.

В пределах теории северокюсюской локализации владений вадзин сосуществует много частных гипотез, но ни одна из них не может устранить или объяснить всех противоречий (в направлениях, количестве ли и дней) в разделе о вожэнь в «Вэй чжи». Среди последних по времени теорий наиболее известна концепция Томики Такаси, которая основана на презумпции округленности и преувеличенности цифровых данных в разделе о вожэнь. Автор полагает, что счет ли и дней так же условен, как размер кургана Химико, а в обозначении направления тоже допущена неточность — от 6 до 70°. В приведенной выше фразе о пути из На в Ематай вместо юга должен был быть отмечен восток — юго-восток. Следовательно, Ематай не могло находиться в уезде Ямато в пров. Тикуго. Томики Такаси полагает, что «месяц по суше» надо понимать как «день по суше», поскольку китайские иероглифы, обозначающие месяц, и день, похожи. Напомним, что длительность морской поездки и» Фуми в Ематай, по «Вэй чжи», составляет 30 дней, т. е. в линейных мерах что-то около 1300 ли при средней скорости плавания 42 ли в день. Но, конечно, такое превращение «месяц» в «день» произвольно.

Упрощая, можно сказать, что если теория «Ематай на Кюсю» строится на расстоянии, то теория «Ематай в Кинай» — на направлении. Слово «юг» считается ошибочным выражением «востока»- Но и в этом случае возникает неувязка. В «Вэй чжи» сказано: «На восток от страны государя-женщины по переправе через море на 1000 ли с лишним снова находится владение, также японского племени» [Кюннер, 1961, с. 248]. Фраза потеряет всякий смысл, если поместить страну царицы в область Кинай.

Хасимото Масукити рассмотрел древнее положение уезда Ямато в пров. Тикуго и Ямато в Кинай, сравнил территорию, число населения и

нашел и то и другое сходными. Количество же дворов, по «Вэй чжи», слишком условно и далеко от действительности. Поэтому опасно пользоваться этими цифрами для локализации Ематай [Hashimoto, 1956, с. 4–6]. Сведения о нравах, обычаях, занятиях, образе жизни, утвари, продукции вадзин тоже изучены. Они оттеняют лишь черты, общие для японцев, и не содержат деталей, действительных только для Кюсю или только для Кинай. Изучение костяков подтверждает отсутствие заметных антропологических отличий у обитателей Кюсю и Кинай даже в каменном веке.

Археолог Кобаяси Юкио наблюдал распространение некоторых типов зеркал, отлитых, по-видимому, в одних и тех же литейных формах в Китае при династиях Вэй и Цзинь. Поскольку они найдены в курганах в разных районах Японии, он ставит их в связь с тем местом в «Вэй чжи», где говорится о даре короля Вэй царице Химико (Бимиху) — главе Ематай — в виде ста зеркал, и полагает, что Ематай — это Ямато в Кинай, откуда оно и управляло своими владениями. Несмотря на это серьезное исследование, теория «Ематай в Кинай» не нашла поддержки у большинства ученых.

Хотя археологи Японии предпочитают теорию «Ематай в Кинай», современная археология не может выявить такой краткий период, как время существования Ематай. Бесспорно, некоторые археологические находки скорее благоприятны для теории «Ематай на Кюсю», поскольку на Северном Кюсю сохранились развалины крепостей тех времен — когоиси, о могиле же царицы Химико в Ематай «Вэй чжи» говорит: «Соорудили большую насыпь из 100 с лишним шагов в поперечнике...» [Кюнер, 1961, с. 250]. По-видимому, речь идет о насыпи — сферическом кургане, не похожем на курганы в виде замочной скважины в Кинай. Распространение бронзовых мечей и копий на Кюсю, а дотаку — в Кинай скорее подтверждает, что «Вэй чжи» имело в виду Северное Кюсю.

Некоторые сторонники теории «Ематай в Кинай» ссылаются на то место в «Вэй чжи», где говорится о назначении надзирающего за рынками (даво), а в области к северу от «Владения царицы» — специального генерал-губернатора, управляющего разными владениями. Они читают «даво» как Тайво (Ямато) ^[32] а генерал-губернатора рассматривают как высшего чиновника, назначенного Ямато, предшественника дадзайно соцу (наместника Ямато на Кюсю), но это неверно. Поскольку рынки были

открыты в каждом владении, правитель владения выделял должностное лицо из знати для наблюдения за рынком. И генерал-губернатор не назначался Ямато. По теории «Ематай в-Кинай», правительница отождествлялась с Химико, юг — с востоком, север — с западом. Но если отождествлять земли «к западу от Ямато» с генерал-губернаторством, это значило бы, что наместник инспектировал провинции на западе Хонсю, в Сикоку и Кюсю, т. е. огромную территорию. Невероятно, чтобы такой крупный наместник огромной территории имел ставку в Ито, в пров. Тикудзэн на севере Кюсю, как свидетельствует «Вэй чжи».

Политическая история и внешние сношения

Событийная сторона истории вадзин, по «Вэй чжи», предельно скупа и неотделима от внешних сношений. Первое упоминание о японцах (во, яп. ва) мы находим в древнекитайском географическом сочинении «Шан хай цзин», цзюань 12. Это сочинение различает южных и северных ва и утверждает, что ва зависят от Янь, которое располагалось на севере современной провинции Хэбэй. Некоторые допускают, что в это время ва могли обитать на юге Кореи. Но в географическом разделе «Хань шу» последние закреплены за Японскими островами: «За морем Лолан живут во, они живут сотней с лишним владений. Ежегодно платят дань нашему императору» (I в. до н. э.).

В разделе «Хоу хань шу» о восточных иноземцах утверждается, что с I в. до н. э. посланные из тридцати с лишним владений приезжали в Хань, а страна Ну (яп. На) послала в 57 г. н. э. посольство к ханьскому двору. В 107 г. его примеру последовало другое владение- Мянью (Иду в «Вэй чжи»). Как предполагают, На находилась в районе современного города Хаката, а Мянью — у нынешнего города Фукаэ в уезде Итосима пров. Тикудзэн. Золотая печать владетеля На была найдена на о-ве Сиканосима у Хаката, и это подтвердило реальность самого владения и помогло уточнить его местоположение. На и Мянью находились на путях, связывающих архипелаг с материком, по-видимому, имели что-то вроде монополии на внешние сношения с континентом и пользовались преобладающим влиянием на Японских островах. Это были по тем временам и местам сильные владения. Так, Куна, пославшее в Китай 160 пленных, как будто не получило печати. Возможно, для китайцев такие посольства утратили

новизну- [Wada, 1956]. Если не считать посольства Когурё в 32 г., ни одно племя Кореи в это время скорее всего не посылало подневольных людей в Китай. Интересно, что Хань не считала людей ва своими вассалами, хотя и получала в дар пленных.

«Вэй чжи», повторив упомянутое место из «Хоу Хань шу», подтверждает, что во II–III вв. тридцать стран вадзин отправляли послов в Китай. Эти страны перечисляются далее в тексте. Иногда это место в источнике понимают в другом смысле — как сокращение общего числа владений на островах более чем втрое. Это некоторая вольность в трактовке.

Китайские источники («Хоу Хань шу») сохранили намеки на большие смуты у народа ва за 70–80 лет до Химико, которые привели к тому, что на части японской территории установилась стабильная зона с центром в Ематай, это означало реальное появление центра автономного объединения [Ма Пэйтан, 1935; Уэда, 1969, с. 19–50]. В конце II — начале III в., «в конце ханьской династии, японцы возмутились, беспрерывно нападали друг на друга» [«Цзинь шу», 97; Кюнер, 1961, с. 257]. Результатом этих междоусобиц, очевидно, явилось резкое сокращение числа владений и появление на исторической арене владения Ематай — одной из первых федераций на японской земле (около 188 г.).

Такое объединение должно было интересоваться внешним миром. Удобный случай для открытия сношений мог представиться где-то между 196 и 219 гг., когда Южная Маньчжурия и Северная Корея попали в руки Гун Сунькана, создавшего преф. Дайфан; по «Вэй чжи», страна Ва ему подчинилась. Но тогда связи между странами Ва и Кореей почему-то не попали в раздел о вожэнь. Может быть, связей не было, так как стороны не видели в них большого смысла, и только с 283 г. внешние сношения стали осмысляться как важные для внутренней политики, а осуществлять их в течение определенного периода стала единолично Химико (см. [Лим Чонсан, 1965]). Но в 238 г. Вэй полностью восстановила свое влияние над этими землями, свергнув семейство Гунов, а Химико послала посла, и не только в Дайфан, но и в столицу Вэй — Яньцзин (Пекин). Династия Вэй не только признала Ва своим вассалом, а царицу Ва назвала «провэйской» («родственной Вэй»), но и пожаловала ее послам звания. Более того, Вэй включила это объединение в собственную систему патентов на вассалитет. В то время открытое противостояние между «Владением царицы» и Куна

— в летописи про последнее говорится, что оно «не подчиняется царице»— отражает уже качественную оценку ситуации, которая прежде выражалась словами «воюют между собой» [Мидзуно, 1967, с. 33–42].

Факт вручения послу правительницы Химико грамоты и «желтого бунчука» свидетельствует о доверии, которым пользовалась в Китае страна Ва, чего нельзя сказать о Куна. Последнее не выражало покорности Китаю и внешне [Kurihara, 1964 (I), с. 32–33]. В конце 238 г. посол из Ематай добился милостивого рескрипта и подарков для своей повелительницы. Этот рескрипт повез в Японию специальный вэйский посол в 240 г., что вызвало, в свою очередь, ответное благодарственное посольство из Ематай [Sakamoto, 1971]. В 243 г. Ематай направило новое посольство с подарками. В 245 г. прежний посол Ематай получил в Китае награду, по-видимому, за успешную дипломатическую миссию. В 247 г. китайский посол отправился в Японию. Схема циркуляции послов представляет определенный интерес [Suematsu, 1958, с. 673]. Хотя, по «Вэй чжи», «ныне 30 владений имеют сообщения через послов-переводчиков» [Кюнер, 1961, с. 243], причем эти владения перечисляются, конкретные сведения о сношениях ограничиваются «Владением царицы» (табл. 7).

Таблица 7

Циркуляция посольств между Ва, Дайфаном, Вэй

Год	Ва	Дайфан	Вэй
239	Правительница послала посольство		
240	Чиновник доставил из Дайфана послание и печать. Правительница поблагодарила, и чиновник отправился обратно	6-й месяц. Посол пожелал отвезти дань в столицу династии Вэй Губернатор послал чиновника с посланием и печатью к Ва 12-й месяц. Чиновник вернулся с благодарственной грамотой	12-й месяц. Посол прибыл в столицу династии Вэй в сопровождении чиновника Дайфана; пожалован золотой печатью для правительницы; возвращался через Дайфан Грамота доставлена в столицу
243	Правительница отправила послов к Вэй	Дайфан переправил послов в столицу	12-й месяц. Послы прибыли в столицу
245	Правительница отправила послов к Вэй с извещением о войне между Куна и ее владением	Посол доложил о войне Губернатор отправил чиновника к Ва с грамотой	
247	Прибыл чиновник с грамотой		

Судя по табл. 7, активность вадзин постепенно приобретала дипломатический и политический характер и все внешние связи монополизировались «Владением царицы». Если такое положение соответствовало действительности, оно являлось поворотным пунктом в отношении Японии к материку.

По «Вэй чжи», «Владение царицы» не менее шести раз в 30—40-х годах III в. входило в контакт с династией Вэй. Из этого числа четыре раза «Владение царицы» посылало посольства в Дайфан на протяжении десятка лет, начиная с 238 г., а два раза китайцы посылали послов. Анализ сведений об обмене послами показывает, что из Китая послы отправлялись либо непосредственно из вэйской столицы, либо по указанию из центра — из преф. Дайфан. Хотя все они были чиновниками префектуры, их положение в обоих случаях было неодинаково: первые ездили непосредственно в Ематай (в 240 и 247 гг.), вторые — в Ито.

Похоже, что Химико задержала в 247 г. посла в Ито, чтобы не дать ему возможности чересчур глубоко вникнуть в японские дела, и даже сама не видалась с ним — вероятно, по сакральным мотивам. И не отсюда ли берут начало некоторые фактические неточности «Вэй чжи»? Это был последний посол из Китая при жизни Химико. Разгорелась война с Куна, ускорившая отъезд посла. В 247 г., готовясь к войне с Куна, правительница сумела заручиться в Дайфане поддержкой вэйской династии. Ход войны нам неизвестен, но, вероятно, Химико не удалось достичь решающих успехов. После ее смерти сразу же вспыхнули волнения. Минимум две партии боролись за власть в федерации, и дочь Химико — Тоё, или Ие (кит. Бими Июй), должна была на время уступить первенство другому претенденту. Одержав в конце концов верх, она отправила к Вэй посла, которого сопровождал китайский посланник, приехавший в ее страну в 247 г. и теперь возвращавшийся с отчетом. Последнее обстоятельство указывает на то, что война с Куна, смерть Химико, междоусобицы заняли не слишком много времени (тем более что Ие было 13 лет, когда она получила власть).

Это посольство оказалось последним политическим событием, которое связывается с Ематай. Можно предположить, что падение династии Вэй и перенос политического центра на юг Китая разрушили одну из внешнеполитических опор, на которых покоилась федерация Ематай, и облегчили как действие местных центробежных сил, так и центростремительную активность Ямато, приведшие Ематай к гибели

[Нога, 1954], но в равной мере допустимо и предположение, что сами события в Китае привели к понижению интереса китайских правителей к островным делам.

Во второй половине III в. на островах сложились три политических центра: 1) федерация Ематай на Северном Кюсю, 2) владение Куна на Центральном Кюсю, 3) Ямато в области Кинай. Куна раньше всех завязала сношения с материком. Политическая же федерация на Кюсю была сколочена Ематай, чтобы выйти из клещей, в которые попала эта страна, с севера и юга окруженная врагами [Тома, 1960]. Точное время падения Ематай неизвестно; последняя дата, с ней связанная, — 266 г. В начале IV в. о Ематай уже ничего не слышно.

Общественный строй

При реконструкции общественного строя вадзин нельзя забывать, что в центре внимания раздела о вожэнь в «Вэй чжи» находится Ематай, причем только в период правления Химико. Два обстоятельства осложняли в прошлом всю проблему: неправильное осмысление расстояний между владениями и тенденциозная подборка летописцем материалов для характеристики «гармоничного» состояния «Владения царицы». Первое приводило к неверному ограничению «Владения царицы» от прочих стран к «северу от Владения царицы». Если мы прочтем отрывок о расстояниях, имея в виду, во-первых, что «Владение царицы» и Ематай тождественны, хотя сведения о них помещены в разных местах, и, во-вторых, что все владения «к северу от Владения царицы» — это земли, в отношении которых данные о числе дворов, провинций, деревень округлены, тогда понятие «к северу от Владения царицы» включит в себя территорию шести владений от Цусима до Фуми и не включит Ематай и Тома. Так пров. Тикуго (юг преф. Фукуока) отойдет к «Владению царицы», а пров. Тикудзэн (север преф. Фукуока) — к владениям к северу от него. Поскольку «Владение царицы» выглядит объединением, оно, по-видимому, включало в себя территорию не одной пров. Тикуго, но и большую часть пров. Хидзэн и Хиго (преф. Нагасаки, Сага, Кумамото) и доходило до пров. Бунго — (юг преф. Оита). Страна Тома, похоже, зависела от «Владения царицы». Соответственно распределяется и все сказанное в «Вэй чжи» о

социальном устройстве владений.

При выяснении социального строя Ематай и других владений его круга полезнее начать с низших звеньев системы и двигаться вверх по иерархии.

Низшей ячейкой общества вадзин являлась семья, уже в то время сочетавшая в себе элементы отживающей родовой организации и нарождающихся новых отношений. Понятие «семья» выражалось термином «монко», буквально значащим «двор». Так, в Ематай: числилось 70 тыс. с лишним дворов, в Тома — свыше 50 тыс. (ориентировочные цифры), на Цусима — свыше 1000, в Ито — свыше 1000 дворов (а по «Вэй ле», свыше 10 тыс. дворов). Для некоторых же владений указано число семей: на Ики — свыше 3 тыс., в Фуми — свыше 1000. Ставил ли автор «Вэй чжи» сознательно- знак равенства между двором и семьей вадзин, точно неизвестно. В разделе о народах хан в «Вэй чжи» такое отождествление безусловно. Говоря о 50 владениях махан, источник пишет: «В крупных— свыше 50 тысяч семей, в малых — несколько тысяч семей, а всего свыше 700 тысяч дворов» [Кюннер, 1961, с. 23]. Так же точно исчисляется население пёнхан и чинхан. Подобное смешение понятно, так как разница между этими двумя терминами условна: двор — понятие юридическое, хозяйственное, семья — социальное. Фактическая точность записей о числе дворов во владениях вадзин — более сложный вопрос. Но каково было впечатление автора «Вэй чжи» о количестве членов семьи, или двора, когда он подсчитывал последние? В географических разделах «Хань шу» число людей в дворах и семьях в разных странах показано разным: в Китае (в цветущей Хэнани и наиболее западной — Дуньхуани) около трех человек, в Корее (в Лолане и Сюаньту) — соответственно около шести и восьми. Итак, в Северной Корее, территориально наиболее близкой к владениям Ва, средняя цифра составила пять-шесть человек [Маки, 1962, с. 24]. Вероятно, это малая семья, ведущая самостоятельное хозяйство.

Подобные семьи «имеют дома. Отец и мать, старший и младший брат лежат и отдыхают в разных местах» [Кюннер, 1961, с. 246]. Такими семьи вадзин предстали взору китайских послов у. з преф. Дайфан. А об условиях жизни махан в том же источнике говорится следующее: «Для жилья делают травяные шалаши и деревянные дома. По форме [они] подобны насыпи. Вход в них находится наверху. Вся семья вместе живет внутри. Нет различий между старшими и младшими, мужчинами и женщинами» [Кюннер, 1961, с. 240]. Итак, семья вадзин, как и махан, жила в отдельном

доме. Но внутри дома члены семьи махан располагались без различий пола и возраста, тогда как у вадзин эти различия выдерживались. Автор «Вэй чжи», очевидно, видел в этом различия «законов и обычаев», что имело для него принципиальное значение.

Остатки поселения в Хиэ у г. Фукуока, возможно, представляют собой часть поселка (юряку) и на землях владения На, откуда посылали дань императору Гуан-у-ди династии Прздняя Хань. Памятник датируется средним этапом яёи. На нем открыты четыре примыкающие друг к другу группы землянок, снабженные отводным ровиком. Усадьба из пяти-шести землянок с колодцем, складом, кухней и другими постройками приспособлена для совместной жизни. Конструкция землянок стандартная: вертикальная землянка площадью 25–30 кв. м с входом вверху. В жилище жило 8—10 человек, а в группе из 5–6 жилищ — несколько десятков человек. Семья из 8—10 человек уже составляла отдельную и стойкую хозяйственную единицу, поэтому скопление в одном месте нескольких таких семей является признанием существования одной большой семьи, находящейся под началом патриарха.

На основании вышесказанного в обществе вадзин, базирующемся на кровнородственных отношениях, выделяется последовательность кровнородственных организмов; племя — клан — большая семья — семья.

Какое же место в семье отводилось мужчине, а какое женщине? Брачные обычаи, которые могли бы пролить дополнительный свет на этот вопрос, неясны даже в основном пункте: были ли браки экзогамны? В «Вэй чжи» экзогамность отмечена лишь у племени вэй (кор. е): «на однофамильных не женятся». Зато говорится о существовании полигамии. Полигамия находится в противоречии с внешними матриархальными признаками. Как пережиток, она могла сохраниться очень долго — у правителей и их приближенных; а кроме того, и эта фраза перенесена в «Вэй чжи» из «Хоу Хань шу» и, возможно, неточна. Говорится, что у правителей, знати было тью четыре-пять жен. Очевидно, что не все простолюдины могли иметь даже по две-три жены, а лишь самые богатые.

В разделе о вожэнь сказано: «Когда совместно сидят... мужчины и женщины не различаются» [Кюнер, 1961, с. 246]. Из факта равного положения женщин и мужчин на общественных собраниях, конечно, еще нельзя делать вывода о равенстве полов в обществе. Речь идет здесь об

особых случаях — о народных собраниях и о полном равенстве всех их участников, в том числе и женщин. Причем для правоверного посла это — отступление от китайских церемоний и обычаев, которое он и отмечает. В разделе о Когурё в «Вэй чжи» говорится: «Если члены семей сановников собираются вместе, то садиться и вставать не могут вместе с домом вана», но по смыслу здесь имеют в виду собрание не простое, а с соблюдением церемоний [Кюннер, 1961, с. 231–232]. По-видимому, рядовая патриархальная семья у вадзин была моногамной, жила совместной жизнью под началом старшего мужчины-патриарха. Члены такой семьи различались по возрасту и по положению в семье. Женщины еще сохраняли в такой семье почетное место.

Общество вадзин, описанное в «Вэй чжи», отличается явным неравенством. В разделе о вожэнь в «Вэй чжи» сразу же после фразы об уголовных законах идет следующее важное сообщение: «Старшие и младшие имеют различный ранг. Вторые целиком подчиняются первым» [Кюннер, 1961, с. 247]. Социальная мотивировка такого разделения очевидна, а подчиненность предполагает наличие порядка в обществе. Это и хотели выразить авторы, изобразив общество вадзин несколько идеализированным, уважающим церемониал. В классической китайской литературе последнее служит залогом утверждения и охраны общественного порядка. Хотя общество вадзин, на взгляд современного ему китайца, было еще «нецивилизованным», оно даже в этом виде создало «законы и обычаи», выражавшиеся через церемонии. И в этом отношении вадзин ушли дальше, чем другие племена группы «восточных иноземцев» (дуньши), частью которых они являлись.

Социальные связи в среде простонародья (дзэджин) базировались на происхождении, которое наиболее непосредственно выражалось в отношениях подчиненности «младшего старшему», т. е. члена коллектива главе коллектива, и на отношениях социально-политической подчиненности «низших дворов» (гэко) «большим людям» (дайджин). Разница между «старшими» и «младшими» по происхождению имеет два аспекта: когда обе группы принадлежат к одному и тому же клану и когда они относятся к разным кланам. В первом случае отношения принимают форму подчинения сородичей главе клана, членов большой, семьи — патриарху; в последнем случае подчинение приобретает характер должностного или общественно-сословного. Социальное неравенство, возникавшее в отношениях между кланами, в принципе подготавливало

почву для создания государственности. Подобное неравенство обнаруживалось прежде всего в отношениях между правителем и его родственниками и в отношениях лиц, занимающих определенные должности. Клан, монополизировавший моления, легко повышал свой престиж, а наследственность таких обязанностей закрепляла подчиненность рядовых членов коллектива подобным кланам.

Социальный порядок, основывающийся на политическом господстве, и стабилизация его на базе отношений экономического первенства ярко выражены в господстве «больших людей» владения и поселка. Особенно грозными для простолюдинов выглядели «большие люди» владения. Отношения господства включали в себя понятие социальных отношений между повелителями и подчиненными. «Большие люди» поселков выходили из среды местных сильных кланов. К сожалению, ничего не известно о характере земельной собственности у вадзин. Про пуё, например, говорится: «В поселках есть знать, простолюдины трудятся как рабы», а у когурё «большие семьи государства не платят налогов, сидят и едят; и таких свыше 10 тысяч». В обоих случаях речь идет о тех же «больших людях», но различных категорий: государства и поселков. Когда у вадзин «большие люди» поселков оказались связаны с политической властью, их роль в обществе возросла [Кюнер, 1961, с. 28, 232].

Социальная иерархия нашла отражение в общественно-дифференцированном украшении тела: «Почетные и низкие тоже имеют различия» в татуировке. Итак, социальные отношения уже настолько созрели, что стало возможным навсегда закрепить за человеком его место в обществе [Кюнер, 1961, с. 245].

Несвободные в обществе вадзин представлены двумя группами: слугами или рабами (нухи) и пленными (сэйко)^[33].

Про правительницу Химико говорится: «Ее обслуживали тысячи прислужниц» (хи), а в ее кургане «совместно погребенных рабов (нухи) было сто с лишним человек». С этим связано последующее замечание: «У легких преступников берут в казну жен и детей» [Кюнер, 1961, с. 248, 250, 247]. В казенное рабство отдавали не самих преступников, а их семьи, и то лишь при легких преступлениях. Такие рабы известны даже по кодексу Японии начала VIII в. «Тайхо рицурё». Несомненно, у всех правителей

вадзин имелись рабы, хотя к приведенным цифрам надо относиться с осторожностью. Прямых свидетельств о пополнении контингента рабов другими путями нет. В равной мере мы не находим в разделе о вожэнь упоминаний о частных рабах. Потенциально существовали еще две категории порабощенных: пленные и должники. Развитие кабального рабства, возможно, сдерживалось клановой системой, не допускавшей в принципе индивидуального обеднения. Что касается пленных, то они пополняли ряды несвободных, но, по-видимому, только в том случае, если принадлежали к иноземцам. В разделе о вожэнь они фигурируют под именем сэйко. В 239 г. правительница Химико отправила в подарок вэйскому императору порабощенных пленных: четырех мужчин и шесть женщин, принадлежащих к сэйко, и дочь тоже послала в дар 30 сэйко. При поездках по морю на корабле брали с собой одного пленного со сложной магической функцией — отворачивать беду от корабля. В случае успешного выполнения им своих обязанностей его награждали, а если случалось бедствие — убивали. В «Хоу Хань шу» упоминается, что в 107 г. японский правитель «представил 160 пленников» и просил аудиенции [Бичурин, 1950, с. 35].

Происхождение зависимых — сэйко из пленных с точностью подтверждается другими местами «"[Цянь] Хань шу» и «Хоу Хань шу» и раскрывается как «оставленные в живых люди». «Хоу Хань шу» в отрывке о племени вэй (кор. е) говорит, что последние в случае возникновения ссоры с соседями платят пеню конями и быками, а также пленными (сэйко). Такую пеню вносили обе стороны. Возможно, таково же происхождение этих несвободных и у вадзин. При размене пленными у е недостачу, видимо, возмещали скотом.

Чтобы сравнить статус обеих групп несвободного населения, надо попытаться реконструировать тот подход, на основании которого и сложилось такое разделение. Функционально «рабы» могли быть слугами правителей и, как таковые, принадлежали им и после смерти — их закапывали в курганы; пленных дарили за рубеж или платили пеню (тоже за рубеж), их сажали на корабли для отворачивания несчастья и в зависимости от успешности их миссии — убивали или награждали. С нашей точки зрения, это в общем-то равноправные группы, поэтому мы и рассматриваем их под одной рубрикой несвободных, и сэйко выглядят даже как несколько более привилегированные. В действительности для того времени соотношение между этими группами было иным. Разница между просто

рабами и пленными не в их функции или положении, а в происхождении. Первые — свои, из того же племени, вторые — из чужого; поэтому-то их и отправляют в подарок в дальние страны или используют на корабле для отвращения влияния злого духа. Число таких пленных в японских владениях было ограничено, и их не превращали в настоящих рабов, каковых и вообще было немного.

Разумеется, мы не должны ожидать точного совпадения между социальными группами древней Японии и категориями современной исторической науки или даже полного включения нескольких первых в одну из последних. Нашей категории несвободных у вадзин соответствовали рабы («слуги-служанки», нухи-нубэй) и пленные (сэйко), различавшиеся в чем-то, в то время очень важном. Судя по эпизоду с кораблем, пленные могли иметь имущество. В будущем сельскохозяйственные законы (о пахоте на поливных полях), как кажется, превращают этих пленных в простонародье.

В разделе о вожэнь в «Вэй чжи» трижды упомянуты «большие люди» (яп. дайджин), находящиеся в какой-то связи с поселками. Повсюду они противопоставлены «низшим дворам» (гэко). В «Вэй чжи» эти «большие люди» осмысляются как вельможи, а «низшие дворы» — как подчиненные, причем первые богаты, вторые — бедны, т. е. речь идет о классовой дифференциации. Указанные три упоминания звучат следующим образом.

В первом случае: «когда совместно сидят и встают, то отец и дети, мужчины и женщины не различаются, по нравам своим любят вино... При виде вельмож (в тексте букв, „больших людей". — М. В.) в качестве почтения только хватают руки, чтобы должным образом коленопреклоненно приветствовать» [Кюннер, 1961, с. 246–247]. Значит, во время сборищ «большим людям» оказывали особое уважение. Во втором случае: «простой народ, встретившись на дороге с вельможей (букв, „с большим человеком", — М. В.), уклоняется в нерешительности и уходит в траву скрываться...» В третьем — «по обычаю, государственные вельможи (букв, „большие люди") все имеют четыре-пять жен, простолюдины (букв, „бедные дворы") — две-три жены», т. е. у вадзин существовала социальная полигамия. Из цитат следует, что «большие люди» были знатными и вождями, а не просто богачами, что «большие люди» владения не включали в свои ряды «больших людей» поселков. Причем бином «большие люди» владения в тексте оформляется знаком «все» (мина), а бином

«простолюдины» такого знака перед собой не имеет; последнее обстоятельство можно трактовать как указание на немногочисленность богатых простолюдинов [Маки, 1962, с. 17].

В двух последних примерах речь не обязательно идет о владельческих «больших людях». У махан в 5-м месяце отмечали праздник посева, а в 10-м месяце — праздник урожая, и тогда сельское население собиралось на гулянья и моления. «Большой человек» в этой ситуации совершал моления богам, вероятно, как деревенский старшина. С таким же празднеством мы, очевидно, сталкиваемся и у вадзин. Возможно, простолюдины, владеющие двумя- тремя женами, — это «большие люди» поселка, которые названы простолюдинами по отношению к персоне правителя.

Социальная структура «ста с лишним владений» в I в. до н. э., упомянутых в «[Цянь] Хань шу», неясна в подробностях, но в целом это типичные племенные образования. Сознание кровнородственных связей внутри племени, по-видимому, было стойким. Если через 300 лет число владений сократилось до 30, это предполагает исчезновение одних и расширение или объединение других владений. Судя по «Вэй чжи», эти владения воевали между собой. Это- приводило к изменению их протяженности и к ослаблению кровнородственных уз, к укреплению отношений территориальных. Следовательно, племенные отношения уже проходили свою последнюю стадию.

Говоря об упадке племенного общества, надо помнить, что в обществе вадзин родовой строй существовал как сложный кровнородственный и социальный организм. Система больших семей также цементировала более мелкие коллективы. В «Вэй чжи» говорится: «Что касается нарушителей законов, то у легких преступников берут в казну их жен и детей; у тяжелых преступников уничтожают всю семью (монко) и весь род (содзоку)» [Кюннер, 1960 с. 247]. Если семья, упомянутая здесь, состояла только из мужа, жены и детей, то под родом в данном случае можно подразумевать большую семью (с братьями мужа).

Кровнородственная гармония представлена в разделе о вожэнь в «Вэй чжи» в виде «законов и обычаев» вадзин, это следует из принципа «родичи отвечают за родича». Но если трехстепенное родство (большая семья, семья, жена и дети) основывается только на кровных отношениях, тогда нет оснований для создания закона, распространявшего ответственность на

других. При трехчленной структуре кровнородственная общность важна, и, поскольку между этими тремя компонентами существовали тесные отношения подчинения, наказание за преступление одного, в зависимости от его важности, налагалось: 1) на жену и детей, 2) на всю семью, 3) на всю большую семью. Трехстепенная кровнородственная структура общества вадзин стала основой уголовных законов; в сфере подчинения она определила сферу авторитета каждого из трех составляющих. Авторитет вождя клана был еще прочен, возможно частично приобретая политический оттенок. Главы больших и малых семей подчинялись ему. Улаживание конфликтов между большими семьями внутри клана и исполнение клановых молений, а также другие общеклановые дела входили в компетенцию кланового вождя.

Такое объединение, как племя, держалось не только на родстве по крови. Тот, кто объединил кланы в племя, становился вождем. Как только положение вождя делалось устойчивым, его власть превращалась в наследственную. Был еще один стимул, укреплявший племя, — духовный. Сюда относились совместные моления. Вождь или «владелец» руководил такими молениями. Благодаря этому его административные, судебные, военные действия получали религиозную поддержку. В обществе вадзин, в большинстве случаев представлявшем собой объединение территориальное, видоизменились племенные связи.

Судя по разделу о вожэнь, к концу II — началу III в. кровнородственные узы в обществе вадзин ослабли: правители превратили свой пост в наследственный, их авторитет освящался религией, племенные объединения создали союз, а этот союз скреплялся религиозными представлениями, выражающимися в молении духам. Это говорит о возникновении племенного союза — кровнородственного и территориального объединения, более прогрессивного, чем племя. В результате возникновения союза владения послали в дань ханьскому двору 160 пленных и просили аудиенции. После объединения вадзин в единый союз во главе с Химико его, очевидно, стали называть «Владением царицы».

В мелких владениях вадзин в III в. племенные союзы стабилизировались. Параллельно шел процесс объединения мелких владений. Примером такого объединения служит Ематай — самое крупное из всех прочих и покорившее все остальные. Но процесс на этом не

завершился. Союз создан без краха племенных объединений, а когда он распался, объединения продолжали существовать. По этой-то важной причине мы часто и не наблюдаем краха племенных объединений в результате междоусобиц или войн с иноземцами.

Трудно провести различие в социальной характеристике 100 владений, известных Ранней Хань, и 30 — знакомых Вэй, однако ясно, что последние создали союз из соплеменников, т. е. находились на последней стадии племенного строя. В подтверждение этого мнения можно сослаться, на источник: «Японцы... по гористым островам образуют уделы» [Кюннер, 1961, с. 243]. По иероглифам «уделы» — это страны или области, а также владения. Фраза подчеркивает изолированное существование коллективов на островах. Термин «уделы» (яп. кокую) связывают с китайским «го-и». С самого начала он прилагался к владениям, находящимся под политическим контролем владетеля. Этот термин в «Вэй чжи» употреблен лишь по отношению к корейским племенам хан да к вадзин, вероятно, потому, что только у них в это время существовал племенной союз. У пуё и когурё в отличие от вадзин уже существовали общеплеменные союзы или ранние государства. Но этот термин был распространен и в китайской литературе. При Хань он указывал на владение, пожалованное князю (хоу), в конце Чжоу — на уделы «сражающихся царств». Поскольку термин прилагался к местным владениям, его не употребляли применительно к когурё и к пуё, достигших объединения в рамках ранней народности. С другой стороны, он был неприменим для е, ымну, окчо — корейских племен, еще не доросших до государственности. В том же источнике в отрывке о махан говорится: «В их обычаях мало принципов управления. Хотя удельное владение (кокую) имеет предводителя, в селениях (юраку) живут смешанно, не могут хорошо друг другом управлять» [Кюннер, 1961, с. 240]. Судя по отрывку, в этом владении существовали единовластные правители, но внутреннее положение отличалось неустойчивостью. Селения враждовали, возможно, именно из-за смешанного проживания. Очевидно, дело здесь не дошло до создания племенного союза. В аналогичной ситуации вражды племена е платили пеню пленными, быками и конями. Этот способ установления мира между племенами и родами — важное условие формирования племенного союза.

В разделе о вожэнь ничего не говорится о смешанном проживании в селениях, по-видимому, его не было, и вадзин находились на более высокой стадии. На это косвенно намекает место, где говорится о разнице в ранге

между знатными и незнатными и о подчинении «младших старшим».

Соотношение между селениями и племенным обществом рисуется наиболее отчетливо на материковом материале, причем следующим образом: у ымну (кит. илоу) «нет больших владетелей и вождей; в каждой поселке есть старшина»; такая же ситуация у восточных окчо (кит. воцзюй). Эти старшины впоследствии совместно создали племенной союз. Таким образом, в селениях старшины обладали большой властью, и такие селения напоминали самостоятельные владения.

В целом развитие государственности у народов группы «восточных иноземцев» (дуньи) во II–III вв. можно представить следующим образом. Из народов Корейского полуострова дальше всех ушли пуё и когурё, которые создали ранние национальные государства (королевства). Вадзин и хан (махан, чинхан, дёнхан) создали серию варварских государств, а подавляющее большинство из них совместно создали объединенное государство, которое можно охарактеризовать как варварское государство. Впрочем, и вадзин и хан еще находились на стадии союза, не достигнув этапа единого государства. Махан создали союз под главенством Чэнь-вана. После этого его власть распространилась на 12 из 24 владений двух других племен. Наиболее мощная группировка вадзин из 20 с лишним владений создала племенной союз — «Владение царицы». К северу от него находились вассальные владения, к югу — владение Куна, к востоку — другие владения вадзин. Таков облик чуть более развитого, чем у хан, общественного устройства, приближающегося к типу варварского государства.

Для понимания правовой стороны власти Химико ключевой является фраза в «Вэй чжи»: «В этой стране первоначально мужчину сделали государем; он прожил 70–80 лет. Во пришли в смятение, сражались друг с другом годами. Затем совместно поставили одну девицу государем. Она звалась Бимиху...» [Кюннер, 1961, с. 247]. «Совместно поставили» Химико (кит. Бимиху) после правителя-мужчины, а после нее (и кратковременного мужского правителя) «совместно поставили» ее дочь Хими Ие (кит. Июй) — все это проявления суверенных прав членов федерации Ематай и зависимого положения правительницы. «Совместное выдвижение» правителя имело место у корейских племен пуё, когурё, махан. Именно так был выдвинут Чэнь-ван. «Совместное выдвижение» являлось для вадзин чем-то вроде «законов и обычаев». Политическая форма владения Ва

определяется как союз племен на стадии перехода в варварское государство. Междоусобицы в этом союзе, бушевавшие до прихода к власти Химико и после ее смерти между отдельными владениями — членами союза, говорят о том, что последние сохраняли значительную долю независимости.

Отсутствие прочного общеплеменного союза или варварского государства на всем острове Кюсю во II–III вв. подтверждено характером внешних сношений. «Вэй чжи» утверждает: «Ныне 30 владений имели сообщение через послов-переводчиков» [Кюннер, 1961, с. 243]. Если уже отправка послов в преф. Дайфан говорила о полунезависимом характере владетеля, то поездки в Китай могли совершать лишь посланные независимых владений.

Если мы обратимся к положению в Южной Корее, то деление каждого из объединений хан на десятки владений с десятками_ тысяч дворов в каждом из них, положение правителя Чэнь-вана, правящего половиной из 24 владений чинхан и пёнхан и простирающего свое влияние на махан, — все это очень похоже на ситуацию на о-ве Кюсю (30 владений, Ематай и пр.). В «Хоу Хань шу» содержится важное замечание о том, что вожди владений хан сами лровозгласили себя правителями. То же «Вэй чжи» подтверждает факт дипломатических сношений этих владений Южной Кореи с Дайфаном и получения или утверждения в должностях, титулах и т. п. А так как здесь же говорится о «подчинении» народа вадзин Дайфану, можно предположив, что положение японских правителей не отличалось от статуса южнокорейских «коллег».

Авторитет правительницы Ематай в глазах Вэй стоял выше, чем авторитет Чэнь-вана. Чэнь-ван получал от Вэй лишь титулы цзюаня, гуна, вана, а правительница удостоилась присылки специального посла, звания «царицы Ва, дружественной Вэй», золотой печати — возможно, потому, что она обладала большим весом, так как сочетала политическую мощь со жреческими функциями, тогда как Чэнь-ван был чисто политическим правителем...

Из 30 владений вадзин некоторые давали отпор Ематай, как, например, Куна. Семь владений от Цусима до Тома отправляли собственных послов в Вэй. О других владениях мы знаем по сообщениям послов Ематай, и, следовательно, не все владения посылали послов к Вэй. В цитированной в

начале раздела фразе, несомненно, проявилась тяга составителя к обобщению, не всегда оправданному. Те из владений, которые подчинялись Ематай, сохраняли наследственного правителя. Такой правитель часто сам провозглашал себя владетелем.

В то время как «Владение царицы» было федерацией или союзом, владения к северу находились в вассальной зависимости от него. Особые права признавались лишь за владением Ито, поддерживавшим сношения с Дайфаном, Вэй, тремя хан, сначала по собственному почину, потом от имени союза. Именно в Ито располагалась ставка наместника «Владения царицы». Под конец союз включал свыше 20 владений, но административно-территориальное деление отсутствовало. Впоследствии эти мелкие владения, образовавшие федерацию, одно за другим подчинились государственному образованию Ямато, когда его власть распространилась на Кюсю. Земли соответствующих владений Ито, На, Ематай, Куна, которые были разгромлены или завоеваны, дали имя местностям.

Сказанное не оставляет сомнения в том, что «Владение царицы» и вассальные владения относились к категории мелких местных образований на о-ве Кюсю, находящихся на стадии, предшествующей национальным государствам. Для такой стадии характерны племенные союзы и их более развитая форма — общеплеменные союзы и варварские государства. Но во время распространения власти Ямато на Кюсю там не существовало крупного государства, а были только мелкие владения. Если бы «Владение царицы» было единым государством, наступление Ямато на Кюсю получило бы отпор. Раздираемая междоусобицами федерация такого отпора дать не могла. Значит, в это время на Кюсю не было единого прочного варварского государства. Судя по «Вэй чжи», «Владение царицы» и владения к северу от нее скорее подходят под категорию племенных союзов. Вряд ли отличались от них владения Тома, Куна.

Органы власти

После изучения общественной структуры племенного союза вадзин и входящих в союз племен и родов («владений») мы можем перейти к рассмотрению принципов управления, форм власти и функций

представителей власти, упомянутых в разделе о вожэнь: «царей» и «цариц» (правителей и правительниц), «наместников», «чиновников» (должностных лиц), «послов» и т. п.

В «Вэй чжи» есть фраза: «Имеют наследственного князя. Все объединены и подвластны стране государя-женщины» [Кюннер, 1961, с. 244], относящаяся к владению Ито. Прежние исследователи имели склонность признавать существование лишь трех самостоятельных владений: Ематай, Ито, Куна, находившихся на уровне ранних государственных образований. Некоторые считали: их тремя центрами, расположенными соответственно в Кинай, в Канто, на Кюсю. Но эта фраза мало подходит к Ито, хотя и помещена в отрывке об этом владении. Впрочем, упомянутое место в «Вэй ле» звучит иначе: «Все правители этих стран подвластны (стране) правительницы», и оно отнесено к Цусима, Ики, Мацуро. Возможно, составитель «Вэй чжи» совершил ошибку при переписке. Существовали ли правители в остальных владениях, неясно. В «Хоу Хань шу» утверждается: «Каждый владетель называл себя государем (ваном), из колена в колено передавал' престол» [Бичурин, 1950, с. 34]. Возможно, эта фраза является амальгамой двух фраз из «Вэй чжи» и «Вэй ле». Манера изложения «Вэй чжи» отличается в зависимости от того, идет ли речь о странах от Тома до Ито (здесь описывается внутреннее положение этих стран) или от На до Ематай (в последнем случае приводятся лишь расстояния, названия чиновников, число- дворов). Второй вариант можно рассматривать как свидетельство потери странами от На до Ематай ранга царств (владений).

Каково было положение вадзин при Вэй в других частях Кюсю, кроме «Владения царицы», неизвестно. На севере Кюсю сосуществовали племенные и клановые образования, управлявшиеся наследственными вождями. Из них около 30 было известно Китаю. Ематай в период правительницы Химико распространило свою власть примерно в 20 образований. В 238 г. вэйский император Минди разбил в Ляодуне яньского государя и царица отправила в Вэй посольство, получила от императора Вэй известный титул: «Царица Ва, дружественная Вэй», печать и разрешение «умиротворить» племена, что позволило ей распространить свое влияние на соседей.

Возможно, именно эту печать нашли еще в конце XVIII в. Печать, имеющую ряд загадочных особенностей, следует признать- одним из

интереснейших аспектов проблемы. Надпись содержит пять знаков: «Хань и (во) ну го ван» (второй знак иногда условно признается за «во» — он не имеет необходимого ключа слева). В переводе надпись гласит: «Царь страны На, служащей Хань», а в случае принятия второго знака за «во» точный перевод представляет известные трудности. Полученный же таким путем термин «во» (яп. ва), разумеется, нельзя отождествлять с Японией вообще. В надписи отсутствует обязательный знак «печать» (инь или чжан), а предпоследний, четвертый знак (го) по форме очень странен. Надпись нарушает правила, типичные для печатей, жалуемых иноземным государям. Но другие черты — эпиграфические детали, стандартный размер, характер резьбы — говорят в пользу подлинности печати [Нихон си-но сотэн, 1963, с. 45].

Итак, на севере Кюсю существовала система племенного строя, но в III в. еще не было объединенного государства с правителем во главе. Это отразилось и в жалованном титуле «царица Ва», а не «царица государства Ва», причем ей еще только поручалось покорить себе подданных.

Образование племени начинало осуществляться в ходе сплачивания всех кланов и выдвижения общего вождя. На этой стадии кланы — члены племени выглядели довольно равноправными: вождь уважал родовую структуру, и в клане избегали серьезных преступлений, угрожавших целостности клана и племени. Если же такие преступники появлялись, племенной вождь не мог нанести серьезный удар всему клану преступника; он ограничивался уничтожением большой семьи. Но и это уже говорит об ослаблении кровнородственных уз и об усилении власти вождя.

Дочь Химико — Хими Ие — вступила на пост правительницы в 13 лет, но не сразу, а после правителя-мужчины и после междоусобиц. Как и Химико, Ие принадлежала к дому правительницы. Вряд ли Ие — простой ребенок женщины, всю жизнь проведенной в безбрачии. Может быть, она отпрыск братьев этой женщины, или, возможно, это хороший пример кросскузенного брака [Маки, 1962, с. 22], но бесспорно существенно, что в Ематай, т. е. в коалиции царицы, определился клан, поставляющий вождей. Хотя клан, выдвинувший вождей для объединения Ематай, вероятно, претерпел изменения со времени правления предшествующего правителя, нет и следа вассальных отношений или феодальной покорности государю с его стороны.

Одним из самых впечатляющих в этом отношении событий, описанных в «Вэй чжи», является последовательный приход к власти двух правительниц. Одна из них, Химико, настолько прославилась, что, похоже, все ее владение получило название «Владение царицы». Конечно, блестящее правление Химико и приход к власти ее 13-летней дочери легко ассоциируются с материнским правом. Но эта ассоциация, очевидно, не согласуется ни с текстом раздела о вожэнь в «Вэй чжи», ни с исторической стадией, на которой находилось общество вадзин. Сами сведения о женщинах-правительницах на о-ве Кюсю не редкость. В так называемый легендарный период на Кюсю, по «Нихонги» и «Фудоки», правили женщины-вожди: Каму-наси-химэ в Будзэн, Моро-агата-кими-идзуми-химэ в Хюга, Асото-химэ в Хиго, Ямэцу-химэ в Тикуго, Куцу-химэ, Ицума-химэ, Хаяцу-химэ в Бунго, Ояма-дамэ, Саяма-дамэ, Хаякицу-химэ, Мирукаси-химэ, Укинава-химэ в Хидзэн.

Необходимо обратить внимание на то, что все владения, обращенные к внутреннему заливу Гэнкай, вроде Ито, Мацуро, На в пров. Тикудзэн или Бидзэн сюда не входят. При всей условности данных женщин-вождей, похоже, здесь не было. А это означает, что они сохранялись лишь в относительно отсталых районах, не входивших в федерацию. Впрочем, приведенные данные связаны со временем так называемого похода Кэйко, относимого к началу IV в. Северное Кюсю было завоевано Ямато в конце III — начале IV в., т. е. спустя почти полвека после смерти Химико. Поскольку в то время в глухих местах еще сохранялись матрилокальные тенденции (в обществе и в верованиях), более ранняя федерация на Северном Кюсю тем более могла их сохранить. Химико охотно поддерживала старые традиции в интересах монолитности коллектива и мира в федерации. Возможно, сама выдвижение Химико на должность правителя было обусловлено идеей стабильности порядка; издревле претензии женщин на власть подкреплялись их шаманскими функциями.

Химико пользовалась авторитетом за то, что «служила учению духов, могла вводить в заблуждение народ» [Кюнер, 1961, с. 247]. В этом видна тенденция связать с женским естеством жреческие функции в делах управления. До Химико в течение 70–80 лет царствовал мужчина и, следовательно, в принципе существовала линия мужского правителя — похоже, без жреческих функций. Упомянутые прислужницы, возможно, были помощницами Химико в шаманских обрядах. В противном случае нелегко объяснить ни чисто женский состав ее прислуги, ни ее

многочисленность. Хотя Химико и выглядит единоличной правительницей, ее положение было обусловлено какими-то традициями и соглашениями. Так, известно, что у нее долго не было мужа, хотя неясно, был ли он раньше. Как бы то ни было, безбрачие в зрелом возрасте — это черта, свойственная шаманкам, как бы подчеркивающая их исключительность и независимость. Правда, у Дзингу был муж-правитель Тюай, а у Ототатибана-химэ — сам Ямато-такэру, хотя они, очевидно, были шаманками. Но, может быть, перемены в традициях произошли тогда, когда политическое положение шаманки как правительницы стало явственным... Химико же, хотя и занимала такое положение, еще чувствовала себя связанной традициями или же находилась под действием: табу. Правда и то, что роль мужа-помощника в делах управления при ней играл ее брат. Объединение политических и рели-гиозных функций, возможно, облегчило правительнице Ематай подчинение других владений и в конечном счете процесс консолидации. Ведь после смерти Химико ее наследник, лишенный жреческих прерогатив, не смог удержать власть над соседями.

Химико настолько колоритная фигура, что привлекла к себе пристальное внимание исследователей. Любопытные наблюдения сделаны над самим ее именем. Имя это читается по-разному: Химико и Химэко. Правильное прочтение тем более важно, что это — чуть ли не единственное в разделе о вожэнь собственное имя [Сакамото, 1956, с. 125–129]. Чтение «Химико» могло являться сокращением от Химэ-микото или от Хи-но ми-ко. Однако первый вариант не попадает в древних документах, а во втором присутствует притяжательное «но» после второго знака. Тем не менее второй вариант, который в переводе может означать «дочь солнца» или даже «жрица солнца», пользуется известной популярностью — некоторые и расшифровывают имя Химико как «дочь солнца» или «жрица солнца». Что до чтения «Химэко», то в старых документах такое чтение допускалось. Значение «Химэко» нетрудно установить — это «принцесса» или «ребенок-принцесса», довольно распространенное женское имя, встречающееся в- «Бидзэн фудоки» и в «Нихонги» [Сакамото, 1956, с. 126–130].

Хотя «Вэй чжи» утверждает, что многие владения подчинялись царице Ематай, в действительности они выглядят полунезависимыми племенными объединениями уже потому, что в каждом из них должностные лица назывались по-своему, а это противоречит любой форме централизованного управления. При этом расстояние между Ито, На, Фуми, например, не

превышало 50–60 км. Следовательно, судя уже по пестроте названий, упомянутые должностные лица не могли быть ни наместниками Ематай, ни местными вельможами — уполномоченными этого владения. Эти должностные лица исполняли свои обязанности совершенно свободно и даже передавали свои функции по наследству [Hashimoto, 1956, с. 192–198].

Наиболее разветвленный аппарат управления был в Ематай, где было четыре должностных лица: исима (кит. ичжима), мима- ну (кит. мимашэн), мимакаси (кит. мимаючжи), нукатэ (кит. нуцзяти) — в порядке убывающего старшинства. Об их функциях можно лишь гадать. Палеолингвистический анализ показывает, что эти слова в функции географических и местных имен встречаются в «фудоки».

Кроме упомянутых должностных лиц Ематай как будто обладало особыми наместниками. По традиционной версии, изложенной в разделе о вожэнь и отстаивающей лидерство «Владения царицы» среди десятков других, более мелких, при Химико наряду с независимыми владениями на юге существовали земли к северу от ее страны, на которые распространялась власть Ематай. Какого-то влияния Ематай должно было добиваться и на Цусима и в Ики, важных для связей с Южной Кореей, на которую власть царицы непосредственно не распространялась.

Для управления всеми этими владениями назначался особый наместник (букв. «великий предводитель»), резиденция которого находилась в Ито. В «Вэй чжи» говорится: «К северу от владения государя-женщины специально установлен один великий предводитель (кит. идашуай, яп. итидайсоцу) для надзора за вассальными владениями» [Кюннер, 1961, с. 247]; иногда утверждают, что северное направление указано неверно — должно быть «к западу», но эта поправка сразу же позволяет поместить Ематай в Кинай, а «предводителя» превратить в наместника на Кюсю, Сикоку, Тюгоку наподобие более позднего да дзай-но соцу. Однако соответствующие примеры из «Нихонги» относятся к легендарной поре, и их достоверность сомнительна. Наиболее ранняя достоверная цитата о действиях наместника (да дзай-но соцу) относится к 609 г., который отстоит на 370 лет от времени, о котором идет речь.

О «великом предводителе» — наместнике — известно, что он был послан в Ито правительницей. Он должен был надзирать за странами к

северу от ее владения и вести внешние сношения. Но если он надзирал сразу за всеми владениями, может быть, не было нужды посылать еще других чиновников в каждое владение отдельно? И если он находился постоянно в Ито, насколько при

стальным был надзор правительницы за внутренними делами прочих владений? А он находился в Ито, которое благодаря выгодному географическому положению завязало связи еще с Поздней Хань и возило дань к китайскому двору. Ито при царице Химико стало аванпостом Ематай. «В этом владении имеется государь (ван), который становится как бы губернатором (кит. цыши). Он посылает послов в столицу и область Дайфан» [Кюннер, 1961, с. 247]. Некоторые полагают, что это местный чиновник, назначенный центральным правительством. Поскольку само Ематай имело выход лишь к заливу, глубоко заходящему в остров, оно было заинтересовано в гаванях, стоящих на побережье открытого моря в северной и западной частях острова. Такие гавани находились во владении Ито. Однако хотя формально владения на Северном Кюсю входили в федерацию, на деле были полунезависимы и могли оказать сопротивление при нападении. Да и психологические последствия прямого нажима могли оказаться нежелательными для Химико [Тома, 1960, с. 166–173]. Поэтому Химико воспользовалась своим правом верховного надзора за рынками, которые были открыты во всех владениях, независимо от непосредственной ежедневной в них потребности; очевидно, рынки имели общифедеративное значение. Под таким предлогом в Ито был посажен «великий предводитель». Несомненно, при этом учитывался фактор общифедеративной заинтересованности во внешних сношениях.

Кроме перечисленных в «Вэй чжи» рассеяно много названий должностных лиц, мало что говорящих нам, и несколько носителей административных функций. Напомним фразу из раздела о вожэнь в «Вэй чжи»: «Старшие и младшие имеют различный ранг. Вторые целиком подчиняются первым. Собирают подати и налоги... Есть тэйкоку (кит. дигэ)». Последние, по китайским источникам, осмысляются как хранители амбаров [Hashimoto, 1956, с. 545–547; Кюннер, 1961, с. 247].

Иероглифы, обозначающие должность надзирающих за рынками, иногда читаются как «Ямато» или понимаются как «великая Ва» — «дайва» (кит. даво). Более того, некоторые, основываясь на употреблении и значении аналогичного термина в «Нихонги» и, например, в «Хоу Хань шу» («их давован находится в Ематай»), отождествляют даво с правителем.

Эта концепция, не лишенная остроумия, однако, уязвима для критики. В действительности в источнике говорится лишь о том, что во всех странах открыты рынки и специальный «дайва» надзирает за ними. Правитель каждого владения собирает налоги, хранит их в амбарах; и взимает торговый налог, поручая чиновнику надзирать за рынками.

Должностные наименования вадзин исследовали многие. В частности, применительно к владениям Цусима, Ики, На, Фуми употреблено слово «хинубори», которое в форме «хинамори» встречается в древнеяпонском языке и означает «обороняющий Область», а иногда служит именем собственным или географическим названием. На этом примере становится ясно, что среди названий должностных лиц в разделе о вожэнь большинство либо являются именами людей, занимавших эту должность, либо, наоборот, должность становится именем человека. Поэтому имена и названия пунктов, упоминаемые в разных источниках, придают достоверность названию должностей в разделе о вожэнь. А если они отыскиваются среди старых имен и названий пунктов на Кюсю, они подтверждают теорию кюсюского расположения Ематай [Сакамото, 1956, с. 132–140].

Характер должностей во владениях вадзин — сложный вопрос. Кем учреждались должности — главой каждого владения или правителем Ематай, — эта проблема связана с вопросом о существовании правителей в каждом из владений. Раздел о вожэнь употребляет термин «правитель» применительно к трем владениям: Ито, Ематай, Куна. В пяти владениях правителей как будто не было, хотя должностные лица существовали. Возможно, их назначало Ематай.

В тех владениях, где правители существовали, должностные лица, очевидно, обладали правом контроля над местным правителем, если были общесоюзными лицами, назначались главой Ематай. Так, по источнику, владение Куна было независимым, не признавало власть правительницы, а его владетель враждовал с царицей Ематай. Должностные лица в Куна, естественно, руководствовались лишь волей своего правителя. Однако манера изложения общей ситуации в разделе о вожэнь и в этом случае та же, что и при перечислении должностных лиц для всех других владений, начиная с Цусима. Название должностных лиц — «хику» — повторяется и в этих случаях — похоже, составитель «Вэй чжи» не видел разницы между должностными лицами этих стран. Что касается наместников

правительницы, то их наименование не должно бы очень разниться во всех владениях, но в действительности разница существенна. Только на Цусима и в Ики названия главного должностного лица одинаковы — «хико», да в двух других владениях (На и Фуми) одинаковы следующие по важности должностные лица — «хинамори», или «хинубори». В других случаях должностные лица носят местные названия, что доказывает их самостоятельность.

По всей видимости, должностные лица, ведавшие административными внутренними делами владения, пользовались самостоятельностью. В этих владениях власть наследственных правителей постепенно слабела, а реальная власть должностных лиц росла. Недостаточность сведений о правителях большинства стран, возможно, связана с потерей ими авторитета. Это обстоятельство, вероятно, облегчало для правительницы проникновение в эти владения. Ситуация, которая описана в «Вэй чжи», не дает основания думать, что правительница сумела поставить под свой контроль внутренние дела владений. Допуская сохранение в этих владениях правителей, должностных лиц, самоуправления, она контролировала только внешние сношения и поэтому в глазах иноземцев выглядела правительницей варварского царства или федерации.

Письменного права в эпоху Ематай не существовало. Оно заменялось обычным правом, регламентировавшим лишь основные положения. Право той эпохи было тесно связано с верованиями. По «Вэй чжи», «не воруют, мало споров. Что касается нарушителей закона, то у легких преступников берут в казну жен и детей, у тяжелых преступников уничтожают всю семью и близкий род» [Кюннер, 1961, с. 247]. «Вэй чжи» не разъясняет, что считалось законом. По «Нихонги», писаных законов не существовало, их заменяла воля правителя. Когда при Одзине один человек оклеветал другого, правитель отдал клеветника в рабство. В целом этого рода обычаи у вадзин и народа Ямато не сильно отличались.

Хозяйство

В разделе о вожэнь в «Вэй чжи» упомянуто до полусотни представителей живой и мертвой природы, а также продуктов сельского хозяйства и ремесла. Все в целом позволяет составить определенную

картину хозяйственной жизни вадзик, дополнив ее данными археологии [Hashimoto, 1956, с. 487–489].

В географическом разделе «Хань шу» многое из сказанного ниже отнесено к странам Даньэрр и Чжужай. Но в целом достоверность этих фактов и их приложимость к Кюсю не вызывают сомнения и подтверждаются как археологическими находками, так и сведениями из «Кодзики» и «Нихонги».

Из растительности составитель летописи упомянул камфарное и дикое (?) сливовое деревья, ликвидамбру тайваньскую, криптомерию, платан, имбирное дерево (культурное и дикое), не менее двух видов дуба, в том числе вечнозеленый и корявый, тутовое дерево, или шелковицу, скрывающиеся под именем ухао — названием чудесного лука из этих пород, бамбук обыкновенный и особый, гибкий, тонкий. За исключением гибкого тонкого бамбука, все прочие деревья растут от Кинай до Кюсю. В этом перечне преобладают теплолюбивые породы, в том числе бамбук.

Что касается диких животных, то иероглиф, используемый для обозначения обезьяны, позволяет предполагать, что речь идет о горном виде, и тогда соотнести ее в основном с Кюсю. Про обитание в Японии черного фазана ничего не известно. Интересно, что по случаю преподнесения из Кореи императору Котоку белого фазана был сменен девиз годов правления на «годы белого фазана» (хакути). В Китае считали, что фазаны водятся на горных островах к югу от Поднебесной.

Перечисляемые плоды (апельсины, имбирь, перец) тоже отличаются южным тяготением. Описание культурных растений и животных, а значит, и основ хозяйства отличается некоторыми особенностями. Хотя «Цзинь шу» пишет: «...нет хороших полей; едят морские продукты», замечание о полях, видимо, продиктовано представлениями равнинного обитателя, так как тот же источник далее продолжает: «По обычаю сеют просо, рис, коноплю» [Кюннер, 1961, с. 256]. Дважды повторенное в «Вэй чжи» утверждение: «Закупают зерно на рынках на юге и на севере [Кюннер, 1961, с. 244], очевидно, ограничивает сказанное (неудобство полей и недостаток зерна) пределами отдельных гористых владений, так как в противном случае непонятно, где можно было закупать хлеб. Конечно, под севером можно подразумевать Корейский полуостров, но тогда что подразумевать под югом?

В разделе о вожэнь после фразы о наклонности народа к выпивке, т. е. к рисовой водке (что косвенно подтверждает развитие рисосеяния), вставлено примечание из «Вэй. ле». Согласно этому примечанию, японцы в то время еще не знали календарного года и четырех сезонов, а вели счет времени по весенней пахоте и осенней жатве. Если выпивками, как водилось в Китае, отмечали пахоту и жатву, тогда, похоже, этот обычай скорее был свойствен Кюсю, а не Кинай и лишний раз свидетельствует о значении земледелия.

Археологические находки широко и прочно подтверждают данные письменных источников о роли земледелия на Кюсю, уже давно значительной и все более возрастающей. Рисосеяние сложилось на острове в период раннего яёи, а появилось еще раньше. Кюсю оказалось первым восприемником новой земледельческой культуры на архипелаге. Это единодушно признают все три главные гипотезы появления риса в Японии: две из них отводят Кюсю роль первого восприемника континентальной культуры риса (северокитайской или южнокитайско-индокитайской), а третья считает местом, где зародилась японская разновидность риса.

Огородничество процветало и благодаря жаркому и влажному климату поставляло овощи круглый год.

Значительный интерес представляет собой отрицательная характеристика животного мира Японских островов: «В их земле нет коров и лошадей, тигров, барсов, баранов и сорок (?)» [Кюнер, 1961, с. 245]. Отсутствие тигров и барсов, как и прочих диких кошачьих, справедливо, но существование мелкой породы лошадей подтверждается многими свидетельствами, и в том числе фигурками ханива. О корове протоисторической поры таких сведений нет. Кроме единственной фигурки коровы-ханива в ее пользу говорили лишь запреты в «Нихонги» есть коров, лошадей, собак, обезьян, фазанов (по указу 675 г.). Кости коров не найдены на неолитических стоянках Японии. Что касается соек (сорок), которые водятся на архипелаге, то еще ранний комментатор «Хоу Хань шу» Чжан Сян считал, что этот иероглиф употреблен по ошибке вместо другого похожего, обозначающего кур. Хотя куры упомянуты в первой книге «Нихонги», материальных доказательств их существования в Японии в неолитическую пору нет, но на протоисторических стоянках, причем на Кюсю, их остатки обнаружены. В «Нихонги» есть сообщение о том, что в

598 г. [Nihongi, XXII, 4] присланы из Силлы две сойки (судя по иероглифу) — вероятно, знаменитые длиннохвостые куры. Настораживает тот факт, что и в этом случае употреблен загадочный иероглиф, по-видимому перенесенный составителем из более раннего источника [Hashimoto, 1956, с. 482–484].

Растянутая береговая линия островов, естественно, способствовала развитию рыболовства и морского промысла. «Вэй чжи» особо подчеркивает преимущественное использование морских продуктов обитателями гористых островов. Тот же источник в двух местах отмечает ловлю рыбы и моллюсков, причем форма сообщения не лишена интереса. В первом случае утверждается, что их ловят, «погружаясь» на мелководье; во втором — подтверждается тот же способ ловли, но уже на глубоких местах, однако при этом, чтобы отпугнуть хищников, ловцы татуируются. Хотя в отрывках говорится и о рыбной ловле, и о собирании моллюсков, фактически описана добыча моллюсков, крабов и т. п., известная здесь с неолита, но далеко не столь повсеместная в Китае. Ловля же рыбы сетями — с лодок и на мелководье, — мережками, удочками, острогами, прекрасно известная по археологическим раскопкам, в источнике не раскрыта.

Сведения раздела о вожэнь об ископаемых богатствах, промысле и ремесле еще более скупы, но лучше восполняются археологами. Хотя ни медь, ни бронза в этом разделе не упомянуты в числе добываемых или используемых, они были известны в это время на Кюсю. Точно трудно сказать, добывали ли в это время на островах медь, но привозные бронзовые зеркала, мечи (они упомянуты и в разделе о вожэнь в числе иноземных подарков), копья, секиры употреблялись повсеместно. Более того, их на месте переливали в другие предметы аналогичного рода, но иного типа. Так, бронзовые узкие мечи переливали в плоские, а тонкие наконечники копий — в широкие.

Одновременно с бронзой жители Кюсю уже знали железо: «бамбуковые стрелы с железными или с костяными наконечниками» упомянуты в источнике. Но умели ли вадзин выплавлять железо или же только получали его из Южной Кореи, «Вэй чжи» не уточняет. В разделе о хан население вожэнь прямо называется в числе покупателей железа в Чинхан (кит. Чэньхань).

Известная фраза о вооружении японцев, в частности о наличии у них

деревянных луков, «коротких внизу, длинных вверху», точно передает ситуацию: такие луки изображены на дотаку. Из оружия названы копье, щит и лук, а в «Хань шу» добавлен еще нож и самострел. Эти два предмета, более сложные и, очевидно, железные, видимо, тогда не были во всеобщем употреблении.

Камнеобрабатывающее дело получило дальнейшее развитие и специализацию. Появляются особые мастерские по изготовлению жатвенных или полулунных ножей (в Татэива), топоров (в Имая-ма). Шлифуются и полируются такие сложные по форме и исполнению изделия, как жезлы власти, кинжалы, навершия палиц. В стране добывали жадеит, или зеленую яшму, о чем сообщает «Вэй чжи». В «Вэй чжи» содержится наименование одной такой поделки, которую, по-видимому, надо понимать как большая зеленая коммобразная бусина (магатама), скорее всего, из зеленого агата. Жемчуг добывался в древней Японии повсюду, но им особенно славился залив Омура на Кюсю; агат же — только в Идзумо.

Киноварь, о которой говорится в «Вэй чжи», — это окись железа (ржавчина), известная японцам с незапамятных времен.

Солидность цифры белого жемчуга, отправленного в Китай (5 тыс. зерен!), вызывает подозрение: идет ли речь о настоящем жемчуге? При сравнении с рядом других китайских источников, и в том числе с «Тайпин юйлань» (цзюань 802), аналогичная фраза, очевидно переписанная из «Вэй чжи», называет уже 50 жемчужин, белых и настоящих. Китайский жемчуг добывался из мелководных моллюсков и отличался от японского, находимого в ракушках акаягаи. Кроме того, иероглиф, переводимый нами как жемчуг, китайцы употребляли и для обозначения других камней, по форме напоминающих жемчуг [Hashimoto, 1956, с. 494–514].

Если перечисленные промыслы во многом носили еще добывающий характер, то положение с ткачеством более сложное. По «Вэй чжи», вадзин разводят «коноплю, тутового шелкопряда, расчесывают и треплют, изготавливают пеньку и крученый шелк» [Кюннер, 1961, с. 245], а также используют растительное волокно, из которого делают головные платки. Перечисление операций устраняет всякие сомнения в местном характере шелкоткацкого производства. Более того, в двух случаях из трех приношения в Китай дани-подарков ценные ткани занимают почетное место. Кроме разноцветных холстов, бумажного платья и тканей дарили

японскую парчу, парчу разную с необычным рисунком, шелковые платья и ткани, синие и красные. Если перечисленные ткани разного типа, способа ткачества (в том числе и сложного), сортности, окраски сопоставить с соответствующими сведениями о достижениях в этой сфере других племен группы «восточных иноземцев» (дуньи), то окажется, что по набору лишь когурёсцы могут выдержать сравнение с вадзин. Важно и то, что в число заморских подарков вадзин смело включали разнообразные шелка и — значительно реже и в меньшем количестве — местные редкости (жемчуг, яшму), тогда как некоторые племена Корейского полуострова вынуждены были ограничиться посылкой одних местных редкостей, да и то иногда на уровне простых местных продуктов (воцзюй, или окчо). Это говорит о сравнительно высоком уровне шелкоткацкого ремесла у вадзин, причем частично уже профессионального и рыночного.

С появлением риса, бронзы и отчасти железа на арену Японии вышли новая утварь (керамика яёи), техника ткачества, новое текстильное сырье, новые домашние животные. Используемое растительное волокно ткачество прошло пять технологических ступеней: кручение, связывание, плетение, вязание, собственно ткачество. В обществе вадзин ткачество эволюционировало со стадии вязания, используя новое сырье, орудия, станок. В качестве материала применяли кору некоторых деревьев и ползучие растения. На главном острове — Хонсю — археологи обнаружили детали подобного ткацкого станка: ткацкий челнок, рулонный валик, приспособление, регулирующее нити утка (берд), вал, на который наматываются нити основы (навой). По всей вероятности, это было горизонтальное приспособление, объединяющее эти детали, без твердой основы, похожее на горизонтальное одночелночное устройство, и поныне широко распространенное в Юго-Восточной Азии. Известна каменная модель аналогичного приспособления, но для тканья шелка, относящаяся, однако, к курганной эпохе. Археологи обнаружили в погребениях эпохи яёи обрывки тканей из коры бумажного дерева, из китайской крапивы (рами), а также полотна из конопли, вытканые в технике гладкой ткани. Шелковые ткани этого времени археологами пока не обнаружены, как и ткани из дикого хлопчатника (томэн), упомянутые в «Вэй чжи». Материал, обозначенный этими иероглифами, представляет, по-видимому, разновидность коры бумажного дерева.

При всей своей фрагментарности «Вэй чжи» правильно передает основные особенности развития растительного и животного мира, видов

хозяйства вадзин — разумеется, с учетом психологии наблюдателя: изобилие видов флоры и скромность фауны (отсутствие в ней семейства кошачьих и ограниченность конского поголовья), процветание огородничества и морского собирательства, неопределенность литейного дела и устойчивое положение ткачества. Судя по этому источнику, с поселками связаны и рынки. «Во всех владениях имеются рынки, есть ли, нет ли торговли, велят контролировать Даво» [Кюнер, 1961, с. 247]. В союзе, возглавляемом «Владением царицы», положение ничем особенным не отличалось; было ремесло, должны были быть и рынки. Население Тайма, Ики торговало с севером и югом, и существовал морской торговый путь. Но рынок сбыта оставался узким.

Культурно-исторический аспект проблемы владений на о-ве Кюсю

Подытоживая сказанное выше об обществе вадзин, мы снова сталкиваемся с недостаточностью наших представлений об этом этапе жизни предков современных японцев. Если наши знания о культуре той поры, во всяком случае о материальной культуре, обладают некоторой стройностью и известной равномерностью, т. е. прилагаются к разным аспектам этой культуры, то этого нельзя сказать о духовной и общественной жизни вадзин. Многие стороны последней мы вынуждены познавать через археологический материал, но при этом надо помнить о принципиальной сложности постижения мира нематериального через материальный.

Общество Ематай неразрывно связано с археологической культурой яёи. Культура яёи в Японии с самого начала характеризовалась присутствием поливного риса и признаков железа. Поэтому в широком смысле слова она принадлежит уже раннему железному веку. Но формальная классификация, устанавливающая наступление самостоятельного периода не по первым признакам нового, а по определенной насыщенности ими общества, относит культуру яёи к энеолиту. Лишь позднее яёи по этой периодизации как бы накладывается на начальную стадию раннего железного века.

Как бы то ни было, бронза являлась лишь дополнением и шла на ценные изделия. Хотя раннему железному веку, в классической его форме, присуща городская цивилизация, культура яёи не доросла до нее, остановившись на стадии развития земледелия. В своем истоке она уже была культурой поливного риса, что несколько сузило возможности ее развития. Впрочем, о каких-то «городах» упоминает «Хоу Хань шу» [Бичурин, 1950, с. 34].

Хорошим материалом для изучения общественного строя этого времени являются погребения [Сугихара, 1955, с. 23–30]. Известные каменные гробы-ящики раннего яёи делались не для какого-либо определенного лица; в них оказываются останки ряда лиц, умерших в разное время. Гробы-ящики являются как бы центральным пунктом могильника. Вокруг них находятся многочисленные скорченные и вытянутые захоронения. Сопровождающий инвентарь ограничен личными украшениями и несколько отличается в разных погребениях. В раннем или в начале среднего яёи на Северном Кюсю появились дольмены и погребения в двойных глиняных урнах с аналогичными сопровождающими вещами. Они образуют коллективные или общинные кладбища. Со второй половины среднего яёи положение изменилось. Родовые кладбища еще сохранялись, но в отдельных погребениях появляются китайские зеркала, изделия из яшмы, корейские мечи и копья. По составу вещей можно судить, что наметился поворот от орудий и оружия к украшениям и предметам роскоши. Вторжение вещей последней категории означало появление слоя людей, обладающих особым весом и властью, — вождей родов и племен. По образу жизни эти вожди еще не слишком выделялись, но ростки классового общества уже проросли. Вождь, которому принадлежала знаменитая золотая печать, жил в это время.

Характер погребального инвентаря общества вадзин — носителей культуры яёи — свидетельствует о том, что классовое общество вызревало на местной этнической основе, наделенной универсальной культурой. Пришельцы — а таковые были — не образовали замкнутой касты. Выделение слоя знати сопровождалось появлением особых реалий в дополнение к общеупотребительным, а не новым комплексом вещей. Появление на Северном Кюсю слоя влиятельных лиц, наделенных особыми реалиями, служит бесспорным доказательством расслоения общества на архипелаге. Избыточный продукт земледелия обеспечивал приоритет обществу Северного Кюсю среди прочих островов архипелага. Этим же

продуктом оплачивали значительные расходы на покупку бронзы 8а рубежом, шедшей на общественно-ритуальные предметы. Потребность в этих предметах оказалась одним из стимулов для укрепления связей с континентом.

Заморское железо пришло, по-видимому, еще с ранним яёи. В погребениях среднего яёи уже есть железные мечи, копья, ножи, но это привозные, парадные изделия. Бытовые вещи из железа оставались редкостью, а из бронзы — отсутствовали вовсе. В отличие от положения на материке железные вещи в Японии чаще ковались, чем отливались. Бронзовые изделия — в массе своей предметы роскоши и ритуала — делились на импортные (зеркала, мечи) и на местные (копья, колокола). Пожалуй, одни бронзовые наконечники стрел и отливались в Японии, и употреблялись полностью для практических целей. Вещи отливались в основном в уездах Итодзима и Тикуси в преф. Фукуока и отсюда распространились на о-в Цусима, преф. Кумамото до п-ова Осуми (юг Кюсю) и до Такаси (преф. Токусима на о-ве Сикоку).

Культура яёи широко использовала каменные орудия: шлифованные материкового типа (полулунные ножи, топоры, тесла, мечи, наконечники стрел) и оббитые местные, сохранившие традиции культуры дзёмон (наконечники копий и стрел, скребки с черенками, копья). В изготовлении каменных изделий наметилась специализация по районам. Это справедливо, например, для базальтовых топоров и полулунных ножей из туфа местной выделки. Первые выпускались мастерскими в Имаяма у г. Фукуока, последние — в Татэива у г. Иидзука (преф. Фукуока). Но большая часть изделий периода яёи делалась из дерева: это были орудия земледелия, ремесел, кухонная утварь, вместилища, приспособления для добывания огня. Только теперь их изготавливали с помощью железных орудий, что придавало последним особую ценность.

В эпоху яёи рис с поливных полей стал основным пищевым продуктом. Из овощей употреблялись дыня, тыква горлянка, возможно, каштан и персик. Но наряду с рисосеянием важную роль играли охота и рыболовство.

Было известно прядение и ткачество. Но, кроме простейших пряслиц, археологи пока не обнаружили на Северном Кюсю других технических приспособлений. Настоящая конопля еще не стала известна — обходились

рами, но знали и шелкоткачество.

Жилища устраивались в низинах или на соседних с ними холмах. В первом случае это наземное жилище, во втором — землянка. Очертания жилища прямоугольные с тенденцией к квадрату. Очаг помещался в центре или в глубине от входа. Кровля держалась на четырех угловых столбах. Кладовая в Западной Японии в раннем яёи устраивалась в виде подземной ямы.

Находка на Северном Кюсю комплекса из бронзового вооружения и ханьских зеркал, аналогичного корейскому, косвенно свидетельствует о восприятии культуры Лолана, но еще не говорит о непосредственных и активных связях, заставляет подозревать наличие посредника. Быстрое расширение земледельческого общества, увеличение перечня зерновых, необходимость замены бронзового оружия и каменных земледельческих орудий железными, т. е. потребность средств производства, явились тем фактом, который не позволяет отрицать опосредованный контакт с Лоланом.

Совпадение ареалов распространения раннего рисосеяния и бронзовых мечей и копий убеждает в том, что рисосеяние способствовало выделению класса людей, уносивших в свои погребения импортное вооружение. Такое же явление наблюдалось в Корее, но там в таких погребениях больше предметов лошадиной упряжи и деталей экипажей [Окадзаки, 1955].

В социально-экономическом отношении вторая половина III в. не отличалась от первой. Некоторый политический и общественный прогресс оставался в русле первобытнообщинного строя, хотя и последней его стадии, не приведя к образованию настоящего классового общества. На Северном Кюсю мы не находили памятников, датируемых позднее среднего яёи. Активен был этап раннего яёи, поздний же прошел стороной. А именно в среднем и позднем яёи в обществе и культуре происходили наибольшие перемены. Сложившаяся ситуация препятствовала как освоению материковых новшеств, так и вызреванию новых политических форм на этом ответственном этапе.

«Великая смута» в конце II в. н. э., о которой говорит «Вэй чжи», — явление непростое и неслучайное. Вероятно, в процессе этой смуты многие

из сотни владений были поглощены и число их сократилось до 30. Эта же смута вызвала нарушение связей с Китаем. Ради чего бы ни велась эта смута — за расширение рабства или за победу общины, она могла разрешиться только компромиссом. Этот компромисс наложил печать на последующую историю Ематай и на сношения с Китаем. Сомнительно, чтобы Химико, занявшая свой пост молодой в конце 180 г., сразу же удостоилась от Китая почетного титула. За более чем 60 лет правления она достигла многого и умерла в 247 или 248 г. Дочь Химико— Ие — в 266 г. послала посольство к только что образовавшейся династии Цзинь. Посольство 266 г. планировалось, исходя из тех же соображений, что и посольство 238 г. В дипломатическом отношении оно выражало внимание к новой династии, во внутривосточном — курс на сдерживание соседа, теперь уже режима Ямато. Но мощь Ямато базировалась на иных основаниях, нежели сила варварских стран Северного Кюсю.

Об этих основаниях речь пойдет в следующей главе. В плане же историко-культурном необходимо напомнить, что культура позднего яёи и курганная (раннего железного века) достигла расцвета как раз на Центральном Хонсю, со всеми вытекающими из этого последствиями. Падение владения Северного Кюсю стало вопросом времени и произошло где-то в конце III — начале IV в. Именно этим временем датируется квадратно-круглый курган Акадзука — старейший на Кюсю, обнаруженный в сердце владений федерации. Этот тип кургана характерен для культуры Ямато. Судя по «Нихонги», в эту пору владетельницы и владетели на Северном Кюсю уже не могли оказать Ямато организованного сопротивления: Каму-наси-химэ покорилась войскам Ямато, Мива-каси-химэ стала наложницей Кэйко. Итифуная-но химэ из кумасо поверила в фальшивую любовь царя Ямато и предала отца. Вожди кумасо на юге Кюсю — Тафурацу-химэ и ее брат Нацува — были разбиты [Nihongi, VII, 7, 11–13]. Вожди были истреблены, а оставшееся население не могло сплотиться и превратилось в регрессирующее общество. При правителе Тюае даже считалось, что страну кумаео из-за ее бедности не стоит покорять. Такая потребность появилась, когда встал вопрос о вторжении в богатую Силлу.

Ямато с IV в. по первую половину VII в.

Политическая история

Старая историография признавала лишь фактологическую, или политическую, историю, а также огромное внимание уделяла вопросам происхождения династий. Осмысление происхождения династий, естественно, тоже принимало фактологический характер. Поэтому-то первая японская летопись «Нихонги» говоря о предшественниках режима Ямато, т. е. о правителях и вождях до IV–V вв., во-первых, отводит им баснословно древний и длительный период (только в календарном выражении он начинается с 660 г. до н. э.), во-вторых, заполняет его жизнеописанием свыше двух десятков «императоров», причем сами эти жизнеописания по мере проникновения в глубь веков взора летописца теряют определенность и остатки фактологичности, не говоря уже о том, что самих императоров и фактов их деятельности просто «не хватает» на тысячелетие, щедро отведенное им (см. [Seth, 1969, § 1–3]). Не удивительно, что даже европейские историки конца XIX в., положившие в основу своего изложения истории политическо-летописный принцип, вынуждены оговаривать легендарность передаваемых ими сведений об истории Японии: «При описании царствований этих императоров (первых девяти. — М. В.) история Японии упоминает только места их столиц, названия дворцов, имена ближайших родственников и не содержит описания хода событий, за исключением самых незначительных указаний, относящихся вовсе не к этому, а к последующему времени» [Костылев, 1888, с. 15; Murdoch, 1910, с. 53 и др.].

Рамки нашей работы позволяют избежать утомительного рассказа о длительных и — увы! — малорезультативных поисках истоков и доказательств достоверности тех или иных событий этой эпохи. Мы коснемся лишь трех из них, наиболее важных: похода Дзимму на восток, походов Ямато-такэру на юг и на север, похода Дзингу в Корею.

Официальная традиция годом успешного завершения похода Дзимму (660 г. до н. э.) открывает изложение собственно исторической Японии. По этой версии, Дзимму со своими приближенными предпринял завоевательный поход с Кюсю на Хонсю (Ямато), который увенчался созданием империи

[Kojiki, II; 47–52. Nihongi, III]. В Японии одни ученые безоговорочно принимали версию о божественном происхождении Дзимму и о его походе на восток, закончившемся завоеванием Ямато, другие считали ее выдумкой, предназначенной для «уговора» восставших племен (может быть, кумасо) подчиниться императорской власти со ссылкой на то, что Южное Кюсю якобы было владением императорского рода или местом, откуда прибыли предки обитателей «Равнины высокого неба». Но третьи полагают, что императорский род действительно происходит с Кюсю и что в первой половине IV в. н. э. он завоевал Японию и перенес столицу с Кюсю в Ямато [Епоки, 1954].

По «Нихонги», Дзимму предпринял морской поход для завоевания Ямато, но его отбытие скорее похоже на эвакуацию: его семья не осталась на Кюсю, чтобы управлять островом, как бы это полагалось наследникам «Равнины высокого неба». В походе Дзимму неоднократно терпел неудачи и задержки, и сам поход длился более семи лет. Сомнительно, чтобы в VII в. до н. э. японцы умели строить суда, способные пбревезти большие отряды из Хюга (Кюсю) в район нынешнего Осака. Непонятно, почему Дзимму не выбрал сухопутный путь. Странно, что морская экспедиция не натолкнулась на помехи до того, как она отбыла из Нанива. Почему Дзимму не поехал в Ямато прямо из Ока у Модзи, а топтался в течение нескольких лет во Внутреннем Японском море? И еще более странно, что морская экспедиция зачем-то завернула на о-в Кии, чтобы отплыть из Кумано. Путь из Кумано до Ямато очень труден. Мы ничего не знаем о политических и экономических обстоятельствах, которые могли бы сделать возможным за-воевательный поход Дзимму. Более того, эти же источники говорят, что юг Кюсю был заселен кумасо, враждебными императорскому дому Ямато, и правители Кэйко, Тюай, Дзингу посылали против них целые экспедиции. Это заставляет усомниться в том, что императорский клан Ямато правил на Южном Кюсю [Иноуэ, 1960; Seki, 1973].

Если мы учтем этнические (см. гл. 4) и культурные (см. гл. 6) миграции этого времени, то вероятность похода, направленного на восток, несомненно, повысится. Какая-то группа, возможно предки царского дома, пришла с Кюсю, южная часть которого оказалась в их владении в середине III в. И столь же вероятно, что она как-то связана с «Владением царицы». В пользу этого мнения высказывают следующие доводы: 1) «Кодзики» и «Нихонги» определенно сообщают об исходе из Кюсю, и, по-видимому, к началу VIII в. — дате создания источников — такое мнение было

общепринятым; 2) достоверность предания подтверждается ссылкой на «три священных сокровища» (меч, зеркало, яшма). Два первых предмета — очевидно, бронзовые, китайские по происхождению— встречаются во всей Западной Японии, включая Кинай, но только на Кюсю находят наиболее древние формы (II–I вв. до н. э.); 3) если бы японский императорский режим сложился в Ямато и отсюда покорил бы Западную Японию между 226–364 гг., то он обладал бы куда большей мощностью уже в III в., когда китайские послы навестили о-в Кюсю, и это отразилось бы в их сообщениях и в китайских хрониках. В указанную пору остров Кюсю находился в географическом отношении куда в более выигрышном положении, чем Кинай, именно из-за своей близости к Лолану; 4) «Владение царицы», господствовавшее над значительной частью о-ва Кюсю, объединяло ряд местных образований в III в., и оно было единственное на архипелаге владение, способное на это в то время; 5) название «Владения царицы» — Ематай — мы можем сблизать с Ямато, только допустив кюсюское происхождение последнего [Yasumoto, 1973].

Основные события этого похода — исход каких-то кланов с о-ва Кюсю (добровольный или вынужденный), продвижение вдоль восточного побережья о-ва Кюсю и далее по Внутреннему Японскому морю, извилистость этого пути, которая обуславливалась каботажным характером плавания, неизвестностью самого маршрута, поисками удобного для высадки места, действия на суше, такие, как слияние с кланом Идзумо, принятие в союз одних кланов (Мононобэ) и истребление других, — не противоречат логике истории. Некоторые другие данные тоже говорят в пользу историчности восточного похода Дзимму: смена двух локальных культур бронзы (западной и восточной) единой культурой раннего железа на рубеже IV в. при характерном единообразии предметов, принадлежащих верхнему слою общества; оживление набегов племен вадзин на Корею, особенно после 280 г., когда на континенте пало царство У и многие усцы бежали на острова; знаменательный перерыв в этих набегах в период с 295 по 300 г. (по Самкук саги), примерно соответствующий традиционной длительности восточного похода. Однако датировка этих событий резко отличается от традиционной. Впрочем, современные поправки в сроках правления японских правителей легендарного периода, основанные на средней протяженности царствований японских императоров (от восьми до десяти лет), позволяют предположительно датировать время правления Дзимму, по одной версии, 271–311 гг., а по другой — время его смерти 307 г. [Арутюнов, 1975].

В последнее время делаются интересные попытки увязать предание о восточном походе Дзимму с теорией завоевания островов кочевниками с континента все в ту же пору — на рубеже IV в. [Ledyard, 1975, с. 243].

Предание о походах Ямато-такэру определенным образом связано с преданием о восточном походе Дзимму. В предании сообщается о том, как Ямато-такэру (букв. «Богатырь Ямато») последовательно и успешно по поручению царя Кэйко выступал в походы против кумасо на юге (в 97 г.?) и против эмиси (эдзо) на севере (110–112 гг.?) [Morris, 1971]. Во время походов Ямато-такэру совершает много подвигов, далеко выходящих за рамки человеческих возможностей. Он совершает их в борьбе как с «дикими» племенами, так и со «злыми демонами», а после своей смерти превращается в белую птицу. Сам Ямато-такэру рисуется вполне земным существом, облеченным, однако, высокой миссией— борьбы со «злыми демонами», вдохновлявшими эмиси на мятежи, снабженным священным (меч) и волшебным (огниво) предметами. Однако в ходе этой борьбы и в процессе завоевания на обратном пути иных земель он вырастает в фигуру полубожественную: эмиси покоряются, видя в нем божество; его смерть таинственна и исполнена скрытого смысла; после смерти он превращается в птицу. На земле же для сохранения в потомстве его имени создают корпорацию Такэру-бэ. Полагают, что это предание, созданное где-то в период с середины IV до середины VI в., воплотило в лице одного героя какие-то черты многих воителей, приписав ему одному славу многочисленных завоевательных походов, совершенных разными людьми [ср. Kojiki, I; 79–88].

Предание о походе царицы Дзингу в Силлу является следующим логическим звеном в цепи трех походов: покорение племен Центрального Хонсю и создание режима Ямато (поход Дзимму), подчинение прилегающих к Ямато земель и народов (походы Ямато-такэру), наконец, экспансия в сферу заморского мира (поход Дзингу). Согласно этому преданию, царица Дзингу (201–269), жена царя Тюая, в которой текла корейская кровь, во сне получила «божественный наказ» выступить с походом против Силлы. После смерти мужа, последовавшей вслед за его отказом выполнить «наказ», Дзингу на седьмом месяце беременности сама возглавила экспедицию в Силлу в 200 г. (?). В пути флотилию вел морской бог Сумиёси, а рыбы поддерживали ее корабли во время шторма. Царь Силлы капитулировал и обязался ежегодно присылать по 80 кораблей с

золотом, серебром и тканями. Цари Пэкче и Когурё признали себя вассалами Ямато. Оставив на полуострове гарнизон, Дзингу вернулась в Ямато с пленными и добычей [Higo, 1969; Цой Килсон, 1963; Kojiki, II, 91–95].

Фамильное имя Дзингу — Окинага («долгодышащая») — было связано с магией и появилось среди священных рыбаков, объединенных в племя Адзуми. По традиции Дзингу считается главной колдуньей и по крови родственницей владетелям Силлы, Пэкче, Когурё [Tanaka, 1967; Mizuno, 1967]^[34]. Согласно новейшим исследованиям, Дзингу жила во второй половине IV в. Два обстоятельства говорят в пользу такой датировки события независимо от значения, которое в него вкладывается. Для осуществления заморской экспедиции подобного масштаба необходимо хоть какое-то политическое единство, а оно появилось в Ямато не ранее IV в. В корейских хрониках под 200 г. нет никаких сведений о вторжении, но под 346 г. такое сообщение имеется [Ким Бусик, 1959, с. 107]. Поход Дзингу отличается от походов Ямато-такэру несколько большей реалистичностью обстановки, сверхъестественные силы в нем играют более скромную роль. Былая эпическая борьба сменилась настоящей военной экспедицией (детали которой нам, однако, не сообщаются), не приведшей, впрочем, к прочным завоеваниям [Пак Сихён, 1966, с. 198–199; Uemura, 1977].

Японское проникновение на юг полуострова могло быть облегчено ликвидацией китайской администрации в Лолане в 313 г. Но японцы оказались как раз на пути когурёсцев, двигавшихся на юг полуострова. И, по-видимому, объединение японцев было ускорено необходимостью противостоять атакам когурёсцев. Эти события, в частности завоевание части Южной Кореи в 369 г., могли быть связаны лишь с царем-объединителем. Это же можно сказать и про пэкчийское посольство 364 г.: с просьбой о помощи оно ехало к всеяпонскому царю [Уэда, 1969, с. 98—115]. С этого времени и до 562 г. японцы занимали в этой стране особое положение (Мимана). В 391 г. (?) японцы в Пэкче подверглись нападению когурёсцев. Разгорелась борьба за влияние в Южной Корее, причем ни одна сторона не могла добиться решительного перевеса.

Хотя указанные события должны были как-то увязаться с напряженной внутренней жизнью страны, III и IV века в официальном освещении

лишены каких-либо примечательных событий и деяний. Это 200-летие отдано в удел трем правлениям, непомерно растянутым. В «Нихонги» содержатся лишь глухие отзвуки борьбы «за престол» при воцарении Дзингу и после смерти Одзина и Нинтоку.

Этот летописный вакуум привлек внимание желающих его заполнить либо нашествием континентальных кочевников [Egami, 1963], либо завоеванием островов племенами пуё или когурё [Ledyard, 1975], либо созданием на архипелаге «дочерних владений» — отпрысков пэкчийского царства [Ким Сокхён, 1963; Лим Чонсан, 1966]. Если две первые теории как-то подкрепляются археологическим материалом (распространением курганов и керамики типов, общих для Кореи и Японии; поясом мегалитических сооружений, тянувшихся от Маньчжурии через Корею до о-ва Кюсю; близостью мифологических сюжетов Кореи и Японии), то последняя теория в основном базируется на одной предпосылке: беглые пэкчийцы, как более культурные и политически развитые, после переселения на острова должны были создать «дочерние, образования» в среде менее «передового» населения. Упомянутые Одзин и Нинтоку, которые в «Нихонги» представлены «мудрыми» правителями, открывают, по мнению этих ученых, иноземную династию завоевателей в Японии. Однако наиболее достоверный персонаж эпохи — Кацураги-но Соцухико (он упомянут и в основном тексте «Нихонги», и в отрывках из «Пэкче понги») — своими действиями разрушает легенду о сильном, едином правителе (царе). Будучи предводителем японцев (вадзин) в Корею, он не выполнял царских указов, смог выдать свою дочь Ива-но химэ за Нинтоку и стать родоначальником клана Сога [Kiley, 1973, с. 36].

Политическая обстановка в Японии в V в. вырисовывается лишь немногим более отчетливо. Известные места в «Сун шу» (цзюань 97) особо выделяют отношения Китая с пятью японскими царями в 413–502 гг. Один из этих царей в послании сунскому императору писал, что его «предки, вооружившись, пересекали горы и реки... завоевали 55 стран волосатых людей на востоке и покорили 66 стран на севере за морем» [Ярап..., 1957, с. 23]. В этой фразе видят намек на три упомянутые предания о походах. Если верить «Нихонги», уже в начале V в. цари стремились иметь при местных вождях своих людей, которые бы «доносили императору о ходе дел в его отдаленных владениях». Примерно в то же время отмечается знаменательный факт — введение «божьего суда» для претендентов на клановую принадлежность. Это говорит об определенных

демографических перемещениях, нарушавших размеренный ход сельской жизни и позволявших самозванцам претендовать на принадлежность к сильному клану [Sansom, 1958, s. 41–51].

Хотя утвержденный китайцами в 421 г. титул «японский государь» как будто предполагал единовластное правление, тем не менее монолитность режима Ямато оставалась проблематичной. От двух сыновей Нинтоку пошли две отдельные линии династии, которые были объединены только в результате брака Нинкэна с Касуга-но Ойрацумэ, заключенного с нарушением (первым в истории Японии) правила экзогамии, запрещающего браки между потомками единоутробных братьев [Kiley, 1973, с. 37–38].

После смерти Юряку в 479 г. началась борьба за наследство. В «Нихонги» она отразилась в переосмысленном виде. Два последующих правителя были у власти всего по несколько лет, а наследник третьего (Нинкэна) — Бурэцу — изображен злодеем и деспотом. Ему приписаны те же преступления, в которых «Ши цзин» обвиняет тирана Чжоу (1200 г. до н. э.). В этом эпизоде можно усмотреть вмешательство представителей знатных фамилий в вопросы престолонаследия. Крупные вожди — ооми и ому-радзи — конкурировали с кланом правителя в расширении своих владений и в захвате людей. Заняв ключевые посты при правителе, они часто вынуждали законных наследников правителя укрываться в необжитых районах архипелага, спасая свою жизнь. Так, после смерти Бурэцу вымерла линия Нинкэна — вероятно, из-за убийства претендентов. Омурадзи Отомоно Канамура послал за «принцем», но тот бежал, как только увидел отряд, посланный за ним, и пропал бесследно. С трудом отыскали другого «принца» (потомка ветви Нинтоку), который правил под именем- Кэйтая, если верить «Нихонги», уже в VI в. [Кайондзи, 1959, с. 38–39]. Сторонники теории завоевания островов племенами пуё или когурё видят в этом событии уход со сцены линии государей пуё и реставрацию власти правителей из местного населения (вадзин) [Ledyard, 1975, с. 253–254]. Пятеро последующих правителей правили подозрительно мало (с 534 по 587 г.), да и об их делах почти ничего не сообщается. Впрочем, по «Нихонги» они умерли своей смертью, вероятно, вступив на пост в преклонном возрасте.

Правитель в короне (ханива из преф. Фукуока)

В VI в. в ходе восстаний при Кэйтие и Киммэе режим Ямато вступил в период потрясений. Причины этого заключаются в междоусобицах в среде мощных фамилий и в росте сословия простонародья. По «Нихонги», после окончания в 528 г. трехлетнего мятежа Иваи — управляющего областью Цукуси — в 531 г. правитель Кэйтие умер. Сразу же его место занял Анкан, но он как будто из четырех лет фактически правил лишь два последних и умер в 535 г. Наследовавший ему Сэнка умер в 539 г., а после него настала очередь Киммэе. Однако по ряду источников, и в том числе по «Боцзи бэньцзи» (кор. «Пэкче юнги»), Киммэй пришел к власти в 531 г. Из этого как будто следует, что после смерти Кэйтие в 531 г. стараниями клана Сога был выдвинут Киммэй, но он не был признан фамилией Отомо, которая через два года поставила у власти Анкана, а затем и Сэнка. Итак, до 534–539 гг. было два правителя. «Дела» их, похоже, узурпировали приближенные, чье влияние возросло настолько, что они сумели захватить всю полноту власти обходными путями, например брачными. Так, у Киммэе было несколько детей от дочери Сога-но Инамэ, приближенного правителя и главы могущественного клана. Дочь Киммэе — по матери Сога — впоследствии стала женой Бидацу, а овдовев, правила под именем Суйко. Ее брат ЁМЭЙ женился на дочери Киммэе от другой представительницы клана Сога. После его смерти кровь Сога текла в жилах почти всех правителей режима Ямато.

Одним из ранних примеров выдвижения представителей мощных кланов на пост первой персоны после правителя может быть назван Хэгури-но Матори. Это его в 498 г. сверг Отомо. Канамура. Но и последний

не выдержал соперничества Сога Инамэ, захватившего власть в 536 г. (после смерти которого в 570 г. его пост занял Сога Умако).

Если несколько предшествующих «царей» хотя бы умирали своей смертью, претерпев при своем воцарении все тревобления борьбы за власть, то с Судзюном дело обернулось куда более трагично. Судзюн — один из сыновей Киммэя и брат Ёмэя — занял свой пост после кровопролитной борьбы между кланом Моно-нобэ, выдвигавшим Анахобэ, и Сога, стоявших за Касикию — будущую Суйко. В ходе борьбы Мононобэ Мория и его креатура погибли. Хотя Судзюн по жене Ёмэя был родичем дома Сога, он обнаружил недовольство засильем отпрысков этого дома и даже посмел жениться на женщине не из клана Сога, а из соперничающего клана Отомо. В глазах Сога Умако это своеволие отягощалось изменой интересам Сога, к которым Судзюн принадлежал по крови, и это решило его судьбу. После его гибели на посту царицы оказалась Суйко (593–628) — жена Бидацу, по матери член клана Сога, а в роли соправителя и наследника — сын Ёмэя, знаменитый Сётоку-тайси. Казалось, дом Сога прочно и навсегда овладел положением.

В таких условиях клан правителей Ямато должен был обладать особыми свойствами, чтобы сохранить свое положение. Правда, следует оговориться: другие сильные фамилии хотели не столько занять место клана правителя, сколько приобрести реальную власть как его «покровители» или «защитники». И этого они (и клан Сога, например) ухитрялись добиться сложными брачными комбинациями. В ходе кровопролитной борьбы Сога создали своеобразную концепцию власти правителя Ямато: правитель становился символом национального единства, и эта его позиция всячески поддерживалась; реальная же власть (с 536 г. после получения звания ооми) переходила в руки Сога. Эта концепция полностью учитывала сильную древнюю традицию почитания правителя прежде всего как верховного духовного вождя, чья власть более вечна, чем временное политическое влияние [Waida, 1976, с. 333]. Нельзя сбрасывать со счетов и некоторые светские преимущества дома правителя: его богатство, обладание регалиями, его положение арбитра в спорах между кланами и роль представителя всего народа Ямато в кампаниях против восставших племен, в сношениях с иноземцами и соседями, в особенности с Китаем.

Однако последние преимущества не меняли характера власти

правителя, или царя. Они не имели за собой (если не считать упомянутой устаревшей и «невыгодной» концепции) ни последовательной идеологической теории, ни разработанной политической идеи.

Сётоку-тайси (фрагмент картины)

Сам же по себе социально-экономический базис без этих опосредующих и параллельных аспектов не мог привести к исторически неизбежному результату, к формированию единой царской власти, да и сам этот базис вряд ли в таком значении понимался государственными деятелями эпохи. Другое дело — указанные концепции и идеи. Их искали сознательно, и они были найдены в лице буддизма и китайского учения о правителе.

Знаменитое представление учения буддизма, осуществленное якобы королем Пэкче в 552 г., послужило предлогом для религиозной дискуссии. Консервативная партия, состоявшая из глав мощных кланов, чье положение было тесно связано с осуществлением культа клановых духов, отвергла новую веру (Накатами и др.). Другие, более прозорливые, видели в буддизме одну из причин усиления корейских государств, в результате чего Япония утратила свои владения в Мимана и предстала перед возможным союзом между Когурё и Силлой. Тесно связывая буддизм с принципами государственного устройства Вэй и Сила», они ратовали за его принятие, видя в нем залог последующих политических изменений. Консерваторов возглавила фамилия Накатоми, несшая функции жрецов духа

«императорского» предка, и Мононобэ — военный клан, стоящий на националистических позициях, исключавших принятие любых иноземных новшеств. «Прогрессистов» возглавлял клан Сога, ведавший казной. Спор затянулся на 50 лет и не раз принимал бурный характер. Подаренную статую Будды Сога поместили было в храм духа своего клана, но были обвинены в святотатстве. Статую то выбрасывали из храма, то возвращали на прежнее место. Другой представитель Сога где-то после 570 г. получил разрешение молиться Будде и построить для статуи небольшой храм. Царь Ёмэй за кратковременное правление успел высказаться в пользу буддизма, а в борьбе за престол' после его смерти (587 г.) погиб дом Мононобэ, да и дом Накатоми утратил былое значение. Другой важный дом — Отомо, понесший моральный урон после неудач в Корее, признал главенство Сога.

В конце VI в. буддизм получил возможность быстрого распространения, по крайней мере в окружении правителя Ямато. Но это еще не знаменовало наступления политических перемен, поскольку в окружении правителя процветали заговоры. Сога Ума- ко организовал убийство царя Судзюна, которому он же обеспечил приход к власти, и поставил на его место свою племянницу Суйко, вдову царя Бидацу, 39-летнюю мать семерых детей. Сложность династическо-политической ситуации заключалась, с одной стороны, в беспрецедентном выдвижении на пост правителя Ямато женщины (если не считать полупоупендарного персонажа — правительницы Дзингу), а с другой — в обходе всех прочих мужских претендентов. У того же Бидацу было 17 детей, ни один из которых не правил. После ЁМЭЯ остался Сётоку-тайси (574–622), но и ему достался пост не царя, а регента при Суйко — тоже в отступление естественного, казалось бы, выбора на этот пост одного из семерых детей Суйко. Допустимо предположение, что Сога Умако таким образом надеялся сохранить и упрочить положение своего клана как покровителя подготовлявшихся реформ, основные принципы которых должен был разработать Сётоку- тайси, известный своей приверженностью буддизму и конфуцианству.

Почти за 30 лет своего регентства Сётоку-тайси едва ли мог — осуществить все те политические и социальные реформы и создать научные труды, которые ему приписывает историческая традиция. Знаменитые «Законоположения из 17 статей» теперь чаще всего не признаются его созданием. По-видимому, они были Написаны в его честь какое-то время спустя после его смерти, когда некоторые новшества уже

стали вводиться [Sansom, 1958, с. 51–56].

Но прежде чем можно было приступить к реформам, предстояло сломить сопротивление кланов и развязаться с активными действиями японцев на материке: реформы требовали концентрации всех сил страны. Но режим Ямато еще продолжал безуспешные попытки вернуть Мимана. В 602 г. армия вторжения в Силлу уже готова была выступить в поход, но внезапная смерть главнокомандующего — принца Кумэ — задержала высадку, а затем и все предприятие рухнуло. Этот проект снова обсуждался в 622 г., но дело не подвинулось дальше разговоров.

В 20-х годах VII в. на Японских островах разразился новый политический кризис. В 622 г., в разгар дипломатических переговоров с Китаем, открывшихся в 607 г., Сётоку-тайси умер. Умер вскоре и Сога Умако, передав власть Сога Эмиси. В 628 г. скончалась Суйко. Под нажимом Сога Эмиси к власти пришел Дзёмэй, внук Бидацу, победив другого претендента — Ямасиро-но Оэ, сына Сётоку-тайси. Сога Эмиси продемонстрировал свою силу еще раз, в 641 г., когда после смерти Дзёмэя выдвинул на престол внуку Бидацу, известную под именем Когёку.

Не довольствуясь одной фактической полнотой власти, Сога Эмиси при поддержке своего сына Ирука перешел к прямым действиям по захвату царской власти. Сначала о»; присвоил себе некоторые внешние прерогативы этого сана (укрепленный дворец, царский мавзолей, право жаловать титулы и пр.), потом организовал истребление Ямасиро-но Оэ и его семьи — наиболее законных претендентов. Построив укрепленный лагерь, Сога Эмиси стал вербовать сторонников не только среди вождей японских кланов, но и в корпорациях корейских и китайских иммигрантов, сильных своей сплоченностью и производственной техникой, в айнских племенах, известных своей воинственностью. Глава переселенцев Ая-но атаэ обещал ему поддержку, равно как и вождь нескольких тысяч айнов из Этиго, только что в 642 г. покорившихся режиму Ямато.

Положение рода правителей Ямато стало угрожающим. Тесная и давняя связь с кланом Сога лишила его многих потенциальных сторонников: были уничтожены Мононобэ и принижен клан Накатоми. В царском клане не было вождя: правительницей Ямато стала Когёку — ставленница Сога.

Перед лицом надвигающейся гибели «царская партия», однако, сумела сплотиться и найти вождя. Им стал Накатоми Кама- тари. В то время Каматари находился во главе своего клана — наследственного жреца синто. Однако он был горячим последователем идей Сётоку-тайси и, главное, обнаружил полную готовность и способность претворить их в жизнь. Заручившись поддержкой двух членов «царского» дома — Кару и Нака-но Оэ, он составил заговор. В ходе его выполнения он женил последнего на дочери главы боковой линии Сога, разбив тем самым единый фронт членов этой фамилии. В 644 г. на царской аудиенции, даваемой корейским послам, Сога Ирука был убит. Тотчас же Ая-но атаэ поднял своих подопечных в помощь дому Сога. Однако бывший приближенный Сога, перебежчик Косэ-но Токудай-но оми сумел убедить выступивших на помощь, что положение дома Сога безнадежно, раз даже царица не защитила Сога Ирука, а покинула зал для аудиенции. На следующий день Сога Эмиси и его приближенные погибли, осажденные в своем доме.

Царица Когёку отрёклась от своего поста (впервые в истории Японии, если верить «Нихонги») в пользу своего сына Нака-но Оэ, Но эта кандидатура, очевидно, устраивала Каматари меньше, чем его младший брат — Кару, который и стал царствовать под именем Котоку. Можно добавить, что власть для видимости была предложена и Фурубито-но Оэ — сыну Когёку и протеже Сога. Но тот правильно оценил обстановку и постригся в монахи. Впрочем, влияние Сога не было уничтожено, как и сам дом. Тот же Фурубито-но Оэ через несколько месяцев возглавил восстание, но был убит, а его отряды рассеяны.

Сложность отношений между кланами и локальность заговора отразились уже на первых политических мероприятиях. Царем стал наиболее старый и пассивный член триумvirата — Кару. Тесть царя Нака-но Оэ, глава боковой линии Сога, стал одним из двух первых министров. Душа и руководитель заговора Каматари, похоже, был отстранен от участия в управлении государством. Подлинным правителем стал самый молодой член триумvirата — представитель царской фамилии Нака-но Оэ.

Страна вступила в полосу реформ, и одним из первых признаков этого стало введение с 645 г. девиза годов правления (нэнго), многозначительного в своем чтении — Тайка, т. е. «великие реформы» или «великие перемены». После первых шагов в этом направлении в первом месяце нового, 646 г. появился «Манифест о реформах».

Внешние сношения режима Ямато

Внешние сношения в эпоху Ямато не могли не отличаться от заморских поездок посланцев союза Ематай. Лишь объект поездок в целом остался прежним (Китай, Корея), да и то теперь там были иные политические образования. Изменение исходного и конечного пунктов таких путешествий предполагало перемену маршрута и влекло за собой смену средств и способов его прохождения. Но особенно изменились, как мы увидим дальше, цели и характер самих сношений.

Не существует единого мнения как о времени возникновения отношений между режимом Ямато и корейскими царствами, так и о характере этих отношений на ранней их стадии. По «Нихонги» видно, что прочные отношения завязались после правления Юряку (середина V в.). Некоторые не без основания утверждают, что исторические материалы о времени до Юряку отражают события позднего времени и особенно подверглись обработке в проимператорском духе (см. [Ким Сокхён, 1966, с. 265–328]). В «Нихонги» можно выделить историческое повествование официально- китайского типа, начиная со второй половины правления Киммэя (540–571), и предшествующую, традиционную часть. Последняя, конечно, тоже подверглась известной обработке, но значительно меньшей. В главах, посвященных наиболее раннему периоду от Судзина до Тюая (97 г. до н. э. — 200 г. н. э.), собраны сведения о связях с Мимана и Силлой, о походе Дзингу против Силлы. В этот период каждый японский клан более или менее свободно сносился с Кореей, и сведения этих глав «Нихонги» основаны на материале кланов. Для времени от Дзингу до Нинтоку (201–399) сведения о сношениях основаны на «Пэкче ки» и на преданиях иммигрировавших в Японию кланов. Для третьего периода, от Юряку до Бурэцу (457–506), свидетельства о сношениях с Кореей концентрируются в «Нихонги» в главе о Юряку. Наконец, для четвертого периода, от Кэйтая до Киммэя (507–571), сообщения о связях частично основаны на «Пэкче понги», а частично на клановых преданиях [Inoue, 1971].

Сведения о связях с Кореей в течение первого и второго периодов в «Нихонги» не классифицированы, и их невозможно приурочить к какому-

нибудь конкретному времени или царствованию. Попытки связать их с хронологией, созданной уже в VII–VIII вв., методически ошибочны.

В соответствии с уже известной традицией невероятно удревять корни императорского дома и политическую историю Японии различные события внешней политики и дипломатических связей датируются столь же древним периодом. Можно напомнить, что традиционная хронология возводит основание Мимана к 12-му году правления Судзина (85 г. до н. э.), знакомство с корейской материальной культурой и медициной — к 1-му году правления Суйнина (29 г. до н. э.), поход Дзингу против Силлы — к 9-му году правления Тюай (200), первую дань из Силлы — к 8-му году правления Дзингу (208 г.), приезд «культуртрегеров» из Пэкче — к 1-му году правления Одзина (270), из Когурё — к 3-му году правления Юряку (459 г.). Невероятность датировок всех событий, кроме последнего, не нуждается в обосновании, но очередность завязывания новым режимом связей с разными государствами полуострова передана вполне достоверно (ср. [Kurihara, 1967, с. 87; Ким Сокхён, 1963]).

Падение китайских префектур в Корею в 313 г., появление в Южной Корею Пэкче и Силлы, а в самой Японии — режима Ямато изменили ситуацию. Прервавшиеся было контакты японцы возобновили — теперь уже под видом помощи Пэкче, наиболее заинтересованной в поддержке извне [Hirano, 1977].

Японское посольство, отправившееся в Корею в 366 г., уже знало о желании Пэкче. На следующий год пэкчийское посольство посетило Японию, вероятно прося войск, которые и были посланы в 369 г. На востоке полуострова экспедиционная армия заняла бассейн р. Нактонган, сдерживая силланский нажим. На западе она захватила обширное пространство от р. Сёмчин до р. Кймган, дойдя до южных границ Пэкче. Эта земля принадлежала племенам кая и их владению Кара.

Таким образом, в 366–371 гг. создалось японское владение Мимана, получившее название по географическому району Ми-манакара (Кая). Японцы захватили район, еще не поделенный Пэкче и Силлой и склонны были рассматривать оба эти государства как своих вассалов [Уэда, 1969, с. 98—115]. В районе нынешнего города Кымхэ было создано управление — Нихон-фу. В каждую деревню или общину был послан японский чиновник (мико-томи), подчинявшийся начальнику данного района (канки).

Японские войска размещались в стратегических пунктах. Не имеется сведений ни о разветвленной гражданской администрации Мимана, ни о количестве и дислокации японских войск.

Расцвет японского владения Мимана приходится на вторую половину IV в. В конце этого периода, потерпев поражение от японских и пэкчийских войск, когурёские силы перегруппировались и в 396 г. на суше и на море разгромили Пэкче. В 400 г. Когурё вытеснило японский гарнизон из столицы Кая в Мимана и в 427 г. перенесло столицу на юг, в Пхеньян. Отсюда оно развернуло новое наступление, в результате которого в 475 г. столица Пэкче пала, король погиб в бою. Пэкчийский принц нашел убежище в северо-западных областях Мимана. Это спасло Пэкче, но ослабило Мимана. Пэкче в 512 г. присоединило четыре района Мимана на юго-западе, в 513 г. — еще два. Западная часть Мимана вышла из-под японского контроля. Под властью Мимана остались лишь земли к востоку от гор Сёбэк и к западу от р. Нактонган.

В начале VI в. Силла высвободилась из-под когурёского влияния и также перешла к наступлению на Мимана. В 530 г. она заняла земли на западе и востоке от среднего течения р. Нактонган, а в 532 г. захватила устье реки. За последующие 30 лет все остальные земли Мимана были поделены между Силлой и Пэкче. Теснимая врагами Силла тем не менее продолжала, как утверждают некоторые ученые со ссылкой на «Нихонги», выплачивать Японии дань за Мимана до 646 г.

Некоторые японские и полуяпонские военачальники в Корее и вожди на о-ве Кюсю входили с корейцами в соглашения и за взятки уступали им земли Мимана. Когда в 527 г. в Корею послали экспедиционный отряд, кюсюский вождь по имени Иван — союзник государства Силла — целый год задерживал отправку войск. Только после устранения Иван в 528–529 гг. в Мимана послали нового резидента, но и его пришлось отозвать. В 530 г. туда поехал член клана Отомо, который, в свою очередь, вошел в соглашение с Пэкче. Пэкче в то время воевало с Силлой и за японскую помощь обязалось содействовать возвращению владению Мимана земель, отторгнутых силланцами. Однако японцы, долго жившие в Мимана, часто выделялись своими прокорейскими симпатиями, а некоторые оказывались — в результате смешанных браков — полукорейцами по крови [Sansom, 1958, с. 45–46].

Во всей этой истории следует отметить два обстоятельства: военные силы Ямато оказались способны к успешному завершению заморских экспедиций, но в политическом отношении режим Ямато не мог положиться на мощных вождей на о-ве Кюсю, на собственных наместников в Мимана, на приближенных правителя режима Ямато. Рыхлость владения Мимана, по-видимому, может объяснить сомнения в самом факте существования «владения» [Ri Jin Hi, 1974], высказываемые часто очень категорически [Ким Сокхён, 1963, 1966, с. 329–345]. Действительно, Мимана скорее напоминает оккупационную зону, территорию расположения японских экспедиционных войск, носящую временный характер, чем настоящее постоянное владение. Неупоминание об этом владении в корейских источниках и частое упоминание в японском («Нихонги»), причем именно как о владении, имеют один источник: политический престиж. Такая ситуация позволяет по-разному оценивать характер этого «владения», но не отбрасывать все сведения о нем в «Нихонги», приуроченные в определенной части уже к конкретным и достоверным датам. Умолчание «Самкук саги» о Мимана по-своему тоже объяснимо: для корейцев развитого средневековья спорная территория была прежде всего местом, где жили племена кая и находилось их владение (что соответствовало истине), и уже во вторую очередь — объектом интересов Ямато. Что до отношения китайских летописей к проблеме Мимана, то они вовсе не безгласны. Косвенно они уделяют ей внимание, как мы это увидим дальше.

Судя по «Цзинь шу», вадзин еще поддерживали сношения с династией Цзинь в 265–275 гг., но скоро дорога через полуостров была закрыта. Режим Ямато, создав владение в Имна (Мимана), сам открыл сношения с Китаем, теперь уже с Южным. В 413 г., после 150-летнего перерыва, режим Ямато отправил посольство ко двору китайской династии Восточная Цзинь. Судя по китайским хроникам, Ямато не менее восьми раз (с 421 по 478 г.) входило в сношения с династией [Лю] Сун, а потом и с династиями [Южная] Ци, Лян [Sakamoto, 1969].

Маршрут японских послов ко двору династии Сун начинался в Нанива, шел через Мацура вдоль побережья Пэкче, Шаньдуня, Цзянсу, вел в устье Янцзы и кончался в Цзянькане. Основной целью этих посольств являлось стремление заручиться помощью Китая в попытках остановить стремительное продвижение Когурё на юг Корейского полуострова. Это продвижение непосредственно ставило под удар японские владения в

Мимана и даже угрожало захлестнуть архипелаг. Наконец, они преследовали другую цель: поднять авторитет Ямато в глазах правителей Силлы и Пэкче. Проблема заимствований достижений китайской культуры в эту пору, похоже, занимала подчиненное положение по сравнению с неотложными военно-политическими требованиями, составной частью которых сделались и престижные соображения.

Характер достижения этой последней цели приоткрывает завесу над ролью Японии на Корейском полуострове и отчасти над состоянием внутренних ее дел в V — начале VI в. В 421 г. японский правитель Цань получил при дворе династии Сун титулы: «Великий полководец, успокаивающий Восток», «Японский государь (ван)». Его младший брат Чжэнь в 425 г. титуловал себя: «Полновластно управляющий делами шести государств — Японии, Боцзи, Синьло, Жэньна (Имна. — Af. В), Циньхань (Чинхан), Мухань (Махан), Великий полководец, успокаивающий Восток, Японский государь». В Китае за ним утверждены два последних титула. В 443 г. правителю Цзи утверждены те же два титула, но в 451 г. титул повышен и стал звучать: «Полномочно управляющий военными делами шести государств — Японии, Синьло, Жэньна, Гало (Кала — к северо-востоку от Имна. — М. В.), Циньхань и Мухань, Полководец, умиротворяющий Восток». В 462 г. правитель Хин получил те же титулы, что и Чжэнь. Правитель У присвоил себе титулы: «Полномочно управляющий военными делами семи государств — Японии, Боцзи, Синьло, Жэньна, Гало, Циньхань, Мухань, Великий полководец, успокаивающий Восток, Японский государь». В 478 г. он обосновал подробно свои претензии, особенно к Когурё, и пожелал сохранить для себя лишь титул «визиря» (кайфу и тхунсаньсы). В 502 г. династия Лян закрепила за ним титул «Великого восточного полководца» [Бичурин, 1950, с. 44–45].

Всемирная история дает нам множество примеров несовпадения титулатурных притязаний правителей с реальным положением. Но она же свидетельствует о том, что такие претензии не лишены значения исторического факта. В данном случае можно предполагать, что внешнеполитические отношения Ямато в V в. оказались настолько активными, что давали ей основание претендовать на «управление делами» чуть ли не всех владений Корейского полуострова, кроме Когурё. Китайские династии Сун и Лян, с которыми сносились японцы, во всех случаях признавали «военное присутствие» Ямато («Великий полководец, успокаивающий Восток»), а в 451 г. признали даже полный титул,

присвоенный владельцем Ямато [Sakamoto, 1969]. Также во всех случаях правитель Ямато титулуется «Японским государем (ваном)», т. е. единовластным правителем. В послании 478 г. У лишней раз обосновывает законность своего положения. Затруднительно объяснить мотивы китайских государей, по которым они признавали одни титулы и отказывали в утверждении других. В случае с посольствами 421 и 502 гг. можно учитывать факт провозглашения новых династий: [Лю] Сун и Лян. Однако наивно объяснять сам факт признания этих титулов «неосведомленностью» китайцев [Ким Сокхён, 1963].

Не все цели этой фазы дипломатических связей оказались достигнуты или достигнуты в равной степени. Затруднительно сказать, в какой степени ограниченное китайское давление на Когурё в V в. было обусловлено действиями японских дипломатов. И хотя связи повысили престиж режима Ямато, они не смогли предотвратить падения японского влияния на полуострове.

Регулярные связи с континентом затормозились в 478 г., однако японцы не переставали пристально следить за положением на континенте; информацию о Китае они могли получать, например, через Пэкче.

Первое японское посольство к новой китайской династии, Суй, объединившей Китай, отправилось через 10 лет после ее провозглашения и, если источники точны, через 98 лет после последней предшествующей японской миссии в Китай. Такая ситуация обуславливалась помимо внутренних причин внешнеполитическим положением. Потеря владения Мимана, продолжение междоусобиц на полуострове в VI в., которые сами по себе снимали опасность проникновения любого из враждующих царств на острова, слабое участие Китая в делах полуострова — все это сдерживало японскую тягу к далеким иноземным связям. Но за десять лет — с 589 по 600 г. — Ямато успело убедиться в том, что династия Суй достигла невиданных прежде успехов в государственном и культурном строительстве и способна решительно вмешаться в корейские дела (как, например, в 598 г.). Ямато, естественно, поспешило прервать затянувшееся молчание и в 600 г. отправило первое посольство к суйскому двору. За ним последовали другие: в 607, 608 и 614 гг. Как пишет «Суй шу», «в третье лето правления Да-йе (607 г.) тамошний государь Долисы-бэйху прислал посланника ко двору с данью. Посланник говорил: «Мы слышали, что на западе моря Пуса (один из так называемых восьми буддийских бодисатв. —

И. Б.) Сын Неба распространил буддийский закон; и посему я прислан ко двору учинить поклонение и привез несколько десятков шамыней (буддийских священников. — И. Б.) для изучения буддийского закона». В его верующей (верительной) грамоте написано: «Сын Неба страны, где солнце восходит, посылая грамоту Сыну Неба страны, где солнце заходит, желает здравия». Император неприятно посмотрел на это и, обратись к Гуанлу-кин (председателю. — И. Б.), сказал: „Впредь, если в грамотах южных и восточных иноземцев не соблюдено приличие, то не представлять"» [Бичурин, 1950, с. 96–97].

Если эти сведения верны, значит, японцы продолжали отправлять своих монахов в Китай в обучение и попытались завязать с ним дипломатические сношения как равные с равными [Suemat-su, 1958, с. 684–685]. Последнее имеет первостепенное значение: до этого Япония рассматривала другие народы либо как низшие (Пэкче, Силла), либо как высшие (династии Китая). Вызреванию идеи равноправных отношений в какой-то мере способствовало буддийское учение о равенстве всех перед лицом Будды. Апелляция к буддизму явно проступает и в приведенном нами пассаже из «Суй шу». Политическое значение противопоставления «императора Страны восходящего солнца» «императору Страны заходящего солнца» не только не подчеркивается, а, наоборот, как бы снимается противопоставлением, подразумеваемымся в предшествующей фразе, где говорится об императоре — воплотившемся бодисатве к западу от моря. Хотя император — бодисатва к востоку от моря не назван, он, безусловно, подразумевается, и не без основания [Masumura, 1968].

В Японии в эти годы правили Суйко и Сётоку-тайси — ярые сторонники буддизма. Они, несомненно, имели все основания считать себя главными покровителями буддизма, хотя, может быть, и не называли себя бодисатвами. Однако они ловко воспользовались возможностью встать в один ряд с китайским императором как верховные покровители одной религии — буддизма, что позволяло в дипломатическом послании прикрыть политическую сторону религиозной: японцы обращались к китайскому императору не как к политическому владыке, а как к покровителю буддизма. И хотя династия Суй отвергла такую претензию, японцы все время пытались ее отстоять. В частности, вместо представления письменных верительных грамот они ограничивались устными приветствиями. Китайские же посольства продолжали адресовать свои грамоты Ямато как вассальному государству. Эти взаимные претензии

порождали конфликты. Китайское посольство 632 г. вернулось, не выполнив своей миссии. Японские хроники не включали в свой текст китайских грамот.

Фактическое соотношение сил и заинтересованность японцев в китайской культуре вынуждали японских послов в Китае уступать свои позиции в борьбе за равноправие в дипломатических отношениях, но взамен они получали ощутимые выгоды... В 608 г. в Китай отправилось восемь школяров (четверо — по общим проблемам культуры, четверо — по буддизму). Они пробыли в Китае от 15 до 32 лет, наблюдали приход к власти династии Тан. Это облегчило некоторым из них по возвращении активное участие в реформах Тайка. В частности, Такамуко-но Куромаро (специалист по общим вопросам культуры) и Сомин (проповедник буддизма) консультировали реформаторов по теоретическим и правовым вопросам.

Последнее посольство к Суй отбыло в 614 г. Затем последовал значительный по сравнению с предыдущими (шесть-семь лет) промежуток в 16 лет. Он был вполне оправдан крахом Суй, провозглашением новой, танской династии и необходимостью убедиться в жизнеспособности последней. Посольство 630 г., как и прежние к суйскому двору, покинуло порт Нанива, сделало остановку в Хаката, проплыло вдоль побережья Пэкче и Когурё и прибыло в Дэнчжоу в Шаньдуне. Далее оно двигалось через Лай-чжоу, Цинчжоу, Яньчжоу, Цаочжоу, Бяньчжоу (Кайфын), Лоян в Чанъань.

Посольства Ямато к суйскому и танскому дворам уже отличались определенной регулярностью в общеяпонском масштабе и выдвиганием на первый план, наряду с политической, культурной цели, подразумевая под последней весь комплекс задач, связанных с государственным и культурным строительством.

Общественный строй

Специфику общественного строя древней Японии справедливо видят в так называемой системе удзи. Термин «система удзи» имеет два толкования: расширенное, покрывающее понятие общественного строя

древней Японии в целом, в котором удзи образуют некую сердцевину и от нее уже тянутся другие клеточки общественного организма, и узкое, т. е. удзи в собственном смысле слова, как конкретный организм. Различие в употреблении того или иного значения часто ощущается лишь в контексте. Социальная характеристика системы удзи в литературе очень разноречива — в тех случаях, когда она вообще дается. Это не удивительно, так как наиболее ранние упоминания удзи в письменных источниках кратки и противоречивы. В «Нихонги» под сомнительной датой — 415 г. — сообщается: «Министры, чиновники и мяцуюко разных областей [куни] — все и каждый пишутся потомками императоров; другие приписывают своему колену чудесное происхождение и утверждают, будто их предки спустились с неба. Но с тех пор как три силы природы [небо, земля, человек] приняли конкретные формы, прошло много десятков тысяч лет, так что единичные дома [удзи] умножились и образовали вновь десять тысяч званий [кабанэ] сомнительной достоверности...» [Nihongi, XIII, 6]. «Кодзики» описывает несколько другую ситуацию: «Император, жалуясь на нарушения в среде „удзи" и „на" под небом... установил „удзи" и „кабанэ" восьмидесяти „томо" Поднебесной» [Kojiki, III, 121—11]. Не говоря уж о появлении в «Кодзики» новой категории «на», т. е. собственно имени, удзи и кабанэ трактуются в обоих случаях неодинаково. Корни такого расхождения маскируются использованием одинаковых иероглифических выражений как в китайской древней литературе, так и в «Нихонги» и в «Кодзики». Японское «удзи» имеет эквивалент в китайском «ши» (патронимическое имя), а японское «кабанэ» — в китайском «син» (родовое имя). Хотя в «Нихонги» эти два термина трактуются в китайском духе, в Японии удзи не могло разветвиться на множество — «десять тысяч кабанэ»: последних было не так много, значительно меньше, чем китайских «син»; трактовка «Кодзики» более японская по духу.

Разумеется, этим не ограничиваются упоминания удзи в летописных и нарративных источниках. Понятие, с ним связанное, вошло в обиход задолго до того времени, к которому оно впервые приурочено в «Нихонги» и которому посвящена наша работа. Поэтому внимание к проблеме удзи тоже будет ограничено хронологическими рамками книги.

Общественный строй древней Японии покоился прежде всего на трех главных социальных образованиях — удзи, бэ (или бэмин) и яцуко — и на более мелких, производных от первых, равно как на многосторонних связях, возникших между всеми ими.

В словарном значении «удзи» — это род, клан, община, родовое или семейное имя, но для историка такой перевод выглядит расплывчатым и неконкретным. Современные толковые словари раскрывают это слово через такие понятия, как «ути» — внутреннее, «умисудзи» — линия рождения, «умидзи» — положение по рождению [Фукуда, 1926, с. 6]. Исключительное значение кровнородственных отношений в системе удзи подтверждается и косвенными данными. «Нихонги» упоминают о многих случаях, когда за серьезное преступление главы и члена удзи наказание распространялось на весь клан, например на клан Киби в 463 г. [Nihongi, XIV,19].

В далеком прошлом в Японии существовал классический первобытнообщинный строй, и тогда все население должно было входить в те или иные родоплеменные группы, которые являлись непосредственными предшественниками удзи V–VI вв. Однако в интересующее нас время под удзи понималась лишь ограниченная, относительно привилегированная часть населения, связанная общностью происхождения и узами крови ^[35]. Такие кланы состояли из рядовых родичей (удзи-бито) и из вождей (удзи-ноками). Сами кланы делились на большие и малые, причем вторые зависели от первых и являлись по отношению к ним дочерними. В случае гибели или роспуска большого клана дочерний (малый) занимал место большого [Florenz, 1889–1892, с. 165].

Процесс дробления больших кланов начался весьма рано и затронул почти все известные кланы. Так, клан царя — тэнно — распался на 10 ветвей, клан Мононобэ — на 25 ветвей, а впоследствии еще на 80 ветвей [Конрад, 1937, с. 51].

Большие кланы, а иногда и малые возводили свое происхождение к одному предку и поклонялись своему божеству-покровителю (удзигами). Деление кланов на три класса в зависимости от их родоначальника (царя, сыновей царя, прочей знати) в завершённом виде — плод мысли средневековых японских историков.

Точное число древних кланов (а не выросших на их базе фамилий) неизвестно; различные исследователи называют разные цифры: 19 кланов при легендарном императоре Дзимму, 144 клана на 157 г. [Okubo, 1894, с. 14], 204 клана по родословию «Кодзики» и 111 кланов по родословию

«Нихонги» [Уэда, 1959, с. 191].

Этим кланам подчинялись корпорации (бэ) и "несвободные (яцуко). И те и другие входили в сферу влияния клана, но не включались в клан как организм.

Удзи выступал как организация родового или кланового типа, и соответственно наименование клана носили все члены этой организации. Однако это наименование в собственном смысле слова не выражало все стороны отношений в этой общественной категории (т. е. без корпорантов и слуг), что говорит о большой ее сложности. Отдельные кланы обладали правом на особые почетные звания (кабанэ), о которых мы подробнее поговорим ниже. Кроме того, существовали личные имена — на. В «Нихонги» и «Кодзики» постоянно упоминаются персонажи, выступающие только под личными именами. Это, безусловно, заставляет думать, что по крайней мере в ряде случаев эти персонажи уже утратили тесную связь со своим кланом и не имели почетного звания [Hirano, 19651] ^[36]

Первоначально наследственные почетные звания — кабанэ — превращались в часть собственного наименования клана (например, Вакэ). Сложность общественной иерархии Японии V–VI вв. нашла отражение в полных именах. Так, имя Косэ-но Оми Хирафу расшифровывается как «Человек с личным именем Хирафу, носитель звания Оми, член клана Косэ», все члены которого, кстати сказать, принадлежали к одноименному «томо» — категории царских служилых [Asakawa, 1963, с. 62].

Из сказанного видно, что сложность клана как социальной группы в немалой степени обязана его изменчивости в процессе исторического развития. Исследование подворных списков отдельных местностей провинции Мино, относящихся к рубежу VIII в. и первому десятилетию этого века, позволяет реконструировать интересную картину трансформации кланов в VI–VII вв. Местные кланы образовали три типа. К первому типу относились кланы иммигрантов (хата). В таких кланах коллектив знатных сородичей, составлявших ядро, еще не подвергся заметному классовому расслоению, дворы многолюдные, а сами кланы ведали немногочисленными зависимыми (бэминами) и рабами (нухи). Ко второму типу принадлежали знатные кланы, уже испытывавшие классовое расслоение, в результате которого в них выделился верхний и нижний слои сородичей;

клан ведал зависимыми, живущими в сфере влияния клана, и рабами, примерно втрое более многочисленными, чем в случае с кланами иммигрантов. Этот тип подразделялся на два подтипа: а) кланы управляющих областями (куни-но мияцуко) и б) кланы владык округов (агата-нуси). Первые имели вдвое меньше дворов, причем и более малолюдных, чем вторые, при примерно равном числе рабов (табл. 8). В третий тип входили уже разложившиеся кланы, в которых дом вождя и несколько наиболее сильных домов поглотили остальные и непосредственно ведали зависимыми. Тип 2а является переходным к типу 3 [Наоки, 1964, с. 127, табл. 13, 10].

Таблица 8
Количество дворов и рабов (нухи), находящихся во владении дворов

Кланы	Количество дворов	Количество рабов	Максимальное количество людей во дворе	Число дворов с количеством людей 11–25	Доля в числе всех дворов
Кланы владык округов	20	19	44	10	50
Кланы управляющих областями	10	18	51	4	40
Кланы иммигрантов . .	22	6	36	19	86

Разложение кланов проявлялось в нескольких признаках: в ослаблении кровнородственных уз, в дроблении дворов и в их возрастающей малолюдности, в нарушении строгой иерархии кабанэ, в частности, при браках, а главное — в увеличении числа зависимых и рабов и в переходе права распоряжаться ими к нескольким крупным и сильным домам внутри клана.

Процесс развития кланов включал в себя размежевание кланов, в результате которого образовались две неровные по численности группы: местные кланы, о которых мы только что говорили, и кланы, создавшие правящий слой вокруг царя Ямато. Японская традиция связывает это размежевание с генеалогическими сложностями, но в действительности последние стали скорее следствием или выражением указанного размежевания ^[37]. Само же размежевание осуществлялось в ходе распределения управленческих функций в окружении правителя Ямато и закрепилось в процессе усиления власти кланов из окружения правителя над местными кланами [Torikai, 1970].

В ходе развития взаимоотношений между центральными и местными кланами и после бунтов местных кланов в VI в. наметился своеобразный союз, вызванный потребностями объединения и господства над зависимым населением. Этот союз нашел оригинальное преломление именно в генеалогии: наиболее мощные местные кланы стали включаться в родословия центральных кланов [Ота, 1955].

Институт клана оказался одним из наиболее живучих в Японии. Он существовал еще в IX–X4 вв., хотя и в видоизмененном виде, но сохраняя многие свои черты [Тома, 1947, с. 137–140]. Могуущественным средством цементации, равно как и выражением иерархии кланов в древнеяпонском обществе, явилась система званий (кабанэ)^[38]. Известные в конце V в. первые звания (оми, мурадзи) уже зафиксировали определенную степень разложения системы кланов. С этого времени наиболее сильные кланы — носители званий выступают как исполнители функций подавления мелких кланов, зависимых земледельцев (бэминов), переселенцев и пр. [Нихонси..., 1968, с. 24].

Этимологически «кабанэ» расшифровывается как «ствол и корни», «корни ствола» или как понятие «кость» (бонэ), что неплохо отражает роль званий, которые, соединившись с кланом, образовывали каркас социально-политической системы (удзи — кабанэ). Позднее, когда живое значение званий забылось и они стали восприниматься как часть фамилии, для их обозначения приобщили иероглиф, значащий «фамилия» [Ота, 1955; Эндо, 1968, с. 33–35]. Система клановых званий занимала важнейшее место в дотайковском обществе. Звания давались знатным кланам, чтобы отметить их социальную иерархию. До 646 г. главы знатных кланов управляли членами кланов и корпораций (бэ), были главами некой большой фамилии (оми), главами священного клана (мурадзи), местными вождями (атаэ), главами корпораций (обито). Система званий постепенно развилась в систему правительственных «чиновников» (канси). Кланов принимали — название функции, связанной с получением клановых званий, и часто — места своего обитания. Когда различие в общественном положении кланов или внутри клана увеличивалось, звания, первоначально выделявшие глав социальных ячеек, стали обозначать иерархию в родовом аристократическом обществе [Маекава, 1965(11)].

Звания в течение веков составили довольно обширную группу. Наиболее известны: оми («большое тело»), мурадзи («большая голова»), томо-но мяцуюко^[39] (управляющий царскими корпорациями), куни-но мяцуюко (управляющий областями). К категории томо-но мяцуюко относились менее важные звания: сукунэ («высокородный»), обито («глава», обычно корпорации), атаэ («благородный»), а к категории куни-но мяцуюко — агата^[40]-нуси («владыка округа»), инаги (старшина села, сборщик налогов) [Asakawa, 1963, с. 69]. Возможна и более прямая и убывающая по важности последовательность серии званий после первых четырех: вакэ («правитель»), кими («повелитель»), атаэ, агата-нуси, инаги, сугури (деревенский страшина) [Florenz, 1889–1892, с. 163]^[41].

В системе званий существовало четыре особенно важных и интересных по смыслу: оми, мурадзи и ооми и омурадзи. Оми являлись вождями кланов, а мурадзи — руководителями корпораций и иных групп, ооми («великий» оми) являлся главой всех вождей кланов, а омурадзи («великий» мурадзи) — главой всех руководителей. Падение кланов Мононобэ и Отото означало ликвидацию власти омурадзи, и осталась лишь функция ооми, выполняемая кланом Сога.

Отличительной особенностью званий является их наследственный характер и исполнение функций, с ними связанных, главами сильных кланов. Такая ситуация влекла за собой погоню за званиями и сопутствующими привилегиями. Мы узнаем, что в 4-м году правления Ингё (415 г.?) всем претендующим на те или иные звания было предложено пройти испытание кипятком. В результате этой меры, как уверяет летопись, «с этого времени и на будущее кланы и звания сами собой упорядочились и больше не появлялось тех, кто подделывал их» [Nihongi, XIII, 7].

В V в. кланы и звания уже не отражали реального положения членов кланов и самих кланов. Основной удар системе званий был нанесен вытеснением родовых наследственных функций, тем, что обязанности стали возлагаться главой режима Ямато сначала на сильные кланы, а потом на других людей, противопоставленных этим кланам. Не удивительно, что после событий 415 г. наступил этап, когда из кими выделились оками, из мурадзи — омурадзи, из оми — ооми («о» означает «великий»), и потребовалось новое упорядочение [Inoue, 1977, с. 86]. Политика правителей режима Ямато постепенно подрывала стабильность не только

званий, но и самих кланов. В летописи упоминаются пожалования клановых званий группам людей, вовсе не связанных кровными узами, а также роспуск целых кланов. Так, в 470 г. был распущен клан Нэ-но оми, а в 471 г. — клан Хада.

Рядовые члены кланов (удзибито) формально считались полноправными членами клана: они не знали иного начальника над собой, кроме главы клана, имели право носить имя клана, пользоваться общинными землями, распоряжаться имуществом своего дома-семьи (пашней, приусадебным участком, скотом, урожаем). Почти утратив свое место в управлении, они сохранили значительную долю личной свободы. Конкретные права рядовых сородичей определялись, в частности, их положением в патриархальной семье.

Следующее социальное образование — это различные корпорации (бэ) ^[42] и, включавшие зависимых, полусвободных людей (бэми-нов). Оно охватывает довольно пеструю по составу категорию населения Японии V–VII вв., не являющуюся полноправными членами клана, но и не принадлежащую к бесправным рабам. В отличие от настоящих рабов у них были свои участки земли, которые они обрабатывали личным трудом. Они платили дань своим хозяевам: главам кланов или царю. Не следует, однако, думать, что членов этих корпораций объединяют лишь признаки, негативные по отношению к прочим категориям. Как мы увидим далее, зависимые (бэмины) обладали собственным статусом [Уэда, 1961].

Источники происхождения зависимых различны (см. [Кокка-но сэйсэй, 1954, с. 181–183]). Зависимыми становились покоренные роды и общины эмиси и хаято, поставлявшие солдат; иммигранты, из которых комплектовали профессиональные корпорации (ремесленников, писцов, портных, литейщиков, летописцев и пр.); коренное японское население, по разным причинам лишившееся защиты клана или общины (земледельцы).

Зависимые представляли собой группу людей, искусственно подобранную по роду их занятий или же (что встречалось чаще в ранний период их существования) естественно сложившуюся из лиц, занимающихся каким — либо одним делом (в том числе земледелием), и в таком виде присоединенную к какому-нибудь клану, в том числе и к царскому (тэнно). Отличительной чертой такой корпорации оказалось, с

одной стороны, сходство их формальной организации со структурой клана, а с другой — слабость или отсутствие кровнородственных отношений, лежащих в основе структуры кланов. Отсутствие в этих корпорациях клановых кровнородственных отношений само по себе доказывает, что они появились на сравнительно поздней стадии первобытнообщинного строя, примерно с середины V в. ^[43], а расцвет системы бэминов приходится на конец V — первую половину VI в. Однако после такого объединения среди зависимых могли возникнуть и даже окрепнуть вторичные кровнородственные связи, так как пребывание в этих корпорациях являлось постоянным для ряда поколений. В последнем случае можно говорить о возникновении новых общин.

Точное число таких корпораций неизвестно. Источник под 7-м годом правления Судзина (90 г. до н. э.?) упоминает 80 корпораций томо или бэ [Nihongi, V, 7], а под 642-м годом—180 корпораций — бэ [Nihongi, XXIV, 8], причем эти цифры нельзя считать ни исчерпывающими, ни достоверными.

Наследственные корпорации, прикрепленные к кланам, обязаны были заниматься земледелием и ремеслами. Они были трех разрядов: 1) находившиеся под непосредственным контролем правителей Ямато; обслуживающий персонал ритуальных действий (Накатоми-бэ), писцы (фубито-бэ), зеркальщики (кагами-цукури- бэ), оружейники (саэки-бэ), земледельцы на царских полях (ми- насиро, микосиро), рисоводы на царских полях (та-бэ); 2) находившиеся в частном владении могущественных кланов и носящие фамилии этих кланов (Сога-бэ); 3) находящиеся на службе режима Ямато, но контролируемые мощными кланами. Так называемые «царские» корпорации назывались томо-бэ, а прочие — каки-бэ [Накамура, 1965].

По составу наиболее пестрым оказался первый разряд. Это, конечно, не случайно: он сложился позднее других, в условиях юбщества, пораженного резкими противоречиями, и крепнущей царской власти; естественным следствием этого явилось многообразие источников комплектования зависимых этого разряда. Наряду с профессионально-ремесленными корпорациями, несущими особую службу (томо-бэ), хлебопашцами на царских полях (та- бэ), входившими в сферу владения царского клана в целом (т. е. в известном смысле режима Ямато), бытовали

с середины V по VI в. зависимые, принадлежащие одному, обычно высокопоставленному лицу, — именные кормильцы (насиро) и потомственные кормильцы (косиро) [Harashina, 1972]. Именные царские кормильцы (минасиро) и потомственные царские кормильцы (микосиро), как своеобразная разновидность корпораций, были очень интересными институтами дотайковской Японии, особенно распространенными со второй половины V в. Первые создавались с целью передачи потомками имени царей и других членов дома даря, вторые — с целью передачи потомкам имени бездетных царей или названия их резиденции. Поэтому к имени соответствующего лица или к названию резиденции добавлялся показатель корпорации — бэ. Любопытно, что существовали минасиро нецарской принадлежности: Мибу-бэ, Тадзихи-бэ, Фудзивара-бэ, Анахо-бэ. Они принадлежали местной знати — управляющим областями, но налоги платили царскому дому.

Ко второму разряду принадлежали некоторые знаменитые профессиональные корпорации, давшие название кланам (Отомобэ, Мононобэ). В последнем случае налицо редкий случай превращения корпорации в новый клан, который в своем названии сохраняет частицу «бэ».

Наконец, в третьем разряде числилось много корпораций, возникших как своеобразный посредник в системе управляющих областями. Корпорации этого разряда оказались очень важным и растущим образованием. Некоторые ученые даже склонны считать базой возникновения корпораций (этого разряда) отношения подчинения между группой правителя Ямато и управляющими областями, а также общинное состояние подопечных этих управляющих [Кокка-но сэйсэй, 1954, с. 181].

Хотя «Нихонги» связывают образование отдельных корпораций с волей того или иного правителя, политическую власть ранних японских царей нельзя считать источником происхождения корпораций как института. Намек на создание корпораций не исключительно по царской воле, причем именно в седой древности, сохранили те же «Нихонги». Знаменитый Ямато-такэру пожаловал своему приближенному корпорацию мастеров по изготовлению колчанов — юки-бэ [Nihongi, VII, 26].

Как мы уже имели случай указать, причины появления зависимых всецело социально-экономические. Разложение отдельных общин и родов

приводило к появлению группы людей, лишенных средств существования и социальной защиты. Такие люди становились легкой добычей могущественных кланов, переходили под их покровительство, но уже не вливались в клан, как было когда-то в далеком прошлом. Очень часто это были простые земледельцы, реже это были ремесленники, хотя «Нихонги», естественно, выделяют именно последнюю категорию как наиболее бросающуюся в глаза. Сказанное относится и к тем типам корпораций, которые отнесены к дворцовым, иммигрантским и т. п., по времени относительно поздним.

Создание зависимого слоя населения в условиях распада первобытнообщинного строя — явление всемирного порядка. Японский вариант этого процесса отличался лишь спецификой выражения этого процесса. В условиях стойкого существования традиций патриархально-родового общества такие общины сохраняли свою целостность и образ жизни, далекий от рабского. Особенности этнического развития на островах вовлекали в сферу зависимых первоначально лишь людей и общины «неяпонского» происхождения; впоследствии эта тенденция сохранилась, хотя в зависимые стали попадать и чистокровные японцы. В соседней Корее система частнозависимых, обозначаемая общим иероглифическим биномом, но читаемая иначе (кор. пукок, яп. каки-бэ), образовалась на местной основе [Лим Консан, 1963, с. 94—141].

В социальном отношении бэмины в большинстве своем находились в частной зависимости. Факт существования частновладельческих корпораций, впрочем, признает и летопись. Так, в 473 г. некий Акэ подарил царю Юряку по меньшей мере семь корпораций гончаров, — находившихся в его личной собственности и рассеянных по разным деревням шести провинций [Nihongi, XIV, 41–42]. При этом речь идет об общинах в целом. Как правило, община корпорантов зависела от всего клана и лишь позднее (и то не всегда) от вождя клана. Государственная принадлежность зависимых, на которой настаивают «Нихонги», а вслед за ней многие японские авторы ^[44], может обсуждаться лишь применительно к зависимым, относящимся к царскому хозяйству, и с учетом общей оценки этого хозяйства и положения царя в политической системе. Иными словами, зависимые царского дома тоже были частновладельческими, пока власть царя не получила явных признаков государственной.

Последняя, третья крупная категория населения дотайковской Японии отличалась минимальным уровнем личной свободы по сравнению с первыми двумя категориями. К ней принадлежали две главные группы: ближние слуги (тонэри) и слуги (яцуко).

Этимологически термин «тонэри» неясен. Если обратиться к его иероглифическому выражению, сравнительно позднему, то он расшифровывается как «человек из покоев»; кстати, почти то же значение имеет слово «яцуко» — «человек (точнее, «рот») дома», хотя явно пониженное в социальном отношении. Таким образом, обе эти категории были слугами, хотя и разного ранга. Ближние слуги могли находиться при различных органах власти или при знатных лицах (по «Нихонги», обычно при членах царской фамилии, реже при прочих представителях знати). По социальному происхождению они принадлежали к разным слоям населения: одни уже утратили всякую связь со своим кланом, другие носили высокие звания, как, например, Оми Касакабэ-но мурадзи (ближний слуга царя Юряку) [Nihongi, XV, 8], третьи входили в состав корпораций, как ближний слуга Саэки бэ-но Накатико [Nihongi, XV, 7]. Организационно ближние слуги могли числиться в составе специальных корпораций, например Тонэри-бэ Каваками, видимо, когда их набиралось достаточно много [Nihongi, XIV, 11], или не входить ни в какие группы. Обязанности, которые несли ближние слуги, отличались разнообразием; важное значение приобрела служба в личной охране и дружине знати (см. [Kojiki, II, 105—5; III, 113—1, 127—5]). Положение отдельных ближних слуг могло быть, с нашей точки зрения, довольно важным и высоким, но все они полностью зависели от лица, которому служили, и обычно разделяли его судьбу, подвергались казни, совершали самоубийство, шли в изгнание. По иерархии той эпохи их социальное положение считалось весьма низким.

Слуги низшего разряда (яцуко) выполняли либо менее важные функции в окружении знатных лиц, либо обычные обязанности обслуживания в домах людей менее знатных. Однако очень четкое разграничение обязанностей (и положения) соблюдалось не всегда. В 587 г., во время междоусобиц, оомурадзи Мононобэ — но Мория выступил с войском, состоящим из ближних слуг и простых слуг. Такое же смешение можно заметить и в происхождении категории слуг: в нее попадали наказанные за совершенное преступление, военнопленные, переселенцы из Кореи или из северных областей Хонсю.

Низшая социальная категория Ямато в соответствии с представлением о любом обществе на стадии разложения первобытнообщинного строя должна была состоять из рабов. Рабы в Ямато действительно существовали (вспомним, они объявились еще в Ематай), но терминологически — и это любопытно! — они отчетливо в источниках не выделяются. Это не удивительно, так как раннесредневековая стратификация древнеяпонского общества проводила свои срезы в ином направлении, выделяя две категории: родовую знать всех степеней, включая и царский клан, и прочих. В «Нихонги» термины, которые бы можно было прочно связать с понятием «раб», не встречаются, хотя по смыслу некоторые из упомянутых в этой летописи персонажей относились к рабам. Интересно, что В. Г. Астон не менее чем в 16 случаях использовал этот термин при переводе «Нихонги». К таким лицам отнесены, например, пленный эмиси, принесенный в жертву божеству в 40-й год правления Кэйко (110 г.?) (кстати сказать, это первое упоминание в летописи ситуации, похожей на рабскую) [Nihongi, VII, 30]; корейские слуги из Якахито-бэ, принесенные в дар в 465 г. [Nihongi, XIV, 30]; рабы, присланные из Пэкче в 543 г.; пленные силланцы, присланные из Пэкче в 554 г.; преступники, которым смертную казнь заменили порабощением, — в 562 г.; слуги (яцуко), воевавшие в отрядах Мононобэ-но Мория в 587 г. Кодекс Тайхорё в категории несвободных (сэммин — букв, «подлый люд») выделяет казенные дворы (канко), стражей мавзолеев (рёко), домашних слуг (кэнин или якахито), «настоящих» рабов {нухи}'— частных и казенных. Позволительно думать, что эти категории не были заново созданы на рубеже VIII в., а в какой-то форме существовали и раньше, но форма этого существования плохо известна. Даже такой сторонник «рабовладельческой экономики» в древней Японии и крупный исследователь рабовладения в Японии, как Такигава Масадзиро, хотя и относит к рабам слуг (яцуко), отмечает нечеткое различие между слугами и зависимыми (бэминами), между зависимыми царскими и свободными, зависимыми, подчиненными кланам, и несвободными [Такигава, 1956, с. 31; Miyahara, 1966, с. 17–21].

Подведем теперь некоторые итоги нашим наблюдениям над общественным строем древней Японии. В эпоху режима Ямато страна уже вышла из классической стадии родоплеменного строя, узнала классовое расслоение. Со структурной точки зрения три рода общественных групп (клан, корпорация, слуги) составляли семейную общину. Первую группу можно сблизить с патрией, кланом, третью — с понятием раб. Истоки происхождения их теряются в древности, но в IV–V вв. клан оформился как

объединение знатных, а корпорация — как объединение трудового люда. Клан покоился на кровном родстве, возводя свое происхождение к одному предку, тогда как корпорации комплектовались скорее по роду занятий или по месту обитания. Но для обеих форм средством обеспечения сплоченности в то время могли выступать только узы родства: для клана это были кровнородственные связи, тянущиеся в глубь веков, а для корпорации — узы общего проживания в поселке, смешанных браков. Поэтому-то узы родства признавались и тогда, когда реально они не существовали. Даже некоторые кланы включали в себя дворы, которые могли похвастаться лишь «гостевым родством» с главной линией родословия. Корпорации, хотя и состояли из хозяйств разного происхождения, часто вели себя как кровные родичи. Но в обеих группах отношения управления осуществлялись по линии реальных или мнимых родственных отношений. В результате сложилось оригинальное семейное объединение, известное под термином «додзоку» (сородичи, соплеменники).

Отношения между кланом и корпорацией были неравноправными, но корпоранты не были рабами. Скорее всего, они представляли собой объединения, привязанные к вышестоящему клану воображаемым родством и обязанные отдавать им некоторое количество прибавочного продукта в форме личного труда. Сочетание клана и корпорации создавало низшую ячейку общества Ямато. Большинство населения состояло в корпорациях и было обязано пахать землю, ловить рыбу, заниматься промыслами, служить прислугой. Корпорации находились под контролем кланов, члены которых занимались делами управления, войны и ритуала.

Рабы, хотя и немногочисленные ^[45], играли немаловажную роль в хозяйстве. Они не сделали общество рабовладельческим, но были тесно связаны с домовою организацией их владельцев, так как в основном выполняли работу по дому (домашнее рабство).

К концу IV в. сложились большие кланы, которые стали средоточием местной власти. Они базировались на собственной клановой организации и на организациях зависимых. Такие большие кланы стали сложной патриархальной организацией, состоящей из рыхлой группы семейств, объединяемых реальным или воображаемым родством и признающих власть главы клана.

В большом клане вождь занимал пост его главы как вероятный прямой потомок родоначальника. В его обязанности входило руководить сородичами в общественных и военных делах, в почитании родоначальника. Последнее служило выражением солидарности патронимии. Божество — покровитель такого клана — стало отождествляться с территорией, находившейся под влиянием данного клана. Это происходило в результате либо выдвижения духа предка в качестве местного духа-покровителя, либо превращения местного духа-покровителя, почитаемого ранее, в божество прародителя. Так или иначе, стало обычным для вождей больших кланов сочетать духовную власть со светской, простирающейся не только на членов клана, но и на весь район.

Эти большие кланы не были стабильными. Они непрерывно возникали и распадались. Способ, которым отпрыски привязывались к большому клану, открывается нам в практике сохранения двух званий или фамилий: фамилий отцовского и дочернего клана. В Киби, например, дочерние кланы часто принимали наименование местностей, куда они переселялись. Так, через два поколения после Митомо-вакэ один член клана Киби именовался как Киби-но симо цумити-но-оми-сакицуя. Эта составная фамилия сложилась из фамилии главного клана + фамилии дочернего клана + звания + жалованной фамилии [Hall, 1966, с. 34–38].

Упрочение связей клана с местностью проявляется в тенденции дочерних кланов строить собственные храмы предков в своих резиденциях. Трудно сказать, сколько поколений требовалось, чтобы утратить наименование старшего клана, но, похоже, в четвертом поколении (или степени родства по отношению к главному клану) появлялась первая трещина в связях с отцовским кланом. Структура больших кланов, особенно региональных владетелей, расширялась за счет многочисленных подчиненных семейств — завоеванных или покорившихся добровольно.

Соотношение между кланом и корпорацией, вероятно, было более или менее одинаково по всей Японии. Вполне возможно, что корпорации по происхождению являлись теми же кланами, но попавшими в зависимость к более сильным кланам. Известно, что дочерние кланы иногда через несколько поколений попадали в положение корпораций. Военнопленные и иммигранты, в свою очередь, пополняли ряды низших социальных групп. В поздний период режима Ямато подчиненное, зависимое состояние

корпорации стало нормой. Это подтверждается постоянным стремлением мощных кланов — из группы Ямато или из числа местных владык (Киби, Вакэ) — увеличить количество корпораций, питающих их мощь. Многие корпорации были созданы такими кланами для подъема целины или развития ремесла. Для каждого вида службы или производства правитель Ямато имел особую корпорацию, находившуюся в ведении управляющего царской корпорацией. Были ли подобные корпорации у знати, неясно. У Киби была зем-леделецкая корпорация (Киби-бэ). Если судить по появлению в списках в VII в. фамилии Вакэбэ, похоже, существовала корпорация и у этой фамилии.

Важными признаками замены в обществе Ямато родовых связей территориальными служат такие факты, как создание корпораций (бэ) по территориальному признаку, смешение функций духа предка клана и духа — покровителя местности, принятие дочерними кланами наименования места обитания (Киби). Все они говорят об укреплении иных, неродовых отношений в обществе Ямато.

Ко времени появления режима Ямато процесс разложения патриархально-родовых связей коснулся самих глубин древне- японского общества. Прежняя родовая община уступила свое место семейной, в которой центральное место заняла семья (ко), владеющая жилищем и землей. Семейную общину постепенно стала вытеснять соседская (мура), основанная уже на территориальной основе. Четко размежевались два класса: эксплуататоров и эксплуатируемых. К первому принадлежали знатные кланы, ко второму — рядовые общинники (удзибито), зависимые и слуги. В зависимости от характера эксплуатации определялся их социальный статус: патриархальный, полуфеодальный, полурабовладельческий.

Уже в V в. стратификация японского общества приобрела сложные, иерархические формы, отличавшиеся своей устойчивостью. В рамках двух больших групп — эксплуататоров и эксплуатируемых — возникло и установилось немало мелких социальных ячеек. По законам иерархии эти ячейки оказывались подчиненными по отношению к вышестоящим и подчиняющими для нижестоящих ячеек. Замедленный процесс экономического и социального развития страны, отсутствие мощного притока новых форм и идей вызвали значительную стабильность всех звеньев системы (каба- нэ). Неизбежное развитие общества, и в частности

вызревание классов, форм государственности, очень долго проявлялось в старых формах патриархально-родового строя (положение царя как верховного старейшины кланов, зависимые корпорации — частные и казенные или царские — под покровительством кланов и т. д.). Однако, несмотря на эту маскировку, японское общество по крайней мере с V в. вышло из рамок первобытнообщинного строя и вступило в период раннеклассового образования. В VI в. «система удзи» испытывала кризис.

Организация управления

Отношения управления в дотайковском обществе, разделенном на пестрые социальные группы, оказались непростыми и изменчивыми.

Низшая ячейка — семья — сохраняла строгую патриархальность. Малая семья приобрела определенную хозяйственную, а следовательно, и социальную самостоятельность: вела свое хозяйство, жила своим домом, объединяемая узами крови и одной фамилией (или ее заменителем). Организационные функции осуществлялись в этой семье на простейшей патриархальной основе. Однако во многих случаях, особенно в тех, когда семейная общность обладала известным богатством, знатностью, организационно-управленческими функциями, сохранялась тенденция к особой сплоченности этой общности в форме большой семьи. Судя по подворным спискам VIII в., такая большая семья (в это время и раньше) состояла из прямых родственников: мужа-патриарха, его жены, матери, сыновей и внуков и жен последних (примерно 7— 25 человек), из родственников по боковой линии: из незамужних сестер, из братьев, их жен и детей (около 8—27 человек), из принятых в семью, из слуг (или рабов) и других лиц; такая семья насчитывала 15–50 человек [Тома, 1947, с. 58]. Эта древнеяпонская семья укреплялась не просто кровными узами, но и силою родства. В том случае, если прямое родство оказывалось неполным, оно дополнялось родственными связями по боковой линии одного колена. Поэтому-то в такой семье внутренние связи оказывались необычайно прочными (в частности, члены такого сообщества становились рабами лишь в случае полного распада семьи). Организационные связи в ней уже лишены прямого семейно-хозяйственного облика: ведь каждая малая семья-сочлен имела свое личное хозяйство и свою «фамилию». Власть патриарха большой семьи подкреплялась традиционно-ритуальными

функциями и личным его положением в системе званий, в должностной, общинной или клановой иерархии. Она определяла весьма широкий круг общественного поведения сочленов за пределами семьи, отличительной особенностью которого являлось абсолютное предпочтение интересов семьи в целом перед всеми прочими.

Самостоятельность земледельческой семьи не была абсолютной. Экономически благосостояние такой семьи зависело от общинных угодий, от общей оросительной системы, а социальная стабильность — от участия в жизни деревни, общины. Община располагала угодьями, проводила совместную работу по системе орошения. Сила этой ячейки заключалась в необходимой связи с «семьями, ее образующими. Многие внутренние организационные вопросы такая община решала самостоятельно, но круг этих вопросов постепенно сужался по мере усложнения общественной системы в целом. Еще более расширялась категория интересов и отношений, разрывающих рамки общины. Последние категории для своей реализации требовали качественно иных средств — ведь они касались интересов режима в целом либо отдельных групп эксплуататоров. Не удивительно, что в интересующее нас время не сохранилось и следа родовых или общинных собраний. В начале VIII в. (время составления «Кодзики» и «Нихонги») память о них оказалась настолько слабой, что составители этих книг либо не знали о таких собраниях, либо легко могли пренебречь воспоминаниями о них. Лишь древние мифы рассказывают про то, как «восемьсот мириадом божеств» собираются на совет: первый раз — после удаления Аматэрасу в грот, вторично — после ее исхода из грота для наказания ее брата и в третий раз — для обсуждения плана сошествия на землю [Kojiki, I, 17—4, 25; 32—5]. Упоминаются также сборища по поводу сева и жатвы. Во главе такой общины (мура) стоял обычно представитель местного клана, облеченный званием сельского старшины (инаги). Эта община оказалась низшей социальной ячейкой, на которую к концу периода распространилась власть царя Ямато и его окружения.

В начале же периода такие общины контролировались кланами-носителями званий, и воздействие воли правителя на общины могло осуществляться только через эти кланы.

Как уже отмечалось ранее, процесс трансформации общинного строя в V—VII вв. привел к социальной поляризации: на одном полюсе оказались знатные кланы, на другом — корпорации. Это означало новый шаг по пути

усложнения общественной структуры и связей: помимо внутри- и межклановых, внутри- и межсемейных отношений возникли отношения между кланом и корпорацией, а также взаимоотношения между отдельными категориями кланов и корпораций, которые, в свою очередь, развивались. Шаг этот имел принципиальное значение в развитии системы управления древней Японии. Именно между кланом и корпорацией организационные связи скорее, чем в иных сферах, утратили былую патриархальность, выросшую на кровных узах или родстве, и приобрели классовый характер.

Пути, по которым осуществлялись управленческие связи в начальный период дифференциации некогда единых коллективов на кланы (удзи) и корпорации (бэ), еле-еле нащупываются. Они осуществлялись и при периодическом переделе семейных участков орошаемых полей, и в процессе создания, регулирования и применения сложной оросительной системы, и в ходе изъятия части урожая на общие нужды (общинные, поселковые), и путем привлечения общинников к труду и войне — на более или менее патриархальной основе.

Первоначально власть кланов непосредственно покоилась на военной силе, на высоком общественном положении, освященном религиозными обрядами, на тесных родственных связях. История этих кланов позволяет связать их, как исконных правителей, с определенной территорией. Вожди из кланов Киби и Вакэ, например, выступали под именами, совпадающими с названием области. Престиж храма Окибицу-хико в Наганэ, а также посвящение главных храмов домэдзийских провинций Бидзэн и Мимасака тому же Окибицу или его родственникам свидетельствуют о тесной связи между светской властью и религиозной практикой в раннее Ямато. Такая связь вообще очень характерна для древней Японии [Торигое, 1975, с. 83].

В дальнейшем по мере развития общества патриархальная и полупатриархальная форма отношений управления быстро изживала себя. Если временно отстраниться от экономических корней этого процесса (об этом мы поговорим в следующем разделе), то наиболее непосредственные причины перемен лежат в изменениях в системе кланов и в ее функциях. Замкнутые образования, поглощенные внутренними делами, по мере роста хозяйства, развития обмена, в ходе междоусобных войн и борьбы с иноплеменными превратились в открытые системы, нуждавшиеся для осуществления перечисленных функций в иных связях, предполагавших

появление местных центров на базе наиболее мощных кланов, объединение групп кланов, установление союзов и связей между центрами, объединение всех кланов, совершенствование форм управления.

Сами кланы утратили былую однородность, нарушаемую лишь эпизодическим выделением более слабых или более сильных кланов. Сложились довольно четкие группы — больших и малых кланов, находившиеся в неравноправном положении по отношению друг к другу. Точно неизвестно положение малых кланов и их отношение к вождям больших кланов. По-видимому, малые кланы, попав под контроль больших — владык округа, — рассматривались (в плане реконструкции фиктивного родства) как отдаленные отпрыски, покорившиеся семьи, добровольные союзники, «служилые» патронимии. В механизме власти глав старших кланов над главами кланов дочерних, или малых, могли играть важную роль традиции, военная служба, эпизодические взимания дани. Казалось бы, каждый дочерний клан был предоставлен самому себе и своим ресурсам, но в особых случаях, например при строительстве курганов, вождь большого клана, несомненно, пользовался трудом работников всего региона.

Особенности распространения квадратно-круглых курганов позволяют выявить существование древних клановых центров в V в. По густоте распространения курганов можно безошибочно определить местоположение могущественных кланов. Это наглядно видно из приводимых ниже данных [Кокка..., 1954, с. 162]:

Провинция	Число курганов
Кодзукэ ¹⁵	112
Синано	40
Мино	35
Овари	29
Ямато	121
Кавати	37
Бидзэн	32
Биттю	34
Тикудзэн	35
Хиго	55

[46]

Указанные выводы подтверждаются и имеющимися сведениями из других источников. Так, известно, что провинции Кодзукэ (Камицукэну) и Синано были вотчиной клана Кэну, Бидзэн и Биттю — вотчиной клана Киби, Овари — клана Овари, Ямато и Кавати — клана правителя (тэнно).

В курганный период клан Киби первый добился политического объединения. Китайские хроники сообщают о 50 владениях (куни) в Японии; в числе их, наверное, было и Киби-но куни. В IV–VII вв. Киби занимал второе место после Ямато в культурной и политической жизни страны [Hall, 1966, с. 21, 32]. В это время в Киби создавалась значительная концентрация власти. Объем земляной насыпи кургана у Цукурияма достигает 1,4 млн. куб. м. Если, как считают, один человек в день мог перенести 1 куб. м земли, то для насыпки кургайа требовалась тысяча человек, работающих четыре года (или 1,4 млн. человеко-дней). И это не считая других видов работ: сооружения каменных камер, покрытия плитами поверхности насыпи, выкапывания отводного рва и т. п. Лишь сильная власть могла оторвать от повседневных дел такую массу трудоспособного населения.

Уже в конце III — начале IV в. в регионе Ямато появились первые объединения. По «Нихонги», было завоевано 66 стран «волосатых людей» из «западных варваров». В IV в. главный вождь получил титул «великого повелителя» (оками), который склонны относить к правителю Ямато [Duus, 1969, с. 18]. Хотя правитель Ямато добыл власть мечом, ее законность освящена мифом, утверждающим родство правителя с богиней солнца, и укреплена кровными узами с его «родичами», назначенными заместителями, приобретенным родством — через браки с представительницами побежденных кланов [Waida, 1976, с. 320, 328, 333].

В конце III — начале IV в. на востоке, в Ямато, были заложены основы простейшего политического образования, во многом еще на патриархальной базе. Между фамилией правителя, ее основными ветвями, ее прямыми подчиненными — ранними каналами распространения власти, которые сложились в III–IV вв., существовали подлинные и мнимые связи родства. Одним из действенных средств укрепления таких связей явился обычай правителей Ямато брать жен и «данников» — заложников обоего пола — из семей зависимых вождей. Заложники женского пола (унэмэ) становились наложницами или прислужницами, а заложники-мужчины (тонэри) — воинами охраны правителя. Сами по себе эти действия еще не выводили клан царя ^[47] из категории глав одного из нескольких объединений кланов. Но когда к религиозному авторитету прибавилось представительство в сношениях с иноземцами, предводительство

завоевательными и объединительными кампаниями, регулирование иерархии кланов, клан царя прочно встал на путь создания режима Ямато.

Точная дата возникновения режима Ямато неизвестна. Клан тэнно в числе других мощных кланов давно жил в южной части равнины Ямато. Судя по стеле Квангэтхо-вана царства Когурё, во второй половине IV в. племена вадзин оказались достаточно сильны для вторжения на полуостров. Такое вторжение было невозможно без относительного политического единства общества вадзин. Организационно режим Ямато на ранней его стадии состоял из группы знатных кланов области Кинай — обладателей званий оми и мурадзи, но наиболее крупные кланы со второй половины V в. стали носить звание с приставкой «о» («великие»): ооми (Кацураги, Хэгури), омурадзи (Отомо, Мононобэ) — и играть роль крупных царских приближенных. В это время режим превратился в коллегиальный орган власти мощных кланов под главенством правителя, наделенного значительным авторитетом и в начале VII в. принявшего титул тэнно [Waida, 1976, с. 321].

Ближайшими сподвижниками царского клана были кланы Накатоми, глава которого дважды в год осуществлял церемонию великого очищения (охараи), и Имибэ, следивший за соблюдением ритуала и запретов. В середине VII в. с ними соперничали вожди других кланов: Отомо (личная охрана), Мононобэ (снабжение оружием). Но в этих случаях указанные обязанности фактически несли не столько сами вожди или их сородичи, сколько приписанные к ним группы зависимых. Эти группы находились в распоряжении клана, фамилии, одного лица и служили материальной основой его власти и богатства. Важность таких корпораций прямо зависела от экономического и политического значения их труда, от столичного или местного круга их деятельности [Sansom, 1958, с. 35–37].

Среди мощных кланов — носителей званий оми и мурадзи власть последовательно кочевала от Кацураги к Хэгури, Отомо, Мононобэ, наконец, к Сога. Среди них особую роль играли носители званий оми — Кацураги и Хэгури — сородичи царского дома. До Юряку они поставляли царских жен и жили вокруг ставки царя. В IV–V вв. режим Ямато представлял собой федерацию этих мощных кланов. Со временем в этой федерации произошли знаменательные сдвиги. На положение активных действующих лиц в окружении правителя стали выдвигаться кланы, не связанные прямым родством с домом царя (тэнно). Это в известной мере

расширяло круг деятелей центральной власти, облегчало ей выбор угодных кандидатов на эти посты.

Мурадзи Отомо и Мононобэ не имели родственных связей с царским домом, они являлись управляющими царскими корпорациями, но владели по всей стране множеством лично-зависимых людей. Во второй половине V в. эта знать расширила свои частные земли и зависимых и встала на путь объединения страны.

Из четверки наиболее древних мощных кланов лучше известен последний. Клан Мононобэ издавна обосновался в Сики, в восточной части равнины Ямато. Клану принадлежало высокое звание мурадзи, но главное — он возглавлял корпорацию оружейников; (моно-но-бэ), от которой и заимствовал свое клановое название. Фактически он держал в своих руках военное дело режима Ямато. Это помогло ему распространить влияние на долину Кавати и: в VI в. свергнуть власть кланов Хэгури и Отомо. Разгром восставшего Иваи — местного вождя — при Кэйтае в 528–529 гг. доставил клану звание великого мурадзи и еще большее влияние. В своих претензиях на политическое господство клан Мононобэ столкнулся с кланом Сога, и в конце VI в. Сога победил Мононобэ. Клан Сога был в родственных отношениях с кланом Кацураги; когда в VI в. при ставке царя была введена хозяйственная и финансовая система, основанная на опыте Пэкче, то с помощью иммигрантов и дома Сога эта система окрепла.

Наряду с крупными кланами — носителями званий оми, мурадзи, управляющих царскими корпорациями, на политическую арену выдвинулись средние и мелкие кланы, представители которых стали занимать административные посты. В VI–VII вв. мелкие и средние кланы в Кинай и прилегающих районах, выступающие как низшие служащие аппарата, заметно увеличились [Ни- хонси..., 1968, с. 23].

На этой стадии функции управления усложнились. Управленческие связи осуществлялись уже на нескольких уровнях и в нескольких направлениях: от правителя Ямато к главам крупных кланов, к царским корпорациям, к территориальным единицам; от глав кланов — к подчиненным им общинам и корпорациям. Непосредственное воздействие правителя режима Ямато на низшие ячейки-общины было невелико. Само распределение власти между правителем Ямато, лидерами местных центров, главами кланов осуществлялось на началах знатности.

(по «Кодзики»)

Царствование	Звания											Итого	
	Оми	Муралзи	Кими	Миццуко	Атаэ	Обито	Фубито	Куни-но миццуко	Агата-нуси	Иваги	Ваэ		Прочие
Эра «богов»	—	6	2	2	3	1	—	12	1	1	—	—	28
Дзимму	6	6	3	2	2	1	—	6	—	—	—	3	29
Суйдзэй	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Аннэй	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	3
Итоку	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	3
Косё	13	—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	16
Корэй	6	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	9
Когэн	28	2	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	32
Кайка	1	2	6	3	1	—	—	3	—	—	5	2	23
Судзин	1	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Суйнин	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	10	—	18
Кэйко	—	1	7	—	—	1	—	3	—	—	7	3	22
Тюай	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2
Одзин	—	—	7	—	—	1	1	—	—	—	—	—	9
Анко	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Сэнка	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Всего	56	17	75	7	7	4	1	26	3	5	24	9	204

Если верить данным «Кодзики», только четыре клана возводят свое происхождение ко времени после правления Одзина (270–310?). Это связано с тем обстоятельством, что из 176 кланов, чье отношение к царскому родословию определено, 156 кланов считаются родственниками царского дома и соответственно «очень древними. Это, конечно, сомнительно. Гораздо достовернее сведения «Нихонги», которые из 80 кланов лишь 35 связывают с царским домом. Стремление удревять свое происхождение у кланов, чьи звания связаны с географическими наименованиями (оми, кими), берет свое начало в претензиях кланов на эти земли. То же самое проделывали кланы группы симбэцу [Уэда, 1959, с. 190–195]. В целом «Нихонги» подтверждают тенденцию к расширению базы власти режима Ямато, наметившуюся еще в процессе выдвижения мощных кланов нецарского происхождения в окружении правителя.

Анализ количества пожалований званий разного типа при двойственности источников и вероятной общей неполноте данных позволяет все же прийти к важным выводам.

Таблица 10

Распределение кланов со званиями по иерархии и по

царствованиям (по «Нихонги»)

Царствование	Звания											Итого	
	Оми	Мурадзи	Кими *	Кими *	Мияцуюко	Агаэ	Обито	Фубато	Куни-но мияцуюко	Агата-нуси	Вакэ		Прочие
«Эра богов»	1	5	4	—	—	2	3	—	2	—	—	3	20
Дзимму	—	1	—	—	—	1	1	—	2	3	—	2	10
Суйдзэй	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Аннэй	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Косё	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Корэй	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Когэн	4	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	7
С удзин	1	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	4
С уйнин	—	1	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	4
Кэйко	1	—	7	—	—	1	—	—	3	—	4	1	17
Тюай	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	2
Дзинг у	—	1	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	7
Одзи н	6	1	4	—	—	1	1	1	—	—	1	3	18
Нинтоку	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3
Ритю	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2
Анко	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Юряку	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Сэйнэй	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Кэнсо	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Бурэцу	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Кэйтай	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Сэнка	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Ёмэй	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего	20	12	22	6	4	7	7	1	10	5	6	11	111

* Два омонима, выраженные разными иероглифами.

Львиная доля жалованных званий приходится на три главнейших: оми, мурадзи, кими (50–60 %), и особенно на два первых. Если учесть, что основные пожалования званий оми и мурадзи относятся ко времени до V в., то, по-видимому, к этому времени закончился период выдвижения крупных кланов как основных деятелей правления режима Ямато. Следующей по численности стоит группа из трех- четырех званий — последних в иерархии: куни-но мияцуюко, агата- нуси, инаги, вакэ (20–30 %). Хотя, судя по двум этим источникам, основная их масса присвоена в очень давние времена, другие данные утверждают иное. В любом случае эта группа свидетельствует о важных переменах в самом характере управления: в усилении централистских тенденций средствами старой иерархии.

Несмотря на видимую важность функций, сопряженных с обладанием таких званий, как оми, мурадзи, мы здесь не будем специально возвращаться к ним и к функциям, с ними связанным, — об этом мы говорили в предшествующем разделе и в этом разделе, когда речь шла о

правлении крупной знати. Существовали другие звания, трансформация которых ярче отражала сдвиги в системе управления режима Ямато и в конечном счете определяла новое содержание прежних званий оми и мурадзи. Мы имеем в виду звания томо-но мяцуко, куни-но мяцуко, агана-нуси и т. п. — основных носителей власти правителей Ямато на следующем этапе существования режима. Первые взяли на себя функции административной власти среди царских зависимых, вторые и третьи составили костяк территориально-административной системы. Структурная связь между кланами — носителями званий и зависимыми в V–VI вв. является исходным пунктом для понимания роли управляющих царскими корпорациями или областями — основных представителей царской власти в это время. Под действием этих процессов на протяжении V–VI вв. механизм званий сильно изменился, как и принадлежность корпораций.

Согласно преданию, в правление Ингё (V в.) звания сохраняли ритуально-традиционный характер. Отчасти поэтому они стали важнейшим орудием царской власти. Поскольку право присвоения званий принадлежало царю, они приобрели характер личного отличия (в глазах царя), хотя до поры и сохраняли ритуальный характер. В VI в. звания превратились в функционально-личностный признак власти над населением. Но соотношение высших и низших слоев в званиях сохранилось. Так, в среде кланов — обладателей званий оми, мурадзи, мяцуко, обито ощущается различие в политическом могуществе. Особенностью званий в VI в., пожалуй, стало установление иерархии в среде, тесно связанной с производственными отношениями. Исходным пунктом перехода к личностному характеру званий стало расширение сферы влияния режима Ямато, обязанное, в свою очередь, укреплению его производственной базы. Именно частное присвоение труда зависимых является тем признаком, который вызвал различия в личностных иерархиях V и VI вв. На практике это различие выразилось в расширении функций управления в «среднем слое», сопровождающемся в VI в. дифференциацией прослойки царских служилых (томо). Эта прослойка состояла из рядовых выходцев из средних и мелких кланов, занимавших те или иные посты и носивших не очень крупные звания. Особенностью этой прослойки являлись более тесная ее связь с царским двором, чем с кланами, и выполнение разнообразных административных поручений центральной власти.

В результате кропотливого анализа исторических документов, в частности подворных списков начала VIII в., удалось выяснить должностную нагрузку многих званий в V–VII вв. и механизм управления страной, прежде всего зависимыми. Исторические документы (подворные списки) дают возможность назвать 14 видов званий, которые можно разделить на два больших разряда: дворцовые и внедворцовые [Maekawa, 1965(1); 1965(11)].

Все звания первой категории принадлежали высшему слою — центральной администрации и появились еще в V в. Звания второй категории появились век спустя и относились к исполнительной администрации. В V–VI вв. наблюдалась тенденция к увеличению среднего слоя администрации — управляющих царскими корпорациями (томо-но мияцукю) — с целью управления зависимыми.

Наименования званий в V в. показывают (на раннем этапе складывания царской власти), что их носители создавали военную и экономическую базу режима и в основном жили вблизи ставки царя, в Кинай. В конце V в. появились надзиратели корпораций (бэ-но цукю). По-видимому, это свидетельствует о расширении системы зависимых как оплота местной знати.

С наступлением VI в. число званий в среднем слое управляющих царскими корпорациями, обладающих дворцовыми званиями, уменьшилось, вместо этого появились названия местностей и занятий (повара, виноделы). В исторических источниках часто попадаются упоминания о подобных специалистах, но обычно отсутствует указание на корпорацию — иероглиф «бэ». Это служит надежным доказательством иммигрантского происхождения этих людей, так как в этом случае в звание не входил этот знак. Итак, можно утверждать, что в VI в. из наименований званий исчезает отличительный признак дворцовых званий — «бэ». Очевидно, с расширением системы управления эта приставка стала излишней. Царское хозяйство, по-видимому, уже освоило дворцовых зависимых, а вне дворца этого еще не произошло. И поэтому во второй половине VI в. в руководстве зависимыми не произошло решительного перелома. Царские зависимые (томо-бэ) попали под надзор кланов — носителей звания мурадзи, таких, как Отомо, Мононобэ, совмещавших обязанности управляющих областями.

В VI в. отношения организации все более уступали место функции подавления, прежде всего зависимых. Вместе с тем появилась новая сфера действия «вне дворца». Она укрепила систему управления, вобравшую в зону своего влияния зависимых. Эту управленческую систему возглавил клан Сога, обладавший званием оми.

Распространение дворцовых корпораций в основном затронуло восточные провинции и прилегающие районы. Клань со званием оми, хранившие древние традиции в Кинай, главным образом базировались в западных провинциях.

Изучая названия кланов, приданных центральным управляющим царскими корпорациями и зависимыми, и отношения подчиненности, можно выделить три разряда управляющих царскими корпорациями (томо-но мияцую или томо): 1) центральные (главные) управляющие царскими корпорациями высшего класса. В этом случае названия кланов переносятся на подчиненных или зависимых (Отомо-мурадзи — Отомо-бэ; Накатоми-мурадзи — На- катоми-бэ; Имбэ-обито — Им-бэ); 2) средние управляющие царскими корпорациями. Эти клань припадают подчиненным зависимым. Они являются непосредственными администраторами и не принадлежат к центральным управляющим царскими корпорациями высшего класса (Танья-цую — Танья-бэ; Тонэри-цую — Тонэри-бэ); 3) центральные управляющие царскими корпорациями высшего класса, чье клановое наименование не прилагалось к зависимым, им подчиненным.

Если рассматривать эти три разряда с позиции подчиненности зависимых режиму Ямато, то окажется, что у зависимых разряда 1, или частнозависимых (каки-бэ), в основном сохранились клановые, общинные, полупатриархальные отношения. Они находились в ведении центральных управляющих дворцовыми корпорациями высшего класса как частнозависимые. Их подчиненность режиму Ямато была слабой. Зависимые разряда 2, например ближние слуги (тонэри), служили режиму Ямато на поле брани; зависимые из иммигрантов работали ремесленниками и в низших ячейках аппарата управления, за что высоко ценились. Поскольку центральные управляющие царскими корпорациями не ведали зависимыми этого разряда, между теми и другими отсутствовали отношения «высшего к низшему». Однако средние управляющие, распоряжавшиеся этой категорией зависимых, носили личное низкое звание (мияцую), являющееся названием того же клана. Зависимые

находились от них в отношениях прямого подчинения, и привязанность их к режиму Ямато была сильнее, чем у разряда 1. Зависимые разряда 3 находились под началом высших центральных управляющих дворцовыми корпорациями других кланов. Так, корпорация Обэ являлась частной корпорацией клана Абая. Она была привязана узами подчиненности к этому клану, но сам клан, исполнявший обязанности высшего центрального управляющего царскими корпорациями, очень прочно был привязан к режиму Ямато. Зависимость этих корпораций от центральной власти оказывалась значительной, хотя и опосредствованной.

Если разобрать отношения подчиненности зависимых, избрав критерием названия кланов, объединявших управляющих царскими корпорациями и зависимых, то окажется, что большая их часть принадлежала к разряду 1 и относилась к V в. Поскольку разряд 1 предпочтительно увязывается с V в., разряд 2 можно связать с VI в. Итак, положение зависимых, чья подчиненность власти Ямато выражалась званием их надзирателя, варьировалась по степени и по форме. Вероятно, это связано с формой существования зависимых на конкретной территории [Маекawa, 1965 (I), с. 39–40].

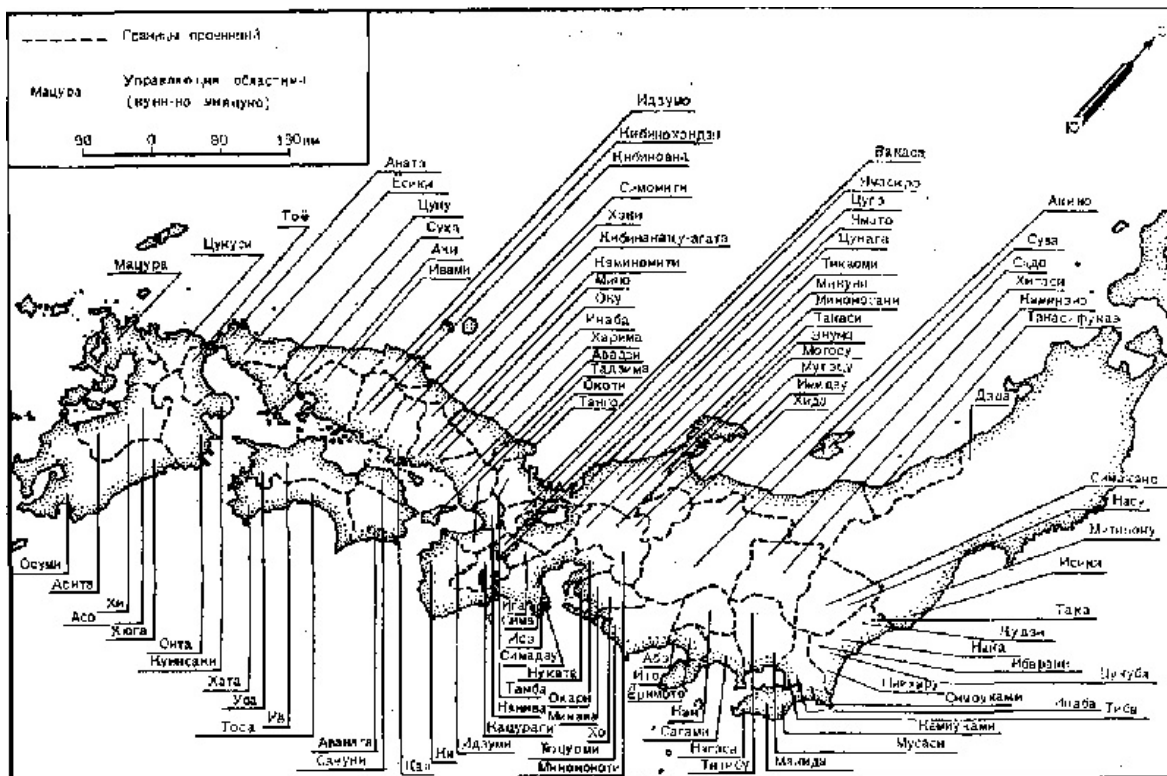
Предлагаемая в некоторых сочинениях стройная административно-территориальная система режима Ямато — область (куни), округ (агата), село (мура) — в то время реально не существовала. Понятие «куни» меняло свое значение от любой занятой территории («земли») в первобытном обществе до небольшого объединения в эпоху племенных союзов во II–III вв. («страны», «владения»), наконец, до важного элемента простейшей территориальной системы режима Ямато — области.

Японская традиция связывает появление управляющих областями (куни-но мияцукэ) с завоевательной деятельностью Яматом-такэру ^[48] [Кojiki, II, 77–10]. Современные историки делают попытку как-то увязать эти сведения с объединительной деятельностью режима Ямато в III–IV вв. При Кэйтае (первая четверть VI в.), по «Суй шу», у народа ва числилось 120 «куни», что, по мнению некоторых ученых, означало куни-но мияцукэ [Jap. ..., 1951, с. 34, примеч. 11–12]. Обращаясь к «Кодзика», можно сделать два вывода: 1) если не считать совершенно легендарного прошлого — правления Дзимму, то установление системы управляющих областями приходится на III–IV — начало V в.; 2) к началу IV в. примерно половина

управляющих областями уже заняла свои посты (см. [Kojiki, II, 90—3, 4]).

Летописи уверяют, что по происхождению управляющие областями в большинстве случаев принадлежали к царскому дому. Это не совсем так. Первоначально этим званием награждались вожди крупных местных кланов, покоренных режимом Ямато и изъявивших ему верность. После этого они управляли землями и населением уже от имени царя. И лишь с начала VII в. на эти посты стали назначать не местных деятелей [Кокка..., 1954, е. 178–180]. Куни-но мияцукэ являлось одновременно и должностью и званием (см. табл. 9, 10). Это не мешало давать управляющим областями другие звания, ранг которых находился в соответствии с политическим весом деятеля. Самым высоким званием таких управляющих было оми (его носили управляющие областями Киби, Идзумо), самым распространенным — атаэ. В Восточных землях (Тогоку) — вотчине царского дома — такие управляющие могли иметь два звания, если управляли царскими потомственными и именовыми кормильцами, или один только знак «бэ», даже без названия области. Это свидетельствует о трансформации их управленческих функций [Takahashi, 1960].

Более сложное положение с округами (агата) и их начальниками — владыками округов (агата-нуси). В VII в., судя по «Ни-хонги», должность владыки округа даже не входила в перечень званий и должностей. В этом источнике она приурочена в основном ко времени до VI в. Увязать округа с другой территориальной единицей — с областью — трудно, так как обе эти категории появились в разное время и в разных условиях. Распространение храмов владык округов охватывает Кюсю, южные провинции Западной и Центральной Японии (до Овари и Мино). Это подтверждает связь владык округов с царскими амбарами (миякэ) и особенно с царскими рисовыми полями (миагата), с завоеванными территориями на западе, а по времени — с ранним курганным периодом в Кинай. Размещение владык округов (в Кавати, Киби, Цукуси) совпадает с распространением таких предметов, как бронзовые зеркала китайского типа и каменные предметы, похожие на мотыги. Это позволяет датировать развитие системы владык округов времен со второй половины III до V в., а в V–VII вв. они стали низшей организацией, может быть частью области.

Распространение владык округов в Ямато

Система округов, возможно, восходит к территориальной административной организации владения Ва. Владение Ва раннег» периода положило в основу организации управления систему владык округа и вступило на путь объединения Западной Японии. В V–VI вв. выросла новая система управления, ядром которой стала система управляющих областями, и сложилась центральная политическая власть древней Японии, включившая в себя и Восточную землю (Тогоку), или юг Канто. Однако эта новая система не сразу вытеснила старую. На периферии Кинай последняя отмерла не сразу. Там представителями власти были местные вожди кланов и даже начальники областей комплектовались из владык округов. Местные кланы были преобразованы в управляющих областями и владык округов. Главы старых общин, покоренных режимом Ямато, превратились во владык округов. Возможно, округа (агата) существовали еще до V в.

С V в. стержнем местной организации стали управляющие областями. Управляющие, располагавшиеся вокруг области Кинай, владели званием «благородный» (атаэ), а жившие в Канто- и на Кюсю и управлявшие областями со многими округами носили звания кими и оми и, опираясь на сильные племенные объединения, сохраняли независимость по отношению

к центру. У управляющих областями Киби и Цукуси сохранился мятежный дух. С другой стороны, управляющие областями в Кинай, Токай, Санъёдо, Тогоку верно служили режиму. Носители звания владык округа (агата-нуси), прикрепляемые к подопечным округам, составляли низшее звено, принадлежащее либо к владениям царского дома, либо к областям, где хозяйничали управляющие областями (куни-но мияцую). Носители званий инаги и сугури управляли селами (мура). Власть режима Ямато непосредственно почти не распространялась на села, и носители указанных званий находились в сфере влияния местной крупной знати.

На VI в. приходится расцвет раннего аппарата управления и подавления зависимых (канси) и ранней административно-территориальной системы. Аппарат сложился на базе управляющих царскими корпорациями и зависимыми из иммигрантов в виде системы специальных людей на службе режима: в первом случае высшего, в последнем — низшего ранга. Административно-территориальная система обслуживалась в основном местными кадрами — представителями кланов, облеченных полномочиями режима [Inoue, 1977, с. 93].

В IV–VII вв. в японском обществе произошли важные структурные изменения, наметился поворот от общества, основанного на патриархальных традициях, к такой социальной организации, в которой ритуально-религиозная сторона отеснялась на второй план, а светская политика режима Ямато стремилась отказаться от традиционной общинной практики кланов и корпораций. Для таких перемен существовали внутренние и внешние стимулы [Hall, 1966, с. 45–46, 51; Honiden, 1969]. Причиной пересмотра структуры аппарата управления царскими зависимыми явилось расширение царского хозяйства и распыление его по всей стране. Прежними методами невозможно было держать зависимых в подчинении, обеспечить регулярное поступление доходов, обезопасить владения и людей от посягательства местных магнатов, а тем более расширять категорию царской собственности.

Если владыки округой и управляющие областями были тесно связаны с системой кланов, управляющие царскими корпорациями были более свободны от нее. Поскольку первоначально эти начальники корпораций занимали одну из последних ступеней иерархии свободных, они стояли на грани, разделявшей членов кланов от нечленов кланов. Особенно это касалось глав корпораций иммигрантов. Принятие на себя поручений от

центральной власти по надзору за царскими зависимыми (томо-бэ) сразу связывало их непосредственно с центральным аппаратом управления режима, с царским хозяйством. Их положение как группы постепенно упрочивалось параллельно с укреплением власти правителя. Но одновременно с этим — и это важнее — набирал силу принцип использования для нужд власти лиц, всецело зависимых от этой власти [Nachod, 1906, с. 214–216].

Причиной появления системы управляющих областями явилась необходимость надзора за зависимыми царскими владениями, т. е. за такими категориями людей и земельной собственности, которые заведомо стали выходить за рамки чисто местных интересов. Толчком к появлению системы послужили неудачи в Корее, связи с династией Сун, освоение Восточных земель (Тогоку), перемещение в области на побережье Внутреннего Японского моря важных торговых путей. Как и в случае с владыками округов, установление системы управляющих областями в Кинай и на периферии происходило, как мы видели, неодинаково. На ранней стадии режима Ямато масса общинников прямо не подпадала под действие аппарата угнетения режима. Этот недочет и должны были исправить системы округов и областей. Поскольку между этими двумя системами, зародившимися не одновременно, наметилось некое противопоставление, с конца V по начало VI в. наблюдалось сопротивление местной знати. Из пяти мятежей кланов, о которых говорит «Нихонги», выделяется случай с кланом Кэну, носившим звание кими, который создал независимое от Ямато владение в 454 г. [Уэда, 1959, с. 127–128, 136, 143, 149, 186–187].

Одним из несомненных внутренних факторов, сделавших возможными и необходимыми перемены, стало неуклонное нарастание реальной мощи правителей Ямато. Вплоть до ранних завоеваний и консолидации Японии с ее независимыми вождями под единым правлением Ямато представляло из себя конфедерацию кланов. Но в V в. правители Ямато в известной мере пресекли децентрализацию и приобрели влияние на местные дела. Примером этого могут служить командировки управляющих областями для упорядочения действий местных вождей. Об этом же говорит увеличение числа корпораций, находящихся под прямым контролем дома правителя Ямато. Среди них были корпорации из числа корейских и китайских переселенцев, тоже выполнявшие особую службу при правителе Ямато. Правители Ямато даже стали вербовать в личные военные отряды членов

семей управляющих областями, в частности на северо-востоке страны.

Хотя появление владык округов и управляющих областями, казалось бы, предполагало введение округов (агата) и областей: (куни), т. е. территориального деления страны, вопрос этот не так прост. Исключительно важное значение для установления времени появления в Японии государственных институтов имеет вопрос о территориальном делении. В «Нихонги» последнее фигурирует как плод реформаторской деятельности Сэйму и возводится к 135 г. [Nihongi, VII, 39]. Именно тогда якобы были назначены управляющие в области и волости (кори), а инаги — в агата, мура и сато. Впрочем, «Кодзики» говорит о назначении лишь управляющих (мияцуко) в области, владык округов — в округа и об определении границ областей и округов [Kojiki, II, 77–10]. Как и во многих других случаях, источники удревяют события, наделяя их при этом значительной категоричностью. Возникновение самих наименований, возможно, относится к довольно раннему времени, но было постепенным. Поэтому-то применительно к VI в., когда они приобрели значение неких территориальных единиц, затруднительно установить их иерархию. Как и в случае с мерами веса, площади и т. п., возникшими в разных странах (и в Японии) на протяжении веков и в результате несопоставимых друг с другом, лишь очень приблизительно куни связывается с понятием области, агата — с округом, кори — с волостью, мура — с селом, сато — с деревней [Inoue, 1951]. Но говорить так — значит конструировать произвольно систему, которая не была, да и не могла быть завершённой. Территориального деления, как такового, не существовало, тем более деления, выработанного и введенного в жизнь центром. Существовали «земли» — клочки территории, находившиеся в сфере влияния режима; туда и посылали куни-но мияцуко. Есть сведения о том, что еще при режиме Ямато зародились ростки территориального деления — система «семи дорог» (ситидо). В нее входили Токайдо, Тосандо, Хокурокудо, Нанкайдо, Санъиндо, Санъёдо, Сайкайдо, но лишь после реформ Тайка их границы оказались четко очерчены.

До этой поры мы рассматривали развитие власти в ее гражданском аспекте. Однако военный аспект сыграл в истории древней Японии важнейшую роль и, естественно, стал одной из главнейших форм воплощения власти. Режим Ямато вел крупные войны с чужими народами: с эмиси на севере, с кумасо на юге, даже за морем — с корейскими племенами; проводил кампании по усмирению непокорных кланов,

мятежников и т. п.; сами кланы воевали между собой и за главенство в конфедерации.

В IV–V вв. военные отряды представляли собой независимые дружины кланов, состоявшие из членов кланов и корпораций, даже если такие дружины выступали в поход, в котором был заинтересован режим Ямато в целом. Удельный вес зависимых в таких дружинах был преобладающим. Со временем наметилась известная воинская специализация: зависимые при клане Моно-нобэ, Кумэ превратились в ударную силу сводных отрядов, стали полупрофессиональными воинами, а это придало их хозяевам- кланам значение ведущих полководцев. С этого времени члены прочих корпораций превратились в своеобразный военный резерв. Такие отряды находились в полном распоряжении глав кланов; сам правитель Ямато во внутренних делах вынужден был либо обходиться отрядами своего клана, либо поручать те или иные задачи на усмотрение глав военных царских корпораций (томо).

Примерно с VI в. военная мощь правителя Ямато заметно возросла, а главное — наметилась дифференциация между силами режима Ямато, возглавляемого правителем, и личными отрядами, находившимися под его прямым контролем. До реформ Тайка и отряды «колчаносцев» (югэй), т. е. лучников, и отряды ближних слуг (тонэри) составляли главную силу, находившуюся в распоряжении правителя Ямато. Но, по-видимому, в VI в. колчаносцы все более превращались в общегосударственные военные силы, тогда как ближние слуги вливались в личные отряды главы режима [Naoki, 1962].

Положение самого царского дома как политической системы Ямато оказалось сложным. Пять японских царей, упомянутых в «Сун шу», уже выглядят монархами, по крайней мере в глазах китайцев и в военной сфере, применительно к V в. Хотя японские хроники тоже рисуют ранних японских царей абсолютными монархами, в действительности дело обстояло иначе. Если царский дом и пользовался определенным влиянием среди прочих кланов, вожди последних сохраняли контроль над своими землями и со-родичами. Выдвижение так называемого царского дома или клана совпало с изменением положения в коллективах сородичей, в расстановке социальных сил, в порядке наследования (от старшего брата к младшему и от отца к сыну). Царь, как глава семьи или дома, как будто отказался от ограничений материнского дома или семьи и перешел к идее

наследования его престола старшим сыном. С этой точки зрения очень интересны слова, с которыми обратился Киммэй к сыну [Nihongi, XIX, 60], говоря, что наступает его очередь наследовать.

Царская власть часто попадала в кризисное положение. Это отражалось и на порядке престолонаследия: с Одзина оно шло по прямой линии, но с Нинтоку внезапно пошло от брата к брату. Это говорит о внутренних противоречиях. Отсутствие сына у Сэй-нэя оказалось первой опасностью для дома царя, а отсутствие наследника у Бурэцу — второй. Вымирание той или другой линии клана тэнно имело немаловажное политическое значение: победа линии Нинтоку над линией Судзина означала победу партии воителей над сакральной. Такое положение длилось с V по VI в., но в первой половине VI в. наступило двоецарствие — следствие внутренних раздоров и корейской-войны [Нюмон..., 1968, с. 44–45].

Воин (ханива из преф. Гумма)

Правитель Ямато в VI в. не был ни абсолютным, ни даже безусловно государем. Кроме лично от него зависимых людей и земель его власть безусловно распространялась лишь на вождей других кланов, а не на народ

и их земли. Это означало сравнительно независимое существование крупных регионов на первой стадии подчинения их Ямато, когда власть последнего осуществлялась на месте через большой клан и еще не дошла до дочерних кланов и корпораций.

Со временем ситуация существенно изменилась. Проникновение влияния Ямато в Кибн, например, прослеживается не только в способности правителей Ямато контролировать звания и производить назначение среди вождей кланов в этом районе, но и в приобретении ими земель, амбаров и производственных корпораций. Земледельческим общинам, находившимся в прямых даннических отношениях с правящей фамилией, большей частью давались наименования в честь покойных правителей и их супруг. Такие корпорации получили наименование именных и потомственных кормильцев (насиро или косиро). Так, Такэ-бэ получили свое наименование по полководцу Ямато Такэру-но микото, Ята-бэ, Кацураги-бэ — по супругам Нинтоку, Кусака-бэ — по сыну Нин-току, Осака-бэ — по супруге Ингё, Кару-бэ — по сыну Ингё и т. д. Названия этих и профессиональных корпораций (Суэ-бэ, Ая-бэ, Укаи-бэ) сохранились в географических наименованиях современной префектуры Окаяма. Это говорит о прочных прямых связях правителя Ямато с Киби в V–VI вв.

Власть правителя Ямато отнюдь не считалась непререкаемой. Об этом говорит эпизод с Таса — вождем ветви Камуцумити клана Кнби. Правитель Юряку (во второй половине V в.) назначил его губернатором Мимана; по одной версии — чтобы ослабить Киби, по другой — чтобы овладеть женой Таса. Таса поднял восстание в Корее. Юряку послал против него войска и во главе их поставил Отокими — сына Таса. Отокими собрался присоединиться к отцу, но собственная жена убила его. В результате в начале VI в. клан Киби утратил свое влияние. В 527 г. Иван, местный вождь на Кюсю, недовольный экспедицией в Корею, восстал и держался несколько лет. Личный авторитет правителя был ограничен его окружением. Так как письменного закона о престолонаследии не могло быть, некоторые вожди захватывали власть. Между 531–537 гг. было два правителя Ямато, каждый со своими сторонниками. В 580 г. несколько мощных кланов открыто выступили против правителя [Yamada, 1969].

Первые шаги по централизации власти, созданию аппарата управления были сделаны на прежней социальной почве. Назначение управляющих царскими корпорациями и областями, а также «великих» советников (ооми

и омурадзи) логически вытекало из патриархальной системы Ямато. Рассмотренная организация власти режима Ямато являлась попыткой реализации территориально-административного принципа местного управления при сохранении роли кланов. Но дальнейшая «бюрократизация» требовала пересмотра теории и практики управления. Уже распространение царских владений в отдаленные районы и борьба местных вождей подымали вопросы государственного авторитета, природы суверенитета и местной власти, собственности на землю и на зависимых.

Анализ организации управления японского общества в V — начале VII в. позволил проследить ее развитие от осуществления организационных функций общинами, главами кланов через стадию использования для нужд управления мощных местных кланов, включаемых в разветвленную иерархию званий (кабанэ), к созданию простейшего — центрального и местного — аппарата управления, должностные лица которого выбирались или назначались либо из числа местной знати (агата-нуси, куни-но мияцуко), либо из представителей мелкой знати (томо-но мияцуко), либо (для нужд центральной власти) из ближайшего окружения царя или из иммигрантов (томо). Процесс формирования аппарата управления шел рука об руку с усилением царской власти и с территориальным расширением политического образования Ямато. В начале IV в. владения Ямато раскинулись (в современных географических понятиях) на востоке до Токай, на западе до Тюгоку, к концу IV в. включили в себя Канто. В V в. территория расширилась до Тохоку на востоке, Сикоку на юге, Кюсю на западе [Нюмон..., 1968, с. 26, 29, 38–39].

Скрытой пружиной развития органов власти стало появление двух новых категорий: обширного слоя населения, в период гос-подства системы кланов не нашедшего места в кланах (зависимых), о котором мы говорили в предыдущем разделе, и земельных владений, уже не подходящих под разряд общинных и клановых (мита, тадокоро, миякэ), — будущей темы этой главы. Ни зависимые и рабы, ни частные земли не могли надежно управляться средствами первобытнообщинного строя. Эти средства оказались малопригодными и для организации отношений между иными слоями общества, например между царем и главами кланов. Только режим государственного типа мог предложить необходимые новые формы организации, управления или подавления этих категорий людей и владений.

Эти формы складывались в течение веков и первоначально сводились к некоторому регулированию из центра местных отношений, распространявшемуся лишь на глав кланов, но не на их подопечных. Постепенно, используя иерархию кланов и клановых званий (кабанэ), приближая к себе наиболее мощные кланы (со званиями оми и мурадзи), назначая местных вождей кланов на должности владык округов (агата-нуси) и управляющих областями (куни-но мяцуюко), т. е. на должности аппарата управления режима Ямато, связанные с понятием территориального деления, используя глав мелких и средних кланов и даже иммигрантов на постах, целиком зависящих от режима л рассеянных по всей стране (управляющие царскими корпорациями — томо-но мяцуюко и мякэ-си), режим Ямато добился создания основ территориального деления и публичной власти, т. е. главных признаков государственной власти.

Режим Ямато, царская власть и ее аппарат, возникнув где-то в V в., сложились и окрепли в борьбе с кланами за полусвободных и частные земли. Идея традиционности, на которой стояли мощные кланы, оборачивалась против них: именно их категории людей и собственности не укладывались в патриархальную систему, зато служили удобным поводом для создания новой концепции политической власти и одновременно стали экономической базой для этой власти. Однако формы власти режима Ямато исчерпали себя к началу VII в. Дальнейшее их развитие уже сводилось не к использованию возможности общества кланов, не к некоторому урезыванию их прав в пользу центральной власти, а к нарушению сущностных отношений строя в целом. Чтобы избежать этого, новую организацию управления нужно было строить, в другом обществе и на другой экономической основе; добиться этого можно было либо путем революции, либо при помощи реформ.

Экономические отношения

Теперь настало время посмотреть, на какой почве сложилось общество Ямато и сформировались отношения управления, о которых мы говорили в двух предшествующих разделах.

Современному читателю нет нужды разъяснять решающее значение экономической базы для развития любого общества. Разберем вопросы

первостепенной важности (отношения собственности на имущество, на землю, на людей) первоначально в семье и общине, затем у знати, наконец, в царских владениях.

Положение в семье и в общине на рубеже V–VI вв. рисуется в следующем виде [Харасима, 1965, № 9, с. 67–69]. На стадии, условно названной первой, имущество в семье считалось общим, но патриарх в земледельческой семье выступал как непосредственный распорядитель этого общего имущества, а глава соответствующей семейной общины не обладал правом собственности. Все трудовые действия осуществлялись в рамках сельскохозяйственного сообщества коллективно. Это влекло за собой важные последствия.

Патриарх мог переложить на главу семейной общины любую ответственность по организации и руководству земледельческого коллектива. Ось, вокруг которой шло развитие самой организации, — это совместные трудовые усилия работников под руководством патриарха. Право собственности на землю у земледельческой организации возникло как будто независимо от того, использовался или нет труд отдельных земледельцев на поливных полях. Право личного владения возникло и на сухие поля. В такой общине патриарх, обладающий особыми функциями, управлял изменившимися делами общины.

На этой стадии организации крестьян налицо использование личного труда и необходимых железных орудий, поэтому подъем целины мог быть осуществлен собственными силами организации. И такие земли могли стать собственностью сообщества. Разработка поливных полей требовала налаженного орошения и сложной организации труда. Последнее же на этой стадии было неосуществимо силами отдельных семей и небольших общин, поэтому в этой области до V в. и не возникла частная собственность.

Так как патриархи семей, имевшие в своем распоряжении имущество, подчинялись общинам, которые не располагали такой собственностью, между ними возникали трения и противоречия; стал необходим стовор, союз патриархов. Как правило, до V в. существовал обычай созывать советы совершеннолетних, посвященные вопросам посева и урожая, которые в источниках приняли мифологическую окраску.

До V в. община кроме рабов включала в себя и неравноправных членов чужих общин. Но с развитием идеи собственности такая практика вышла из употребления. Тогда члены слабых общин, чтобы избежать превращения в зависимых, пускались в бегство и бродяжничество. Потребовалось создание единой административной системы, чтобы пресечь бегство и закрепить беглецов за кланами и общинами. На этой, следующей стадии основные работники земледельческого коллектива, как единое целое, образовывали патриархальную семейную общину, совместно выполняли ряд работ, являлись собственниками земледельческих орудий и совместно владели имуществом. Специфика собственности на этой стадии заключается в появлении права личной собственности главы каждой общины. По сравнению с предшествующей стадией, где только патриарх выступал непосредственным собственником общего имущества, это новый шаг на пути развития частновладельческой системы.

Поэтому организация крестьян на обеих стадиях разная. Во-первых, на ранней стадии патриарх перекладывал ряд обязанностей на глав общины, а на второй стадии это стало затруднительным: патриарх и любой глава общины находились примерно в равном положении, поскольку оно подкреплялось становлением права последнего на имущество, а раз так — патриарх не только не мог подчинить главу общины, а, наоборот, сам выполнял его предписания. Отношения присвоения стали теперь выступать в виде установления доли присвояемого. Противоречие между присвоением и организацией на этой стадии в результате укрепления положения семейной общины развивалось по линии установления нормы присвоения. В VII в. именно по вопросу доли в присвоении центральной властью происходили ожесточенные схватки, тогда как законность такого деления признана еще в VI в. Это проявилось в ограничении присвоения и распределения и стало одной из экономических причин выдвижения в качестве политической задачи административного аппарата. Во-вторых, усилилась независимость отдельных общин внутри земледельческой организации за счет установления права совместного владения имуществом главы общины, куда включалось и личное владение. Особенностью этого процесса явилось то, что семейная община, обладая совместным имуществом, имела право, если это казалось выгодным, разделить имущество и передать его другой организации.

Утверждение независимости было вызвано возможностью контролировать присвоение и распределение. В связи с этим возникла

тенденция искать резервы зависимой рабочей силы за пределами организации. В результате узы родства в общине ослабли. Если на ранней стадии патриарх мог использовать подчиненных ему общинников и не требовалось искать иной подчиненной рабочей силы (кроме домашних рабов), то на поздней стадии одни члены семейной общины уже не удовлетворяли потребностям земледельческой организации. Последней требовались люди, подчиненные не лицу, а производственному сообществу. Упрочение организации крестьян на последней стадии явилось предпосылкой распространения бегства и бродяжничества крестьян и рабов.

Переход от ранней стадии к поздней стимулировался развитием производительных сил. На первой стадии оно было связано с расширением запашки и контингента рабочих из зависимых родичей. Но это расширение имело предел. Число рабов было крайне ограничено, и пришлось искать другие источники рабочей силы. Община, обладая коллективным имуществом, превратилась в пункт концентрации рабочей силы. С одной стороны, она, как и прежде, при коллективизме земледельческих работ, общем владении имуществом, устраняла опасность экономического краха, а с другой — повышала у своих членов тягу к производству, обеспечивала эффективность земледельческой организации. В передовых районах Ямато процессы, действующие в общине, привели к приобретению отдельными семьями положения самостоятельных хозяев, владельцев большей части орудий производства общины.

На основании археологических раскопок жилищ раннего железного века установлено, что в некоторых жилищах попадает довольно много изделий из железа, в то время как в других процент таких изделий в общей массе находок был невысоким. Это говорит о концентрации железных орудий, необходимых для коллективных работ, в руках обитателей одного жилища. Следовательно, организация крестьян перешла от коллективного владения железным земледельческим инвентарем к единоличному владению одного двора. В Кинай и к западу от него этот процесс происходил в VI–VII вв., дальше на востоке он затянулся на несколько веков. Судя по податным спискам, в середине V в. процент концентрации однофамильцев среди «именных кормильцев» достигал 97, а в VI в. он упал до 37. Это говорит о том, что объект управления именными и потомственными кормильцами, находившимися в ведении управляющих областями, с конца V по начало VI в. начал меняться от общинного к

подворному.

Все сказанное выше дает представление о роли собственности на имущество и на землю в развитии двух важнейших ячеек земледельческого общества — семейной общины и семьи — о нарастающей экономической самостоятельности последней, но характер самих этих категорий собственности в общине и семье значительно менее ясен.

В начальный период Ямато понятие частной собственности на землю полностью еще не сложилось. Вероятно, до укрепления больших кланов земля находилась в общинном владении, а частное перераспределение обрабатываемых участков, казалось, препятствовало возникновению предпочтительного использования земельного участка. Но в действительности сам передел (взамен коллективной обработки) как бы подводил к возможности предпочтительного выделения или даже закрепления одних участков за одной семьей. Еще в эпоху яёи развилась система больших семей, которая, в свою очередь, привела к появлению деревень из 15–50 семей. На стоянке Таро на площади в 1 кв. км обнаружены ряды межей, образующие квадраты рисовых полей площадью 6,6—20 аров. По-видимому, это свидетельствует о возникновении первичного права владения на заливные поля (и именно на них) при сохранении примитивной формы общинной собственности. Распределение этих, уже неравных участков предполагало концентрацию власти в руках деревенского старшины [Japan..., 1964, с. 13]. Существование системы орошения и размежевания еще в; период яёи прекрасно согласуется с содержанием известного норито, причислявшего разрушение межей, засыпку каналов, открытие створок плотин, пересев по посеянному к «небесным грехам», требующим «великого очищения» [Sources, 1974, с. 15–16].

Медленное развитие идеи землевладения в Ямато не удивительно, поскольку она — продукт социально-экономического строя, условий производства (агротехники), которые в период Ямато только еще созревали. Хозяйство, основанное на возделывании поливного риса, оказывало многостороннее влияние на положение в Ямато. Ямато было земледельческим районом, к V в. имело довольно плотное население и развитую агротехнику. Здесь уже применялись железные земледельческие орудия. Поливной рис дает высокий урожай и при сравнительно примитивной технике обработки почвы. Орошение непрерывно восстанавливало состав; почвы, способствуя удалению сорняков и

насекомых, сводило к минимуму потребность в удобрении и севообороте. Но разведение поливного риса также предполагало использование усилий, часто совместных, большого количества работников на сравнительно небольшом поле.

Преимущественно рисоводческий характер сельского хозяйства Ямато определялся рядом обстоятельств. Эффективность, но и трудоемкость выращивания поливного риса уже на ранних ступенях развития хозяйства не оставляли ни сил, ни средств для активного развития других отраслей сельского хозяйства. Разведение поливного риса оказывало и другое далеко идущее влияние на земледельцев. Оно способствовало стабилизации агротехнических приемов, сохранению жестких форм организации рабочей силы. Небольшой выбор посевных и тяжелый труд на поливных полях ограничивали личную инициативу и снижали значение экономической независимости главных членов общины. Подъем нови, устройство новых поливных полей, контроль за водоснабжением требовали объединенных усилий общины или какого-то руководства. Это обусловило тенденцию к созданию тесно спаянных коллективов, таких, как общины, кланы и корпорации. Поэтому не случайна взаимозависимость между экономической системой древней Японии и семейной организацией, в которой авторитет развивался по линии общественной иерархии, а упор на рабочую силу и семейные узы имел перевес над землей и отвлеченной концепцией власти [Hall, 1966, с. 40–43].

Эти обстоятельства укрепляли общинное землевладение. Даже в VI в., когда появилось понятие собственности клана или двора на сухие участки, лес, приусадебный участок, орошаемые поля оставались во владении общины. Но не будет противоречием, если мы скажем (точнее, напомним) о том, что некоторые такие общины в процессе конкуренции вырывались вперед и занимали выигрышное положение. Они-то и становились привилегированными коллективными владельцами имущества и земли своей общины или клана. Дальнейшее расслоение затрагивало уже внутреннюю структуру клана.

Итак, при всей своей изолированности и самостоятельности древнеяпонская община не оказалась нечувствительной как к процессам, разъедавшим ее изнутри, так и к давлению извне. Главы этих общин, распоряжавшиеся распределением участков, воды из оросительных каналов, урожая, военной добычи, находились в более выгодном

положении, чем рядовые сородичи. Укрепляя и расширяя свою семью (или клан), привлекая труд домашних рабов (яцуко), они могли обрабатывать сухие поля, поднимать целину, что, в свою очередь, увеличивало их могущество. Развивая деятельность вовне, они во главе своей семьи или общины в целом могли оказывать прямое или косвенное давление на соседние, более слабые общины, превращая их в зависимые корпорации. Большие семьи первоначально были заинтересованы не столько в земле, сколько в работниках, объединенных в корпорации. Источник ренты в то время видели в человеке, а не в материальных ресурсах. Недаром значение и богатство кланов определялись числом ответвлений и количеством корпораций, а структура этих корпораций известна гораздо лучше, чем характер земельных владений (кроме царских). К 479 г. относится фраза: «Корпорации омурадзи и других (каки-бэ), разрастаясь, заполняют всю страну» [Nihongi, XIV, 50]. Богатство доставалось знатным, занимающим видное положение, передавалось по иерархии родства. Земли же считались общей собственностью, находившейся под контролем вождя, но без права приобретения или отторжения. Переход к владению землей уже частному, а не общинному ярко выступает в деятельности правителей Ямато. Примерно в V–VI вв., когда правители Ямато осваивали свои земельные владения, создавались новые корпорации для обеспечения обработки земли и получения ренты.

Процесс образования частновладельческих угодий не остановился на этом. Можно проследить, например, рост кланов Киби и Вакэ и их распространение на верхние долины прибрежных равнин за Мимасака. Такое распространение первоначально стимулировалось естественным разветвлением обоих кланов. Но когда запас земель, годных для рисосеяния, оказался исчерпанным, эти кланы, по-видимому, напали на мысль о разработке целины или о захвате общинных земель [Nakatuga, 1967].

Богатые семьи владели значительными пахотными угодьями на правах собственности (тадокоро). Такое владение выросло вокруг усадьбы за счет поднятой целины и расширялось до тех пор, пока владелец мог его непосредственно контролировать. Крестьяне, живущие в этих угодьях, платили владельцу налог с поля. Сильные кланы заставляли отрабатывать на этих угодьях общинников из соседних деревень. В VI в. с развитием системы зависимых знать сажала клановых зависимых (каки-бэ) на землю — на началах личной зависимости (та-бэ). Развитие производства

открывало новые возможности для эксплуатации зависимых. Если раньше высшая знать, подчиняя себе местную, просто облагала ее данью, то теперь она стремилась переселить членов покоренной общины на свои земли в качестве зависимых землепашцев.

Кланы и их ответвления, очевидно, преуспевали в развитии частного начала. В начале VI в. в Киби впервые появляются мелкие погребения, которые примерно в течение века стали исчисляться сотнями и тысячами. Курганчики диаметром до 6 м стало строить значительно большее число членов кланов. И это, в свою очередь, служит доказательством распада единого некогда клана на ответвления. Это мнение подтверждается указом 645 г., осуждающим погоню кланов за богатством и за рабочей силой, отмечающим непомерное истощение ресурсов страны в лихорадке строительства большого числа погребений.

В хрониках хозяйственные и производственные перемены переплетаются с политическими пертурбациями эпохи. Если ранние сведения о владениях кланов и о завоевании режимом Ямато новых земель связаны с присоединением родичей и понижением в ранге поверженных кланов, то позднее они чаще говорят о перераспределении богатств [Hall, 1966, с. 47–48].

После падения в 587 г. клана Мононобэ в Сэтцу воздвигли четыре буддийских храма, к которым отошла половина земельных владений и зависимых людей этого клана. Всего было конфисковано 160 мужчин и 113 женщин, которые перешли в пожизненную неволю к храмам Тэннодзи. Правительство завладело 186 890 сиро ^[49] земли (128640 сиро в восьми пунктах в Кавати и 58 250 сиро в четырех пунктах в Сэтцу). Из изъятого храмы получили три усадьбы со всем имуществом (3000 сиро), а человек, лично сразивший главу клана — Мононобэ Мория, получил в награду 10 000 сиро земли, принадлежавшей покойному на правах личной собственности. Остальные земли остались собственностью клана [Takekoshi, 1930, с. 58–59]. В этом эпизоде сконцентрировано много сведений, интересных для истории экономики режима Ямато. Глава клана, приближенный царя, владел сравнительно большими личными угодьями, но считался распорядителем земель куда более обширных — всего клана в целом. Эти земли были рассеяны не менее чем в восьми пунктах двух провинций (в среднем на каждый пункт приходится до 20 тыс. сиро).

Конфискованные зависимые, по-видимому, не были землепашцами — их слишком мало для того, чтобы обработать эти земли. Следует предположить, что конфискованные земли отошли вместе с крестьянами, причем к храмам — новой категории собственников. О социальном положении крестьян на этих землях можно лишь гадать, но, очевидно, они были как-то привязаны к земле: общинными или феодальными узами.

Огромные земельные владения клана Мононобэ не являлись исключением. В указе о реформе содержится фраза: «Одни захватили поля в десятки тысяч сиро, другие не имеют ни пяди земли» [Nihongi, XXV, 12]. В распоряжении знати находились многочисленные корпорации зависимых (каки-бэ), облагаемые данью. Для иллюстрации обратимся к выяснению структуры семейств владык округов и правителей областей.

Изучение подворных списков владык округов начала VIII в. в Мино дает важные сведения об их ранней структуре. Сохранились сведения о 20 дворах трех категорий: агата-мияцуко (3), агата-нуси (2), агата-нуси-удзи (15), причем главной являлась первая категория; она привязывала к себе наибольшее число дворов и подневольных. Вся группа состояла из сородичей (додзоку), включая три категории и некоторое количество дворов со званием «бэ». Внутри двух групп первой категории и между представителями двух последних категорий заключались браки и преимущественно между дворами с одинаковыми званиями. Для сохранения группы сородичей семья, занимавшая центральное положение, не только использовала свой большой авторитет, но и не пренебрегала силой кровнородственных уз. В тех же подворных списках сообщается о дворах «родни» (удзи ^[50]) при носителях званий владык округов или управляющих областями. Судя по численности (15–50 человек) и количеству рабов (до 18), это были довольно мощные семьи. В центре такого образования находился обладатель звания, вокруг него группировались сородичиносители более низкого ранга [Наоки, 1964, с. 113, 118–119, 121]. Люди попадали в личную зависимость к знати, пользовавшейся своим положением, и к управляющим корпорациями. Так, мурадзи Имбэ присвоили себе корпорации имбэ в Ава, вырабатывавшие ткани, имбэ в Ки, заготавливавшие древесину. Положение зависимых от знати не всюду одинаково. В Кинай и соседних районах они приближались к производственным рабам — владельцы присваивали весь их труд; на периферии такие корпорации остановились на положении данников,

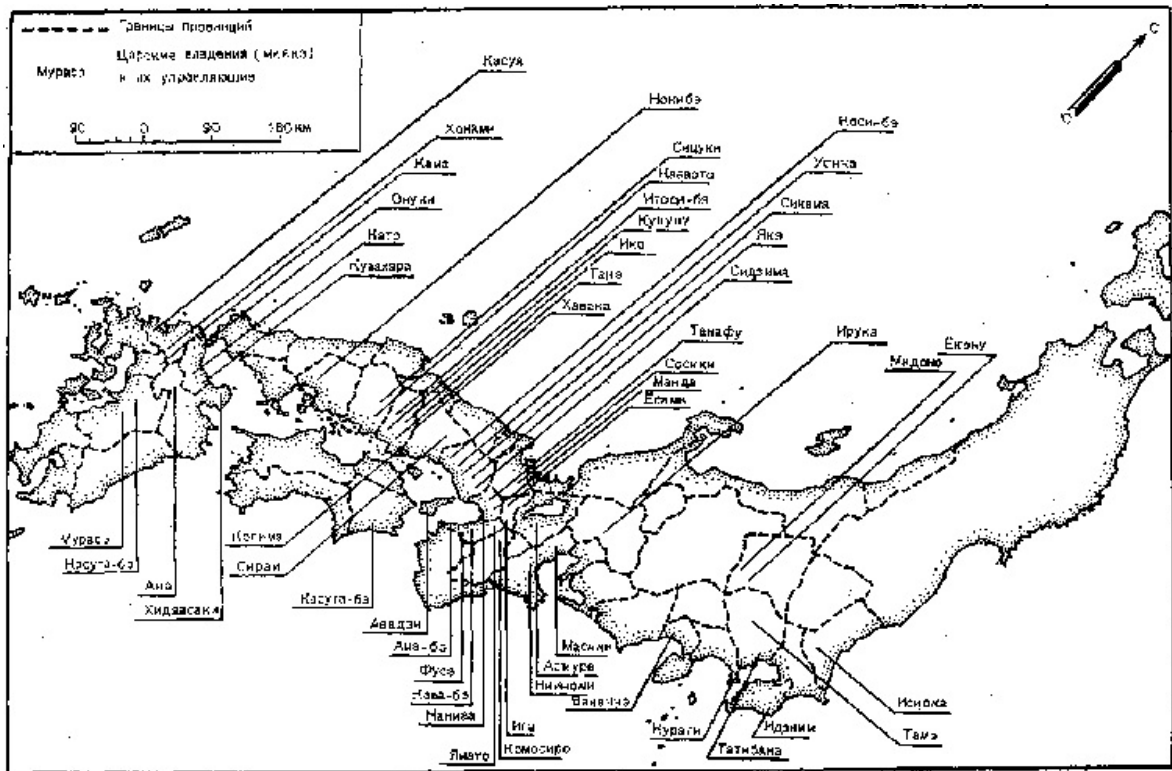
находясь в зависимом от знати состоянии целиком как единый коллектив [Yoshida, 1972].

Вначале клан царя был лишь одним из прочих кланов, хотя и могущественным, и его экономическая база ничем особенным не выделялась. Но постепенно положение менялось, и характер владений царского дома стал отличаться от собственности кланов.

Древнейший вид владений царя — царское рисовое поле (миа-гата). Эти прижизненные владения правящего царя в последнюю эпоху режима доживали свой век в шести областях Ямато [Хон- дзё, 1927, с. 21]. Замечательная особенность этого вида владения— его временный характер и целевое назначение. Он выделялся царю при вступлении им в должность, по-видимому, вождями крупных кланов и отбирался после его смерти или смещения [Iyanaga, 1964].

Важным шагом вперед в укреплении экономической независимости центральной власти оказалось появление в IV в. в Кавати царских владений (миякэ), находившихся в непосредственном ведении правителя и членов его дома. В первой половине V в. уже во многих пунктах Кинай существовали царские владения, ими ведали управляющие царскими корпорациями и областями. В конце V — начале VI в. эксплуатацию царских владений стал осуществлять непосредственно царский дом через особую контору царских владений (миякэ-си). Владения сильно умножились со второй половины VI в. В отличие от корпораций в этих владениях на первом месте находилась земля. Обычай посвящения таких царских владений умершим членам правящего дома привел к переходу их в наследственное владение ветвей правящего клана. Царские поля (мита) обрабатывались либо крестьянами-переселенцами, либо земледельцами, привлекаемыми с соседних земель, либо особыми общинами царских зависимых землепашцев (та-бэ). Царские владения исключались из сферы действия местных кланов. Эксплуатация работников в царских хозяйствах усилилась после подавления восстаний управляющих областями в Киби и Цукуси. В царское хозяйство Сираи в Киби в 569 г. послали особого чиновника; незарегистрированных зависимых землевладельцев занесли в подворные реестры для более строгого соблюдения ими своих обязанностей [Nihongi, XIX, 58]. Это начало регистрации земледельческих корпораций (та-бэ).

Учреждение царских владений шло параллельно с формированием корпораций. Сами земельные корпорации — непременная принадлежность царских владений (миякэ) — являлись лишь одним из видов корпораций вообще. Царские владения основывались и на целине; и во владениях управляющих областями. Последние, по-видимому, имели возможность использовать их в своих целях или создать свои личные угодья под видом царских миякэ. Впрочем, такие угодья считались незаконными, и управляющие, уличенные в этом, дарили царю такие земли и работников (ср. [Древние фудоки, 1969, с. 76, 104]). Земельные корпорации в царских владениях комплектовались из подопечных управляющих областями, из иммигрантов, из работников других владений этого же разряда.

Царские владения в Ямато

Царские владения (миякэ) подразделялись на три типа: 1) владения, находившиеся под надзором управляющих областями, по-видимому, потому, что отношения между такими управляющими (главами кланов), землями и работниками-корпорантами оказались слишком прочными, чтобы их можно было легко разорвать. Возможно, именно такие владения «дарились царю», но оставались в ведении управляющих областями; 2)

владения, над которыми царский дом осуществлял надзор непосредственно через особых «земельных приставов» (тацугаи); земледельческие корпорации таких владений комплектовались в соответствии с подворным реестром, получали землю, облагались данями и налогами и селились особыми поселками. При комплектовании по подворным спискам создавались искусственные семьи нужной величины, получавшие земельные участки. По облику эти владения очень близки к феодальным; 3) владения царского дома, военное или политическое значение которых выступало на первое место, как, например, Мимана, Нацу (Хаката). Эти крупные территории никак не напоминали ни царских полей, ни царских амбаров [Кокка..., 1954, с. 184–185].

Распространение царских владений в Киби знаменовало постепенный упадок экономической базы местной знати. В 555–556 гг. здесь были основаны по меньшей мере четыре царских владения, причем целый остров Кодзима, находившийся на пути из Ямато в Дадзайфу (базу режима Ямато для внешних сношений) на Кюсю, был отписан во владение правителя Ямато [Nihongi, XIX, 48]. Создание царских владений означало появление новой концепции собственности и отношения политической власти к земле, узаконило снабжение их амбарами для хранения урожая. Эта система передавала в собственность царского дома людей, живших и пахавших на этих землях прежде. Более того, недостающая рабочая сила, необходимая для эксплуатации этих владений, попадала в поле зрения управляющих областями [Маекава, 1965(1), с. 37]. Царские владения имели важное экономическое значение — урожай изымался в пользу царского дома в виде налога с поля. Они также играли существенную роль в распространении военного и политического влияния царя, так как размещались в ключевых районах страны.

Между царскими владениями (миякэ) и категориями царских именных (минасино) и потомственных кормильцев (микосиро) существовала тесная связь. Об этих категориях говорилось выше. Здесь важно указать, что эти термины объясняются путем расшифровки слова «сино» как «провиант», или «провиант для призрения, для вспомоществования». Из 22 случаев создания минасино и микосиро, известных до настоящего времени, половина приходится на время с Нинтоку по Анко (313?—456) и с Юряку по Су-дзюна (457–592). В первом случае эти категории действительно служили для поддержания царских детей, но во втором — давали содержание обслуживающему персоналу обою пола в окружении царя

(тонэри и унэмэ). Они и носили имя царя (наси́ро) или его дворца (косиро). Первые по происхождению были древнее [Нихонси..., 1968, с. 355]. Эти «кормильцы» сыграли крупную роль в укреплении идеи наследственного права на частную собственность царя. Ближних слуг обоего пола (тонэри, унэмэ) можно считать связанными с категорией царских именных кормильцев.

Во владениях местной знати были организованы корпорации крестьян, снабжавшие припасами корпорации зависимых царского дома. В отличие от личнозависимых от царя и его дома они подчинялись чиновникам и общественным ведомствам. С конца V в. активно создавались профессиональные и ремесленные корпорации из иммигрантов (сина-бэ), они не являлись частной собственностью, а входили в ведение публичной власти. Но так как: главой этой публичной власти являлся царь, иммигрантские корпорации, отличающиеся высоким профессионализмом и монолитностью, за редким исключением, все составляли важнейшую экономическую опору царского дома.

Царские корпорации по производственно-хозяйственному характеру делятся на три типа. В первый, наиболее древний тип входили такие корпорации, как, например, «горные» (яма-бэ), «морские» (умэ-бэ), гончарные (хани-бэ). Члены этих корпораций жили с давнего времени, занимались тем или иным предпочтительным, но не очень специализированным занятием, находились под руководством собственных старшин, имеющих звания управляющих царскими корпорациями, и вносили дань царскому дому.

Ко второму типу относились корпорации конюхов, литейщиков, красильщиков, писцов, казначеев и т. п. Эти узкопрофессиональные корпорации были рассеяны по многим областям и управлялись не центральными управляющими царскими корпорациями, а особыми, представителями царской власти и по отраслевому принципу. В этих корпорациях трудилось немало иммигрантов, подобранных по профессиям, что свидетельствует об утрате корпорациями этого типа патриархальных черт первобытнообщинного строя и об отнесении их к царскому дому на основах подчинения и господства.

С третьим типом связывают корпорации ближних слуг (тонэри) и «колчаноносцев» (югэй), образовавших военную основу режима Ямато.

Они набирались из семейств управляющих областями и находились в непосредственной зависимости от царского дома, будучи обязаны последнему личной службой [Кокка..., 1954, с. 181–183].

Наконец, мы подходим к вопросу о форме и размере присвоения прибавочного продукта. О том, что такого присвоения не могло не быть, говорит характер экономических и социальных отношений, сам факт формирования государственной власти. На существование разных повинностей указывают и источники, правда очень общо и подчас туманно. По случаю голода, как сообщается, Нинтоку освободил все население от отработок на три года (316 г.), а по истечении трехлетия оставил без внимания просьбу местных властей о возобновлении взимания дани и налога с поля (319 г.) [Nihongi, XI, 9—11]. В указе о реформах 646 г. говорится об отмене всех старых налогов, дани и отработок.

Тот же источник возводит происхождение этих повинностей к легендарной дате — к 86 г. до н. э., к правлению не менее легендарного Судзина: «...полагаю нужным провести новую регистрацию народа и ознакомить его с разрядами старшинства и с правилами отработки (этати)», а через полгода «начата перепись народа и по-новому установлена дань (мицуги). Она получила название: дань „с лука" (с мужчин) и дань „с пальцев" (с женщин)» [Nihongi, V, 15]. Несмотря на подтверждение другим источником факта введения даней [Kojiki, II, 68—6], вся ситуация маловероятна. Проведение регистрации, введение отработок, возможны лишь среди оседлого населения.

Упоминания двух видов повинностей (отработки и дани) встречаются в «Нихонги» и в последующих разделах. Значительно реже попадает упоминание о налоге с поля (татакара). Первая такая ссылка связана с сомнительной датой — 319 г. [Nihongi, XI, II], последующие — с V–VI вв. Однако ни слишком ранние даты появления отработки и дани, ни слишком поздние даты освоения налога с поля нельзя считать достоверными [Танаами, 1970].

На отработках трудилось население при прорытии оросительных и судоходных каналов, при копке водохранилищ и прудов, при насыпке курганов, строительстве крепостей и кораблей. Однако сами источники особенно часто связывают отработку не с этими общественными работами, немислимыми без привлечения большого числа людей, а с постройкой

походных резиденций и дворцов для членов царского дома, синтоистских и, позднее, буддийских храмов, царских мавзолеев [Asakawa, 1963, с. 93–94]. Контингент населения, привлекаемого на отработку, сроки и условия отработки неясны. Некоторые огромные курганы требовали годы труда большого коллектива людей. Сога Эмиси еще при жизни, в 642 г., «собрал все население страны, а также зависимых 180 корпораций и воздвиг два кургана в Имаки» [Nihongi, XXIV, 8]. В том же году царица Когёку привлекла население ряда областей для строительства судов и дворца.

Итак, отработки назначались царем, крупной знатью, вероятно, главами кланов и управляющими областями — в пределах подведомственных им регионов. Судя по случаю с Сога, для отработок привлекались и зависимые и свободные, по-видимому, на неопределенный срок, нужный для осуществления задуманного мероприятия, включая и работу на полях.

Дань, о которой мы упоминали выше (мицуги), первоначально представлена в «Нихонги» в весьма архаичном выражении. Нас же интересуют уже более развитые ее формы. Однако все дальнейшее развитие дани укладывалось в две большие категории: продукты питания и изделия ремесла. Специализированную продукцию приносили в дань корпорации зависимых. Каждая из них, очевидно, выдавала именно тот род продукции, который ей был свойствен, и тому хозяину, к которому они были приписаны. Однако размер такой дани неизвестен. Именно дань корпораций составляла наиболее заметную — по своей специфике, ценности, важности — часть доходов царского дома [Naoki, 1968, с. 13–15].

Прочее население, входившее в земледельческие корпорации, а вероятно, и крестьяне семейных общин, рядовые свободные члены мелких кланов вносили дань разными продуктами питания и изделиями деревенского ремесла (например, холстами). Высказанное предположение подкрепляется детальным исчислением в кодексе Тайхорё подати именно с этих категорий населения, очевидно заменившей прежнюю дань, а не просто впервые распространенной на эти слои населения (см. [Конрад, 1937, с. 64]).

Земельный налог, или налог с полей (татакара, тикара), легко связать с амбарами в царских владениях и на пахотных угодьях знати: к 535 г. относится упоминание о налогах с поля, получаемых с царского владения

[Nihongi, XVIII, 9]. Земельный налог вносился рисом и, похоже, принимал разные формы: подношений, платы за право обрабатывать землю. Кроме того, существовала и такая разновидность этого налога, как обязанность толочь рис. В 325 г. (?) источник впервые сообщает о создании царской корпорации крупорушников — усумэ-бэ [Naoki, 1968, с. 10–11]. Однако неизвестно, какая часть урожая изымалась для хранения в амбарах, а какая оставалась у работников. Может быть, работники имели свои участки, а урожай с угодий и владений шел целиком в царские и клановые амбары? Утверждают, что царь довольствовался лишь 3 %-ным налогом со своих владений [Aoki, 1974, с. 62].

Большая важность зерна как универсального продукта питания и всеобщего эквивалента стоимости при отсутствии других постоянных средств обмена как будто предопределяла самце широкие границы распространения налога с полей. Ведь именно зерно было тем всеобщим продуктом, который повсеместно производили в земледельческой стране и который легче всего было изъять и сохранить. Сообщается о том, что вождь клана Сога одним из первых обложил этим налогом дворы своего клана, жившие и работавшие в его земельных владениях (миякэ), хранил полученное зерно в особых амбарах и оплачивал им профессиональных воинов [Жуков, 1939, с. 9]. С другой стороны, к 7-му году правления Нинтоку (319?) относится жалоба управляющих областями: «Если в такое время не будет уплат налога с полей, дабы починить дворцовые постройки, мы опасаемся, что заслужим наказание неба» [Nihongi, XI, 11]. Здесь уже заключен намек на универсальную роль хлеба.

Как распределялись все эти отчисления, не совсем ясно. Налогообложение в виде троякого налога, взимаемого систематически с основной массы податного населения центральной властью, сложилось лишь к VIII в. В V–VII вв. налоговые поступления еще оставались объектом ожесточенной борьбы между несколькими группами привилегированного населения: царским домом, приближенными царя, местной знатью. Надо полагать, что в принципе доходы с царских владений и со всех категорий царских зависимых поступали в распоряжение царя, а доходы с пахотных угодий и с зависимых от кланов — главам этих кланов. Более сложен вопрос, кому платили налоги члены общин. По-видимому, в задачу управляющих областями, назначаемых царем, входило добиваться отчисления части ренты с этих общинников в пользу центральной власти. Последняя умело использовала отработки для укрепления своего бюджета

и подрыва принципа: местные доходы— местной знати. Назначаемые из центра отработки (под видом общественных нужд) оттягивали часть средств в пользу дома даря.

Эти новые идеи начали пропагандироваться в Японии через финансовые органы, находившиеся в ведении рода Сога. Еще в середине V в. они стали ведать казной и продукцией корпораций, в особенности новых, и царских владений. Поскольку источники доходов были разные, отношения Сога к производителям, естественно, выходили за рамки обычных патриархальных. Поэтому они и были не управляющими царскими корпорациями, а администраторами над производителями и опирались не на силу вождя клана, а на авторитет правителя Ямато.

Вторжение влияния Ямато на периферию в виде контроля над рабочей силой и землей поднимает вопрос об экономической структуре местной власти владетелей, в частности о соотношении между политической властью, хозяйственными достижениями и порядком землевладения.

Казна режима Ямато носила название «трех сокровищниц» (сандзо): в первой из них хранились ритуальные предметы синтоизма (имикура), во второй — дары, присланные от корейских государств и племенных объединений (утицукура), в третьей — ценности режима Ямато, полученные в счет дани и налогов (окура). Первые две сокровищницы по времени возникновения наиболее древние, но после 646 г. они утратили свое значение, зато более молодая (окура), возникшая в середине V в., доросла до понятия казны. При режиме Ямато попечителем «трех сокровищниц» являлась семья Сога, а учетчиками — фамилия Хата. Эта казна финансировала нужды управления.

Важной особенностью экономики Ямато надо считать ее натуральный характер. Несмотря на то что понятия собственности на имущество, владения землей и зависимыми в целом уже сложились, мы не встречаем четких сведений о купле-продаже рабов, зависимых, земли. Даже повседневный обмен, похоже, не отличался интенсивностью. В конце VI в. в крупнейших населенных пунктах существовали постоянные рынки. Но таких установлено всего восемь: при Одзине (270–310??) — 1, при Юряку (457–479) — 1, при Бурэцу (499–506) — 1, при Бидацу (572–585)—5 [Yazaki, 1968, с. 14–16]. Все они находились в Кавати и в Ямато. Хотя металлы, в том числе и драгоценные, упоминаются в «Нихонги» очень рано, нет ни

письменных, ни материальных свидетельств использования их как эквивалентов при сборе дани и налогов или в роли средств обмена, кроме изолированного сообщения о продаже в 486 г. меры риса за кусок серебра [Nihongi, XV, 22]. Впрочем, нет указаний и на использование каких-то иных средств обмена, без которых была невозможна хозяйственная жизнь. Функцию средств обмена исполняли рис (в зерне и снопах) и ткани.

При всей сложности экономических отношений режима Ямато: отчетливо вырисовывается неуклонное развитие частной собственности на имущество и на землю. Если на заре режима общинная собственность занимала ведущее положение, то скоро ситуация изменилась. Неравномерность хозяйственного развития отдельных регионов, выделение процветающих и отсталых районов и поселков в пределах одного региона — все это создало чисто хозяйственные предпосылки для более глубокой экономической дифференциации. Процесс носил универсальный характер, однако формы его воплощения приняли специфический вид, обусловленный всей совокупностью местных условий. Природная и хозяйственная сторона этих условий — распространение культуры риса и поливных полей как наиболее перспективного вида хозяйств — определила формирование сравнительно небольших, но прочных и замкнутых земледельческих общин, в которых коллективный труд и совместное владение занимали важное место. Без этого нельзя было создать и поддерживать ирригацию (не столько обширную, сколько сложную), бороться с половодьем, вредителями, потравками и пр. Однако хозяйственное развитие при таких условиях вело к соревнованию общин и к выделению из их числа общин привилегированных — кланов. Это выделение имело экономические корни, но испытывало воздействие и иных факторов: социальных, религиозных и т. п. [Kameda, 1960].

В этих кланах отношения собственности уже сильно утратили прежние общинные черты. Такой клан становился коллективным частным собственником полей, имущества, зависимых из корпораций. Площадь полей, первоначально принадлежащих таким кланам на общинных началах, расширялась за счет поднятия целины, присоединения земель менее удачливых общин. Но для обработки земель требовались люди. Сами рядовые свободные клана были не в силах обработать уголья, да и не всегда хотели этого, так как являлись членами богатого, привилегированного клана [Mitsubishi, 1966].

Поиски контингента работников представляли немалые трудности. За исключением окраин, инородное население островов было покорено. Сельские общины были тесно спаяны родством, культом и совместной собственностью на земли и разрушались с трудом. Оставалось два выхода, и оба они были использованы. Если община была слишком монолитна, ее пытались низвести в неравноправное положение, целиком превращая в корпорацию зависимых земледельцев (та-бэ). Если хотели создать ремесленные или иные профессиональные объединения, либо раскалывали общину, либо использовали умельцев, вышедших из общины. Но и в этом случае комплектовали новую общину, только уже корпорацию зависимых (бэ). Дальнейшее развитие клановой собственности привело к тому, что наиболее мощные кланы из окружения царя стали подминать кланы местной знати, обкладывая их данью, переселять на свои земли людей, входивших в ведение вождей кланов. Это встретило отпор со стороны местных вождей, связанных с общинами экономическими, социальными, духовными узами. Конфликт между центральной и местной властью привел к замедлению экономического развития, а это, в свою очередь, явилось причиной общественной и политической неустойчивости. В центральном правительстве конфликт принял форму борьбы за власть между ооми и омурадзи [Яран..., 1964, с. 17].

Укрепление коллективной частной собственности кланов оказалось лишь одной стороной развития принципа частной собственности. Та же неравномерность экономического развития в сочетании с привилегированным положением семьи, двора, лица — как обладателей званий, должностей или хотя бы простейших организационных и управленческих функций — приводила к выделению отдельных семей на положение наиболее сильных и богатых, хозяев. Этот процесс происходил и в кланах, и в общинах, но протекал по-разному.

В кланах наряду с коллективной клановой собственностью, которой фактически распоряжался глава клана, появилась личная собственность такого главы. Пример с Мононобэ Мория (вторая половина VI в.) тому яркое свидетельство. ДЗожди кланов становились владельцами пахотных угодий (тадокоро) и целых корпораций зависимых (какибэ), с которых получали ренту.

В семейных общинах сильная семья обычно на правах личной собственности- завладевала лучшими (железными) земледельческими

орудиями, приусадебными участками, домашними рабами. Увеличение числа таких дворов вынуждало власти переходить к подворной регистрации вместо существовавшего до этого управления ячейками не мельче поселков-общин. Семьи в сельских общинах экономически самоопределялись позже, чем в кланах.

Развитие царской собственности есть вариант трансформации собственности клановой, но на более высоком уровне. Наиболее полное выражение этот вид собственности получил в царских владениях (миякэ) и в царских корпорациях (томо-бэ). Царские владения в отличие от аналогичных владений знати в экономическом отношении представляли собой стройную триединую организацию, состоящую из царского поля (мита), из зависимых царского дома, которые работали на этом поле (та-бэ), из амбара (кура), куда свозили урожай с поля, и дани с соседних кланов. Царские корпорации были наиболее многочисленны, профессионально разнообразны, а главное, обладали исключительным правом включать в свой состав иммигрантов — людей, не связанных никакими кровными, родственными отношениями с местной знатью. Поскольку категория царских владений постепенно все более связывалась с такими неэкономическими представлениями, как военные, политические и т. п., это служило одним из стимулов для изменений в самой концепции владения. В 534 г. царский вельможа Отомо-но омурадзи заявлял: «Из всех земель нет ни одной, которая не была бы пожалована царем. И под небесами нет места, которое не было бы царским владением» [Nihongi, XVIII, 5].

К концу режима Ямато экономические отношения в своем развитии исчерпали все возможности, которые могло предоставить им устройство общества. Все удобные земли и другие формы собственности были уже освоены и поделены. Безграничное расширение царских владений стало невозможно, так же как пахотных угодий знати, без острого конфликта между этими двумя группировками и между ними обеими и общинами. Уже по одним только экономическим причинам оказалось невозможным уничтожение общин. Однако взимание прибавочного продукта, ренты старыми средствами перестало удовлетворять, а тем более распределение изъятого между привилегированными слоями. Форма натуральной дани скрывалась видом продукции ремесленных корпораций. Подневольные отработки своей неупорядоченностью нарушили нормальную хозяйственную жизнь. Налог с полей явно не давал центральной власти тех ресурсов, которые он мог бы дать при другой организации. А между тем

взимание налогов вызывало недовольство. К 469 г. относится упоминание о некоем разбойнике, который «нарушал законы страны, не платя налога с поля и дани» [Nihongi, XIV, 36]. Такое полностью натуральное хозяйство не развилось даже до денежной системы.

Кризисное состояние хозяйства охарактеризовано в царском указе 645 г., возможно, в выражениях, отредактированных позднее: «Ныне оми и мурадзи, управляющие царскими корпорациями (то-мо-но мяцуюко) и управляющие областями (куни-но мяцуюко) на-перебой выделяют собственных зависимых, вынуждая их работать ради собственной прихоти. Более того, они отрезают горы и озера, леса и равнины, водохранилища и рисовые поля, принадлежащие областям и округам, и присваивают их. Свары между ними не прекращаются. Некоторые прирезают себе десятки тысяч сиро рисовых полей, тогда как другие не имеют участка земли, чтобы воткнуть иголку. Когда наступает время уплаты налогов, оми, мурадзи, управляющие царскими корпорациями сначала собирают для себя и лишь после этого передают часть [царю]. При ремонте дворцов и насыпке курганов они употребляют своих собственных зависимых и заставляют их работать сколько придется... Сильные захватывают землю и воду и, превратив их в частную собственность, продают народу, требуя ежегодных выплат...» [Nihongi, XXV, 12–13]. Обращаясь к принцу, царь жаловался: «Корпорации царских именных кормильцев, созданные в правление предшествовавших царей, ныне оказались в собственности оми, мурадзи, управляющих областями и корпорациями» [Asakawa, 1963, с. 259].

Прелюдия реформ Тайка

Используя материалы подворных списков начала VIII в., можно систематизировать сказанное в предыдущих разделах главы и выделить несколько стадий в развитии режима Ямато, каждой из которых соответствуют свои особенные социальные, политические и экономические отношения [Кадоваки, 1960, с. 170–171].

На первой стадии процветала домовая патриархальная община, основу которой составляли дворы. Хозяевами дворов становились племянники главы общины по мужской линии. В каждом небольшом дворе сохранялись

определенные родственные связи и зарождалась тенденция к моногамии. В качестве основного земельного собственника выступала патриархальная домовая община. Иная индивидуальная собственность была еще очень незрелой, поэтому сохранялась необходимость совместного труда (и в значительном масштабе) для подъема целины, планировки полей, устройства орошения. В таких условиях общинная собственность служила базой земледельческого поселка.

На второй стадии общественная структура изменилась мало. Однако строгая патриархальность была выражена несколько слабее. Отдельные дворы возглавлялись братьями, племянниками или дядьями главы общины по женской линии. Разумеется, это явление неравнозначно возврату к матриликальности. Оно знаменует расширение социальной базы патриархальной общины. Таковой оказалась общественная структура у покоренных общин, уже узнавших классовую дифференциацию, ко времени перехода их под начало управляющих областями режима Ямато. Хотя основным коллективным земельным собственником оставалась община, в результате классового расслоения в общине сильные семьи начали претендовать на руководящее положение, создавать корпорации зависимых и захватывать в свои руки общинную собственность.

На третьей стадии в домовой общине ведущее место заняла семья, обычно моногамная, во главе которой стоял брат главы общины. Впрочем, эта семья не особенно велика, не полностью самостоятельна и включала приемных и зависимых сочленов. Эта стадия, как полагают, лучше всего представлена общинами Северного Кюсю, покоренными режимом Ямато. После мятежа Иван (527 г.) развитие общины приняло плавный характер. В результате повышения в общинах удельного веса семей, возглавляемых братьями главы общины, укрепления моногамного начала создались благоприятные условия для развития частной собственности. Противоречия между общиной и личной собственностью обострились, но конфликт снимался или откладывался процессом концентрации полномочий в руках знати — обладателей званий.

Наконец, на четвертой стадии патриархальная домовая община превратилась — по японской терминологии — в древнюю семью, она стала хозяйственной и общественной самостоятельной ячейкой. Типологически эти семьи сильно различались. В результате укрепления патриархальных тенденций уже в каждом дворе (на новой основе) ускорился раскол единой

прежде большой семьи на свободную моногамную и на зависимую (рабскую). Это основной вариант структуры крупнейших кланов на службе у царя (например, клана Оми в Идзумо). В ходе развития отношений зависимости (в том числе рабовладельческих) внутри дома и паразитических привычек сильных патриархов общинные связи в VIII в. изменились. Вследствие роста индивидуальной частной собственности в каждой семье общинная собственность стала пережитком. Отношения угнетения и порабощения оказались несовместимыми с общинными. Поэтому произошло выделение из общины зажиточных семей, в частности семей удачливых ремесленников, членов управленческого аппарата, носителей культурных и ритуальных функций.

К этим четырем последовательным стадиям, имеющим более или менее всеобщее распространение, можно добавить два локальных варианта. В первом случае семья приобрела вид патриархальной общины, преимущественно того типа, в котором братья главы общины становились главами дворов. Более дробные варианты форм семьи обусловлены чисто местными условиями. Из-за выраженной локальности естественных условий развитие политических форм запаздывало и в отдельных районах было представлено группировками вокруг владык округов. В такой общине группа мощных патриархов как правящая группировка низводила общину на подчиненное положение. Право общинной собственности на землю на деле попадало к группе патриархов. Во втором случае патриархальная домовая община сохраняла тот же облик, что и в первом случае, но в ней появились моногамные семьи. Однако последние из-за их зависимости от пережиточной мелкой домовой общины отличались сильной застойностью. Такая структура, по-видимому, была характерна для зависимых из числа иммигрантов (хата). Как и в первом случае, крах общинных отношений задерживался из-за локальности местных условий. Однако частная собственность в этой структуре уже занимала центральное место, хотя из-за того, что развитие моногамной патриархальной семьи осложнялось пережиточной системой отношений домовой общины, разложение общинной собственности выступало неотчетливо.

Трансформация категории зависимых (и особенно рабов) в этих условиях проходила следующие стадии: развитие патриархальных отношений внутри общины — появление внутри общины зависимых и рабов, находящихся в общем владении, — переход общинных зависимых и рабов в состояние домовых, принадлежащих главе общины, — развитие

категории патриархального домового рабства и зависимости.

Такие перемены происходили в социальном, политическом статусе семейной земледельческой общины, которая постепенно, но твердо становилась массовым самостоятельным производителем. Наиболее существенные признаки нового статуса такой семьи: ослабление общинно-клановых связей и усиление патриархально- семейного начала, выход семьи из-под действия прежних форм организации и подавления (клановых, общинных, примитивно-административных), ее относительная экономическая самостоятельность как собственника орудий и средств производства — все это находилось в вопиющем противоречии со всеми сторонами только что описанного общества Ямато.

Клановая система (система удзи) уже работала исключительно на самосохранение, рядовые члены кланов либо стали несвободными членами корпораций, либо создали собственные хозяйства. Главы кланов теряли патриархальную власть над членами кланов и превратились в лиц, на началах частной собственности владеющих зависимыми, рабами, землями и имуществом. Эти зависимые постепенно теряли корпоративную сплоченность. Владение ими ликвидировало последний налет былой патриархальности. Они откровенно принадлежали своим владельцам и обязаны были исполнять отработки и вносить дань произвольного размера и характера. Это не только вызывало их естественное недовольство, но и входило в противоречие как с декларированным, так и с реальным их статусом: они не считались рабами, но норма эксплуатации не была определена; они входили в ведение представителей центральной власти — управляющих корпорациями и областями, но на деле это сводилось к двойным поборам; несмотря на свое зависимое положение, они сохраняли право на личное хозяйство. Общественные группировки режима Ямато, разделенные различным отношением к орудиям производства и к земле (одни владели и тем, и другим на основах частной собственности, другие владели лишь личным имуществом, третьи не имели и этого и сами считались чьей-то собственностью), а также к личной свободе (одни обладали свободой и богатством, другие одной условной личной свободой, третьи не имели ни того, ни другого), все отчетливее приобретали черты классовых.

Структура управления, как бы она ни подновлялась, не оправдывала возложенных на нее задач. Она была рассчитана на использование

полупатриархального авторитета местных вождей кланов в целях организации рядового и зависимого населения, но эти вожди в значительной мере растеряли этот авторитет. Возможности прямого вмешательства центральной власти в местные дела были ограничены. Лишь к концу режима центральная власть частично включила общины (поселки) в сферу своего влияния, но не имела в своем распоряжении для руководства ими сколько-нибудь разветвленного аппарата (особенно местного). По сути дела, оставалось незыблемым (во всяком случае, в теории) положение о том, что рядовое население подчинено кланам и лишь последние — непосредственно царю и его окружению, причем на весьма расплывчатых и никогда не формулирующихся условиях.

Если эти формы организации и управления оправдывали себя в патриархально-родовом обществе, то в условиях вызревания классовых антагонистических отношений — между знатью и рабами, знатью, свободными и зависимыми, рядовыми свободными и рабами — они оказались явно непригодными. Прежний статус этих категорий населения решительно изменился, а вернее сказать, сложились совершенно новые категории, на иной, уже классовой основе. И для их управления и подавления требовались совсем другие формы власти.

Решительный отход от коллективных форм собственности (клановой, даже общинной), появление и укрепление личной и частной собственности отдельных лиц и семейств на орудия производства, имущество, землю изменили экономическую базу режима Ямато. Особенно важное значение приобрела перемена отношения к земле. Наряду с остатками общинных владений по всей стране распространились царские рисовые поля и владения; пахотные угодья знати, принадлежащие им на правах собственности; земли, оказавшиеся во владении управляющих областей, владык округов и храмов; наконец, участки свободных крестьянских семей, находящиеся, в их личной собственности.

Присвоение прибавочного продукта господствующими классами и центральной властью, однако, сохраняло прежние патриархально-клановые формы. Оно оставалось исключительно натуральным. Господствующие классы по традиции злоупотребляли непосредственным присвоением личного труда населения в форме отработок, не смогли создать дифференцированной шкалы продукции, сдаваемой в счет подати, оказались беспомощными при введении налога с полей. Последний

появился, как представляется, сравнительно поздно, так как земля по традиции долго считалась общей и не подлежала прямому обложению. Налог не был детально регламентирован, несмотря на то что именно он должен был давать основную массу изымаемого прибавочного продукта. Не существовало и четких правил дележа изъятого между центральной властью, местным аппаратом и знатью. Иными словами, углубление классового расслоения и развитие частной собственности на землю и имущество вошли в противоречие с общественной системой, покоящейся на местных кланах, с организацией управления, рассчитанной на авторитет глав этих кланов, с экономической базой, знавшей один вид собственности — коллективный и одну основную форму изъятия общественного продукта — натуральную и нерегулярную.

Эти коренные противоречия общества Ямато проявлялись через события, связь которых с их корнями в ту эпоху либо не ощущалась, либо ощущалась опосредованно. За пределами страны, на Корейском полуострове, японское влияние катастрофически падало. Ямато не только утратило там свои владения, зоны влияния, своих союзников-«вассалов», но и стояло перед угрозой возможного вторжения. Связи с Китаем не приобретали ожидаемой стабильности. Внутри страны не прекращались неурядицы. Перед каждым новым царствованием начиналась схватка могущественных кланов. В 592 г. член одного из таких кланов — Сога — открыто, руками китайского иммигранта, осуществил убийство царя Судзюна и возвел на престол Суйко [Китаяма, 1962, Введение].

И без того слабая центральная власть оказалась дезорганизована непомерным усилением дома Сога. В 623 г. Сога Умако пытался захватить в личную собственность владения в Кацураги, принадлежащие царскому дому, но царица Суйко сумела устоять перед домогательствами своего дяди. В 642 г. Сога Эмиси открыл собственный храм предков, стал возводить для себя и для сына усыпальницы, которые стали называться царскими. На работы при этом сгонялись и свободные, и зависимые из царских корпораций. В 643 г. дом Сога присвоил себе право жаловать звания, а в 644 г. построил себе дворцы царского типа [Asakawa, 1963, с. 143–145]. Дело подходило к смене династии.

Но суть кризиса заключалась не в смене династии, а в оживлении центробежных сил, в узаконенном существовании нескольких лагерей в стране, находящихся между собой в постоянной и ожесточенной борьбе.

При слабости аппарата управления это приводило к глубокой и всесторонней дезорганизации общества. Любое из ряда вон выходящее событие сразу же и надолго нарушало ритм жизни. Так, в 626 г., когда разразился голод, люди ели траву и умирали на дорогах, усилились разбойничество, которое не могли пресечь, бегство крестьян из сел [Murdoch, 1910, с. 128]. Недовольство охватило широкие и разные слои населения и, как полагают, отразилось в источниках в виде борьбы между вождями кланов [Конрад, 1937, с. 74], в еретических движениях. Примером последнего может служить случай, происшедший в 644 г. Некий Охофу-бэ-но Охо, т. е. человек по имени Охо из корпорации Охофу, живший в Тогоку, вместе со своими односельчанами стал поклоняться некоему насекомому, именуя его воплощением божества вечного мира. Своим последователям он обещал богатство и вечную молодость, и те стали бросать свое имущество, дома, скот, хозяйство, надеясь на скорое обогащение. Движение перекинулось на другие области и ставку царя. Как сообщает летопись, «потери и опустошения были чрезвычайны». Наконец, глава секты был убит одним из чиновных сторонников режима. Важно отметить два момента: прекращение трудовой деятельности и уравнивательные идеи (хотя и в форме всеобщего обогащения), вызвавшие естественную ярость властей [Nihongi, XXIV, 20].

Непосредственные причины кризисной ситуации в известной мере были доступны взору наиболее прозорливых современников. Дом Сога еще со второй половины VI в. предпринял некоторые шаги по стабилизации режима. Борьба клана Сога (ооми) за единоличное влияние в окружении царя, разгром в конце VI в. клана Мононобэ (омурадзи) и поддерживавших его кланов объективно привели к большей концентрации центральной власти: в ставке царя резко упало значение одного из двух крупнейших кланов — носителя звания омурадзи, а на местах понизился авторитет ряда крупных глав кланов. Сога укрепили дипломатические связи с материком, способствовали расширению царских владений и созданию «казны», которая находилась в их непосредственном ведении [Китаяма, 1966, с. 11–17].

Сога принадлежит ведущая роль в принятии буддизма, который проник в Японию за несколько десятилетий до 552 г. — даты его официального обсуждения. Конечно, буддизм исповедовало большинство переселенцев, по крайней мере с начала VI в., но для знати Ямато, подкреплявшей свою власть ссылками на свое происхождение от местных

духов, он казался опасным. Его пригодность для укрепления царской власти сначала не поняли даже лица, непосредственно заинтересованные в укреплении администрации. Клан Мононобэ, во всяком случае, проглядел такую возможность и заплатил за это своей гибелью. Клан Сога оказался прозорливее и как сторонник буддизма сразу же заручился поддержкой корпораций иммигрантов, в большинстве своем буддистов.

Некоторые авторы указывают, что приход к власти дома Сога в какой-то степени был обеспечен обещаниями освободить зависимых иммигрантов — их вернейших соратников, провести реформу управления, закрепить за крестьянами владение личными участками [Конрад, 1937, с. 82]. Если это так, то своих обещаний Сога после победы не выполнили. Более того, чем дальше, тем сильнее клановые соображения заслоняли у Сога интересы режима Ямато в целом. Придя к власти в качестве сильнейшего клана, Сога провели лишь частичное упорядочение существовавшей уже системы. По логике развития событий в дальнейшем им оставалось заботиться об укреплении положения своего дома, которое становилось все более ненадежным, причем опираться на наиболее консервативные силы: на тех же местных глав кланов, на грубую силу малокультурных племен — айнов (эдзо, эмиси), на некоторые корпорации иммигрантов, наконец, на личные военные отряды. Естественно, что в недрах режима Ямато вызревали силы, которые по-иному, чем Сога, надеялись разрешить проблему, хотя зародились и действовали они в период господства дома Сога.

Начиная с VII в. японские правители все чаще стали оглядываться на китайские политические идеи, административную практику, правительственные институты. Объединение Китая династиями Суй и Тан после 400-летнего разброда, несомненно, произвело на правителей Ямато сильное впечатление. В свете этого китайская политическая и идеологическая система стала казаться образцовой и безотказной в любых ситуациях. У лидеров режима Ямато крепло убеждение, что коренное различие между Китаем и Ямато (не в пользу Ямато) и заключалось в непревзойденной системе организации всех сторон жизни, достигнутой в Китае. Эта система казалась прямо приспособленной для построения организованного общества с крепкой центральной властью, лишенного и признаков клановых неурядиц.

К фундаментальным аспектам этой — системы надо отнести новую

концепцию государства и новую религию — буддизм. Новая концепция государственного устройства выступила в виде теории универсального государства, развитой в Ямато принцем Сётоку-тайси в пору его регентства (593–622). Термин «универсальное государство» прилагается к такому образованию, правительство которого верит в существование универсальных законов, в своей осуществлении не зависящих от времени, места, этнической среды. Считалось, что они могли быть проведены в жизнь даже тогда, когда речь идет об исконно враждующих народностях, принадлежащих, однако, к одному культурному кругу, которые ликвидируют в ходе этого процесса свой антагонизм и образуют единый организм. При политическом и военном объединении, как считалось, происходит следующее. К власти приходит сильный правитель, который распространяет свою власть над всей единой территорией и образует собственную династию, при этом он опирается на идеологию, способную объединить и сплотить все население, а духовным базисом для такой идеологии служит универсальная мировая религия, основные положения которой доводятся до сведения населения путем деклараций или указов власти.

Разумеется, классификация принципов, составляющих эту теорию, и способ их выражения принадлежат современным ученым. Они также отмечают, что политические и культурные ситуации, соответствующие концепции «универсального государства», появляются на аналогичных этапах истории в разных странах; при Ашоке в Индии (III в. до н. э.), при Сётоку-тайси в Японии (VII в.), при Сонгцэн-гампо в Тибете (VII в.), при У-ди династии: Лян (VI в.), при Вэнь-ди династии Суй (VI в.) в Китае [Nakamu-га, 1969, с. 1–2].

Приложение на практике новинок политической и религиозной мысли, разумеется, приняло непростые формы: одни из них связаны с основами новой идеологии более заметными нитями, другие — незаметными. Одной из таких новинок, которая впоследствии приобрела особую важность, оказалось понятие о праве, законности: как о категории политико-юридической, отсюда — о «правовом государстве», которое, как считалось, воплотилось в Японии начиная с VIII в. на базе уголовных и гражданских законов «рицурё».

Умаядо, или Сётоку-тайси, оказался тем лицом, которому японская историография приписывает чуть ли не единоличное осуществление целой

серии новаторских мероприятий, ставших предтечей грядущих реформ Тайка. Разумеется, Сётоку-тайси не был совершенно одинок в этих начинаниях. Почти на 30 лет с 593 г. дела Ямато перешли в руки Сётоку — тайси и Сога Умако (ооми). Именно в эти годы сложилась концепция суверенитета правителя Ямато. В ряде случаев оба они действовали заодно, например, при разгроме клана Мононобэ в 587 г., при издании указа о покровительстве буддизму в 594 г. (ср. [Лим Чонсан, 1967(1), с. 21–23]).

Обычное племенное право в Японии состояло из интерпретации воли богов и осуществления правосудия согласно этой воле и — практически — традиции. Позднее в характеристике царя Бурэцу (499–506) появились другие намеки: «Он уважал уголовные законы и был сведущ в законодательных актах» [Nihongi, XVI, 1]. Правда, сама фраза взята из «Хоу Хань шу», но появление ее в «Нихонги» симптоматично. В VII в. важной вехой правовой мысли стали «Законоположения» Сётоку-тайси. В них тоже встречаются целые выражения, заимствованные из «Шан шу» (II в. до н. э.), «Лунь юя», «Цзо чжуаня», «Ли цзи», «Ши цзи», «Хань шу» и др.

По своему рождению Сётоку-тайси был наследником престола, а по занимаемому посту — регентом или соправителем (593–622). Раньше эти функции входили в обязанности старых оми и мурадзи. Уже в этом изменении должностного положения наследника заключались ущемление прав оми и мурадзи и дальнейшая концентрация суверенной власти в руках царского дома [Нюмон..., 1958, с. 47–48]. Свою государственную деятельность Сётоку-тайси начал, работая рука об руку с Сога. Сётоку-тайси попытался вернуть для Ямато его бывшее владение Мимана и с этой целью в 597 г. отправил в Силлу посольство, в 600 г. послал против Силлы войска, а к династии Суй — послов, в 602 и 603 гг. командировал членов правящего дома в действующую армию. Однако успеха эти меры не имели. В 607 г. Сётоку-тайси приступил к мирным переговорам и открыл прямые сношения с суйским Китаем.

Потерпев неудачу в военной экспансии на Корейском полуострове, частично компенсированной упрочением дипломатических связей с Китаем, Сётоку-тайси обратился к внутренним делам. В 603 г. он ввел систему 12 придворных рангов, дав в руки правителя средство отстаивать свои интересы в делах управления. В названиях рангов фигурировали конфуцианские добродетели. В отличие от клановых званий ранги

жаловались центральной властью определенному лицу за личные заслуги и на время службы. Система рангов предполагала продвижение служащего вверх по лестнице рангов по мере нарастания его служебных заслуг. Клан Сога оказался в лагере противников новой табели о рангах уже и потому, что его члены получили по ней лишь 4-й ранг и ниже. В результате сопротивления кланов удалось ввести табель о рангах лишь в Кинай и прилегающих областях, но этим было положено начало переходу центральной власти на новые принципы установления иерархии ее окружения.

Следующим шагом по новому пути стали знаменитые «Законоположения в 17 статьях» (604 г.). В них политические идеи изложены в форме моральных заветов. Это, в сущности, не политико-правовые положения, а религиозные и этические основы для таких положений. Это подтверждается и порядком статей. Среди многочисленных сентенций религиозно-этического характера как бы вкраплены единичные и не очень конкретные политические наставления. В отличие от законов Ашоки и Сонгцэн-гампо, рассчитанных на широкие круги населения, «Законоположения» Сётоку-тайси обращены к государственным деятелям, к представителям исполнительной власти, наконец, к местным главам кланов.

Основными заветами, проповедуемыми Сётоку-тайси и оказавшими наиболее осязаемое влияние на реформаторское движение, оказались следующие [Pirron, 1935]. Поскольку объединенное государство невозможно без слияния кланов, ст. 1 говорит о гармонии, согласии в буддийском их понимании. Безусловно, противостояние кланов имеет в виду статья 15, ратующая за служение общему, а не личному. «Законоположения» разделяли все население страны на три группы: правителя, вельмож и народ. Причем правитель рассматривался как единоличный суверен, даже не как глава царского дома (ст. 12), вельможи — как чиновники, а народ — как подчиняющаяся масса. Положение суверена по отношению к двум нижестоящим категориям четко не уточнялось, равно как и меры, которыми предполагалось реализовать эти идеи «Законоположений». Но в тексте «Законоположений» можно найти намек на оппозицию «правитель — подданный», а это противоречило духу клановой системы (ст. 9). В соответствии с китайским учением о государе «всеобщий закон» провозглашен основой порядка (ст. 4, 5), а государь — его выразителем. Именно в качестве такового он имеет право требовать от

своих чиновников беспрекословного повиновения (ст. 3). Целая серия статей развивает эту мысль, определяя конкретные стороны деятельности этих чиновников как основы аппарата управления (ст. 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14). Рассуждения о характере власти и формах ее осуществления завершаются многозначительной оговоркой о советниках как необходимом условии правильного решения важных дел (ст. 17). Сётоку-тайси отвергает деспотическую власть в принципе: «Дела не должны решаться единолично государем». Эта идея связана не столько с синтоизмом (коллективные собрания), сколько с конфуцианством (идея консультаций).

Сётоку-тайси понял: усвоить выдвинутые им положения носители традиционной религии не могли — синтоизм был идеологией клановой системы, а для того чтобы управлять своими действиями в новых условиях, люди нуждались в новой религии. Эту роль Сётоку-тайси предназначал буддизму — опоре в борьбе со злом (во всех формах его проявления). В отстаивании буддизма можно видеть и внешнеполитический расчет — предстать перед корейскими государствами страной с одинаковой религией. В выражениях, заимствованных из конфуцианских книг, в «Законоположениях» осуждались клановые междоусобицы, обосновывалась идея древнего государства — империи, — управляемого божественным сувереном с помощью вельмож-чиновников, разрабатывались основы этого государства, покоящегося на казенной земле и государственных подданных (а не на частных владениях и зависимых людях). «Законоположения» были направлены прежде всего против клана Сога, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти отнюдь не на основании принципов «Законоположений».

В 620 г. Сётоку-тайси, как утверждает традиция, составил «Записки о государях», «Записки о стране», «Основные записки» оми, мурадзи, томо-и куни-но мяцуюко, 180 бэ и свободного люда («Ку-дзики»). Они свидетельствовали о наступлении новой стадии национального самосознания. Идея единоличного правителя нашла в записях дальнейшее развитие. Похоже, в этой истории впервые в Японии претворилась Китайская идея «революции года синью», 9-й год правления Суйко (601 г.) стал именоваться годом синью и от этой точки стали вести летосчисление в оба направления.

Сётоку-тайси поставил перед собой задачу ввести страну в древнее общество Восточной Азии, упорядочив ее экономическое и культурное

положение и социальный уклад, укрепив реальную мощь режима. Для этого было необходимо примирить враждующие группировки внутри страны, заимствовать материальную культуру континента и, конечно, упрочить политическую систему. Последнее было невозможно без новой бюрократической системы, заменяющей разрушающееся клановое отношение, без упрочения власти царя как суверена. На это и была направлена политика Сётоку-тайси. Приступая к нововведениям, Сётоку-тайси имел перед своими глазами пример трех государств Корейского полуострова, произведших важные изменения по образцу «северных и южных династий» Китая (420–589) и династии Суй.

Первая половина VII в. прошла под знаменем зарождения движения в пользу конструктивных перемен. Однако это движение не было единым. Клан Сога стремился, введя кое-какие новшества, сохранить в основном прежнюю структуру режима Ямато. Сётоку-тайси и другие шли в своих замыслах дальше и, вдохновляясь китайским примером, настаивали на более глубоких изменениях, призванных изменить облик режима. Соперничество двух направлений сказалось на непосредственных результатах отрицательным образом. И хотя за программой Сётоку-тайси оказалось историческое будущее, ему удалось лишь подготовить почву к подлинным реформам — реформам Тайка. Для того чтобы последние организационно сделались возможными, потребовались полная дискредитация политики Сога, возвращение из танского Китая школяров и паломников — живых свидетелей происходящих там событий и потенциальных реформаторов, образование спаянной группы людей, объединенных единой целью и способных осуществить нововведения.

Ямато во второй половине VII в. Реформы Тайка

Внутри — и внешнеполитическое положение

Реформы Тайка были подготовлены всем ходом исторического развития. Оно же создало условия для появления реформаторов. Душой реформ был принц Нака-но Оэ, хотя он и занял трон не сразу после переворота, а много лет спустя. Именно он подал пример остальной знати, демонстративно отказавшись от своих частных земельных владений (миякэ). Его влияние было огромно. Так, когда в 653 г. он задумал вернуть столицу в Асука и натолкнулся на отказ императора Котоку, он с частью императорской семьи самовольно переехал туда, и все чиновники последовали за ним. Удрученный Котоку подумывал об отречении.

Другой, бесспорно, крупный деятель этой эпохи — Накатоми-но Камако (впоследствии Фудзивара Каматари) — после переворота получил пост министра двора (найдайдзин), но, похоже, стал играть первую роль лишь с 662 г., после воцарения Нака-но Оэ [Кай- ондзин. 1959, с. 279–316].

Фудзивара Каматари

Необходимо отметить также китайского священника Мина (Вина) и ученого Такамуко-но Куромаро, получивших в 645 г. при воцарении императора Котоку звание «национальных ученых». Мин приехал из танского Китая в 632 г. Такамуко-но Куромаро уехал учиться в Китай в 608 г., где пробыл до 624 г. В 646 и 647 гг. он ездил послом в Корею, а в

654 г. — в Китай. Проект формирования шести палат и других учреждений центральной власти был подготовлен ими к 649 г. Этой четверке принадлежала роль застрельщиков и наиболее активных деятелей реформ [Asakawa, 1963, с. 261–263].

Посадив на трон нового императора, Котоку (645–654), «партия реформ» приступила к действиям. Немедленно были созданы новые должности трех министров, впервые в стране введена присяга на верность, провозглашено принятие китайского счета лет по девизам годов правления — первым таким девизом стали «Тайка» («великие реформы») ^[51]. Через месяц было объявлено о назначении губернаторов в Восточные провинции, выработан наказ. Членам корпораций разрешалось обращаться с жалобами к правительству и государю. Был уточнен статус свободных и несвободных, а буддийская церковь поставлена под защиту государства.

Уже первые шаги реформаторов вызвали оппозицию. Принц Фурубито-но Оэ, ряд членов дома Сога, Ямато-но Ая и другие подняли мятеж, но были разгромлены, а принц — зачинщик и глава восстания — казнен вместе со своей семьей [Nachod, 1929, с. 25–27]. Эта победа окрылила реформаторов. Проведя в ходе подавления мятежа разоружение кланов и нанеся им дополнительный удар воспрещением расширять земельные владения и увеличивать поборы, они подготовили манифест о реформах, который и был объявлен с наступлением 646 г.

Реформы должны были затронуть четыре большие сферы деятельности (соответствовавшие пунктам манифеста): 1) упразднились частные владения и частнозависимые категории населения и вводилась система государственных земель и государственных подданных — «граждан» (комин). Однако знатным вождям кланов жаловались дворы в кормление (хэйто), а прочим вождям кланов давали компенсацию натурой. Пожалование «дворами в кормление», хотя и отличалось от прежнего частного владения зависимыми (каки-бэ), все же сохраняло и увековечивало привилегии знати и в этом пункте нарушало сам принцип превращения земель и людей в государственных; 2) вместо прежних «земель» (областей, округов и т. п.) вводилась новая административно-территориальная система — система провинций и уездов, которая должна была стереть из памяти границы старых владений, функции прежних управляющих — местных глав кланов; 3) вводилась надельная система

(хандэн), а в качестве подготовительных мероприятий для ее осуществления предусматривалось составление подворного реестра и росписи налогов, периодически (раз в пять-шесть лет) обновляющихся; 4) устанавливалась система тройного налога для держателей наделов [Кокка..., 1954, с. 200–202].

Традиционная японская историография считает обнародование манифеста началом эры реформ. Однако доказательства фактического воплощения в жизнь всех провозглашенных реформ именно в середине VII в. оказались весьма шаткими. Это вызвало у ряда ученых сомнения как в существовании самого манифеста, так и в аутентичности дошедшего до нас текста. Наиболее строгие критики находят манифест неоригинальным и составленным задним числом на материале кодексов Киёмихарарё и Тайхорё, причем допускают, что некоторые куски из этих двух кодексов без особых изменений перекочевали в манифест [Yagi, 1965]. Другие — и их большинство — подходят к оценке оригинальности манифеста более осторожно [Inoue, 1964]. Они отмечают, в частности, что манифест о реформах — ценный источник для изучения целей государственной реформы, так как он представляет схему новых государственных учреждений: от центральных до местных.

Наиболее ранний вариант манифеста находится в «Нихонги», которые были составлены почти на полвека позднее, что заставляет вернуться к вопросу об аутентичности текста. Сравнительный анализ «Нихонги» и «Кодзики», проведенный Цуда Сокичи, показал, что начало каждого из четырех пунктов манифеста довольно достоверно передает оригинальный текст, но последующие фразы — раскрытие постулатов — заимствованы из кодекса Омирё (668 г.) и исправлены либо по Киёмихарарё (689 г.), либо по Тайхорё (701 г.). Суть оригинальной версии манифеста по удалению наслоений клонится к тому, что реформаторы стремились усилить центральное правительство за счет местных правовых институтов, сложившихся отчасти под влиянием институтов китайских (до Суй и Тан) и корейских (трех государств). Существование же заимствований и поправок означает, что воплощение реформ в Японии произошло несколько позднее, когда велось составление кодекса Тайхорё.

В том же, 646 г. по инициативе Нака-но Оэ была проведена кампания за «добровольный» отказ клановой знати от прав на частные владения — земельные и людские. Сам Нака-но Оэ показал пример, отказавшись в

пользу императора от 524 человек именных кормильцев и 181 царского владения (миякэ), обосновывая свое решение недопустимостью в империи иной формы зависимости населения, кроме императорской, т. е. государственной.

Воспользовавшись внутренними трудностями режима Ямато, Силла в 646 г. перестала вносить дань за Мимана. Не желая отказать от участия в корейских делах, Ямато решило поддержать Пэкче в войне с Силлой и с 651 г. начало строить большой флот.

В плане осуществления реформ в 652 г. началась подготовка к проведению переписи податных дворов и к введению наделной системы. К 653 г. относится возврат столицы из Нанива (с 646 г.) в Асука, вызвавший конфликт между Котоку и Нака-но Оэ.

В послетайковское время упрочилось новое наименование страны— Япония (Нихон). Оно появилось за пределами страны — по-видимому, впервые в Корее — примерно в 620 г., но лишь около 670 г. официально употреблено в грамоте одного из корейских царств, а в 672 г. — в китайском послании.

В 654 г. император Котоку умер. Объявленный наследником Нака-но Оэ предпочел остаться в тени и еще раз отказался занять престол, и тогда к власти вернулась мать покойного, бывшая императрица Когёку, известная теперь под именем Саймэй (655–661). Императрица отличалась любовью к пышным дворцовым сооружениям и воспользовалась возможностью удовлетворить эту свою любовь. В 656 г. 100 тыс. человек отработывали на постройке нового дворца, выполняя различные сложные и тяжелые работы (постройка канала для сплава строительного камня, добыча камня в каменоломнях, возведение стены вокруг дворца и самого дворца). Тягостный труд вызвал значительное недовольство. Этим недовольством воспользовались оппозиционно настроенные кланы. В 658 г. Сога Акаэ — оплот старой знати — возглавил заговор и привлек на свою сторону сына Котоку, принца Арима. Однако заговор был раскрыт, и многие заговорщики, были казнены (правда, зачинщики избежали наказания) [Nachod, 1929, с. 30–32].

В 658–659 гг. морские экспедиции под командованием Абэ-но Оми на 180 судах покорили эмиси, живших в районах Аита и Нусиро (в пров.

Этиго). В 660 г. тот же флотоводец, уже на 200 судах, воевал с эмиси в Митиноку. Последняя экспедиция оказалась наиболее тяжелой. Она не кончилась, как в прошлые годы, по уверению летописца, «добровольным» изъявлением лояльности уstraшенного врага. Дело дошло до ожесточенного сражения, после проигрыша которого оставшиеся в живых эмиси закололи своих жен и детей [Sansom, 1958].

После того как танская династия в 660 г. уничтожила Пэкче, один из сыновей царя Пэкче нашел приют в Японии. В 661 г. пэк- чийцы восстали против танского господства и обратились к Японии с просьбой отпустить на родину принца и оказать им военную помощь. Первую часть просьбы было легко выполнить, но подготовка экспедиционной армии требовала времени. С целью ускорить подготовку императрица Саймэй переехала на о-в Кюсю, но там внезапно умерла. Принц отбыл в Корею с войском [Лим Чонсан, 1967 (II), с. 33].

То ли из-за надвигавшейся войны, то ли вследствие наступившей внутренней стабилизации, но смерть Саймэй не вызвала борьбы за престол. Имелась лишь одна бесспорная кандидатура, и к власти пришел Нака-но Оэ. Но он остался верен себе и до 668 г. правил как наследник, после чего официально занял престол под именем Тэнти (662–671). Впрочем, на этот раз решение Нака-но Оэ, возможно, вызывалось войной. Еще в 662 г. Когурё тоже обратилось за помощью к Японии. Нака-но Оэ находился неотлучно на Кюсю, подготавливая экспедиционную армию. В 662 г. он пытался перебросить на помощь Пэкче около 27 тыс. солдат и нанести удар Силле, но японский флот потерпел поражение от китайского и потерял около 400 боевых единиц. Опасаясь вторжения, вполне реального, Нака-но Оэ стал укреплять оборону Кюсю и оставался там до 668 г. [Murdoch, 1910, с. 182].

После поражения на море в 662–663 гг. правители Японии круто изменили внешнеполитический курс в направлении, разработанном еще Сётоку-тайси. Они отказались от прежних обязательств по отношению к корейским царствам и решили наладить дружеские отношения с Китаем. Японский эмиссар посетил китайского наместника в Пэкче, и последний в 664 г. отправил в Японию посла с грамотой и подарками.

Дела в Ямато шли своим чередом. В 664 г. была обнародована новая табель о рангах из 26 степеней. В 665–666 гг. в страну при-было особенно

много беженцев из Кореи, которых расселяли и наделяли землей. И Нака-но Оэ, приняв на себя всю полноту императорской власти под именем Тэнти, смог приступить к важному делу — составлению гражданского кодекса Омирё.

Кодекс Омирё, по-видимому, был первым письменным кодексом Японии. Он был составлен Накатоми-но Камако (Каматари) на основе специального указа, изданного непосредственно после манифеста о реформах, и обнародован в 668 г. императором Тэнти в своей резиденции в Оцу. Текст кодекса не сохранился, но можно догадываться о том, что он был составлен по образцу китайского кодекса годов чжэньгуань (627–649) [Nachod, 1929, с. 179]. Значение кодекса Омирё оценивалось столь высоко, что автора Нака-томи-но Камако в 669 г. назначили на важнейший пост первого министра (дадзёдайзин), а его фамилию Накатоми изменили на Фудзивара. В 670 г., похоже, в какой-то мере была осуществлена годовая перепись дворов, фискальный смысл которой тут же раскрывает летопись: она способствовала поимке беглых.

В 671 г., после смерти Каматари, Тэнти назначил своего старшего сына, Отомо, на должность первого министра, или канцлера (дадзёдайзин), а представителей домов Сога, Накатоми, Косэ, Киправыми и левыми министрами, «большими мужами» (дайбу) высшего контрольного органа цензора. Это мероприятие должно было, как предполагалось, устранить соперничество между могущественными фамилиями в борьбе за власть, но фактически оно отдавало высшую власть в стране в руки этих фамилий и переполнило чашу терпения средних и мелких кланов.

В конце 671 г. император Тэнти заболел и предложил престол своему младшему брату, Оама, который именовался «принцем-наследником». Последний, учтя, что Отомо (сын Тэнти) только что назначен на высший пост в государстве, отклонил предложение и удалился в монастырь. После смерти Тэнти Отомо в 672 г. воцарился под именем Кобун, но процарствовал всего несколько месяцев. К живущему в монастыре Оама стали стекаться сторонники. Вспыхнула смута года дзинсин, которая длилась всего около месяца. В решающей битве Кобун потерпел поражение и вскоре покончил самоубийством. Оама воцарился под именем Тэмму (673–686) и перенес столицу в Асука. В результате войны такие мощные кланы, как Накатоми, Сога, поддержавшие Отомо, сошли со сцены, что расчистило дорогу сторонникам прочной императорской власти [Китаёма,

1966, с. 57–94].

Смута года дзинсин, хотя она вспыхнула из-за спора, кому из двух претендентов править страной, имела более глубокие причины. В ходе осуществления реформ выявилось недовольство мелких и средних кланов Кинай тем положением, которое заняли немногочисленные крупные кланы Кинай (сторонники Отомо), и сопротивление нововведениям со стороны сильных кланов восточных провинций за пределами Кинай. Последние, а также средние и мелкие кланы Кинай поддержали Оама [Эндо, 1968, с. 52].

Победа в борьбе за престол, которая охватила шесть провинций Центральной Японии, разгром наиболее могущественных кланов привели к тому, что Тэмму впервые в японской истории добился реальной полноты власти. Именно ему довелось осуществить наиболее значительные реформы: национализировать земли крупной знати, поколебать узы личной зависимости от кланов и в кланах, добиться возвращения должностных наделов [Hall, 1966, с. 59].

При Тэмму развернулась интенсивная реформаторская деятельность, которая дала основание считать, что коренные нововведения реально были осуществлены после смуты дзинсин [Китаяма, 1966, с. 95—109]. В 675 г. крестьян разделили на три категории в зависимости от их состоятельности. В 678 г. чиновникам всех рангов и ведомств велено подавать ежегодные отчеты о проделанной работе. В 680 г. специальным указом введено подобие отделения церкви от государства: храмы, за исключением двух-трех наиболее знаменитых храмов, включая и Асукадэра, выводились из-под надзора чиновников. Срок пользования землями в кормление для храмов устанавливался от 1 до 30 лет и после этого не возобновлялся. В 681 г. была составлена комиссия для сбора материала, который предназначался для «Кодзики». В 684 г. указано на необходимость постоянной военной тренировки, снабжения оружием, конями, амуницией. В 684 г. объявлена новая шкала клановых званий. В 685 г. введена новая табель 12 рангов, а кланам приказано сдать крупное оборонительное и наступательное оружие (арбалеты, катапульты). Около 685 г. происходит событие, знаменующее сознательное распространение пропаганды буддизма за пределы столицы: издан указ, обязывающий в каждом присутственном месте в провинциях иметь киот с буддийскими изображениями [Nachod, 1929, с. 57–61]. В 686 г. впервые проведено освобождение от долгов. Лица, по бедности задолжавшие рис или другие

ценности государству или частным лицам до истечения 685 г., освобождались от уплаты долга.

В том же, 686 г. император Тэмму умер. На престол вступила дочь императора Тэнти и одна из жен покойного, Тэмму, известная под посмертным именем императрицы Дзито (687–696). Перед воцарением Дзито столкнулась с заговором, поскольку Тэмму оставил несколько взрослых сыновей. Заговор возглавил принц Ооцу. Он и многие его приспешники нашли свою смерть после раскрытия заговора [Nachod, 1929, с. 63–64].

Одним из узловых событий этого царствования стало введение нового кодекса законов — Киёмихарарё. Попытка составить подобный кодекс была предпринята еще при Тэмму. В 681 г. тот пожелал пересмотреть законы, и его сыну было поручено составить, сборник законов к 683 г. Однако неизвестно, был ли издан кодекс Омирё; о новом кодексе Киёмихарарё в «Нихонги» говорится: в 689 г. «книга правовых постановлений в 22 томах разослана всем губернаторам» — смущает одинаковое в обоих кодексах количество томов. Неизвестно, был ли в кодексе уголовный раздел, термин «рё» говорит в пользу существования лишь гражданского раздела. Неясен вопрос, почему ни один из этих «рё» не сохранился. Может быть, они оказались неудачными? Такая попытка в то время была сопряжена с немалыми трудностями. Составить кодекс по типу кодексов Суй и Тан и сохранить японский дух — задача не из легких. Вероятно, была сделана попытка сохранить древне- японское положение об интерпретации божественной воли «ками», традиционные методы правосудия, существовавшие в то время в Японии, но выразить все это юридическим языком кодексов Хань, Суй и Тан. Кодекс Киёмихарарё частично использовал статьи тайского «Тан люй шу и» и силланских кодексов. Толчком к составлению кодекса послужило создание королем Силлы — Тхзчжок- мурйорваном (654–660) — собственной правовой основы государственного устройства после изгнания китайцев с полуострова. В национальном кодексе, который имел бы престижное, политическое значение, нуждалась и Япония [Hayashi, 1970].

Поскольку в 689 г. среди правительственных чиновников распространили новый кодекс, регламентирующий функции министерств и обязанности чиновников, правовые основы центральной администрации в то время должны были уже существовать. В это время опубликовано

постановление о разделе каждой провинции на четыре части, о призыве в войска внутренней службы рекрутов поочередно из каждой этой части. Это мероприятие связывалось с завершением переписи населения. Последняя вызвала и другое распоряжение: поймать и арестовать всех бродяг. В 694 г. столицу перенесли в г. Фудзивара [Nachod, 1929, с. 67–68]. В 696 г. Дзито отрёклась от престола в пользу своего 14-летнего внука, принца Кару, который правил под именем Момму (697–707). Бывшая императрица ушла в буддийский монастырь, открыв практику «ухода на покой» (инкё).

На начало VIII в. приходится завершение реформаторского периода, выразившееся в опубликовании кодекса Тайхорё (702 г.), регламентировавшего все стороны жизни средневековой Японии, представлявшие интерес для государства, в переносе императорской столицы в г. Хэйдзё (Нара) в 710 г., в составлении древнейших летописей «Кодзики» (712 г.) и «Нихонги» (720 г.).

Реформаторская политика сильно зависела от внешней ситуации, и на нее падал заметный военный отблеск. Реформы осуществлялись параллельно с оказанием помощи Пэкче. Тем самым Япония втягивалась в войну с Тан. Тогда Япония еще не ориентировалась во всем на Тан, а более тесно была связана с тремя государствами Корейского полуострова. Помощь Пэкче и война на полуострове требовали консолидации сил, способствовали усилению нажима на японских производителей и влияли на реформаторскую деятельность [Яmano, 1967, с. 45–46]. Поэтому необходимо дать хотя бы самое общее представление о развитии внешних сношений Японии с Кореей и с Китаем с 60-х годов VII в. на протяжении столетия.

Объединение Корейского полуострова в 676 г. под властью Силлы коренным образом изменило ситуацию в этом районе. Сношения с Объединенной Силлой приобрели уже настоящую дипломатическую форму. До прекращения посольских отношений в 780 г. с 668 по 779 г. Силла посылала посольства 38 раз, а Япония, по японским данным, 25 раз.

Заморская активность Японии не ограничивалась полуостровом и достигала глубин материка. Однако за полстолетия Япония лишь четыре раза отправила посольство в Танскую империю: в 653, 654, 659, 669 гг. Это на одно посольство меньше, чем за первую половину VII в. Создается

впечатление, что Япония, занятая реформами, была склонна до поры до времени удовлетворяться возвращением прежних посольств и привозимой ими информацией. На такую мысль наталкивает и 30-летний перерыв в официальных сношениях с Китаем после 669 г. — новое посольство отбыло лишь в 701 г. [Suematsu, 1958, с. 680–683].

Еще большее значение приобрели неофициальные морские по-ездки в Китай. Ради них японскую столицу перенесли из Асука в глубине о-ва Хонсю в Нанива в устье р. Ёдогава.

Общие оценки контактов Японии с Китаем, а точнее, итоги развития самой Японии оказались весьма впечатляющими для современников. Японское посольство 659 г. с гордостью докладывало: «Из всех [пограничных] варваров при дворе [Тан] гости — ва — самые заметные» [Nihongi, XXVI, 14].

Кроме Кореи и Китая «Нихонги» упоминают и другие страны, имевшие с Японией контакты, чаще всего эпизодические, случайные, частные, но для нас небезынтересные. Так, в 657 г. прибыло несколько человек из Индии.

Реформы общественного строя

Реформаторская политика сознательно почти не разрушила общественную структуру страны. Это в полной мере относится к привилегированной категории населения: ни одна группа такой категории не подверглась ликвидации, прямому и открытому изменению статуса. Это, конечно, не удивительно, так как реформы проводились наиболее дальновидными представителями этой же привилегированной категории и, в общих — в перспективе — интересах эксплуататорского класса, частью которого оставались эти старые общественные группы. Оказалось достаточным пересмотреть и перераспределить среди разных групп привилегированной категории отдельные экономические преимущества, военные и административные обязанности.

В результате кланы и взаимоотношения внутри кланов сохранялись, но эти кланы утратили былое политическое значение. Император мог позволить себе хвалить одни и порицать другие кланы, лишать привилегий

третьи, назначать вождей в четвертые — все это в зависимости от их лояльности, усердия на службе и собственных политических целей, хотя в целом он опирался на них. Так, в «Нихонги» содержатся сведения о том, что в 650 г. император благодарил министров, оми, мурадзи, управляющих корпорациями и областями за верную службу. Зато в 677 г. сделал строгое предупреждение клану китайских иммигрантов — Ямато-но Ая-но атаэ, который обвинил в постоянных нелояльных поступках со времен правления царицы Суйко. К 675 г. относится интересное распоряжение губернатору пров. Мино о переселении некоторых потомков привилегированных представителей знати в Восточные земли (Тогоку) и о превращении их в крестьян. В 664 г., по воцарении, Тэнти лично назначил глав в некоторые кланы.

Желая подорвать социальный престиж знати, Котоку в 647 г. приказал лишить кланы — носители званий оми, мурадзи, управляющих областями и корпорациями права сохранять в своих фамилиях имена богов и царей, ставящие такие кланы в ряд с царствующим домом. В 682 г. был издан указ о кланах. Членам кланов было велено выделить старшего (удзи-но ками). Очень разветвленным и многочисленным кланам было рекомендовано разделиться и для каждого ответвления выбрать своего старшего. Запрещалось включать в клановые списки посторонних лиц, эти списки и кандидатуры старших подлежали утверждению властей. Указанное распоряжение имело важные последствия для судеб кланов. Хотя кланы как общественная категория узаконивались, сокращались их размеры (путем обязательного деления и исключения из списков лиц, которые не могли доказать свою исконную принадлежность к клану), ослаблялась традиционная власть вождей кланов (введением принципа выдвижения вождей), а главное, кланы лишались политического значения, все организационные мероприятия, касающиеся кланов, были поставлены под контроль центральной власти.

Формально старые клановые звания сохранялись («Нихонги» ими пестрят), но в 684 г. была введена новая шкала клановых званий. Все звания, многочисленные в прошлом, сведены к восьми, образующим последовательность от высшего к низшему: мабито, асоми, сукунэ, имики, мити-но си, оми, мурадзи, инаги. Пересмотр системы наследственных званий иногда рассматривается как уступка клановой знати, как средство увязать иерархию званий с табелью о рангах. Однако между двумя последними системами не устанавливалось никакой зависимости.

Выработка новой иерархии званий подрывала саму идею исконности их существования. Новая иерархия составлена таким образом, что наиболее важные некогда звания (оми, мурадзи) оказались в нижних графах шкалы, а менее важные звания (сукунэ) возвысились над ними. Более того, многие почитаемые звания исчезли, но появились новые, ранее неизвестные (имики, мити-но си и др.). Нарушилась целостность старой клановой иерархии, реально еще доживавшей свой век. Новая иерархия была выдержана в таком виде, что затрудняла даже неофициальное приравнивание старых званий к новым.

Интересные наблюдения над характером реформы званий сделаны в последние годы. В главах «Нихонги» 71 % упоминаний званий, относящихся к VI–VII вв., имеют в виду звания новые. Лишь 29 % упоминаний относятся к званиям старым [Miller, 1974, с. 110]. Поскольку такие упоминания часто относятся к одним и тем же кланам или лицам, можно привести другие цифры. «Нихонги» на своих страницах, посвященных VI–VII вв., 249 раз упоминает носителей старых званий (кланов в целом и отдельных лиц), принадлежащих к 129 кланам, и 693 раза — носителей новых званий (кланов в целом и отдельных лиц), принадлежащих к 177 кланам и получивших эти звания в правление Тэмму и Дзито, в 673–697 гг. [Miller, 1974, App. 1, pt. A, B,].

Введение новых званий дало правительству возможность наградить высшими званиями молодые кланы и, следовательно, повысить их социальный престиж, наделить низшими званиями старые кланы (или даже вовсе «забыть» о них при новых пожалованиях). Поскольку пожалованиями распоряжались императоры, они приобрели мощное средство укрепления своей власти. Новая система твердо ставила носителей новых званий ниже императорского клана и пресекала все претензии кланов на равенство или даже на более высокое место в традиционной иерархии, связанной с сакральными идеями, по сравнению с положением императорской фамилии. Одновременно введение новой системы званий подтверждало общественную ценность званий, как таковых, как элемент традиционализма перед лицом вновь созданной системы рангов по облику китайской [Miller, 1974, с. 141–142].

Хотя по идее, заложенной в манифесте о реформах, в стране предполагалось существование лишь двух социальных категорий: народа и чиновничества (кроме императора, естественно), общественный статус ни

одной из этих категорий не определен реформаторами ни в манифесте, ни в дальнейшем на протяжении VII в. Отчасти это случилось потому, что указанные категории в социальном отношении являлись надуманными (нерасчлененные «граждане» — комин), отчасти потому, что категория чиновничества, на-пример, не настолько еще сложилась, чтобы получить самостоятельный общественный статус.

Столь же незначительному изменению подвергся общественный статус простонародья, если не считать очень важного в принципе и в перспективе провозглашения простонародья «гражданами» государства и подданными императора. Однако во второй половине VII в. не были разработаны соответствующие административные и экономические вопросы, связанные с новым состоянием простонародья [Kikuchi, 1967].

Общественный статус крестьян неизбежно попал в поле зрения реформаторов, когда в 652 г. началась реорганизация податного населения. 50 дворов объединялись в поселок во главе со старшиной. Двор организовывался на строго патриархальных началах, во главе неизменно оказывался его старейший член. Пять таких дворов объединялись на началах взаимопомощи и взаимответственности и возглавлялись самым старшим из патриархов. Социальное значение этого мероприятия заключалось в активном вмешательстве в структуру общины. Выделение крестьянского двора как самостоятельного, патриархального организма произошло еще в дореформенный период — это закреплялось новым положением. Но сведение таких хозяйств в пятидворки, а пятидворок — в пятидесятки пренебрегало многими сторонами жизни общины: свободной численностью, которая в реальности не могла составлять круглую цифру; естественностью расселения, не учитываемой при создании искусственных поселков; всеобщностью внутриобщинных отношений, нарушавшейся принципом круговой поруки по иерархии — внутри пятидворки, затем внутри поселка.

К моменту реформы крестьянство уже стало неоднородным. Неоднородность лишь прикрывалась рассуждениями о едином народе — и равном наделении землей. Имуущественное неравенство, очевидно, сильно ощущалось и, главное, фиксировалось. В 675 г. сельское население разделили на три категории в зависимости от состоятельности. Двум последним категориям местные власти имели право ссужать для посева казенный рис, полученный в счет налога. Хотя крестьяне провозглашались

«гражданами», а как держатели наделов — казеннообязанными, именно реформа создала слой сельского населения, частнофеодальный характер зависимости которого проступал впервые совершенно отчетливо. Мы имеем в виду дворы, даваемые в кормление новой аристократии и чиновничеству. В отличие от личных слуг старого Ямато (яцуко) такие крестьяне не принадлежали своим хозяевам, но обязаны были вносить им — пока те находились на службе — ренту. Численность дворов, выделяемых в такие бенефиции, колебалась от нескольких десятков до тысячи и более [Nachod, 1929, с. 210–212].

Манифест о реформах внес решительные изменения в положение большинства категорий зависимых (бэминов). Он освободил именных и потомственных кормильцев, царских и клановых (мина- сиро, микосиро), царских корпорантов (томо-бэ), частных корпорантов (каки-бэ), земледельческих корпорантов (та-бэ) и объявил их «гражданами». Последующие указы подтверждали манифест, распространяя освобождение на все категории зависимых, в том числе и на впервые упомянутые в летописи «каки-но томи» (664 г.). По идее реформаторов, освобожденные зависимые вливались в категорию держателей государственных наделов [Nachod, 1929, с. 205–210; Kitamura, 1957].

Стремление знати удержать зависимых и нехватка казенных земель для их наделения, по-видимому, способствовали частичному сохранению категории зависимых. Так, несмотря на манифест (646 г.), в 670 г. «Нихонги» фиксируют наличие зависимых у кланов (каки-бэ) и категории домашних рабов (яка-бэ), в 675 г. вновь издан указ об освобождении зависимых (каки-бэ), пожалованных кланам уже в 664 г., и, несмотря на это, они фигурируют в кодексе Тайхорё [Хондзё, 1927, с. 31–32].

Поскольку в Ямато не существовало особого обозначения для рабов как специальной общественной категории, нигде в манифесте и в последующих указах прямо не говорится об их освобождении. В действительности освобождение коснулось также и рабов. Упомянутый указ 664 г. среди прочих категорий клановых зависимых упоминает и слуг, т. е. рабов (яка-бэ) [Asakawa, 1963, с. 82, примеч. 3]. Однако домашний характер рабства сделал эту категорию зависимых малоуязвимой для государственных начинаний.

Рабство сохранилось, хотя и ограничивалось правительством. Так,

когда в 675 г. из-за голода население пров. Симоцукэну обратилось к своему губернатору за разрешением продать своих детей, император наложил запрет на эту просьбу. Постановление 691 г. гласило: если младший брат продан в рабство старшим братом — считать его свободным; если ребенок продан в рабство родителями — считать его рабом; если должник стал рабом из-за неуплаты долга или процентов — считать его свободным; если дети родились от брака с персоной рабского состояния — считать их свободными. Рабы, отпущенные на волю предками домарабовладельца и вычеркнутые из списка рабов, не могут считаться рабами этого дома [Nihongi, XXX, 21; Исимура, 1973].

Общественная структура Японии во второй половине VII в., таким образом, претерпела серьезные изменения, однако направление и характер этих изменений неадекватны картине реформаторской деятельности, нарисованной «Нихонги». Этот разрыв есть следствие расхождения между планами реформаторов и исторической действительностью. Формально реформа ставила целью сломить мощь кланов, однако последние, как привилегированная общественная категория, сохранились, утратив лишь часть политического авторитета. Свободное простонародье провозглашалось «гражданами» наряду с прочими категориями населения. Зависимые получали личную свободу. Новый общественный статус и тех и других находился в прямой связи с реальным превращением их в держателей казенных надделов — основы их свободы от частной зависимости. Однако введение в жизнь надельной системы затянулось во времени и в пространстве, а следовательно, осложнилось и наступление нового общественного состояния для простонародья и зависимых. Рабское состояние фактически сохранялось, хотя и регламентировалось правительством.

Реформы системы управления

Важным новшеством VII — начала VIII в. стала новая концепция государя. Реформаторы переняли китайскую концепцию абсолютного монарха, чей авторитет поддерживался не только таинственными узами родства с высшими силами, но и ролью арбитра правовых и этических норм. Эта концепция впервые в Японии прозвучала в «Законоположениях» Сётоку-тайси, а позднее повторена в Манифесте о реформах в форме идеи

единого источника суверенитета в стране. Монарх провозглашался «господином над народом и господином над всей страной». Это означало многое. Народ обязан повиноваться только ему. Монарх не должен зависеть от сильных кланов или быть пешкой в их игре, как случалось прежде. Он правил с помощью «мудрых и способных» министров, назначенных по его воле, обнаруживших преданность и забвение личных интересов. Ясно, почему идея бюрократической монархии пришлась по сердцу реформаторам VII в. Вместо страны, терзаемой по прихоти вождей кланов, их взору рисовалось упорядоченное «гармоничное» общество, в котором народ признавал верховную власть государя, а чиновники охраняли порядок. На этой базе основывалась концепция общественной власти, устранявшей местничество и беспорядки [Gonthier, 1956, с. 32].

Теория легитимности, которая выросла из новой концепции монархии, оказалась более рациональной, чем «естественная» претензия правителя режима Ямато на божественное происхождение от богини солнца. Но эта теория базировалась одновременно и на буддизме, и на конфуцианстве. От конфуцианства взята мысль о тесной связи между миром человека и миром природы. Если человечество приходит в расстройство, то в природе наступает беспорядок: наводнения, землетрясения, извержения, голод, эпидемии не случайны — они следствие дисгармонии в человеческом обществе. Обязанность государя — сохранять порядок в обществе, чтобы не нарушалось равновесие стихий. Буддизм требовал, чтобы государь играл роль защитника веры. Если он сведущ в учении Будды и содействует пропаганде буддизма, то не только мир и гармония снизойдут на людей, но и сам государь удостоится особых милостей от Будды. Обе эти идеи давали государю значительно больший авторитет, чем миф о его священном происхождении.

Дабы утвердить, узаконить власть государя, реформаторы приняли идею письменного закона — по образцу кодексов династии Тан и государству Силла. Эта идея имела двойное значение для политической организации японцев VII в. С одной стороны, оказывалось, что узы, связывающие людей, больше не регулировались исключительно обычаями; записанное становилось сильнее памяти. Власть государя, обязанности министров и населения фиксировались «навечно» (например, в кодексах Омирё, Киёмихарарё), и любые изменения допускались лишь в форме нового писаного закона. Кодификация придавала необычайную стабильность правительственным институтам. С другой стороны, кодекс

повышал престиж государя и его власти. Письменные приказы и указы давали возможность держать в повиновении население далеких районов без личного контакта государя с ними. Писанные законы делали возможным более высокую степень управления, вводя контроль издали [Duus, 1969, с. 20–22; Torigai, 1972].

Впрочем, японские императоры, отстаивая заморские концепции власти суверена, не забывали и про старые, местные представления, подкрепляющие эту власть. В указе 647 г. упоминается о том, что император правит страной по воле богини Аматэрасу, а в 683 г. император Тэмму прямо именовал себя воплотившимся божеством, управляющим восемью островами. Эта версия надолго обосновала теократическую сторону императорского авторитета в Японии [Kohno, 1972]. Однако и она не смогла сколько-нибудь значительно укрепить идею неприкосновенности монарха. Только за 55 лет Япония выдержала четыре мятежа, связанные с борьбой за престол: в 645, 649, 658, 686 гг., не говоря уже о гражданской смуте в 672 г. [Seki, 1959]. В стране не создалось твердого порядка престолонаследия. Хотя из шести императоров Японии во второй половине VII в. только двое не оставили мужского потомства, трон переходил к сыновьям лишь дважды: к Кобуну (на несколько месяцев) и к Тэнти; трижды наследовали братья и сестры покойного (Котоку, Саймэй, Тэмму) и один раз — одна из жен покойного (Дзито). Завещание императора решающего значения не имело (случай с Кобуном и Тэнти). Допускалось и воцарение императриц (Саймэй, Дзито).

Прежний японский титул царя-императора сумэра-но микото стал читаться по-китайски как тэнно [Nachod, 1929, с. 95—108].

Поскольку самодержавный государь должен был осуществлять свою власть через органы управления, к созданию центрального аппарата реформаторы приступили в 645 г., сразу после воцарения Котоку. Тогда назначили трех министров: левого (садайдзин), правого (удайдзин) и внутреннего, или министра двора (найдай-дзин)^[52]. Однако несколько лет эти министры не получали нового аппарата и штатов, на которые могли бы опереться в повседневной деятельности. Возможно, они частично использовали старый, дореформенный аппарат, а частично особую категорию лиц, появляющуюся на страницах «Нихонги», — «великих мужей» (дайбу). Только в 649 г. объявлено о создании шести палат (сё), но

никаких подробностей об этом начинании источники не содержат. Если палаты сохранились в неизменном виде до опубликования кодекса Тайхорё, то в 649 г. вся система должна была состоять из Палаты придворных церемоний и гражданских чинов (сикибу-сё), Палаты по делам знати и государственного церемониала (дзибу-сё), Палаты народных дел (мимбу-сё), Палаты военных дел (хёбу-сё), Уголовной палаты (гёбу-сё), Палаты казны (окура-сё), Палаты императорских дел (накацукаса-сё), Палаты императорской казны (кунай-сё). Но две последние палаты были добавлены позднее.

Хотя в специальной терминологии (яп. бу, сё соответствовали китайским бу, шан) и в названиях некоторых палат (военных дел, уголовной) реформаторы следовали китайскому образцу, в целом они от него значительно отступили. Вместо шести китайских палат появилось восемь японских, причем исчезла Палата общественных работ, но зато появились Палата казны и Палата императорских дел. Существенно, что в Китае делами императорских двора и казны ведали учреждения более высокого, министерского ранга. Очень важно, что в Японии в то время не появилось органа, управляющего этими палатами.

Еще менее известно о других учреждениях. В «Нихонги» под 671 г. упоминается о трех советниках (нагон, или гёсю), некоторые из которых появляются в этой летописи и позднее (692 г.). Эти советники вместе с первым, левым и правым министрами образовывали Государственный совет (дадзёкан), но последний упоминается в «Нихонги» только начиная с 686 г.

По-видимому, в стране существовал Совет по делам культа, т. е. синтоизма (дзингикан). Впервые название совета мелькнуло в летописи под 644 г. и снова в 692 г. [Nachod, 1929, с. 115–118, 125–132].

Поскольку центральная власть могла довести свою волю до населения только через местную администрацию, в первые же месяцы после переворота в восемь Восточных провинций, включая и Кинай, назначены губернаторы, а в 646 г. по китайскому образцу выделили Внутренние провинции (Кинай) как столичные — не-посредственную опору императорской власти. В них были назначены уездные начальники, устроены заставы, почтовые дворы, сторожевые пункты. Однако в то время Внутренние провинции ни в чем не противопоставлялись внешним.

Деление страны на провинции (куни или коку) было распространено на всю страну ^[53]. Провинции делились на уезды (кори), причем уже в 646 г. среди последних различались четыре класса в зависимости от числа дворов в них (от 150 до 2500 дворов). Поскольку характеристика каждого класса уезда выражалась числом поселков или сел (сато), естественным продолжением территориально-административного деления стали три следующие ячейки: поселок, пятидворка, двор [Asakawa, 1963, с. 273–275; Seki, 1962].

Районирование оказалось непростым делом, так как в прошлом четких границ между областями и округами не существовало, и пришлось проделать разграничение на чистом месте. Во всяком случае, еще в 685 г. специальные уполномоченные были направлены в Токайдо, Тосандо, Санъёдо, Санъиндо, Нанкайдо, Цукуси (Кюсю, позднее Сайкайдо) для проведения разграничения, инспектирования состояния управления и положения народа в 68 провинциях указанных шести больших ареалов [Nachod, 1929, с. 82–83; Уэда, 1963].

Остров Кюсю в силу его большой важности, окраинного положения, существования там оппозиционных элементов и непокоренных племен хаято в 649 г. выделили в особое наместничество (дадзайфу).

Роль движущей силы нового административного механизма отводилась чиновничеству. Теоретически роль чиновника в умах реформаторов рисовалась столь же новаторской и важной, сколь и идеализированной. Это в полной мере отразилось на бюрократической практике. Наследственную службу кланов отменили. Новые чиновники, причем важные (министры, губернаторы), заняли свои посты в первые же месяцы после переворота, но уже в указе 646 г., обращенном к губернаторам восьми Восточных провинций (Тококу), отмечается непослушание двух из восьми только что назначенных губернаторов — кокуси [Nihongi, XXV, 23]. Основной статус чиновничества сформулирован в Манифесте о реформах 646 г., но реально к созданию аппарата управления, по-видимому центрального, удалось приступить лишь в 649 г.

Правительство не имело выбора, ему пришлось довольствоваться старыми кадрами. Более того, с абсолютным увеличением числа чиновников неизмеримо возросла доля чиновников — выходцев из

клановой знати. Вернувшихся из-за рубежа школяров, беглецов и переселенцев из Китая и из корейских царств, обладавших навыками в управлении, старых кадров центрального аппарата режима Ямато — всего этого хватало для заполнения лишь основных постов в центральном и самых основных — в местном аппарате. В местном аппарате, начиная с уездного начальника (гунси), фактически господствовали прежние управляющие областями со своим окружением [Мотоида, 1970].

Существенным новшеством для Японии оказался подход к вопросу о содержании чиновников. Он разрешался двумя путями. Каждой должности присваивалось право получать доходы с определенного количества дворов (дзикифу, фуко), которыми пользовался чиновник, пока он занимал эту должность. Роль наградных играли разовые выдачи из казны в виде части налоговых поступлений, кусками ткани (року). Так, Накатоми-но Каматару уже в 645 г., т. е. как будто до издания этого положения, получил дворы в кормление, а в 654 г. размер кормления ему увеличили. В 646 г. все высшие чиновники получили дворы в кормлении соответственно рангу. Однако размер кормлений во второй половине VII в. неизвестен.

Статус чиновничества, изложенный в манифесте и в ряде указов, содержание чиновников за казенный счет — все это давало правительству право и возможность значительно энергичнее и эффективнее контролировать состав и действия чиновников. Одним из таких путей стало введение табелей о рангах: в 647 г. из степеней, в 649 г. — из 19, в 664—из 26, в 685 г. — из 48 степеней — и частных уточнений в 671, 682, 689 гг. [Nachod, 1929, с. 144–145]. Смена табелей, конечно, отражала известную шаткость системы рангов в целом, но и давала правительству возможность проводить аттестацию чиновников. Так, в 690 г. велено разделить чиновников и нечиновных в Кинай на девять категорий согласно сроку, в течение которого они исполняли служебные обязанности. Носители ранга могли служить шесть лет, а не имеющие ранга — семь лет, после чего должны были пройти проверку [Nihongi, XXX, 16]. При всем том правительство всегда нуждалось в лояльных, способных и честных чиновниках — постоянная забота эксплуататорских режимов. В 676 г. указ разрешал поступать на службу жителям внешних провинций любого сословия, в том числе выходцам из кланов и простонародью.

Вооруженные силы приобрели еще более важное значение на новом этапе — этапе государственного строительства в Японии. Превращение

населения в подданных императора подводило правительство к идее его государственных вооруженных сил и централизованного набора рекрутов. Такие войска в Японии существовали (они участвовали в войнах на Корейском полуострове), но их организация и структура на этом этапе известны плохо. Ядро вооруженных сил составляла императорская гвардия — именно она действовала против мятежника Фурубито-но Оэ. Основные гарнизоны располагались на юге (на Кюсю) и на севере (против эмиси). Клановые отряды, возможно, сохраняли свое значение. Во всяком случае, среди участников военных экспедиций в Корею в 658, 662–663 гг. находилось немало представителей старых кланов. Во время смуты 672 г. многие местные представители власти распоряжались значительными силами, хотя далеко не все принадлежали к знатым кланам. Возможно, их отряды отличались от старых клановых дружин.

Попытка ограничить такие дружины относится еще к 645 г., когда губернаторам Восточных провинций было предложено собирать оружие у кланов и хранить их в местных арсеналах. Неоднократно издавались распоряжения о разоружении населения (очевидно, в первую очередь членов кланов). Исключение делалось лишь для северных пограничных районов, тревожимых айнами. В стране создана Палата военных дел (как предполагают, в 675 г.), которая взяла на себя всю организацию государственного военного дела и оборонное строительство в стране. Вооруженным силам "устраивались смотры — в 665 и 685 гг. В 689 г. оглашено постановление о рекрутском наборе. По аналогии с Тайхо-Ерорё считается, что призывали одновременно одну четвертую часть боеспособного мужского населения каждой провинции. В «Нихонги» утверждается, что каждую провинцию делили на четыре части и одновременно призывали всех рекрутов из одной части [Asakawa, 1963, с. 311–314].

Система власти во всех своих частях подверглась наиболее интенсивному реформированию из-за ее функционально-практического характера, а в сущности потому, что именно она служила концентрированным выражением классовых отношений. Главное внимание и основные достижения пришлись на долю центральной администрации, военного дела и на чиновничество. Провинциальные и уездные власти еще долго и прочно были связаны с кланами.

Реформы экономической жизни

Этой стороне реформ государственные деятели эпохи Тайка уделяли исключительное внимание, справедливо признавая аграрную проблему решающим моментом жизни страны. Достаточно сказать, что две последние статьи манифеста целиком, а две первые частично трактуют об экономических новшествах. Манифест предусматривал национализацию царских владений (миякэ) и пахотных угодий знати (тадокоро), а также связанных с ними категорий зависимых; отмену прежнего налогообложения; составление подворного реестра (косэки), росписи налогов (кэйтё); введение надельной системы, троякого налога, жалованья чиновникам. По-скольку

Манифест о реформах суммирует основные экономические мероприятия правительства, сохраняет их логическую связь и последовательность, мы рассмотрим всю проблему в том же порядке.

Манифест недвусмысленно объявил все частные земли национализированными и почти все виды зависимых — лично-свободными. Поскольку дальше манифест говорит о новом подходе к этим землям и к населению (прежде всего к земледельцам), ликвидация частного владения неизбежно вела к следующему шагу — к объявлению земель государственным достоянием, а народа — казенно-обязанными гражданами. Разумеется, эти положения выражены в источниках терминами той эпохи.

Полное и быстрое осуществление такого принципа неизбежно вызвало бы социальный взрыв. Взрыва не произошло, и одно это заставляет подозревать ограниченный характер реализации указанного принципа. Изъятие частных земель смягчалось уже тем, что одновременно знать получала компенсацию. В указе 646 г. говорится: «Отобрать казенные рисовые поля, принадлежащие общественным учреждениям в разных местах, и распределить их среди наших министров и управляющих царскими корпорациями» [Nihongi, XXV, 27].

По-видимому, применение манифеста в этой части к конкретным собственникам вообще не было автоматическим, а осуществлялось либо выборочно (по отношению к нелояльным кланам), либо при условии замены частных владений кормовыми дворами. Идя на этот компромисс,

правительство иногда впоследствии отбирало и эти владения, пожалованные уже после реформы. Так, в 675 г. оно отобрало дворы, пожалованные кланам в 664 г., по-видимому, в связи с введением новой табели о рангах, а также все горы, болота, острова, заливы, леса, равнины, искусственные водоемы, подаренные членам царского дома, министрам, храмам [Nihongi, XXIX, 7].

Изучение императорских инструкций губернаторам обнаруживает, что Кинай и Восточные провинции оставались чуть ли не единственными территориями, где правительство в середине VII в. пыталось провести национализацию. В 676 г. велено жаловать доходы с Восточных провинций тем, кто имеет право на получение налогов со своих кормовых владений, но не получает их с Западных провинций. Это означает, что в Западных провинциях к этому времени еще реально не удалось изъять земли кланов, из которых и назначались кормовые.

Также негладко происходило освобождение частнозависимых людей (каки-бэ и др.). Подтверждение положения манифеста содержится в указе, изданном месяц спустя. Но, несмотря на жест наследного принца Нака-но Оэ, добровольно отказавшегося от своих 524 зависимых в следующем году, частнозависимые не получили повсеместно свободы. Правительство в 664 г. снова вернулось к этому вопросу. Воспользовавшись выработкой положения о новой табели о рангах, оно определило статус зависимых (каки-бэ и яка-бэ), казалось бы уже упраздненных [Nihongi, XXVII, 9]. Упразднения с малыми изменениями повторились в 675 г. и даже в 701 г.

Доживание старых форм частновладельческих земель и зависимых, по-видимому, предполагало сохранение в какой-то степени прежних способов изъятия прибавочного продукта, также упраздненных манифестом.

Составление подворного реестра и налоговой росписи по необходимости предшествовало любым начинаниям правительства на пути разрешения аграрной и финансовой проблем. Судя по позднейшим источникам, до составления реестра и росписи главы дворов подавали властям собственноручную справку, в которой содержались сведения о числе членов хозяйства, о возрасте, о семейном положении, о здоровье, о податном или неподатном состоянии. На основании справок власти составляли подворные и налоговые списки и передавали в

Государственный совет (дадзёкан). Подворная перепись проводилась раз в шесть лет, налоговая — ежегодно. Как составляли роспись и подворный реестр во второй половине VII в., неизвестно. Но важно то, что семья, двор твердо стали низшей хозяйственной и податной единицей.

Составить подворные реестры и налоговые росписи поручалось еще в 645 г. восьми губернаторам Восточных провинций, но с многозначительной оговоркой: свободных и зависимых (до реформы) регистрировали отдельно. Через несколько месяцев чиновники были посланы во все провинции для подсчета населения. В 652, 670, 689, 690 гг., как сообщают «Нихонги», составлялись подворные реестры [Nachod, 1929, с. 93]. Неизвестно, как выполняли наказ императора губернаторы Восточных провинций в 645–646 гг., на какую территорию распространялась перепись дворов в последующие годы. Если исходить из сохранившихся в «Нихонги» сведений, обязательный пересмотр реестра раз в шесть лет не выдерживался: только перепись 652 г. проведена через шесть лет после предыдущей — в 646 г. [Тэрая, 1958].

Единственное упоминание в «Нихонги» о составлении налоговых списков, по правилам ежегодных, относится к 670 г. Составление и пересмотр реестров и росписей технически требовали значительного количества грамотных сотрудников, а политически — реальной и полной власти центрального правительства над всей территорией и населением. Ни то, ни другое, как мы видели, еще не было достигнуто в то время, однако не приходится сомневаться, что оба эти задания (в известных пределах) выполнялись местными властями, вначале преимущественно во Внутренних и Восточных провинциях. Без этого невозможно было наделение крестьян землей в пользование, что являлось основой экономической политики реформаторов.

Наделение землей (буквальный перевод термина «хандэн») объявлено в Манифесте о реформах в 646 г. как немедленное мероприятие, хотя ни подворные реестры, ни налоговые росписи еще не были составлены. Любопытно, что в ст. 3 манифеста фиксировались единицы измерения площади, очевидно, до этого не стабильные: 1 тан = 30 X 12 шагов, 10 тан = 1 тё. О норме надела ничего не говорилось, но оговаривалось, что норма зависит от количества земли и населения в конкретном районе. По «Тайхо-Ерорё», подушный надел (кубундэн) выделялся двору, причем учитывались все его члены с шестилетнего возраста. Мужчины получали 2 тан пашни,

женщины— $\frac{2}{3}$ мужского надела на 6 лет ^[54]. Частному рабу, по Тайхорё-Ёрорё, полагалась $\frac{1}{3}$ надела свободного. В том же, 646 г. уточнено наделение крестьян поливными полями: предпочтение оказывалось тем крестьянам, которые пашни не имели, платили налоги и чьи усадьбы граничили с этими полями [Nihongi, XXV, 17–18, 35]. В 652 г. закончилось распределение наделных полей или (что менее вероятно) очередной передел. Бесспорное указание на перераспределение наделов пашни в четырех провинциях Кинай относится только к 692 г. Неизвестно, перераспределяли наделы до этого времени или нет, но, от какой бы даты мы ни считали — от 646 или от 652 г., выдержанного срока передела (каждые шесть лет) до 692 г. не получается ^[55].

При всех оговорках наделная система в ранний период своего существования распространилась на многие провинции страны, хотя в некоторых не привилась. Судя по подворному реестру 702 г., держатели наделов обнаружены в провинциях Тикудзэн и Будзэн, но почти отсутствовали в пров. Сацума, где в это время преобладала распашка нови [Хондзё, 1927, с. 46]. Материалы по освобождению от налогов, которыми облагали арендаторов, подтверждают существование последних во второй половине VII в. на Кюсю (пров. Бунго), в Центральной Японии (пров. Ки, Исэ), в Восточной и Северо-Восточной Японии (Токайдо и Тосандо).

Параллельно с наделной системой, рассчитанной на крестьян, существовали привилегированные земли, доходы с дворов, жалуемые уже пореформенным правительством знати в компенсацию за национализированные земли и чиновникам — за службу. Таких пожалований известно немного. В большинстве своем речь идет о сравнительно небольших участках — пожалованиях разовых, неспецифических и относящихся к концу VII в. Так, в 690 г. орошаемые земли в размере 4 тё (т. е. 20-кратный подушный надел) навечно получил старый солдат, попавший в 661 г. к китайцам в плен и разрешивший продать себя в рабство на целых 30 лет, чтобы дать возможность четверем другим пленным добраться до Японии [Nihongi, XXX, 18–19]. Еще два случая, причем размер участков тот же, относятся к 696 г.

Настоящие дифференцированные привилегированные владения — земли за заслуги (кодэн), ранговые земли (идэн), должностные земли (сикибудэн) — приобрели законченный облик Тайхорё-Ёрорё, но их

ранние формы появились в VII в., хотя в тексте «Нихонги» они не всегда терминологически выделены [Имамия, 1957, с. 45–46].

К понятию «земли за заслуги» близко пожалование солдату в 690 г., только что оговоренное, — именно из-за вечного срока владения, освобождения от податей и обработки, подробного перечисления заслуг ветерана. К ранговым можно отнести земельные пожалования, размер которых непременно увязывался с рангом жалуемого. Императорский указ 691–692 гг., похоже, имеет в виду этот род пожалований, варьируя площадь земельного владения от 1/4 до 4 тё в зависимости от ранга чиновника [Nihongi, XXX, 23–24]. В 692 г. два китайца — преподаватели китайского языка получили по 4 тё должностных рисовых полей каждый [Nihongi, XXX, 29].

Все эти три вида земельных пожалований с правом собственности или по крайней мере длительного владения, однако, исключение для VII в. Для второй половины VII в. наиболее характерной формой служебных пожалований, кроме натуральных выдач, оставался доход (целиком или частично) с определенного количества дворов, приписанных к данному лицу, учреждению, храму (эбито, дзикифу). Приписанные дворы оставались в ведении местных властей. Выделение таких дворов в кормление в количестве, зависящем от ранга и начиная с 5-го ранга (дайбу), гарантировано манифестом. На практике такие кормовые дворы получали не только ранговые служащие (676, 691 гг.), но и императорские принцы (691, 692 гг.), ученые (693 г.), буддийские священники (696 г.). В 691 г. принц Такэти владел 3 тыс. дворов, другие крупные вельможи — меньшим количеством дворов: принц Ходзуми — 500, принц Кахасима — 500, левый министр Тадзихи-но Сима Мабито — 500, пэкчийский принц — 200 и т. д. Такие пожалования получали и храмы. В 686 г. храму Оцукаса-но одэра (Дайандзи) пожаловано 700 дворов и 30 тыс. снопов из числа налоговых. Такие кормовые дворы можно было отобрать у владельца. «Нихонги» часто сообщают о таких изъятиях (достаточно вспомнить цитированный выше указ 675 г. о лишении глав кланов таких пожалований). В 679 г. велено пересмотреть списки дворов в кормление, пожалованных буддийским храмам, и произвести необходимые изменения в выдачах в зависимости от нужд храмов [Nihongi, XXX, 20; XXIX, 23, 61]. В 682 г. «указ, адресованный всем — от принцев крови до министров, кому пожалованы дворы в кормление, аннулирует эти владения и требует, чтобы их вернули государству» [Nihongi, XXIX, 36–37]. По-видимому, это делалось, чтобы

предупредить закрепощение крестьян.

Как видим, нигде в «Нихонги» не отмечено прямых уступок в пользу частной собственности на землю; источник твердо выдерживает генеральную линию: вся земля — казенная и выдается во временное владение. Даже результаты труда земледельцев из кормовых дворов подлежали лишь временному отторжению, а административная власть получателей доходов не распространялась на производителей.

Арендаторы казенных наделов облагались натуральными налогами, которые составляли главный доход центральной власти. Налоговая система включала земельный налог (со), смешанную подать (тё), отработку (ё), [Nachod, 1929, с. 173—174]. Земельный налог составлял в 646 г. 2 снопа и 2 связки риса с 1 тан пашни, а в 652 г. — 1 сноп и 5 связок риса с той же площади, что, по подсчету О. Находа, равнялось 4,4 и 3 % всего урожая соответственно [Nachod, 1929, с. 164] ^[56]. Он отличался от танского неопределенностью единиц измерения (Танаами, 1970). Смешанная подать объединяла несколько разновидностей: 1) подать тканями, которая бралась только с мужчин из расчета: кусок ткани шириной 2,5 фута (сяку) и длиной 10 футов (шелк), или 20 футов (грубый шелк), или 40 футов (простая ткань) с надела в 1 тё (=10 тан); 2) подать с двора разными товарами: тканями (10 футов), лошадьми (среднюю лошадь со 100 дворов, хорошую — с 200), слугами (одного от 100 дворов), причем две последние категории заменялись тканями (за коня — по куску в 12 футов с каждых из 100 или 200 дворов; за слугу — по куску в 12 футов и по 5 то риса с каждого двора) ^[57]; 3) подушную подать предметами вооружения (неустановленного количества). Эта подать напоминала танскую, но превосходила ее сложностью. Для отработки требовали одного человека с содержанием от 50 дворов, которого можно было выкупить, внося кусок ткани в 12 футов и 5 то риса со двора. Сохранив принцип отработок, правительство изменило раскладку.

Дворы, отданные в кормление, несли те же повинности даже по Тайхорё, что лишней раз свидетельствует о государственной их принадлежности. Они платили казне подать, половину зернового налога и исполняли отработку, чиновник — их временный владелец — получал другую половину земельного налога (Сакамото, 1949, с. 548). Эта налоговая система, фактически объединяющая в себе самой минимум семь

довольно самостоятельных налогов и повинностей (кроме более эпизодических поборов, в систему не укладываемых), сконструирована реформаторами, очевидно, не случайно. С одной стороны, она перекидывала мост к танской налоговой системе, а с другой стороны, не порывала связи с тремя видами дореформенных повинностей: данью, налогом с полей, отработкой.

Для нормального урожая налогообложение не выглядит тяжелым, особенно если сравнить с нормами налогов, взимаемых в последующие века. И тем не менее в «Нихонги» часто попадаются замечания о несобранных налогах, о разбежавшихся крестьянах, об освобождении целых провинций или групп населения от тех или иных налогов на год, два, три (с 650 по 692 г.). Население «ухитрялось» беднеть даже в условиях, которые, как полагало правительство, исключали такую возможность: получая надель, которые нельзя заложить или продать, и платя налоги продуктами своего труда. В 687 г. особым указом отменялись проценты с займов, заключенных до 685 г. или в течение этого года, даже если они выражены отработкой при условии, что должник отработал сам долг [Nihongi, XXX, 5].

В какой степени облагалось налогами привилегированное население во второй половине VII в., неясно. Кодекс Тайхо-Ёрё освобождает от налога, подати, трудповинности придворных, чиновников — носителей рангов, их близких, некоторые другие группы населения — в разных случаях в разной пропорции. Доказательств существования этих изъятий в предыдущий период нет. В «Нихонги» с трудом можно отыскать примеры освобождения этой категории лиц, и то только от податей и отработок. Так, в 685 г. император издал указ: «Все носители рангов в провинциях Тосандо — к востоку, начиная с Мино, и в Токайдо — к востоку, начиная с Исэ, освобождаются от податей и отработок» [Nihongi, XXIX, 55]. Но, возможно, это — разовое освобождение (и то не от земельного налога), связанное с созданием очередной таблицы о рангах.

Таким образом, экономические мероприятия эпохи Тайка сводились к ликвидации старой частной клановой и царской собственности, к введению государственной собственности на землю и государственных повинностей для населения, прежде всего крестьянского, государственного содержания вельмож и чиновников. Для осуществления этой задачи вводилась надельная система для земледельцев, обязанных вносить налоги и

исполнять повинности Лишь государству, и практика выдачи дворов в кормление для служилого сословия; последнее пользовалось лишь частью прибавочного продукта, изымаемого у этих дворов, и не могло распоряжаться самими людьми.

Эти мероприятия проводились довольно настойчиво и последовательно на протяжении полустолетия, хотя с разной степенью эффективности в разное время и в разных концах страны. Надельной системой постепенно оказались охваченными многие, если не все, провинции страны (отсутствуют сведения лишь по Западному Хонсю и о-ву Сикоку), хотя и неясно, насколько последовательно внедряли ее в этих провинциях и как полно она охватывала крестьян. Шестилетние переделы — залог четкого функционирования системы и утверждения земель в собственности государства — похоже, не отличались регулярностью, во всяком случае на протяжении 50-летия и в масштабе всей страны.

Неизвестно, удержали ли кланы в своих руках такую-то долю прежних земельных владений на правах собственности, в какой мере новой служилой аристократии, храмам удалось превратить общинные, казенные, кормовые земли в собственные до истечения VII в. Значительная часть прежних владений, безусловно, была национализирована, иначе правительству нечем было бы наделить крестьян, даже если допустить, что за ними на правах наделов закреплялись земли, уже находившиеся в их владении. Некоторая часть таких национализированных земель вернулась к прежним своим владельцам под видом дворов в кормление, но уже на иной правовой основе. Попытки присвоения земель, безусловно, повторялись — об этом говорят, в частности, указ 675 г. об изъятии у кланов казенных и общинных земель, указы 679 и 682 гг. о возвращении дворов в кормление, отданных буддийским храмам и чиновникам. Пожалование земель в безусловное и привилегированное владение — для этого времени явление сравнительно редкое, как и превращение поднятой целины в личные владения крестьян (кондэн). Эти формы не получили разработанного статуса, а кон- дэны даже не упоминаются в «Нихонги» [Kikuchi, 1965].

Налоговая система была выработана таким образом, что воз-можно большее количество сторон производственной деятельности податного сословия связывалось с центральной властью. А это при первоначально сравнительно низких ставках налогов, податей, повинностей должно было, по мысли реформаторов, привязать население к императорскому

правлению и экономически.

Категорию зависимых, особенно зависимых клановых, похоже, не сумели уничтожить полностью — об этом говорят указы 664, 675 гг. и регламентация положения зависимых в Тайхо-Ёрорё.

В экономической сфере реформы Тайка сделали важный шаг по пути превращения значительного фонда земель, прежде всего — орошаемых, в государственные, а основных производителей — в государственных арендаторов, государственное податное сословие, доставлявшее казне основные средства и служившее государству на ряде поприщ.

Оценка реформ Тайка

В оценке реформ Тайка наблюдается заметный разнобой, который обусловлен различными, иногда противоположными взглядами на характер дотайковского и послетайковского общества, на движущие силы реформ и т. п. Старая японская, а вслед за ней и мировая историография очень высоко оценивали реформы, считая их подлинной революцией во всех сторонах жизни древней Японии, открывшей эру существования единой японской империи [Сакамото, 1949, с. 1—29]. Сейчас господствует тенденция сводить суть реформ к политическим изменениям, а период реформ растворять в веках.

Дворцовый переворот 645 г. и последующие реформы Тайка, пишет Дж. Холл, обычно считаются важным поворотным пунктом в истории Японии, водоразделом между гегемонией Ямато, основанной на семейной организации, и новым централизованным государством по типу китайского. Но, в сущности, термин «реформы» введен, чтобы обозначить серию новшеств, которые вошли в жизнь куда более случайно и менее драматично на протяжении нескольких веков. Хотя переворот 645 г. изменил соотношение политических сил при дворе Ямато и обеспечил реализацию политики реформ, он ни в коей степени не означал начала радикальных социальных и политических нововведений. Он даже не являлся истоком таких реформ в будущем или залогом их осуществления. Это в особенности справедливо для отдельных регионов, таких, как Киби, где стимул для культурных и организационных перемен отнюдь не

действовал автоматически под влиянием перемен при дворе Ямато [Hall, 1966, с. 45].

Сторонники этой концепции для ее подтверждения приводят факты и соображения, сами по себе небезынтересные для понимания сущности реформаторской деятельности в Японии в середине VII в. и ее результатов.

Разумеется, реформы Тайка не являлись непосредственным результатом китайского влияния на Ямато. Даже в окончательном виде (в кодексе Тайхорё) реформы содержали отличия и новшества по сравнению с китайской моделью, заботливо и со знанием дела разработанные и введенные в стране. Главной целью реформ было укрепление центральной власти и упорядочение управления.

Объявление о создании столицы с чиновничеством, рационализация местного управления, налогообложения, военного дела оказались целенаправленными и принесли первоначальный успех. В той мере, в какой частные интересы не подвергались опасности, это были усовершенствования, которые вдохновляли в Японии многих. Но главный вопрос заключался в том, как реформа затрагивала частные интересы отдельных общественных групп и целых регионов в Японии.

Неудачи Ямато на Корейском полуострове, поражение от войск Силлы и Тан рождали на островах чувство бессилия, если не боязнь вторжения. Но заставило ли это вождей кланов поступиться своими правами в пользу императора? Многочисленные заверения в лояльности как бы сглаживали процесс национализации земель, перераспределения рангов и постов. Но была ли это только национализация? Если не считать сильные кланы в Центральной Японии, утратившие свое влияние не столько в ходе реформ, сколько в ходе политической борьбы, то от реформ Тайка, казалось, пострадали власть и богатство кланов в целом. Но почему же кланы не отстаивали своих прав любыми средствами? Дело не столько в непреоборимом авторитете императорской власти, сколько в том, что кланы, вероятно, теряли значительно меньше в своих личных доходах и политическом влиянии, чем это кажется на первый взгляд. Похоже, многие их традиционные привилегии настолько превратились в номинальные, что они рассчитывали не прогадать при перераспределении прав.

Хотя правители Ямато еще в начале VI в. искали средств сломить иерархию, сами вожди кланов тоже. ощущали необходимость нового

подхода к религии, управлению, земле. На деле реформа Тайка не лишала кланы всех привилегий и богатства, а поставила между ними государственные институты. В результате сложилась очень эффективная комбинация традиционных и новых средств господства и подчинения.

Новые законы не отрицали частной собственности, но они исключили из ее сферы рисовые поля. На них государство распространяло не только суверенитет, но и право собственности. Но пострадали ли доходы кланов при этом? Нет никаких указаний на упадок доходов кланов после реформ. Новая система предусматривала выполнение повинностей в зависимости от ранга и должности служащего лица. То, что раньше поступало с земель и от работников для клана, теперь выдавалось им от императора в виде бенефиций. А поскольку новое государство провозгласило приверженность к закону и порядку, новая налоговая система могла оказать более надежную поддержку привилегированному сословию, чем старая. Это тем более справедливо, что административную систему не сделали конкурсной. Результатом стала уверенность знати и аристократии в экономической поддержке государства. Реформы Тайка предполагали перераспределение власти внутри правящего слоя. Именно по этому пункту и шла борьба, и она коснулась провинций [Hall, 1966, с. 60–63] ^[58].

В свою очередь, Г. Б. Сансом правильно замечает, что, с точки зрения реформаторов, проблема состояла в том, как заставить местную знать поступиться своей независимостью и признать себя слугами императора и временными владельцами их собственности. Китайская литература помогала сформулировать идею вроде той, что «суверен не может допустить двух правительств, а подданный не может служить двум господам». Но надо было убедить частных земельных собственников, что они и при новом режиме не утратят своего привилегированного положения. Проблема упиралась в землю и в земледельцев, а реформаторы не обладали достаточной мощностью, чтобы подавить кланы силой.

Сразу же по воцарении Котоку глав кланов собрали при дворе и объявили доктрину монарха, точнее — реформаторов. Эти мероприятия в случае успеха могли принять революционный характер, поскольку вели к концентрации административной и фискальной власти в руках центрального правительства. Но в земледельческой стране положение знати всецело определялось землей. И чтобы избежать всеобщей оппозиции глав

кланов, правительство должно было пойти на компромисс. Поэтому на вновь созданные посты в провинциях назначали преимущественно местную знать, и раньше исполнявшую сходные обязанности, дав ей соответствующие ранг и жалованье, которые в целом возмещали утраченные звания и непосредственные доходы. Это явилось одной из причин того, что первый этап реформ прошел сравнительно спокойно. Более того, новые посты и звания повышали престиж их обладателей — теперь они превращались в носителей части высшего авторитета императорской власти. Гарантированный и постоянный характер жалованья гораздо надежнее обеспечивал стабильность материального положения служащих; само правительство брало на себя неблагоприятную и трудную задачу Собирания налогов и податей. Идея реформ оказалась не лишённой привлекательности и для низших слоев населения. Земледельцы освобождались от притязаний местной знати, должны были получить наделы по числу едоков, что обеспечивало существование хозяйства, и — в теории, во всяком случае, — должны были платить лишь строго определенные налоги и нести повинности, размер которых не зависел от произвола местных властей [Sansom, 1958, с. 56–58]. Таковы наиболее серьезные оценки реформ Тайка учеными Западной Европы и США.

Последние японские издания типа университетских учебников, курсов лекций видят историческое значение реформ Тайка в том, что это был первый практический шаг по пути утверждения централизованного правления в стране, разработанного на примере аналогичной китайской системы. Суть реформ, политической по характеру, и заключалась в модернизации механизма власти господствующего слоя, в результате чего Япония встала в один ряд с другими государствами Дальнего Востока. Для оценки же ее как социальной революции, считают авторы подобных работ, еще надо разрешить такие неясные пока вопросы, как, например: каким силам требовалась система централизованного господства и какое развитие избрала такая система в будущем [Нюмон..., 1968, с. 56; Иванами..., 1960, т. 2, с. 220–228]?

Для нас эти вопросы не такие уж «неясные». Основную силу переворота составили зависимые и общинники, находившиеся на грани закабаления. Однако реформа, внешне нацеленная против клановой знати, была проведена наиболее дальновидными представителями той же знати и царского дома в интересах эксплуататорского класса в целом и, следовательно, в конечном счете в интересах той же клановой знати. В этом

и заключается реформистский, не революционный характер новшеств. Эти новшества коснулись, в сущности, всех тех сторон жизни общества, которые в те времена считались значимыми с точки зрения общества, но коснулись по-разному: в одних сферах больше, в других — меньше. И тем не менее неверно сводить значение реформ Тайка к одному лишь политическому обновлению. Просто мероприятия в этой сфере оказались более наглядными. Если можно спорить о том, насколько реформы затронули богатство и авторитет старой знати, то бесспорно, что после реформы они уже покоились на другой основе. Это, может быть, не всегда важно для их обладателей, но важно для историка. Впрочем, и сами кланы не оказались безразличными к нововведениям. Основные мероприятия периода Тайка прочно проведены лишь после окончания смуты года дзинсин (672 г.): широкое освобождение зависимых, введение надельной системы по всей стране после принятия кодекса Киёмихарарё, назначение на должности губернаторов провинций по всей Японии на рубеже VIII в.

Разумеется, реформы не всегда были последовательными, даже таили в себе противоречия (признание привилегированного положения кланов и отстаивание монопольного статуса чиновничества в сфере управления, сосуществование казенных уравнительных наделов и привилегированных участновладельческих земель). Однако в итоге они привели к появлению кодекса Тайхорё (702 г.) и к созданию на его основе так называемого «правового государства» («рицурё кокка»).

Провозглашение государственной собственности на землю, освобождение прежних категорий зависимых, введение надельной системы (хандэн) для сельского населения и бенифиций — для служилых (дзикифу), распространение на них государственного тройного налога, создание центрального и местного аппарата управления, служилого чиновничества и государственных вооруженных сил как единственных проводников воли суверена в стране, получившей новое административно-территориальное деление, — все это свидетельствует о сложении раннефеодального единого государства (см. [«Всемирная история», 1957, с. 54; Эйдус, 1968, с. 15]).

Культура

Культурные связи

В III–VII вв. развитие культуры на Японских островах испытало сильное воздействие материковой цивилизации. Рассмотрим некоторые общие вопросы этой проблемы.

В отличие от далекого неолитического прошлого в III–VII вв. любая культурная диффузия на острова осуществлялась с материка. На материке выделялись три крупных культурных центра, непосредственное влияние которых достигало Японии: Корея, Китай, Индия.

До середины VII в. из этих трех центров для Японии наибольшее значение в культурном отношении сохраняла Корея. Полуостров наиболее близок к архипелагу (особенно к о-ву Кюсю), и взаимные непосредственные контакты уходили в незапамятную древность. Через полуостров на острова проникали переселенцы — носители зачатков культуры яёи и курганной культуры. В свою очередь, чего не было прежде, в раннем железном веке японцы проникали на полуостров, участвовали в междоусобицах, т. е. поддерживали непосредственные и взаимные контакты с рядом владений. Междоусобицы на полуострове, вторжения китайцев, походы японцев — все это создавало благоприятную обстановку для иммиграции на острова. Косвенные данные свидетельствуют о благожелательном отношении японских правителей к притоку иноземцев. Так, около 11-го года правления Одзина (280?) в результате падения царства У, нападений корейских племен на китайские префектуры в Корею множество китайских и корейских монахов и ученых, крестьян и ремесленников переселилось на архипелаг. Японцы активно регулировали иммиграцию, добиваясь содействия местных владельцев в отправке нужных контингентов в Японию. Когда на 19-м году правления Одзина (288?) силланцы воспрепятствовали переселению, Япония послала войска в Корею.

В 463 г. предпринята сознательная вербовка иноземцев в Пэкче. Прибывшие китайцы в отличие от старых переселенцев получили название «новых, нынешних ханьцев» (яп. имаки-но ая). Из них были образованы корпорации гончаров, седельников, художников, парчевников, переводчиков, портных. Археологи подтверждают зарождение в Японии

специфической керамики суэки, сложившейся при тесном участии пришельцев. Эта керамика использовалась при погребениях, и потребность в ней росла. Седельники, художники, парчевники много сделали для создания особого художественного стиля в правление Суйко. В 553 г. японский посол привез царю Пэкче послание и оружие. Он имел особое поручение: «Необходимо набрать людей, опытных в медицине, в гадании по «И цзину», в календарях. Приблизить их ко двору, [а других] отдалить. Если в течение года и месяца или немногим дольше отыщут вышеуказанные категории людей, то пусть пошлют их с посольством, когда оно будет возвращаться, таким образом их можно обоюдно разменять. Пусть также снабдят гадательными книгами, календарями и лекарствами всех видов» [Nihongi, XIX, 38]. В следующем году правитель Пэкче послал 10 человек: гадателей, составителей календаря, врачей, фармацевтов, музыкантов. Около 600 г. японцы провели новый широкий набор умельцев в Корею и в Китае.

Корея первая познакомила японцев с новейшими достижениями: дальневосточной культуры. Причем роль ее была двойственна: она являлась и резервуаром, откуда японцы черпали эти новшества, и мостом, связывающим архипелаг с китайским культурным центром. Как уже говорилось, политическая ситуация в этой части континента сложилась таким образом, что до 420 г. столица наиболее влиятельного китайского государства находилась на Севере и путь в нее для тогдашних японцев был возможен либо по суше через Корейский полуостров, либо морем вдоль западного побережья полуострова и через Бохайский залив. При этом, естественно, японцы сперва контактировали с корейцами. Обычно на этом и кончились попытки прорваться к китайскому центру, так как, с одной стороны, на севере полуострова располагалось могущественное Когурё, контролирующее пути в Китай, а с другой — тяга к контактам оказывалась частично удовлетворенной уже на полпути, в Корею [Накада, 1956; Хаигукса, 1960, с. 607–616].

После деления Китая на Северный и Южный, причем на Севере господствовали кочевнические династии, а на Юге — китайские (Сун, Ци, Лян), ситуация изменилась. Путь в Южный Китай по сухопутью теперь преграждался не только когурёсцами, но и кочевниками и, кроме того, растягивался. Морской же путь захватывал лишь часть западного побережья Кореи, пересекал Желтое море и шел на юг вдоль побережья Китая вплоть до устья р. Янцзы. Полуостров перестал быть для японцев

единственными воротами на материк. К тому же запросы японцев росли. Они понимали, что истоки многих новшеств, переданных им корейцами, находятся в Китае. Это способствовало известной переориентации культурных связей в пользу китайского центра [Шао Сюньжэн, 1955].

«Нихонги» рассказывают о том, как странствующие студенты-школяры и богословы-паломники ездили в суйский Китай. Так, в 608 г. на посольском корабле отправилось восемь таких пассажиров. Семь из них принадлежали к натурализовавшимся китайцам или их потомкам, а один был переводчиком. Судьба двоих из них неизвестна, остальные вернулись через продолжительное время—16–33 года: пятеро на посольском корабле Силлы, а один — на танском. Кроме них еще известны имена по меньшей мере пятерых путешественников, вернувшихся в 623 г. на сил-ланском посольском корабле. Такие поездки наделяли путешественников огромным авторитетом: из 13 человек, побывавших в заморских странах, трое вошли в десятку реформаторов Тайка. Другие стали советниками, крупными консультантами по вопросам конфуцианства, медицины, политики [Кимия, 1155, с. 70].

С объединением Китая, династией Тан роль китайского культурного центра стала для Японии первостепенной. Расцвет китайской культуры, активизация внешних сношений при Тан, возросший интерес японцев ко всему иноземному, особенно созвучному с бурными десятилетиями реформ Тайка, — все способствовало упрочению интереса обитателей Японских островов к Китаю.

На протяжении VII в. из Японии к танскому двору был послан ряд посольств: в 630, 653, 654, 659, 665-, 667, 669 гг., причем посольство 665 г., похоже, лишь сопровождало возвращающееся танское посольство, а посольство 667 г. не добралось до цели. Дорога в оба конца занимала один-два года и для многих оказалась роковой: из 16 послов и их заместителей пятеро умерли в пути [Кимия, 3955, с. 75–76]. Эти посольства имели важное значение для культурного и торгового обмена.

Странствующие студенты-школяры и богословы-паломники ездили в танский Китай еще в большем количестве, чем в суйский. С 653 по 700 г. по меньшей мере 38 человек, имена которых сохранились, отправились в танский Китай, хотя 10 из них не доехали до цели или умерли в пути. 10 человек (включая и двух собиравшихся в Китай) ездили с теми же целями в

Силлу. Среди путешественников были, например, Досё — первый апостол секты Хоссо, учение которой он перенял в Китае, Тицу и Титацу — настоятели секты Куся, Бансэки — автор книги по китайской письменности и пр. В задачу школяров не входило специальное изучение технологии. Но в пути их сопровождали лекари, живописцы, ювелиры, кузнецы, ремесленники, которым надлежало повысить свою квалификацию за границей. Китайские ученые и техники сопровождали возвращавшихся японских послов и часто натурализовались в Японии. Имена 20 таких переселенцев сохранились в японской летописи. Таким же путем прибывали в Японию китайские монахи.

Подавляющее количество культурных сокровищ, вывезенных из Китая, приходится на книги. Большинство из них буддийские. Их привозили японские путешественники, возвращаясь на родину. Судя по «Нихонкоку гэндзайсё мокуроку» (около 891 г.), почти все они написаны по-китайски (1579 экземпляров).

Другой важный род заимствований — подарки. К сожалению, сохранились сведения лишь о составе подарков, посылаемых японцами в Китай. Кроме подарков, получаемых японскими послами от китайского двора, последние были обязаны покупать в Китае вещи, нужные японскому двору. Для этой цели им отпускались специальные суммы. Трудно точно подсчитать количество и стоимость ввозимых ценностей, упоминаемых в летописи. Судя по сокровищам, сохранившимся в императорской сокровищнице Сёсоин, — культурная ценность таких вещей велика.

Из трех культурных центров на материке (Корея, Китай, Индия) значение первого в середине VII в. несколько отступило перед важностью второго (при общем возрастании их роли для Японии), а третий только-только начал воздействовать на Японию. Если не иметь в виду буддизма, занесенного в Японию из Кореи в корейско-китайской интерпретации, воздействие индийского культурного центра на японскую культуру в эту пору ощущалось наиболее слабо [Иэнага, 1972, с. 49–63]. В правление Котоку (645–654) некий пророк, по имени Дхармамарга, или Дхармаратха (яп. Хо-до), прибыл в Японию из Раджапоиха в Индии. Впрочем, возможно, что первым индийским миссионером был монах Бодхисена, прибывший в Японию в 736 г. Следы влияния индийского культурного центра просматриваются в обряде трупосожжения, в таких, казалось бы, традиционных формах, как принесение в жертву духам умерших воды,

цветов, рисовых лепешек, благовоний. Многие благовония проникали на острова из Индии, Индокитая, Китая, Малайи, Аравии [Nakamura, 1961].

Религия

Религиозные воззрения конца первобытного общества описаны в разделе о вожэнь в «Вэй чжи» довольно отрывочно. После смерти близкого человека его родичи свыше 10 дней соблюдали траур, не ели мясного, но совместно плясали, пели, пили вино; по окончании траура совершали омовение. Существовал обычай выделять одного несвободного на роль «носителя скверны» (дзисай), обязывая его не только не удалять собственной физической скверны (грязи), но и нарочито не воспринимать посторонней (мяса, женщины), и — в зависимости от судьбы коллектива — либо награждать его, либо убивать. Перед зачином серьезных дел гадали, сжигая кости или щитки черепах. Отправление религиозных обрядов носило коллективный характер, что не мешало существованию жрецов и жриц, передававших «волю духов». Такой жрицей как будто была Химико [Кюннер, 1961, с. 243–250].

В древнейших религиозных представлениях людей Ямато мы находим многие религиозные мотивы и аксессуары вадзин, в структуре своей универсальные для всех примитивных обществ. После смерти небожителя Амэ-но вакахико в течение восьми суток совершалась тризна с плясками и возлияниями [Kojiki, I, 34—4]. Божество Идзанаги, вернувшись из царства тьмы, совершило омовение [Kojiki, I, 11—2]. Богиня Аматаэрасу в пещере гадала по лопатке оленя. Царица Дзингу передала своему мужу и приближенным «волю богов» [Kojiki, I, 92–34].

При всей своей архаичности верования племен Ямато образуют определенную систему [Иэнага, 1972, с. 36–41]. В основе этой системы заложено обожествление и почитание духов (ками), сочетающиеся с культом предков и мифологическими представлениями. В древности духи не персонифицировались, да и вообще не обладали особой формой. Они являлись магической, невидимой ипостасью всего имеющего отношение к повседневной жизни, и особенно всего так или иначе выделявшегося в ней. Отсутствие четких границ между реальным и нереальным (даже отсутствие самой идеи такого разграничения) вызвало сильную религиозную окраску многих сторон жизни людей Ямато. Хотя любое общество на этой стадии придает большое значение религиозному элементу, японское отличается особым сакральным характером, не столько систематизированным, сколько

всепроникающим. Даже «фудоки», составленные в VIII–IX вв. с вполне светскими целями, переполнены сакральными мотивами.

Синтоизм захлестнул и сферу мифологии, фольклора. Он также воспринял и усвоил многие элементы весьма архаичных религиозных представлений. В мифе рождение Японских островов преподносится не только как результат брака между божествами Идзанаги и Идзанами, но и как проявление таинственной животворной силы каждого из них по отдельности, силы, таящейся в любой частице их существа [Kojiki, I, 6–8]. Божества предстают в получеловеческом, полузверином облике как в преданиях, так и в скульптурах-ханива [Иофан, 1974, с. 64]. Синто сохранил тесную связь с анимистическими природными культами — с поклонением солнцу, луне, природным явлениям, животным, деревьям, горам, рекам и (что особенно важно) злакам. В победе Сусаноо (бога ветра) над восьмиголовым драконом (божеством реки), пожирившим «земных богинь», и в освобождении от гибели богини рисовых полей можно видеть и борьбу сил природы, закончившуюся победой земледельческого начала, и далекий отзвук человеческих жертвоприношений [Kojiki, I, 19]. Все действия, так или иначе связанные с миром духов, с общением «земных божеств» с «небесными», героев — с божествами, наконец, людей — с миром духов, исполнены магического смысла. Знаменитая сцена выманивания богини солнца Аматэрасу из грота — наиболее яркий пример магии [Kojiki, I, 5–2; 73–10]. Известны случаи запрета (табу) на определенные предметы, например на огонь или на гребень [Kojiki, I, 9–5], или на действие: тот же Идзанаги не должен смотреть на Идзанами, готовую вернуться из царства мертвых [Kojiki, I, 9–3; 45–6].

Политеизм раннего синто предполагал непосредственное общение людей с духами, а не страх перед сверхъестественными существами. Такое общение выявляется тематикой самих мифов. Вполне допустима связь человека с богиней. В песне, записанной в VIII в., поется: «Я спросил девушку, что звала меня на гору Цукуба: „Кто ты?“ — „Я дочь бога"». [Древние фудоки, 1969, с. 35]. Вероятно, в этом эпизоде выражен древнейший мотив связи человеческого существа с божеством, становящейся залогом плодородия. В другом случае связь зооморфного божества с земной женщиной, хотя она и кончается гибелью женщины (возможно, вследствие несоблюдения обряда очищения), рассматривается как залог рождения героя [Древние фудоки, 1969, с. 138]. Земной герой, оскорбленный божеством, вполне может покарать этого бога [Древние

фудоки, 1969, с. 64].

Ни по составу, ни по действиям божества синто не предназначены для устрашения людей. Замечено, что в стране, где землетрясения и извержения — грозные повседневные явления, мифология не включает в свой состав божеств землетрясения. Зато созидательные силы природы представлены сонмом божеств. Это жизнеутверждающее восприятие окружающего мира очень важно для уяснения своеобразия местных художественных представлений. С таким восприятием связана и антропоморфизация космогонических мифов и сил стихии. В этой антропоморфизации отчетливо проступает тенденция к «заземлению» мифологических сюжетов. В знаменитом мифе об извлечении Аматаэрасу из грота проступает вера в господство в мире сил, благоприятных человеку, и в конечном счете устойчивости самого бытия человека. В свою очередь, боги в основном заняты людскими делами [Yaku, 1969; Иофан, 1974, с. 108–110].

Такая убежденность верующих способствовала сохранению самых архаичных форм верований. Известное моление (норито) об урожае обращено не только к богу зерна, но и ко всем прочим божествам, отдельные части тела которых, как верили, могли способствовать разным этапам земледельческих работ. Другое норито, посвященное «великому очищению» (охараи), впервые упомянутому в источнике под 200 г. (?), сохранило в неприкосновенности перечень «небесных грехов» (разрушение межей, засыпка каналов, открытие плотин, пересев по посеянному, незаконное установление вех, снятие шкур, осквернение испражнениями) и «земных грехов» (резание плоти, проказа и поражение кожи, насилие над матерью или ребенком — своими или чужими, — совокупление с животными, скверна от пресмыкающихся, птиц, злых духов, наведение порчи). Эти «грехи» требовали обязательного «великого очищения», подтвержденного указом 676 г. [Sources..., 1973, с. 14–17].

Исполнение, религиозных обрядов (мацури, мацуригото) происходило в особых местах, часто во временных сооружениях и лишь позднее — в культовых постройках (дзинся). Довольно рано выделились главные сезонные (весенние и осенние) празднества — мацури, сопровождавшиеся молениями, плясками, жертвоприношениями. Коллективность исполнения таких обрядов ограничивалась пределами основной общественной ячейки эпохи (семьи, деревни, общины, клана, владения, государства). По мере

общественной интеграции происходила и религиозная интеграция. Духи-покровители отдельных общин и т. п. не исчезали, но занимали низший ряд иерархии. В высшем ряду стали располагаться общеплеменные божества Ямато.

Мавзолей правителя Нинтоку (близ г. Осака)

Ранние верования племен Ямато не имели ни письменного канона, ни иерархии божеств, ни храмов. Догматика и иерархия божеств, изложенные в «Кодзики» (кн. 1) и в «Нихонги» (кн. 1–2), относятся к VIII в., хотя, вероятно, передают общие черты ситуации, существовавшей несколько раньше. В них повествуется о создании первичными богами Японского архипелага, о рождении «новых» богов, в том числе Аматэрасу, о вручении ее «божественному отпрыску» Ниниги-но микото, а затем и земному отпрыску «императору» Дзимму власти над страной. Именно тогда была закреплена идея божественного происхождения людей Ямато, и в частности происхождения императорского клана от верховной богини солнца Аматэрасу, а прочих знатных кланов — от менее важных божеств, и оформлено положение о сакральном характере власти царей и императоров Ямато. Термин «синто» стал прилагаться к этой системе лишь с появлением буддизма.

Буддизм проник в Ямато, по одной версии, в 538 г. [Kidder, 1972, с. 15], а по другой — в 552 г., когда владетель Пэкче прислал проповедника с сутрами, бронзовым изваянием Шакья Муни, реликвиями, посланием, гласящим, что буддийское учение принято всеми странами от Индии до Кореи и что оно — лучшее из учений и может удовлетворить жителей архипелага. Вопрос о принятии веры решался правящим слоем, который в то время раскололся на две партии. Партия, принявшая буддизм, в итоге

одержала победу.

Первым из царского дома оказал поддержку буддизму принц Сётоку-тайси (574–622), который стал регентом в 593 г. Его знаменитые «Законоположения» (604 г.) уже содержали упоминание о «трех сокровищах»: Будде, учении, религиозной общине. Сётоку-тайси видел в буддизме средство установления мира и всячески пропагандировал учение «трех сокровищ». Согласно этому учению буддизм открывал перед каждым, как бы тот ни был грешен, путь к спасению и давал возможность исправить зло, сколь бы оно ни было пагубно. Но подлинное значение учения «трех сокровищ» отнюдь не сводилось к простому обращению к Будде, сутрам, духовенству; оно предполагало активную общественную жизнь, в которой каждый член общества должен осознать свою роль в жизни коллектива [Nakamura, 1969, vol. 1, с. 1—28]. Чтобы достичь этого, учили сутры, среди членов общества должны царить откровенность, правдивость и согласие, а тайны, интриги, беззаконие следует из него изгнать. Но для достижения правдивости и откровенности нужно правильное воспитание: детям от 4–6 лет надлежало дать понятие о верховном существе, подросткам в 7—15 лет — преподать основы физического воспитания и умственной деятельности, наконец, юношей с 16 лет — обучить истинной философии жизни. Одним из важных моментов воспитания считалось внедрение в сознание людей мысли, что земледелие — это основное занятие. Мужчины должны радоваться, работая на пашнях и заливных участках.

Буддизм разработал учение о потустороннем мире. По этому учению допускалось нахождение в «другом мире» сразу же после того, как верующий переступит границы «этого мира» в духовном смысле, хотя физически он остается жить в старом мире. Центральными фигурами буддийского ритуала стали монахи, свободные от семьи и человеческих привязанностей (за это буддизм особенно критиковали конфуцианцы).

Хинаяна — ранняя форма буддизма — не привилась в Японии из-за своей аскетичности, проповеди «непривязанности». Махаяна же обещала возможность достижения абсолютной истины в течение мирской жизни. Не случайно Сётоку-тайси занимался лишь теми сутрами, в которых верующие проповедовали священникам и аскетам (в противоположность обычной практике), или теми, в которых спасение для всех верующих и верных связывалось с их собственной деятельностью. Поэтому он

подчеркивал важность деятельности даже для тех, кто погрузился в благочестивые размышления. Деятельность, по его мнению, способна этот мир страдания и нечистоты превратить в цветущий сад. «Я рассматриваю жизнь и смерть как сад», — говорил он. В переводе на обычный язык это означало, что религиозные обязанности не налагаются на человека неким божеством, духом, но реализуются в ходе деятельности на протяжении всего его существования. Сётоку-тайси, отстаивая свои идеи, вольно обходился с буддийскими сутрами. Например, сутра Лотоса требует «постоянно сидеть в религиозной медитации», а Сётоку-тайси советовал: «Не приближайтесь к человеку, который всегда сидит в религиозной медитации» [Nakamura, 1969, с. 1—28; Shiro, 1933, с. 1—7]. В таком духе Сётоку-тайси читал проповеди по трем сутрам махаяны, а после написал к ним комментарии.

В 593–621 гг. японцы непосредственно ознакомились с китайским вариантом буддизма, и в Китай поехали японские богословы-паломники. К середине VII в. буддизм в Японии пустил прочные корни. В 607 г. у Нара был построен первый сохранившийся буддийский храм — знаменитый Хорюдзи, а к 628 г. таких храмов было уже 46. В VIII в. оформились старейшие буддийские секты: Санрон, Дзёдзицу, Хоссо, Куся. Санрон и Дзёдзицу созданы в 625 г. монахом Экканом, прибывшим в Японию из Кореи. Санрон сочетала учение хинаяны и махаяны и придавала первостепенное значение проникновению духовенства во все сферы повседневной жизни верующих. Дзёдзицу подчеркивала приверженность к мистицизму хинаяны и принятие синтоизма. В 653 или 660 г. Досё образовал секту Хоссо, которая единственный путь к постижению — истины видела в буддийском созерцании. Секта Куся образована в 660 г. проповедником Тицу. Учение секты было сведено в схемы-варианты путей «просветления».

Сильной стороной буддизма являлось умелое проникновение во все области духовной жизни страны. Это облегчалось тем, что многие новые аспекты духовной жизни уже в момент появления на островах носили буддийский налет, а старые, традиционные часто — раскрывались через буддизм.

法華義疏第一

大委上宮王程
此是集非海彼本

夫妙法蓮華經者蓋是極厚方善合為一曰之豐田七百遍
壽轉成長遠之神藥若論迦釋如來應現長久大急者
時歛宜濃氏經教滿同歸之妙因令得莫之人大果但衆生
宿值善淑神圖根鉢以五濁難於大穢之弊獲思慈眼卒不
可聞一乘因果之大理所以如來隨時而宜勸就庶幾南三乘之

Лист из комментариев к сутре Лотоса, приписываемых Сётоку-тайси

В частности, это относится к конфуцианству. В «Нихонги» имя Конфуция, его сочинения, понятие конфуцианства даже не упоминаются. Только в «Законоположениях» Сётоку-тайси (604 г.), уже в готовом виде, представлены некоторые конфуцианские максимы. Японская традиция связывает появление конфуцианства в Японии с именами Атики и Вани, о которых речь пойдет ниже. Но достоверное время их приезда в Японию не установлено, а связь с конфуцианским учением лишь постулируется. Конечно, с большой долей вероятности можно отождествлять любое появление сколько-нибудь образованных иноземцев с проникновением идей конфуцианства, исходя из всеобщности его распространения на материке. Но если не ставить вопрос таким образом, то пропаганду и приложение конфуцианства в Японии можно проследить лишь с VI в. [Радуль-Затуловский, 1947].

Несмотря на все свои успехи, буддизм даже к середине VII в. не занял

в Японии господствующего положения. Примером может служить случай, когда буквально накануне реформы в 645 г. «король Пэкче по имени Мён почтительно передал Закон Будды в наше великое Ямато. В то время министры все были против передачи. Только Сога-но Инамэ-но сукунэ верил в этот Закон, и император повелел принять его с почтением» [Nihongi, XXV, 10]. Лишь правители страны придерживались буддизма неукоснительно. Так, про Ёмэя (586–587) говорится: «Император верил в Закон Будды и чтит Путь богов (синто)» [Nihongi, XXI, 1]. Лишь реформатор Котоку (645–654) «почитал религию Будды и презирал Путь богов (синто)» [Nihongi, XXV, 1]. Но при Тэнти, в 670 г., «на горе были устроены алтари для синтоистских молений и на них разложены жертвенные ткани; молитву прочел Накатоми-но Канэ-но мурадзи» [Nihongi, XXVII, 23]. К буддистам отнесены также Киммэй, Бидацу и Суйко.

Письменность, наука

Традиция связывает проникновение письменности с личностями Атики и знаменитого корейца Вани — «отца японской цивилизации». Согласно тексту «Нихонги» (X, 10–11), на 15-м году правления Одзина в Японию прибыл Атики (кор. А Чжи Ки) — сын правителя Пэкче. Впрочем, по предположению некоторых ученых, здесь и далее речь идет о событиях, совершившихся позже на целых два полных 60-годичных цикла, т. е. на 120 лет (не в 284, а в 404 г.). «Нихонги» повествуют о том, что, когда хозяин узнал, что его гость может читать китайских классиков, Атики стал учителем. Японский правитель поинтересовался, есть ли в Пэкче человек более ученый, чем Атики. И услышал в ответ новое имя — Вани (кор. Ван Ин). Атики стал в Японии родоначальником корпорации Атики-но фумибито (писцов-переводчиков Атики), а в Пэкче поехал посол с приглашением к Вани. В следующем году Вани прибыл в Ямато, стал учителем престолонаследника, «изучал с ним разные книги. И не было ни одной, которой бы он не знал» [Nihongi, X, 11]. Вани стал родоначальником корпорации Фуми-но обито (заведующих письменными делами). В 41-м году правления Нинтоку (353?) в Пэкче якобы был послан Ки-но Цуно-носукунэ с заданием описать провинции и уезды страны и их доходы. В 4-м году правления Ритю (403?) впервые, как утверждается, в провинции были посланы переписчики, а через два года — создано казнохранилище, а в нем налажен учет прихода и расхода [Вацудзи, 1957].

Эта традиционная версия малодостоверна. Первый симптом распространения письменности — тронное послание правителя Юряку императору Шун-ди в 478 г., упомянутое в «Сун шу». Единственная известная надпись, возможно IV в., — иноземная: это надпись на так называемом «мече с семью ветвями»- Надпись обычно датируется 369 г., но может датироваться 480-м или даже каким-нибудь другим. Ее содержание тоже возбуждает бурные споры: пожалован ли меч пэкчийским королем японскому как вассалу или преподнесен царю Ямато как сюзерену? (ср. [Джарылгасинова, 1979, с. 39–40]).

Ввод в обиход китайской письменности имел революционное значение. Письменность открывала путь к непосредственному овладению накопленных и систематизированных духовных богатств, а это значительно

превышало любые возможности личного обмена опытом. Она давала возможность зафиксировать достижения и передать их последующим поколениям. Но освоение письменности оказалось нелегким делом. В 572 г. японский правитель получил послание от когурёского, но «в то время все писаря в течение трех дней оказались не в состоянии прочесть его. Только один О Тин Ни — родоначальник фамилии Фуна-но фубито — смог прочесть его и объяснить содержание повелителю». Искусный переводчик получил место в окружении правителя, а писарям «востока и запада» (т. е. провинций Ямато и Кавати) было сделано внушение. Неудачу переводчиков летопись объясняет тем, что само послание было написано на вороньих перьях, а письма были черными, как перья, поэтому их никто не мог прочесть. О Тин Ни опустил перья в воду из-под вареного риса и сделал с них отпечатки на шелке [Nihongi, XX, 2].

Судя по «Нихонги», китайская письменность расширяла свои позиции в Японии. Сётоку-тайси и Сога Умако в 604 г. выработали так называемые «Законоположения из 17 статей», в которых на базе буддизма и конфуцианства выдвигались максимы государственной, общественной, семейной и религиозной жизни. Сётоку-тайси, как считают, составил в 612 г. «Записки об императорах» («Тэйки»), а в 620 г. — древнюю историю страны («Кудзики»), Поскольку эти памятники либо не сохранились, либо не аутентичны, самым ранним свидетельством использования китайской письменности в Ямато служит надпись на основании башни храма Гангодзи (588 г.), в которой иероглифы использованы как силлабемы для транскрибирования имени Сётоку-тайси [Пинус, 1972, с. 37].

Формирование государственного аппарата потребовало расширения делопроизводства, а последнее, в свою очередь, способствовало повышению значения письменности и грамотных людей. В 647 г. писаря привлечены на государственную службу, что свидетельствует об определенном развитии письменного делопроизводства. В 662 г. открыты школы. В 682 г. создана комиссия по подготовке истории императоров и древности. Предполагают, что собранные материалы вошли в «Кодзики», составленные в 712 г. И это, в сущности, первая достоверная дата реально существующего большого памятника письменности, созданного на японской почве.

Обратимся теперь к рассмотрению положения в отдельных отраслях науки Японии в III–VII вв.

Известно, что математические представления являются древнейшим видом абстрагированных точных знаний. Без них невозможны любые другие науки, содержащие сколько-нибудь значительную долю отношений точности: астрономия и металлургия, хронология и инженерное дело и пр. Математические знания, несомненно, существовали в глубокой древности: без них невозможно было производить подсчеты охотничьей добычи и урожая, изготовить правильно отшлифованный топор, тем более построить храм, соорудить погребальную камеру в кургане, рассчитать смену дня и ночи, сезонов и т. п. По мере усложнения производственной деятельности населения развивалась и математика, которая стала использоваться при обмере полей, вычислении объема сыпучих тел, строительных расчетах, для календарного счета [Smith, Mikami, 1914].

В глубокой древности в Японии сложилась десятичная система счета и появились названия цифр от одного до десяти, сейчас имеющие ограниченное употребление (хито, фута, ми, ё, и, му, нана, я, коко, то), далее счет мыслился как 10×10 и т. д., причем для чисел 100 (момо), 1000 (ти), 10 000 (ёродзу) имелись особые термины. Для более крупных величин основой служило понятие 10 000. Древнейшие меры длины и веса были весьма примитивны. До нас дошли такие названия, как «цука» — ширина ладони, «ата» — расстояние от большого до среднего пальца в их раздвинутом положении. Существовало не менее трех мер площадей и одной весовой меры, употреблялись также весы-балансир. Судя по спискам царских сокровищ в Сёсоине, к началу V в. освоены четыре арифметических действия. Число «три» считалось священным, как и «восьмерка». Последняя означала «множество». Это видно из выражения «восемь миллионов богов неба и земли». Существовало выражение «ман-ман», т. е. $10\,000 \times 10\,000$, или сто миллионов [Tuge, 1961, с. 11–13].

В «Манъёсю» встречаются выражения 9×9 для 81 и 3×5 для 15, давно употреблявшиеся в Японии.

Где-то на рубеже VI–VII вв. эта доморощенная, островная математика испытала китайское влияние. Очень скоро, ознакомившись с китайской иероглификой, японцы переняли китайские цифры и укрепили на новой основе десятичную систему счета. В быту для расчетов пользовались особыми бирками. Были известны циркуль и угломер. Но главным, конечно, были не эти частные новшества, а проникновение сложившейся

математической литературы, несшей в себе совершенно оригинальную систему математического мышления [Kobori, 1973].

Для определения направления «юг — север» при строительстве В качестве ориентира использовалась Полярная звезда или тень от солнечного шеста (гномона). При разбивке строительного комплекса городского типа на участки и районы действовало так называемое правило «дзёбо». Территория под застройку разбивалась на квадраты, которые назывались «дзё», когда их рассматривали в северо-южном направлении, и «бо», когда их считали с запада[на восток. Квадраты были стандартные — по 36 бу (= 1 га) — и делились на 36 более мелких квадратов — «цубо» [Kidder, 1972, с. 42—[43]. Китайская система мер и весов проникла на острова в 629–641 гг., но, когда провозгласили надельную систему (в 646 г.), для измерения полей специально применили китайский эталон — фут государства Чжоу.

При раскладке налогов широко применялись четыре арифметических действия, пропорции, дроби. Разумеется, не только землемерная работа и фискальное дело нуждались в математиках: с 647 г. их усердно стали привлекать на государственную службу в любом качестве и на любом профессиональном уровне. В 662–671 гг. открыта школа для подготовки математиков с первоначальным контингентом учащихся 20 человек.

С появлением земледелия связано углубление астрономических знаний. Посев и жатва, прополка и поливка немыслимы без конкретных представлений о месяце, сезоне, годе. Ранее земледелие, целиком зависело как от общей климатической среды, так и от отдельных ее проявлений. Поэтому население Японии не только сообразовало выбор злаков для посева с климатом островов, что, конечно, происходило чисто эмпирически, но и разработало примитивную метеорологию. Оно наблюдало за различными явлениями природы: ветром, дождем, снегом, туманом, наводнением — и стремилось предугадать их появление и силу воздействия [Ёсида, 1955, с. 49–50].

Многие наблюдения могли быть применены с пользой только в том случае, если они были связаны с системой исчисления времени. И хотя китайские летописи утверждают, что японцы во II в. не различали четырех сезонов, зная лишь время посева и жатвы, но — какой-то астрономический календарь, безусловно, существовал в стране еще до VI в. По некоторым

данным, в древней Японии был «календарь трех небес» (сантэнрэки). В основу исчисления были положены день, месяц, год. Последний включал в себя четыре земледельческих сезона: весну, лето, осень, зиму. По преданию, год начинался с месяца вступления мифического императора Дзимму на престол, т. е. с весны 660 г. до н. э., что совпадало с временем посева, и делился на месяцы и дни. Очевидно, он относился к категории лунных календарей, дающих, как известно, наибольшие расхождения между календарным и истинным временем. Если мы вспомним, что в правление Дзингу и Одзина (III в. по традиционной хронологии) разрыв между корейскими и японскими летописями составил, как полагают, 120 лет, а при Анко и Юряку (454–479) какого-либо разрыва между китайскими и японскими летописями уже не существовало, то из этого можно сделать два вывода. Во-первых, до конца III в. в Японии календарь имел ограниченное распространение, если уже в VIII в. оказалось возможным «свободно утратить» два 60-годичных цикла и...«восполнить» их, а во-вторых, где-то в середине V в. введен более точный календарь.

Однако японские письменные источники отодвигают последнее событие почти на век позже. Причем материковые представления о времени, похоже, достигли японцев через Корею. Согласно источникам, в 552 г. корейцы познакомили японцев с буддийскими календарями. В 602 г. корейский монах ввез в страну лунно-солнечный календарь, составленный в Китае в 443 г., книгу по астрономии и магии. Это событие оценили по достоинству: были выделены три японца (история сохранила их имена), которые при помощи монаха успешно освоили эти книги. Видимо, это дало основание считать, что уже через год, в 604 г., в Японии впервые вошел в действие иноземный календарь, составленный в государстве Сун, а местное летосчисление стало выходить из употребления. В действительности дело с календарем не обстояло так просто, но китайская система летосчисления в Японии уже стала известна. Можно отметить интересную подробность. Упомянутый календарь составлен в Китае в 443 г., а буквально через несколько лет исчез хронологический разрыв между китайскими и японскими летописными сведениями. Можно допустить, что этот календарь в действительности проник на Японские острова еще до начала VII в. Есть и материальное свидетельство более раннего знакомства японцев с календарем. Существует зеркало, как утверждают, отлитое в начале VI в.; дата на его обратной стороне обозначена циклическими знаками, принятыми дальневосточными календарями [Iba, 1934/1937].

Результаты не заставили себя ждать: именно к VII в. относят летописи первые фиксируемые наблюдения. В 628 г. впервые наблюдалось солнечное затмение, в 634 г. — комета (она была замечена на юге, сделала круг и в следующем году появилась уже на востоке), в 637 г. — болид («огненный шар»), в 640 г. — затмение «звезды» (Венеры?) Луной, в 643 г. — лунное затмение.

Существенные новшества замечаются в летосчислении. С645i. стал применяться счет по годам правления. По китайским астрономическим книгам японцы сами установили систему часов: сутки были разделены на 12 часов и отсчет часов велся с полуночи. Часы получили название знаков дальневосточного зодиака (крыса, тигр, дракон, лошадь, обезьяна, собака, бык, заяц, змея, овца, петух, кабан). Мы узнаем из литературы о появлении в стране в 665 г. календаря ринтокурэки (кит. линьдэли), в 673 г. — гихорэки (кит. ифэнли), в 690 г. — гэнкарэки (кит. юаньцзяли) и, наконец, в 697 г. — исправленного варианта гихорэки. Как видим, введение календаря оказалось делом непростым как из-за новизны чужеземных календарей, так и из-за их несовершенства.

После введения лунно-солнечного календаря, в 602 г., построена в стране астрономическая вышка, и при ней создан штат астрономов-наблюдателей. Астрономическая служба продолжала расширяться; в 662 г. строят наблюдательные вышки, в 671 г. учреждена государственная служба времени, в 675 г. в столице Асука построена первая настоящая обсерватория. Солнечные и лунные затмения уже стали для астрономов обыденным явлением; летопись фиксирует их лишь от случая к случаю. Но другие небесные явления наблюдались и тщательно фиксировались: в 654 г. — большие метеоры, в 681 г. — затмение Марса Луной. В 692 г. «ночью Марс и Юпитер то сближались, то отдалялись четыре раза в пределах шага, то сияя, то исчезая» [Nihongi, XXX, 28].

Однако в астрономической службе и в наблюдениях на первом месте оказались астрологические интересы — гадание по правилам натурфилософии инь-ян (яп. ин-ё) и лишь на втором — наблюдения за небесными явлениями и служба времени. Впрочем, и раньше японцы не только различали стороны горизонта, но и, очевидно, усвоили геомантическое их значение на материке. Японские курганы V–VI вв. построены фасадом на юг, так как китайская геомантия учила, что император должен смотреть на юг. Храмы VII–VIII вв. в Японии тоже

построены по оси на юг— север [Tuge, 1961, с. 10–11].

Естествознание в древности не получило того значения, какое приобрели математические науки, так как его теоретическая сторона значительно более опосредованно влияла на прикладные сферы этой большой группы наук. Зато последние стали привлекать внимание очень рано, но исключительно в эмпирическом плане. Единственным исключением являются медицина и фармакопея [Тасэ, 1942].

В области воззрений на причины появления недугов и их врачевания существовали две точки зрения. Происхождение внутренних болезней оставалось малопонятным и обычно приписывалось действию «злого духа». Поэтому лечение таких болезней часто сводилось к изгнанию этого «злого духа» путем магических обрядов, молений, жертвоприношений. Непосредственные причины травм, нанесенных оружием врага, зубами и когтями хищника, действием неживой природы, были очевидны, хотя сложный механизм самих повреждений, конечно, оставался непонятым. Само повреждение было доступно непосредственному наблюдению, это делало лечение более эффективным.

Лечение в собственном смысле слова было как наружное, так и внутреннее. К первому относились прикладывание пыльцы цветущего бамбука — от ран и обмазывание кашицей из воды и пережженных моллюсков — от ожогов. В качестве внутренних лекарств использовались травы, корни деревьев и кора, внутренности животных, части насекомых. Особым успехом пользовались растительные лекарства, среди которых современные врачи определили женьшень, аконит, кору магнолии, лакрицу, перец, кротонное дерево. Купание и ванны, по-видимому, тоже применялись при лечении, и в частности горячие природные источники. Пожалуй, первое указание на использование горячих источников для лечения относится к правлению Суйдзэя (к 581 г. до н. э. по традиционной хронологии). Интересно, что именно этот способ лечения наиболее любим по сию пору японцами. Происхождение прыжиганий и иглоукальваний иногда возводят к рубежу нашей эры. Но еще под 645 г. рассказывается легенда о волшебном происхождении иглоукальвания, «излечивающего все болезни» [Fujikawa, 1926]. И тем не менее десяток датированных сведений о медицинских и лекарственных достижениях легендарной поры японской истории до V в. носят явно случайный характер: кроме только что упоминавшихся горячих источников к 1-му году правления Кайка (157 г. до

н. э.?) относят появление первых зачатков знаний патологии и физиологии, к 12-му году правления того же Кайка (146 г. до и. э.?) — широкое применение растительных лекарств, к 69 году правления Судзина (29 г. до н. э.?) — проникновение элементов корейской медицины, к 50-му году правления Дзингу (250 г.?) — сбор лекарственного сырья по стране. Сами по себе эти сведения не могут считаться заведомо невозможными, но их временная отнесенность неприемлема, а полная нераскрытость их содержания сужает само значение этих фактов.

Первые познания в ботанике возникли в ходе определения лекарственных, съедобных, красящих свойств растений. Эти сведения человек получил, как только стал употреблять в пищу ягоды, орехи, корни и т. п., т. е. на заре своего существования. В 16-м году правления Одзина (285 г.?) из Пэкче, как утверждают «Нихонги», прибыл Вани с китайскими книгами. Среди них были книги по фармакопее и фармакологии. В «Кодзики» названия некоторых растений транскрибированы по-японски китайскими иероглифами. Это первая попытка сравнительного изучения растений [Shirai, 1926].

Формирование медицины как науки тесно связано с корейской медицинской школой, которая в течение V–VII вв. имела в Японии несомненный приоритет перед китайским направлением. В источниках сообщается о прибытии врачей из китайского государства Цзинь и из Кореи, о широком употреблении лекарств, о сборе целебных трав. В 1-й год правления Ингё (412 г.?) из Кореи приезжают два врача: один — представитель китайской, другой — корейской медицины. Врачи приехали с лечебниками и травниками, поэтому этот год в истории японского лекарствоведения считается датой зарождения на островах науки хондзо (кит. бэньцао). «Хондзо» в переводе означает «деревья и травы» и является названием китайских сочинений, посвященных главным образом изучению царства растительности. Поэтому наука хондзо часто понимается как ботаника. Но в целом ее значение шире — она охватывает более широкий круг естественных наук: ботанику, зоологию, минералогию и др., но с позиций лекарствоведения. Практический уклон раннего естествознания при ограниченности его возможностей привел к тому, что изучению растительности отводилось первое место. Литература такого рода носила в Европе наименование «врачебного вещесловия» (*Materia — medica*) [Bretschneider, 1882]. Врачи вызывались и специально. Когда Ингё заболел, он послал за врачом в корейское государство Силла. В 3-й год правления

Ингё (414 г.?) корейский врач Ким Бу прибыл в Японию и удачно лечил больного. В 458 г. когурёский врач Ток Нэ поселился в Нанива. Его ученики и потомки еще долго практиковали в этих местах. Около 454 г. японцы относили к эпидемическим заболеваниям («мор») тиф, малярию, дизентерию, проказу.

В VI в. резко усиливается проникновение в страну медицинской литературы, корейских врачей и лекарств. В 544 г. устанавливается должность сборщика целебных трав. В 552 г. из Пэкче приехал врач и два аптекаря с лекарствами. В следующем году из Пэкче снова прибыл фармацевт. Врач из царства У в 562 г. через Когурё добрался до Японии, привезя с собой 164 тома книг по медицине, хирургии, лекарственным травам, иглоукалыванию, прижиганиям. Последние оказали японцам большую помощь при освоении китайской фармакопеи. В 593 г. при храме Ситэнъодзи в Нанива устраивается лечебница. Буддийские монахи, начавшие проникать в страну в это время, также обладали медицинскими познаниями, которые передавали японцам. К этому времени влияние корейской медицины в Японии достигло вершины. Корейцы же ознакомили страну с успехами в медицине Китая и Индии.

Непосредственное знакомство с китайской фармакопеей относится к 593 г., а с медициной — к 608 г., когда японские ученые были посланы в Китай для усвоения медицинских знаний (в 623 г. они вернулись с книгами и лекарствами). Около 611 г. вошел в обычай полуритуальный сбор лекарственных трав, который производила обычно императрица (а в 668 г. император), непременно в праздник — в 1-й день 1-й луны. Китайского же происхождения и присылка из провинций волшебной травы «долгой жизни» (644, 679 гг.). Несмотря на усиливающуюся тягу к китайской медицине, в 642 г. японский врач поехал совершенствоваться в иглоукалывании в Силлу.

Ко второй половине VII в. относится несколько небезынтересных медицинских записей в «Нихонги». В 655 г. в стране прошла эпидемия оспы (хроника упоминает рябины от оспы), во время болезни Тэнти (661–671) вокруг его ложа собралось 126 врачей (!), в 675 г. во вновь открытом училище создан аптечный отдел. В 676 г. преподаватели учения инь-ян и иноземных лекарств в училище и в школах читали лекции по фармацевтике. В 686 г. личный врач императора, выходец из Пэкче по имени Ок Ин, получил титул «короля врачей».

Японские историки медицины признают существование на рубеже VII в. трех направлений: китайского, буддийского (корейского) и японского. Первое признавало две основные причины заболевания: внешнюю и внутреннюю. К внешней относились действия ветра, холода, жары, сырости, к внутренней — переутомление, радость и гнев, горе, дисгармония между инь и ян. Второе объясняло все болезни дисгармонией между четырьмя основами Вселенной: землей, водой, огнем и ветром. Третье не имело разработанной системы взглядов.

Технология

Примитивное горное дело и металлургия восходят к началу заселения Японских островов. Уже тогда жители в поисках кремня и других горных пород, пригодных для обработки, должны были производить поиски в горах, умели находить и разрабатывать нужные залежи камня, подвергали некоторые породы (яшма, гранит и пр.) весьма сложной первичной обработке. В первые века нашей эры население Японских островов должно было знать открытые разработки меди и простейшие методы ее добычи и обработки (холодная ковка и др., включая и переплавку импортных вещей). Наступление курганной эпохи в III–IV вв. знаменовало вступление в ранний железный век и, следовательно, повсеместное знакомство с железом. Но литературные данные очень скупы на этот счет, как и вообще о положении с добычей металлов в Японии до VI в. Медь, железо, золото, серебро (а чаще вещи из них) постоянно упоминаются даже в ранних книгах «Нихонги». Медь и железо названы в различных мифах, относимых к «эре богов», в частности в мифе о богине солнца. В так называемом «датированном» тексте медь (белая) впервые упомянута применительно к 3-му году правления Тюоя (193 г.?). Вплоть до VI в. включительно железо как материал называется непременно среди привозных редкостей: в 46-м году правления Дзингу (246 г.?) Пэкче прислало 40 брусков, в 52-м году ее правления (252 г.?) — просто железо, в 12-м году правления Нинтоку (324 г.?) Когурё прислало железные щиты и мишени, в 516 г. Пэкче преподнесло железные топоры. Только в 642 г. японский вельможа, в свою очередь, подарил пэкчийскому железные бруски — целых 20. В одном из курганов в преф. Нара оказалось 872 таких бруска разного размера [Nishio, 1913].

Довольно поздно фиксирует летопись явное существование разработок руды и плавки металла, причем с нарушением исторической последовательности технических открытий: только под 670 г. упомянута дробилка руды и плавка железа, а первое упоминание о добыче меди отнесено еще дальше — к 698 г., когда пров. Инаба послала ко двору медь. Также до весьма позднего времени нет сведений в литературе о добыче золота и серебра, хотя постоянно фигурируют вещи из этих металлов. По тем же данным, серебро на Цусиме стали добывать с 657 г., а золото — с 699 г. [Naumann, 1967, с. 59–60]. В качестве места, богатого этими ценными

металлами, также неоднократно, начиная с 3-го года правления Тюоя, т. е. со 193 г. по легендарной хронологии, называется Силла (например, в 485 г.). Драгоценными металлами богат и остров, лежащий на пути в Корею, — Цусима.

Археологические данные вносят значительную поправку в эту картину. Сравнительный анализ китайской и японской бронзы показал, что состав японской бронзы обладает стойкой спецификой, отличающей ее от китайской, но соответствующей естественному составу японских руд. Это означает, что в период яёи японцы уже умели добывать руду, плавить медь и отливать изделия из нее: Добыча железа известна в Японии почти так же давно, но «японскаяковка» не заслуживает этого названия. Это скорее отливка. Но и отливка иковка в Японии занесены вместе с культурой яёи. Первоначально из Китая проникли болванки, потом развилось литье, а затем — через Корею — занесенаковка [Исикава, 1959, с. 158, 171–172].

Горное дело становится одним из важных участков японского хозяйства. В 668 г. в пров. Этиго открыли нефть и асфальт и представили образцы ко двору. В 674 г. на о-ве Цусима обнаружались залежи серебра. В 691 г. были открыты рудники меди и серебра, которые работали на монетный двор. В конце VII в. наблюдается дальнейший подъем в горном деле: медные рудники были открыты в Инаба и Суо, квасцы — в Оми, сурьма — в Иё, киноварь, красный мышьяк (реальгар) и особый, содержащий сурьму сорт медной руды (штейн, по-японски сиромэ), мышьяк, цинк, висмут, олово — в Исэ, киноварь — в Хитати, Бидзэн, Иё, Хюга, Бунго, ляпис-лазурь и медный купорос — в Аки и Нагато, олово — в Танива и серебро — в Ки и т. д. Точных сведений о характере и масштабах использования каменного угля и нефти в древней Японии нет, но сам факт частых упоминаний в летописях об открытии залежей угля и нефти доказывает, что японцам было известно их применение [Иофан, 1963].

Металлургия, несомненно, одна из древнейших отраслей производства Японии. В ней рано были сосредоточены практические навыки населения. Процесс добычи меди рисуется в следующем виде: дробленую руду перебирали и обжигали, используя древесное топливо и меха, плавку — зернистую медь — разливали по сосудам. Эту плавку снова обжигали и после выжигания серы и железа получали чистую медь. К концу VIII в. японцы научились получать разные медные сплавы.

В Японии были известны «Записки о ремесле» («Каогун цзи») — 6-я часть китайского трактата «Чжоу ли». Они содержат знаменитые «шесть рецептов по металлу», которые долгие столетия составляли основу дальневосточной химии и металлургии, хотя на практике от них часто отступали. Согласно этим рецептам выделялось шесть сортов бронзы в зависимости от пропорций составных частей сплава. В шести сортах пропорция менялась по лесенке — от одного сорта к другому. Причем указывалось, какие вещи из какого сорта бронзы лучше делать (табл. 11).

Мы знаем, что небольшая примесь олова (8–9 %) придает сплаву некоторую твердость и красный цвет. Такой сплав хорош для штамповки и чеканки. Повышение содержания олова до 12–13 % дает так называемый пушечный металл красивого желтого цвета, прочный и крепкий. С увеличением количества олова до 15–20 % сплав приобретает бледно-желтый оттенок, значительную звонкость, твердость, но не хрупкость. Хрупкость уже ощутима при повышении содержания олова до 25 % и выше. При 30 % олова получается очень крепкий, но хрупкий белый «зеркальный» металл. Если олова больше 30 %, то металл уже очень хрупок и непрочен и для практического назначения не годен. Из этих шести рецептов-пропорций соотношения между медью и оловом 3: 1 и 4: 1 очень удачны и были найдены в результате долгих поисков. Чем выше количество олова в сплаве (в пределах до 25 %), тем лучше сорт изделия. Присутствие свинца также обязательно. Он играет роль связующего элемента между двумя основными составами. Без свинца изделие чересчур хрупко для шлифовки. При плавке избегали слишком большого охлаждения сплава во избежание выщелачивания свинца. Кроме того, сплаву полагалось быть достаточно мягким, чтобы можно было получить сложные изображения, в частности, на оборотной стороне зеркала. Не случайно бронзовое зеркало, изготовленное в Японии в V в., содержало 67 % меди, 22,5 % олова, 9 % свинца, 1,5 % никеля (соотношение между медью и оловом 3:1).

Таблица 11

Классические китайские рецепты бронзы*

Рецепт	Предметы	Пропорция	В процентах	
			мель	олово
1	Кубки и триподы	6:1	86	14
2	Топоры и секиры	5:1	83	17
3	Алебарды и копья-тре- зубцы	4:1	80	20
4	Мечи	3:1	75	25
5	Притупленные стрелы . . .	5:2	72	28
6	Зеркала	1:1	50	50

* [Chikashige, 1936].

Важнейшим достижением в металлургии V–VI вв. следует считать так называемое песчаное железо, выплавлявшееся из магнитного железняка, который добывался в песчаных дюнах. В почве выкапывали яму, служившую открытым горном. Туда загружался железистый песок с древесным углем. Плавка осуществлялась с участием нагнетательных мехов. Такая технология (нотатара) применялась по всей стране, она требовала много древесного угля и вела к большой потере металла. Поэтому уже в конце железного века в Японии освоили кричный способ получения железа — путем переработки чугуна в железо, в результате выжигания углерода посредством избыточного кислорода. В V–VII вв. японцы различали три вида железа: сварочное, сталь и ковкое. Сварочное железо содержало менее 0,1 % углерода, плавилось при высокой температуре и не годилось для горячейковки. Но оно обладало способностью к размягчению и было пригодно к холоднойковке. Сталь содержала 0,8–0,9 % углерода и обладала высокой прочностью. Ковкое железо, содержащее не менее 4 % углерода (чугун), плавится при низкой температуре и после отжига легко куется. Кроме того, этот род железа может быть легко обращен в оба другие путем выжигания лишнего углерода.

Серебряная руда обжигалась в течение нескольких дней на высоких продуваемых пунктах. В качестве топлива употребляли сосну: зола впитывала свинец и олово, а серебро вымывалось.

В литейном деле немалую роль сыграли иноземцы: так, в 586 г. из Пэкче в Японию приехала группа литейщиков.

Литературные сведения о металлообработке скудны. Первое упоминание об изготовлении железного вооружения встречается в

«Нихонги» под 1-м годом правления Судзина (97 г. до н. э.). «Хитати фудоки» подтверждают этот факт [Древние фудоки, 1969, с. 47]. Холодная ковка сделала большие успехи на рубеже VI–VII вв. благодаря работам натурализовавшегося кузнеца Оси-нуми. В V–VII вв. стал, известен способ сочетания пластин (ава-сэкитан). Из железа делали такие орудия труда, как кирки, мотыги, сошники, грабли, серпы, топоры, пилы, молоты, клещи. Но в основном железо шло на выделку оружия и вооружения. Первое место среди оружия, бесспорно, принадлежит мечам, изготовленным способом холоднойковки, и уже потом — наконечникам стрел и копий. Из вооружения наиболее известны были доспехи и шлем. Из небольших пластинок делалась кольчуга, из средних — панцирь. Шлемы, разнообразные по форме, собирались из мелких пластинок. Многие части конской сбруи — стремяна, удила, седла — тоже делались из железа [Gowland, 1915].

В Японии долгое время держалась холодная ковка меди, переплавка старых изделий и сравнительно поздно освоили настоящее бронзовое литье. Но лишь к 605 г. относится сообщение о медном литье — отливке статуэток Будды (с примесью золота). На практике бронзовое литье было известно на много веков раньше. Археологические памятники сохранили нам глиняные и каменные литейные формы: плоские, ординарные, двойные (для фигурного литья). Отливались такие предметы, как наконечники копий, мечи и более сложные по форме колокола и зеркала. Последняя пара покрывалась литыми украшениями, подвергалась гравировке, а рабочая часть зеркала — особой полировкой. К 540 г. относится упоминание о сосуде со вставками эмали, а к 453 г. — интересное, хотя и иносказательное, сопоставление боевых возможностей соперников в борьбе за престол, вооруженных один медными наконечниками стрел, другой — железными, сопоставление, решаемое в пользу обладателя железного вооружения [Nihongi, XIII, 18].

К отделу металлообработки относятся и немногочисленные механические поделки и приспособления [Ёсида, 1955, с. 57–59]. В 660 г. в Японию завезли водяные часы. Они были основаны на следующем принципе. Несколько сосудов с водой ставились один выше другого. В нижней части стенки каждого сосуда проделывалось отверстие, через которое вода постепенно просачивалась в нижестоящий сосуд и так до самого нижнего. В нижнем сосуде имелась градуированная шкала, показывающая уровень воды, т. е. время. В 671 г. часы были помещены в

особое здание, и время отбивали колоколом и барабаном. В 658 г. буддийский монах сконструировал «тележку, указывающую юг», а в 666 г. преподнес ее двору. В 667 г. устраивается водяная мельница. В быстро бегущий поток погружали колесо, которое, вращаясь, приводило в движение ось с закрепленными на ней парноработающими билами. В 670 г. из Китая привозят водяное колесо. Им пользовались для того, чтобы при помощи мускульной силы ног доставать воду из открытых источников («ступальное колесо»), В 671 г. сконструирован указатель уровня воды.

Химические знания применялись в разных сферах производства: в стекольном, кожевенном, красильном, бумажном, пищевом и пр. Очень рано научились делать стекловидную пасту, а в конце IV в. эта отрасль производства уже получила значительное развитие. Если верить «Нихонги», около 375 г. стекло варили из окиси: свинца и полевого шпата с древесным углем. Красящими материалами служили окись железа (бурый цвет), марганец (темно-пурпурный, желто-бурый цвета), окись меди (зеленый цвет). Около 531 г. стали варить беловатое и темно-синее стекло, а в 666 г. — зеленое [Chikashige, 1936].

Весьма древнего происхождения искусство обработки кожи, хотя дата изобретения станка для выделки мехов и кож—584 г. до н. э., конечно, недостоверна. Впрочем, «Нихонги» снова под 1-м годом правления Итоку (510 г. до н. э.?) среди прочих ремесел называют кожевенное. Лишь для периода с V в. появляются достоверные фактические данные: в 463 г. из Пэкче приезжают седельники, в 488 г. из Когурё завозят новые приемы горячей обработки кожи, в 493 г. успешно применяется методика окраски кожи. Но в 554 г. на кожевенное ремесло обрушился ряд запретительных мер, предпринятых под влиянием буддизма. Буддизм и в дальнейшем сдерживал все формы деятельности, «вредящие жизни».

Рано появляются различные красители, в том числе и специальные— для окраски дерева и кожи. В 610 г. буддийский монах из Когурё привез новую технику окраски, а к 647 г. уже было известно 7 цветов и 12 оттенков. В 692 г. научились готовить свинцовые белила. Завозится прочный лак, который использовался и в строительстве как скрепляющий раствор, но сам по себе лак применялся в Японии еще в неолите.

Изготовление бумаги и туши, кистей упоминается в «Нихонги» под 16-м годом правления Одзина (285 г.?). Бумагу получали из коконов

шелкопряда и из дерева. Коконь варилась, раскладывались на циновку, промывались в речной воде, перетирались в однородную массу, которая после отцеживания воды сушилась. Верхний слой или шелковую вату удаляли, а на циновке оставался тонкий волокнистый слой, который после отглаживания превращался в лист бумаги. Вскоре удалось заменить дорогое сырье дешевым — стеблями бамбука, древесной корой, коноплей, тряпьем. По тому же источнику, Сётоку-тайси в 610 г. получил отличную бумагу, добавляя в состав массы крахмал.

Винокурение было известно на островах с глубокой древности. «Нихонги» подтверждают его существование на 2-м году правления Тюай (192 г.), а под 1-м годом правления Одзина (270 г.) отмечают появление новых приемов, завезенных из Пэкче, но обе даты условны, как и дата обжига соли—301 г.

Инженерно-строительное дело оказалось следующей важной областью приложения научных и практических достижений японцев. В специфичных природных условиях в нем наметились два больших направления: ирригационно-гидротехническое и корабле-строительное [Есида, 1955, с. 55–56; Tuge, 1961, с. 13–15].

Первое зародилось не позднее периода яёи — времени распространения поливного рисосеяния. Возможно, отзвуком этого времени служит ссылка на сооружение каких-то водохранилищ в 60-м году правления Судзина (38 г. до н. э.), оросительного канала в Кавдти на 62-м году правления Судзина (36 г. до н. э.). Мы находим упоминание о приказе на 35-м году правления Суйнина {6 г.} всем провинциям копать водохранилища и каналы — числом свыше 800, о сооружении водохранилища в Сакатэ, которое было обсажено бамбуком, в 50-м году правления Кэйко (127 г.). Важность орошения облекла его сверхъестественным ореолом. В «Нихонги» рассказывается, что в 200 г. царица Дзингу возделывала священное рисовое поле. Чтобы пустить воду из Накагава, она прорыла канал до холма Тодораки, но на пути встретилась скала, которую мастера оказались не в силах пробить. Тогда царица пожертвовала богам меч и зеркало и попросила их разрешить закончить оросительный канал. Тотчас же молния ударила в скалу и пробилась ее [Nihongi, IX, 5]. Очень интересное сообщение связывает летопись с 7-м годом правления Одзина (276 г.). Якобы в этом году заставили китайцев (ханьцев), иммигрировавших на острова, копать водоем. Последний

получил название «ханьского».

Безусловно, очень рано стали вести гидротехнические работы в природной гавани Нанива. В 1-м году правления Нинтоку (313 г.?) там рыли какой-то канал и сооружали плотину. В дельте р. Ёдогава в IV в. образовалось поселение Нанива-будущий город Осака. По реке китайские и корейские корабли подымались во внутренние районы Японии. В 8-м году правления Нинтоку (320 г.?) корейские гидрографы прорыли отводной канал в дельте Ёдогава, преследуя несколько целей: улучшить судоходство в мелководной дельте, наладить орошение и защитить пашни от наводнений. В 14-м году правления Нинтоку (326 г.?) в Конку в Кавати прорыт большой канал, по которому хлынули воды р. Исикава и оросили четыре засушливые равнины: Верхней и Нижней Судзу-ка, Верхней и Нижней Тоёра. В результате было орошено 40 тыс. цин, т. е. около 240 тыс. га [Nihongi, XI, 14]. Сообщения о вырытых водохранилищах и каналах встречаются в «Нихонги» до самого конца повествования. Так, источник отмечает, что в 607 г. копают каналы и пруды и т. д. Интересно, что археологи «открыли многие из сооружений, упомянутых в летописи.

Первое письменное упоминание о постройке судов, причем по приказу из некоего центра, отнесено летописью к 17-му году правления Судзина (81 г. до н. э.). В 5-м году правления Одзина (274 г.?) в Идзу якобы построен корабль в сто футов длиной. В 31-м году правления Одзина (300?) провинции получили приказ построить 500 крупных судов. Все эти малодостоверные сведения — отзвуки какой-то реальной деятельности. По легенде, бог Сусаноо превратил части своего тела в криптомерию и камфарное дерево — материал корабельщика [Nihongi, I, 58]. Но сообщение о прибытии из Пэкче в 577 г. корабельщиков более достоверно и интересно, как и известие о постройке судов в 618 г. в Ангё.

В условиях островной и гористой страны особое значение на протяжении всей истории приобретало строительство дорог, городов, замков. Первые робкие шаги в этом направлении были сделаны еще в раннюю пору. Японская летопись «Нихонги» отмечает постройку прямой дороги, которая шла от южных ворот «столицы» до деревни Тадзихи, в 14-м году правления Нинтоку (326 г.?). В 613 г. расширяется и реконструируется дорога между Нанива и тогдашней «столицей» в районе Асука.

Японцы уже в энеолите стали отказываться от землянок, мощенных камнем. Но при этом перешли не к обычным на континенте постройкам из обожженного кирпича или из сырца, а к наземным деревянным конструкциям. Деревянные постройки с высоко поднятым полом, на столбах и с двускатной крышей, иногда с верандой служили храмами, дворцами, амбарами. Для сооружений этого времени характерна значительная приподнятость пола над землей — защита от сырости, диких животных и грызунов. Эта приподнятость известна и на юге Тихого океана — на Филиппинах и в Индонезии, где она защищает от нападения змей, и на севере — на Сахалине и на Камчатке, где таким же способом оборонялись от полевых мышей. На сваях-столбах (кроме хижин и землянок бедняков) строились и жилые дома богачей — они были с верандой и с четырехскатной крышей, что подтверждают глиняные Изображения зданий — ханива, которые находят в курганах. Глиняная модель усадьбы курганного периода обнаружена в преф. Гумма. Главный дом по бокам снабжен двумя пристройками той же величины; все они крыты «плетенками» из расщепленного бамбука или дерева (адзиро). В усадьбе есть четыре амбара и хлев. Полагают, что это усадьба большой семьи, причем владелец ее жил в центре.

Растущая мощь Ямато со второй половины IV и по V в. включительно иллюстрируется гигантскими курганами. По подсчетам Сайто Тадаси, только крупных квадратно-круглых курганов насчитывается 1087 [см. Yazaki, 1968]. Помимо сферических курганов для Японии характерны курганы с насыпью сзади круглой, а спереди квадратной, в плане имеющие вид замочной скважины. Внутри кургана делали вертикальную каменную камеру с полками для инвентаря. Вход наверху закрывали плитой. Позднее появились горизонтальные камеры с входом сбоку. К нему ведет длинный коридор из камня. В одном кургане бывало несколько камер. Стены камер в курганах иногда расписывались. Система погребальных камер была очень сложна. Часто поверхность кургана покрывали каменными плитами. Некоторые курганы были подлинными сокровищницами. Летопись сообщает, что в 612 г. в погребение царя было положено 15 тыс. предметов.

Сооружение огромных курганов с их камерами требовало солидных знаний в математике, инженерно-строительном деле. Огромный курган, приписываемый Нинтоку (начало IV в.), для своей насыпи потребовал 1 405 866 куб. м земли. Его длина — 475 м, т. е. он длиннее египетских пирамид, высота — 30 м сзади и 27 м спереди. Тысяча человек сооружала

его около четырех лет, работая ежедневно. Вокруг насыпи вырыты рвы, и у ее основания сплошным забором поставлено 14 тыс. цилиндрических ханива [Воробьев, Соколова, 1976, с. 13].

Хотя в «Нихонги» часто упоминаются храмы (синтоистские и буддийские), дворцы, «столицы», их облик нигде не описан. Если не считать единичных культовых сооружений, об архитектурном облике которых будет сказано ниже, то приходится ограничиться скупыми отрывочными замечаниями. Синтоистские храмы существовали с глубокой древности — по «Нихонги», с 40-го года правления Кэйко (110 г.?) — в виде довольно простых сооружений. Они служили одновременно жилищем вождей и правителей. Буддийские сооружения стали воздвигаться с середины VI в. Точно известно, что в 586 г. строители из Пэкче возводят храм, а не то к 585, не то к 593 г. относится первая в Японии пагода, до наших дней не сохранившаяся. В 594 г., как уверяют «Нихонги», все оми и мурадзи наперебой воздвигали буддийские храмы. Девятиярусная пагода на р. Кудара в Сэтцу была построена в 641 г.; название реки (кор. Пэкче), возможно, указывает на вероятных строителей — выходцев из Пэкче, а в 644 г. — при строительстве храма Кофукудзи — впервые применена кирпичная вымостка [Воробьев, Соколова, 1976, с. 25].

Нинтоку в 1-й год своего правления (313?) перенес резиденцию в Нанива — во дворец Такацу. Последний не был оштукатурен, стропила фронтона, брусья конька, колонны и столбы не орнаментированы, тростниковая крыша чуть налажена — все из-за полевых работ. По этой картине из «Нихонги» мы можем представить, какими были обычные царские дворцы, правда, неясно, в какую эпоху. В 468 г. в Ямато воздвигнут дворец Асукура, который считается первым зданием павильонного (китайского) типа. В 601 г. Сётоку-тайси связал свое имя с дворцом Икаруга.

Традиция утверждает, что Одзин построил в Нанива первый в Ямато «город» — свою резиденцию-дворец, окруженную валами и рвами. Но если говорить об обычных городах, то их зародышем стал постоянный рынок (табл. 12).

Однако самообеспечивающий нетоварный характер древней японской деревни не способствовал быстрому росту рынков.

Таблица 12

Рынки в IV–VI вв. (по «Нихонги»)*

Название рынка	Местонахождение	Правление царя	Дата
Кару-ити	Кавати	Одзин	310 (?)
Эга-ити	»	Юряку	456—479
Цубани-ити	Ямато	Бурэцу	498—506
Атокува-ити	»	Бидацу	572—585
Асука-ити	»	»	»
Иваё-ити	»	»	»
Мива-ити	»	»	»
Тацута-ити	»	»	»

* [Yazaki, 1968, с. 14–16).

На ранней стадии объединения в Японии не было городов с большим населением и сложной организацией. Даже ставка царя не обладала такой организацией и не притягивала к себе значительного населения. Тем более это относится к ставкам глав кланов.

Как и в любом земледельческом обществе, городская жизнь не сильно отличалась от сельской. Ставка Юряку — Асукура-но мия (в Хацусэ, в преф. Нара) — строилась натурализовавшимися иммигрантами и для своего времени казалась величественной. Традиционные черты сохранены, например, в виде декоративных украшений на конце конькового бревна. Столбы ставились прямо на землю. Резиденция имела склады, караульню, забор. Часто встречающееся в «Нихонги» выражение «перенесли столицу», в сущности, означает перемещение ставки. Упомянувшиеся «столицы» были сооружениями временного типа, недаром их легко меняли. При Сётоку-тайси с наплывом континентальной культуры в районе Асука (юг преф- Нара) складывается стабильный центр царской власти. При Суйко там было построено пять буддийских храмов. При Когёку (642–645) построен дворец Итабуки с 12 воротами и первой в Японии крышей, крытой деревянной дранкой. На его постройку сгоняли работников от Тоцуоми (преф. Аити) на востоке до Аки (преф. Хиросима) на западе.

Крепостное строительство (земляные городища) не требовало развитых инженерных знаний. При всем этом упоминание о крепостях, по-видимому, сложившегося типа в литературе появляется с VI в. Развивается строительная техника. По преданию, с 18-го года правления Одзина (287 г.?) стала производиться окраска зданий, в 607 г. получен особый состав, напоминающий бетон (куски гранита смешивались с каменным

углем и скрепляющим материалом).

Переселенцы внесли заметный вклад в развитие японского шелководства и ткачества. В 472 г. переселенцев специально расселили по уездам, пригодным для разведения тутовых деревьев.

Слово «аябито» стало синонимом ткача. В «Нихонги» упомянуты ткачи из Хань и У. В это время местные ткачи работали, по-видимому, только с растительным волокном — со льном, бумажным деревом. Даже вадзин на о-ве Кюсю носили простейшие одежды из полотнища с дыркой для головы. Переселенцы из китайских колоний в Корею принесли с собой в Японию китайскую технику разведения шелковичных червей. Новый толчок шелкоткацкому ремеслу дали ткани и ткачи из царства У. Многие бытовые предметы занесены в Японию из Южного Китая. На ханива можно различить одежду южного покроя: «тунику» с узкими рукавами, штаны и рубаху. Из обстановки привились сиденья двух типов: в виде кушетки (такие бытовали в царстве У) и в форме скамьи, как в Северном Китае. Бронзовые и позолоченные орнаментированные рукоятки широких мечей сохраняют южнокитайские элементы [Harada, 1957, с. 7].

Архитектура и монументальное искусство

Художественная характеристика некоторых важнейших построек Японии той эпохи перекидывает мостик к истории искусств — к архитектуре (см. [Денике, 1935, с. 57–59; Ито и др., 1965, с. 24–25; Иофан, 1974, с. 113–149]). Рождение японской архитектуры как искусства связано с городом и периодом Асука (середина VI — середина VII в.). В стране, подверженной землетрясениям, основным строительным материалом, естественно, было дерево. Синтоистские храмы состоят из группы зданий — восьми, девяти и более. К ним ведет дорога с рядом своеобразных ворот (тории) и двумя рядами каменных фонарей. Храм богини солнца в Исэ, сокровищница (Сёсоин) в Нара — наиболее древние здания Японии. Существовал обычай реконструировать синтоистские памятники каждые 20 лет, сохраняя их в прежнем виде.

Главное здание синтоистского храма Исэ, построенного, по преданию, в I в., а в действительности в III–IV вв., и восстановленное по старым чертежам в 1744 г., стоит в ограде в центре двора, засыпанного белым гравием. Оно поднято на 2 м над землей на столбах, вытесанных из японского кипариса (хи-но ки). Продольная балка соломенной двускатной крыши с большим выносом объединяет ряд брусков, выступающих с обеих сторон. Здание окружено открытой верандой. Уже выявились национальные особенности архитектурного стиля: отказ от украшений, скрывающих конструкцию, четкие прямые линии, использование естественного цвета дерева. Характерными особенностями древних японских строений являются столбы под зданием, которые напоминают о свайных постройках, открытая веранда с лестницей, галерея и прямая двускатная крыша, концы которой еще не были выгнутыми, как у китайских зданий. В храме нет ничего мистического, хотя он мыслится как жилище бога. Былой рационализм свайных построек, поперечных брусков кровли, крыши здесь превращен

в художественное начало: колонны образуют ритмический ряд, балки связываются со столбами, элементы крыши приобрели геометрическую четкость и ясность. Художественным приемом стало и выявление естественной красоты дерева. Такой подход сохранял связь материала с миром природы и даже углублял эти связи, открывая в дереве качества скрытые, но опять же причастные к обожествляемой природе. С этих

позиций конструкция рассматривалась как основная выразительница художественной идеи — естественности художественного, образа [Бродский, 1969, с. 17–18].

До введения буддизма в Японии дворцовые сооружения и синтоистские храмы не различались по стилю. Но после проникновения корейско-китайской архитектуры строятся буддийские храмы нового стиля, для которых свойственны простота и прямолинейность планировки, ритмичность, ясность. Японские буддийские храмы той поры строились фасадом на юг, окружались квадратной оградой с воротами с каждой стороны. В стене находился коридор-галерея, который прерывался только в двух местах: у центральных ворот и у зала для проповедей. В центре двора находился главный храм (хондо) и ступа, несколько впереди — два навеса с барабаном и с колоколом. С севера, запада и востока центральную группу религиозных сооружений окружали три дома для духовенства, трапезная, бассейн для омовений, сокровищница. Такова типичная планировка храмового ансамбля.

В эпоху Асука в технике храмовой архитектуры начинает ощущаться китайско-корейское влияние: постройки возводятся на каменном цоколе, с мощными столбами на каменных же базах (увенчанными наверху кронштейнами), с черепичными, слегка изогнутыми крышами, с деревянными деталями, окрашенными в белый, зеленый, красный цвета. Археологи и архитекторы восстановили примерный облик раннего буддийского «Храма четырех небесных царей» (Ситэнъодзи) в Осака, законченного к 588 г. мастерами из Пэкче. Планировка его проста и выразительна: во дворе, окаймленном стеной, за высокими двухэтажными воротами возвышалась пятиярусная пагода, за ней почти в центре двора находился главный храм, или храм Будды, далее, примыкая к стене, одноэтажный храм для проповедей. За оградой располагались два пруда, за ними — жилище монахов, далее — трапезная.

Шедевром японской архитектуры VII в. является ансамбль Хорюдзи — древнейшее деревянное сооружение в стране, сохранявшееся до недавнего прошлого почти в первоначальном виде. От этого буддийского ансамбля, построенного в 607 г., в прежнем виде до недавнего пожара сохранились только «Золотой храм» (кондо), пятиярусная пагода и средние ворота (тюмон). Другие здания были перестроены в 708 и 714 гг. после пожара. Вначале ансамбль включал в себя семь построек. «Золотой храм» —

наиболее древняя деревянная постройка в мире. По преданию, ансамбль Хорюдзи построен корейскими зодчими по китайским образцам. Китайских храмов ранее XV в. не сохранилось, и этот храм дает представление о китайской храмовой архитектуре того времени.

Средние ворота храма Хорюдзи (конец VII в.)

По общему виду Хорюдзи с выгнутыми на китайский лад крышами очень сходен с китайскими храмовыми ансамблями. Хотя ансамбль в целом придерживается твердой культовой ориентации по странам света, «Золотой храм» и пагода расположены не по североюжной оси, как полагалось бы, а бок о бок. Это смягчает стремление к симметричности композиции, что в целом придает ансамблю Хорюдзи свой, японский характер. Все постройки возведены из дерева, обработка которого носит скорее характер столярных, чем плотничьих работ [Mtinsterberg, 1905].

Основные здания храма находятся в квадратном дворе, образованном оградой. Двухэтажные ворота, зал для проповедей и строения за оградой не нарушают общей планировки. Но два элемента ансамбля — пагода и главный зал — расположены не в центре линий, проведенных из углов двора, а в стороне от них и стоят по отношению к воротам не друг за другом, а бок о бок. Кондо — двухэтажное здание. Деревянные колонны поддерживают его на каменном цоколе. Карниз поддерживается сложной системой декоративно оформленных кронштейнов, что является одной из отличительных черт японской архитектуры. Большие выносы кровли, крутизна ската крыш и волнообразный изгиб создают ритм, как бы повторенный в природе наклоном ветвей. Тесная связь архитектурных форм с природой дополняет художественную выразительность и строгую

величественность ансамбля. Древнейшая и одна из хорошо сохранившихся пагод — пятиярусная пагода ансамбля Хорюдзи — представляет собой массивное сооружение. На крыше первого яруса надстроена постройка в виде открытой галереи с навесом. В причудливой резьбе, покрывающей деревянные детали храма и пагоды, обнаруживается сходство с растительным орнаментом Ирана и Центральной Азии.

Со второй половины VII в. чаще появляются названия сооружений, иногда в той или иной мере сохранившихся: в 668 г. построен храм Софукудзи в Оцу, в 669 г. — храм Кандзэондзи в Цукуси, в 678 г. — 13-ярусная пагода в Тономинэ, в 680 г. — храм Якусидзи, в 681 г. — храм Томадзи и др. В 655 г. как будто дворец, впервые получил черепичную крышу. Появляются в летописи названия отстроенных крепостей: в 662 г. — Такая в Ямато, в 679 г. — Радэн в Нанива и пр.

Местные истоки художественной скульптуры в Японии недостаточно ясны. Конечно, известны — и в немалом количестве — неолитические фигурки женщин (догу), более сложные глиняные статуэтки и целые сценки курганной поры (ханива), но это, пожалуй, и всё. Синтоистский культ не нуждался в материализованных изображениях божеств. Даже если такие изображения существовали, они вряд ли выходили за пределы схематических воспроизведений облика духов на столбах. Во всех этих случаях эстетическое начало выделено слабо.

Считается, что с иноземной, буддийской скульптурой японцы познакомились в 552 г., когда король Пэкче прислал статую Шакья Муни, отлитую из бронзы с примесью (или покрытием) золота.

Триада Шакья Муни из храма Хорюдзи (позолоченная бронза, 623 г.)

В 584 г. отсюда же прибыло каменное изваяние Майтреи, и так бывало не раз на протяжении VI–VII вв. В 587 г. уже в самой Японии из дерева вырезана статуя Будды с двумя бодисатвами. В 605 г. Суйко повелела отлить целую партию таких статуй. Конечно, о художественных достоинствах этих произведений можно только гадать. Некоторые из них были выполнены заморскими мастерами, переселившимися в Японию. В Японии сохранилось лишь несколько десятков буддийских скульптур из дерева к из бронзы VI–VII вв., в большинстве своем в Хорюдзи. Среди буддийских статуй наиболее многочисленны изображения богини милосердия Каннон (по-санскритски Авалокитешвара), Будды-мессии Ми року (Майтрея), Будды-спасителя Якуси (Бхайсхаджьягуру), исторического Будды-мудреца Сяка Муни (Шакья-Муни), четырех небесных царей-охранителей. Фигуры конца V— первой половины VII в. отличаются своей застывшей позой, скованностью движений. Они сохраняют особенности художественного стиля династии — Северная Вэй. В изображении тех или иных божеств используются традиционные художественные приемы. Статуи Сяка Муни, или Якуси, не производят никакого религиозного впечатления, хотя все атрибуты буддизма налицо. Для скульптуры этой поры характерны скованность и угловатость фигур, фронтальная и плоскостная обработка, неразработанность пропорций при общей их симметричности, ощущение мрачности и таинственности [Katsuki, 1965].

Крупнейшим японским скульптором этого времени, имя которого дошло до нас, был Тори Бусса — внук переселенца, приехавшего в Японию в 522 г. Он принадлежал к корпорации седельников, выделывавших и художественную металлическую упряжь для коней. В 606 г. он руководил отливкой пятиметровой бронзовой статуи Будды для храма Гангодзи. Монументальная скульптура бодисатвы его работы сохранилась в главном храме в Хорюдзи. По-видимому, им же выполнена в 623 г. триада с изображением Сяка Муни и двух бодисатв для храма Хорюдзи. Это прекрасный образец ранней японской бронзовойковки, на которой отразилось влияние пещерной скульптуры Северной Вэй, сказавшееся в плоскостной фронтальной трактовке изображения. При отливке применялась деревянная форма [Munsterberg, 1904].

Деревянные фигуры вырезались из одного куска дерева, раскрашивались или золотились. Почти двухметровая статуя пэкчийской Каннон в храме Хорюдзи относится к числу ранних произведений этой эпохи и образует вторую линию развития скульптуры (наряду с бронзовой). При всей своей схематичности она обладает правильными пропорциями. Из камфарного дерева вырезана фигура божества в состоянии медитации в храме Тюгудзи. Великолепно передано состояние погруженности в размышления.

Таковы два основных направления в скульптуре, сложившиеся в период Асука. Несмотря на ограниченность выбора персонажей, изображения буддийских божеств являлись единственной возможностью ввести образ человека в изобразительное искусство. Это удалось осуществить, но при этом пришлось пожертвовать многими возможностями реалистического осмысления этого образа, хотя бы и в наивной форме. Но при всем этом сама буддийская каноничность еще не стала господствующей в духовной жизни страны, поэтому в VI и особенно в VII в. японская скульптура при внешней неуклюжести сохранила иногда больше человеческих черт, чем в более поздние эпохи. Именно в это время корейская пластика, неся в себе центральноазиатские элементы (обнаженную модель, например), оказала заметное влияние на японскую (Brentjes, 1974, с. 619).

В конце VII в. бронзовые статуэтки приобрели грациозную юношескую жизнерадостность. Тело совершенно пропорционально.

Намечается тенденция к новой трактовке фигуры. Бронзовый Якуси из храма Син Якусидзи изображен в виде пропорционально сложенного человека с округлыми формами, как бы подчеркивающими духовную целостность изображаемого. Изображение стало более свободным, человечным, выполненным с большим профессионализмом. Расширился круг материалов, пригодных для статуй: к бронзе и дереву прибавился сухой лак, глина.

Глиняную модель обтягивали полотном, пропитанным лаком, а после просушки глину извлекали (сухой лак без основы). В других случаях вместо глины использовали деревянную модель, которую и покрывали лаком. Для глиняной статуи лепили деревянную основу, обертывали соломой, обмазывали глиной, формовали, покрывали чистой глиной со слюдой. Дополнительный обжиг превращал такую статуэтку в терракоту.

До VI в. живопись в Японии в собственном смысле слова нам неизвестна. В камере кургана Мэдзурасидзука в преф. Фукуока найден рисунок, на нем изображены лодка с высокими носом и кормой, двумя мачтами под парусами, человек с веслом, птица на носу и концентрические круги, воспроизводящие, по-видимому, солнце. Некоторые ученые трактуют сюжет рисунка как «корабль бога солнца», или «солнечный корабль», встречающийся на древнем Востоке, в Европе, Юго-Восточной Азии, Океании. К рубежу VII–VIII вв. относятся стенные росписи в камере кургана Така-мацудзука у Асука [Глухарева, 1975]. На потолке изображены солнце (золотым), луна (серебряной), созвездия, на стенах — духи-охранители стран света, группы знатных мужчин и женщин. Росписи выдержаны в одной красочной гамме и нанесены красками шести цветов, по-видимому, корейскими художниками.

Хроники содержат упоминание о корпорации живописцев (463 г.), о приезде из Пэкче художника с красками (469 г.) или живописцев (552 г.), но их работы неизвестны. В 603 г. член правящего дома велел расписать знамя для храма, в 604 г. назначены два живописца рисовать буддийские изображения [Suzuki, 1968]. В 612 г. некий беглец из Пэкче спас свою жизнь, сообщив японцам о своем умении рисовать горы и холмы. Ему поручено было изобразить гору Сумэру — центр вселенной, по верованию буддистов, и мост У при Южном дворе [Nihongi, XXII, 26].

Наиболее ранняя буддийская живопись Японии представлена, в

частности, росписью алтаря Тамамуси (первая половина VII в.). Но уже с первого взгляда ясно, что требовался сравнительно длительный срок вызревания буддийской живописи на японской почве для того, чтобы появилась эта роспись. Поэтому ее следует считать не исходным, а всего лишь наиболее ранним из сохранившихся образцов этого жанра. В росписи Тамамуси уже налицо довольно сложная композиция, в которой легко и свободно нашла место сложная иконография, развитая техника выполнения. Роспись состоит из отдельных композиций, размещенных на стенках алтаря. Воспроизведены различные эпизоды из жизни Будды, отраженные в канонических книгах, изображения буддийских божеств, сцены религиозных церемоний. Наиболее интересны по замыслу две сценки из жизни Будды: в первой показано искушение Будды Индрой и его «самоубийство» после того, как он узнал, что «за пределами рождения и смерти лишь просветленный»; во второй изображается самопожертвование Будды, своей плотью накормившего голодную тигрицу. Последняя сцена дана в трех последовательных (по вертикали) картинах: Будда раздевается, бросается с утеса, лежит перед тигрицей. Разорванные эпизоды объединены в целостную композицию, причем объединяющими началами выступают ритмическое расположение изображаемого и цвет. Изображения плоскостные и заметно стилизованные. Цвет фона повсюду черный. По этому фону художник пишет красными, желтыми масляными красками — так называемая техника мицуда-со, известная в Китае с VII в., — или цветным лаком (мнения об этом расходятся). Художник пользуется яркостью цветового пятна. Скалы и растительность исполнены в орнаментальном стиле, а человеческие фигуры удлинены. Все это придает сценам определенную условность и декоративность. В манере исполнения росписи алтаря Тамамуси, прежде всего в изображении человеческих фигур, много общего со стилем периода «шести династий» Китая (III–VI вв.), прекрасно представленного фресками в Дуньхуане. С другой стороны, росписи этого алтаря по стилю, несомненно, близки к деревянной скульптуре той эпохи, которая, в свою очередь, связана с корейскими и китайскими образцами [Бродский, 1969, с. 5–8].

В 655 г, для буддийского храма велено нарисовать много, изображений Будды и бодисатв. В 677 г. Отокаси, именуемый в летописи «художником Ямато», получил беспрецедентную награду — жалованный ранг и 20 дворов в кормление.

Роспись алтаря Татибана (670–680) стилистически выдержана уже в

ином ключе. Основное внимание художник уделяет четкому контуру, а не цвету. Поэтому фигуры божеств проработаны более тщательно. Былая условность манеры сменяется тенденцией к выражению реальности. На стенописи храма Хорюдзи изображены различные буддийские божества, богиня милосердия Каннон, четыре сцены буддийского рая. Большинство рисунков плоскостные, лишь в некоторых есть намек на глубину. Резкий и уверенный рисунок — зрелый художественный прием. Твердый контур заслужил наименование «железной проволоки». Элементы реалистической трактовки проявляются в изображении тел, скрытых одеждой. Выразительные, изогнутые линии человеческого тела, изображенного почти объемно, подчеркивают земную природу образов, мало похожих на божества, несмотря на их величественность и торжественность. Художники пользовались зеленой, синей, желтой, красной, алой красками. В живописи ощутимо влияние стенописи пещерного храма Аджанга в Индии.

Особенностью раннего периода истории живописи в Японии является создание произведений на базе взаимодействия более развитых континентальных школ [Иофан, 1974, с. 196–203].

Прикладное искусство

Лакированные изделия находят уже на некоторых неолитических стоянках Японии (Корэкава). В «Нихонги» есть сведения о применении лака на 5-м году правления Суйнина (25 г. до н. э.), в 1-м году правления Одзина (270?) [Японское..., 1973, с. 142–143; Николаева, 1972]. Китайские историки («Суй шу», цзюань 81) как о диковинке с изумлением сообщают о лакированных ко-жанных панцирях Японии. Не всегда изделия из лака были произведениями искусства. Лакировка применялась ремесленниками — мастерами по изготовлению бытовых предметов: сундуков, панцирей, домашней утвари, экипажей, которые покрывались черным, лаком. Короны Будды тоже пропитывались лаком для прочности. Основание упоминавшегося алтаря Тамамуси (VI в.) покрыто черным лаком. Красным, желтым, зеленым лаком покрыты фигуры. О распространении искусства лакировки свидетельствует сообщение о существовании в 587 г. специальной царской мастерской по лаку. Лаковое покрытие изделий сочетается с инкрустацией деревом, перламутром, металлом и пр. Обеспечивая долговечность изделиям, лак все более входит в моду. К 646 г. учрежден в придворном ведомстве специальный отдел работ по лаку. Тогда впервые стал широко применяться красный лак — излюбленный цвет царской знати, чиновничества и буддийских священников. В конце VII в. создана группа из 20 мастеров по лаку. Уход за лаковыми деревьями контролировался специальным указом.

Литературные сведения о керамическом производстве не так уж ограничены. О гончарах говорится применительно к 3-му году правления Суйнина (27 г. до н. э.). К 32-му году его правления (3 г.?) относят возникновение знаменитых ханива. В 35-м году правления Кэйко (105 г.?) при постройке печей для обжига керамики как будто использовали огнеупорный кирпич. В 1-м году правления Одзина (270 г.?) среди процветающих ремесел названо и керамическое.

Подлинными предметами керамического искусства являлись ханива [Ито и др., 1965, с. 46; Николаева, 1972]. Цилиндрические ханива закапывались вокруг кургана, они играли роль хранителя от злых духов. Ханива в виде человеческих фигур заменяли живых людей и ставились парами для охраны входа в курган. Ханива в виде дома на вершине кургана

изображали храм. О назначении ханива говорится в летописи «Нихонги» дважды. В первом случае (3 г.?) они лишь упомянуты. Во втором случае говорится, что по вступлении Одзина на пост (270 г.?) прекращено погребение живых вслед за умершим. Один из приближенных предложил вместо людей и лошадей хоронить их глиняные изображения-ханива. Этот обычай был занесен из Китая и Кореи. Тот же источник утверждает, что ханива впервые были исполнены гончаром по имени Нами-но сукунэ. В вопросе о ханива еще много неясного. Они типологически не связаны ни с японскими неолитическими фигурками (догу), ни с ханьскими погребальными статуэтками, но духовное родство их с ними вряд ли можно отрицать. Ханива делали ручным способом специальные мастера, и некоторые экземпляры удивляют своим искусным исполнением. В Государственном музее в Токио хранятся керамические фигурки ручной лепки, частично покрытые красной краской. Фигурка обезьяны при всей условности очень выразительна. Фигура поющей женщины отличается экспрессией и жизненностью. Керамические модели дома свидетельствуют о своеобразии древней японской архитектуры и не имеют аналогий в архитектуре соседних стран [Иофан, 1972, с. 50–81].

Новая страница открывается в 463 и 469 гг. с приездом из Пэкче гончаров (напомним, что с этого времени хронология становится более достоверной). В 473 г. главе специальных гончаров (Ханиси-но мурадзи) велено доставить «чистые сосуды» для царского стола, и с этой целью созданы корпорации гончаров. В 585–586 гг. приезжают из Пэкче мастера по обжигу черепицы и на месте выпускают продукцию. В 646 г. организована придворная керамическая контора. В V–VII вв. значительно усовершенствовалось керамическое производство. Письменные источники утверждают, что впервые в Японии гончарный круг применил монах Дзэдзи на рубеже VII–VIII вв., однако очевидно, что изделия на круге изготавливались уже в первых веках нашей эры. Именно наличие гончарного круга и гончарной печи способствовало тому, что стенки сосудов стали более тонкими и крепкими. Это и позволило создать такие крупные изделия, как погребальная урна, и такие сложные по форме произведения, как ханива. Японские хроники сообщают о приезде корейских гончаров из государства Силла. Видимо, они принесли в Японию технику сооружения китайских гончарных печей, в которых температура обжига была высокой. Случайно попавшая на поверхность сосудов зола при этой температуре запекалась и превращалась в подобие глазури. По-видимому, продолжала существовать керамика раннего железного века — суэ и хадзи. Парадная

керамика суэ, развивавшаяся в V в. под влиянием корейских образцов, теряет свое особое церемониальное назначение, становится более повседневной. Сосуды становятся проще по форме, хотя и отличаются прекрасной выделкой. Существуют и очень сложные по композиции изделия. Известны шаровидные сосуды с узкими горлышками, без поддона, верхняя половина которых покрыта зольной глазурью серого цвета. Появляется черепица со штампованными рельефными изображениями [Munsterberg, 1907].

Предметы прикладного искусства становились разнообразнее и по материалу, и по исполнению. Это видно на примере рукояток я набалдашников железных мечей (кольцеобразных, октаэдрических, луковицеобразных, цилиндрических и т. п.). Железное вооружение покрывалось чеканкой, гравировкой, иногда золотилось или отделялось золотыми проволочками. Известны железные и бронзовые бляшки, пряжки, колокольчики, бубенчики и другие части лошадиной упряжи. Особенно разнообразны стали личные украшения: ушные кольца, браслеты, кольца, пряжки, крючки, пояса. Часть из них делалась из драгоценных металлов. Большого развития достигают бронзовые зеркала [Николаева, 1972].

Работа по металлу в VI–VII вв. достигает большого мастерства. Замечательным памятником этой эпохи являются стяги (кан-тёбан) из позолоченной бронзы, с подвесками и ажурными украшениями в виде виноградной лозы из храма Хорюдзи. Стяги вешались на потолки, и крупнейшие из них достигали в длину 7 м. Верхняя часть делалась в форме балдахина, с нее свешивались драпировки и подвески. На поверхности видны узоры жимолости, религиозные изображения и фигуры животных. Все изображения резные на ажурном фоне, их поверхность отделана волосяной техникой, фигуры и завитки, гармонично сгруппированные и тщательно исполненные, создают большой художественный эффект. Позолоченные украшения исполнены особой техникой: медные пластинки срезаны с одной стороны и несколько вдоль ажурного края украшений [Ито, 1965, с. 45].

Во второй половине VII в. появляется много серебряных вещей, украшений из позолоченного серебра, вводится техника накладного серебра при оформлении зеркал, инкрустации перламутром по металлу. Тончайшая ювелирная работа требовалась при выделке ажурной короны Будды. Сверху на нее насажено несколько миниатюрных фигурок Будды

или святых, цветы и плоды и множество длинных тонких лучей и т. п. Помимо основного металла, бронзы или серебра, для украшения корон употребляли жемчуг, горный хрусталь, самоцветы.

Так как страна внешних войн не вела, а соседи японцев на островах — айны — металла еще не знали, оружие подвергалось в этот период сравнительно небольшому совершенствованию, вызванному проникновением в страну китайского вооружения и централизацией вооруженных сил страны в руках правительства (684 г.). По указу 686 г. население и родовая знать почти полностью разоружились. Это, несомненно, сказалось на оружейном деле [Японское..., 1973, с. 208–209].

Помимо ажурных работ в VI–VII — вв. появилась техника холоднойковки и чеканки, когда горельефный узор выбивался на тонкой поверхности жаровни, курительницы, сосудов. Прекрасным примером такой работы служит высокий (до 50 см) кувшин с головой дракона на месте отверстия. Этот бронзовый позолоченный кувшин с тонкой шейкой и изогнутой ручкой украшен рельефным изображением крылатого коня, выполненного в иранском стиле. Масса буддийских статуй делалась техникой штамповки.

Появляется буддийская утварь: медные колокола, барабаны и фонари, в большинстве случаев ажурные, украшенные скульптурными и рельефными украшениями, иногда обработанными на точильном круге.

Как и у большинства народов, ткачество у японцев с глубокой древности считалось важнейшим занятием. В японской мифологии покровительство ткачества из растительного волокна поручено особому божеству — Амэ-но хиваси. «Нихонги» сообщают об изготовлении на 5-м году правления Дзингу (205 г.?) узорчатой ткани «ая», о расцвете ткачества при вступлении на пост Одзина (270 г.?), о приезде швей из Пэкче на 15-м году правления Одзина (284 г.?) и из царств У и Хань — на 20-м году правления того же Одзина (289 г.?), о специальных японских посольствах в царство У за ткачами в 37-м году правления Одзина (306 г.?) через Когурё и в 41-м году его правления (310 г.?) и об успехе этих затей (добыли семь ткачей). «Вэй чжи» сообщает, что в 238 и 243 гг. японская царица подарила царю Вэй японские сорта парчи. Применительно к V в. подобные сведения становятся более надежными. В 463 г. в Кавати самостоятельно ткут парчу. Но приезжие мастера все еще отмечают: в 469 г. ткачи парчи приезжают из Пэкче, в 470 г. — швеи из царств Сун и У.

Китайские источники сообщают, что члены японского царского дома и придворные носили золотые украшения на голове, одежды из парчи, расшитой пурпуром, из многоцветного фигурного шелка или газа. Одежды и головные уборы были разнообразны по качеству и сорту материи и цвету.

Изучая этикет и табели о рангах VII в., можно почерпнуть немало сведений о сортах и цвете тканей. В 603 г. каждому чину были присвоены шляпы с украшениями разных цветов: пурпурные, синие, красные, желтые, белые. В 646 г. в министерстве двора создается особый отдел тканей. Табель о рангах 647 г. упоминает, семь основных цветов, шесть дополнительных и целый ряд сортов тканей. Цветной тканый штоф ценился дороже всех, как привозной материал. За ним шли вышивки, пурпур, ценимый за цвет, и парча с различными рисунками. Из цветов на первом месте стоял темно-пурпурный, за ним светло-пурпурный, темно-красный, темно-фиолетовый, зеленый и черный. В табели 644 г. появились две новые расцветки: сине-зеленая и белая. В 681 г. были строго регламентированы личные украшения и сорта тканей: пурпур, парча, вышивки, шелковая камка, шерстяные ковры, шляпы, пояса. Все говорит о большом разнообразии сортов тканей. По указу 685 г. было учреждено уже 48 ранговых степеней и форм одежды, причем изменен порядок цветов; на первое место поставлен красный, за ним темно- и светло-фиолетовый, темно — и светло-зеленый, темно- и светло-виноградный. Императорским цветом был объявлен желтый.

Частая смена формы чиновничьей одежды стимулировала развитие японского производства тканей и техники окраски. Уже в 667 г. в летописях встречается упоминание об особом способе окраски (юхата). Куски материи туго связывались веревками, затем погружались в краску. Получался своеобразный узор глазков. Через толщу стиснутых кусков краска не просачивалась. Во всеобщем употреблении находились грубые шелка, полушелка и пеньковое полотно [Николаева, 1972].

Настоящее шелкоткацкое ремесло в то время имело ограниченное распространение. Лучшие сорта шелка: тафта, парча, узорные шелка — привозились из Китая. Они высоко ценились и шли на парадную одежду. Но и в самой Японии ткали ценную парчу нескольких сортов (например, в 650, 662 гг.), и в храмах священники носили ткань кэса (например, в 645, 671, 687 гг.). Ткались парча с узором из цветных нитей, узорчатый шелк с

тканым одноцветным рисунком, тонкий, прозрачный шелк.

В монастыре Тюгудзи ансамбля Хорюдзи имеется ручная вышивка с изображением буддийского рая — единственная сохранившаяся от этого периода. Она была выткана в 622 г. в связи со смертью Сётоку-тайси, по преданию, женщинами-придворными. Первоначально это были две отдельные части, каждая длиной около 5 м. Основа шпалеры из двухцветной пурпурной и желтой парчи. На ней белыми, красными, синими, желтыми, зелеными, оранжевыми, пурпурными нитями вытканы фигуры божеств, людей, злых духов, дворца, феникса, цветы и иероглифические надписи. Художественные вышивки вообще были весьма популярны в Японии в VII в. Так, в 605 г. вышито изображение Будды; в 650 г. вышита сцена: Будда с двумя бодисатвами [Ито и др., 1965, с. 46].

Традиционно-бытовая культура

Если в предыдущих разделах главы рассказывалось о наименее этнических аспектах культуры Ямато (за исключением синтоизма), то теперь настала пора обратиться к наиболее этничному аспекту культуры. Этот аспект представлен традиционно-бытовой культурой, отличающейся как коллективностью, массовостью, так и традиционностью, повторяемостью, и в силу этих свойств создателем и носителем такой культуры является этнос в целом. Именно в ней сосредоточены самые существенные достижения этноса и заключена характеристика, присущая конкретному этносу, выделяющая его из массы других этносов. В архаичном, первобытном обществе традиционно-бытовая культура охватывает многие стороны жизни: производство, язык, сознание. Соответственно расширяется и этнодифференцирующий слой культуры. По мере развития этноса последний слой сужается и, наконец, замыкается в пределах собственно традиционно-бытовой культуры [Бромлей, 1973, с. 70–75].

Поскольку наша работа разбирает период разрушения первобытнообщинного строя и становления классового, принцип выделения этнодифференцирующего слоя во всей культуре Ямато не остается совершенно неизменным, а сама характеристика этого слоя в разделе может быть лишь обобщенной.

Японские острова на сравнительно небольшом пространстве сосредоточивают значительное разнообразие ландшафтных и климатических зон. Для жизненного уклада населения Ямато это разнообразие обернулось сосуществованием разных форм и видов хозяйства (земледелия, рыболовства и морского промысла, охоты, птицеводства, огородничества и садоводства) как в стране в целом, так и в отдельных общинах. Разумеется, общины не всегда разрабатывали одновременно все перечисленные формы хозяйства, но и редко довольствовались какой-то одной. Весьма важно, что отсутствовала твердо укоренившаяся региональная специализация, исключавшая представление жителей одного региона о занятиях обитателей другого региона. Земледелие и промысел на море, очевидно, оказывались наиболее распространенными занятиями среди прочих, а земледелие к тому же и самым важным. Косвенно это подтверждается многочисленными мифами и

преданиями, а также фразой из указа Судзина, изданного якобы на 62-м году его правления (36 г. до н. э.?[?]; по некоторым расчетам, в III в.): «Земледелие — основа Поднебесной. От него зависит существование народа» [Nihongi, V, 19] — и частыми упоминаниями в этом источнике урожайных и неурожайных лет. Легендарная дата, к которой отнесена составителями «Нихонги» эта фраза (китайская по стилю), как нельзя лучше свидетельствует о понимании уже в VIII в. древности и важности земледелия для Ямато.

Однако земледелие для Ямато оказалось непростым делом. Суходольные посевы риса и проса могли производиться во многих мелких долинах, тем более в низинах и устьях рек, конечно, при использовании железных земледельческих орудий. Но такие посевы были все же ограничены по площади и слишком зависели от погоды. Для разведения заливного риса — культуры значительно более урожайной и подходящей для островов по климатическим условиям — требовалась довольно сложная система орошения. Ее сложность заключалась не столько в протяженности в целом или какого-то одного ее звена, сколько в обязательном сочетании нескольких звеньев на сравнительно небольшой территории: каналов с искусственной подачей воды, плотин со створками для спуска воды, водохранилищ, водоподъемных приспособлений и пр. Земледельческая община могла наладить функционирование оросительной системы лишь совместными усилиями всех семей, а обеспечить себя необходимым для жизни продуктом — только сочетанием поливного рисосеяния с суходольным и с другими формами хозяйства. Важность поливного рисосеяния понималась уже в то время совершенно отчетливо. Моления (норито) относят к «небесным грехам» действия, вредящие орошению или самим полям. В основу надельной системы после реформ Тайка легли именно заливные поля [Воробьев, 1958, с. 85]. Хлебопашество в Ямато часто сочеталось с разведением тутовых деревьев и шелководством.

Рыболовство и морской промысел оставались важными занятиями берегового населения; свидетельство этому — раковинные кучи в приморских поселениях Ямато.

Судя по изображениям на зеркалах и по глиняным моделям (ханива), в Ямато существовало не менее четырех оригинальных типов построек: 1) землянка с покатой крышей, 2) деревянная постройка с остроконечной крышей, 3) такая же, но с покатой крышей, 4) постройка на столбах с

высоко поднятым полом и с верандой под навесом. Постройки типа 3 и 4 имели характерные «kozyрьки», торчащие над короткими сторонами строения, декоративные украшения на концах стропил (тиги) и на коньке крыши (кацуоги). Их особое назначение несомненно. Строения возводились целиком из дерева без камня и тем более без кирпича, хотя и с применением земли (в типе 1). Замечательно, что культовые сооружения не отличались от жилищ знати ни по внешнему виду, ни по названию (мия). Такая архитектурная нерасчлененность отражала слитность организаторских и сакральных функций в обществе. Эта слитность продемонстрирована и уникальной статуэткой-ханива, изображающей правителя-жреца в полуцарской, полушаманской короне и с мечом [Иофан, 1974, рис. 17].

Обитатели таких жилищ пользовались разнообразными орудиями труда и оружием, сделанным из железа. Из орудий труда следует назвать лемехи, кирки, мотыги, жатвенные ножи, гарпуны, остроги, рыболовные крючки. Многие разновидности этих орудий — чисто японские. Оружие представлено мечами и наконечниками стрел и копий, вооружение — панцирями и шлемами. К этой же группе изделий примыкают железные и прочие металлические части конской упряжи. Среди них обращает на себя внимание разнообразие и местный стиль удил [Воробьев, Соколова, 1976, с. 11].

Одежда населения эпохи Ямато довольно своеобразна (см. [Цусзцу..., 1961, с. 135, 137–139, 145]). Насколько это видно на фигурках-ханива, она различалась на верхнюю и нижнюю. Верхняя одежда напоминает платье-костюм. Верхнюю половину туловища облегал род длинного кафтана с левым запахом, с рукавами и поясом — почти одинаковый у представителей как мужского, так и женского пола. Нижнюю часть туловища мужчин закрывали длинные и широкие шаровары; женщины носили юбки. Нижняя одежда у мужчин и у женщин почти не различалась. Те и другие носили рубашки и штаны. Мужчины перехватывали штаны шнуром ниже колен; женская юбка имела разрез сбоку. Голову покрывали колпаком или платком. Такую одежду носили относительно зажиточные и знатные люди. На единичных фигурках-ханива, изображающих рядовых земледельцев, одежда почти неразличима. Похоже, они носили рубаху с длинными рукавами, подпоясанную веревкой, и штаны, а в конце VII — начале VIII в. унаследовали тип одежды состоятельного населения, которое в свой черед стало шить одежду, ориентируясь на иноземные образцы.

Одежда простого люда шилась из тканей, вытканых из дикого растительного волокна (пуэрарии, бумажного дерева и др.) и иногда окрашенных простейшими растительными красками. Более добротные ткани ткались из конопли и покрывались цветными (красными, белыми и пр.) треугольниками, дугами, полосами.

По ханива можно восстановить боевой наряд воина: панцирь до колен с наручами, поножи, шлем с приставками, закрывающими шею и горло.

Простолюдин (канава из преф. Тотнган)

Люди Ямато умели обжигать керамику двух типов: церемониальную, или погребальную (суэки), и повседневную (хадзи). Оба типа формировались на гончарном круге или по крайней мере на поворотной площадке. Они насчитывают довольно много форм, весьма устойчивых, как правило гладких, неорнаментированных. Однако сосуды суэки обжигались в особых гончарных печах при высокой температуре, поэтому обладали твердым черепком серого цвета без оттенков. Посуда хадзи допускала обжиг в более простых печах (сельских или даже домашних), поэтому оказывалась менее прочной, а по цвету была серо-бурой [Воробьев, Соколова, 1976, с. 11–12].

Вплоть до конца VII в. люди Ямато твердо держались клановой организации, чему содействовал традиционный культ духа-покровителя (и мифического предка) клана. Несмотря на победу патриархального начала в

целом в обществе Ямато, в быту доживали век элементы женского права, былой свободы половых и брачных отношений. Кроме тех элементов, которые нашли отражение в мифах и преданиях, можно отметить сохранение влияния женского права в особых формах брака [Иэнага, 1972, с. 45–47]. Жених являлся в дом-родителей невесты, где непосредственно и договаривался с суженой (цумадои). Коль скоро сговор состоялся, брак считался заключенным, муж оставался в доме жены или даже жил отдельно и лишь периодически навещал супругу. При такой форме брака дети оставались в доме матери и счет родства велся по материнской линии. В такой роли, как кажется, выступал Оку-нинуси, явившийся в дом Сусаноо, где он предложил дочери Су-саноо, Сусэри-химэ, вступить с ним в брак. Однако перед этим ему пришлось преодолеть ряд преград-препятствий, умышленно созданных Сусаноо, что ему и удалось сделать при помощи невесты [Kojiki, I, 23—3]. Еще в начале VIII в. устраивались молодежные игрища (утагаки), на которых участники обоего пола завязывали знакомства [Древние фудоки, 1969, с. 50–52]. Свобода внебрачных и добрачных отношений, похоже, сочеталась с легкостью расторжения брачных уз. Во всяком случае, Идзанаги и Идзанами с обоюдного согласия прекратили брак без долгих церемоний, просто «вернув друг другу слово» [Kojiki, I, 10–12]

Значительным своеобразием выделялся погребальный обряд. Знать хоронила своих мертвецов в курганах, а зажиточная прослойка (воины, богатые земледельцы, мелкая клановая знать) — в небольших курганчиках (байдзука) или в горизонтальных траншеях в общей насыпи курганного типа [Воробьев, 1958, с. 87–88]. Курганы (а их зафиксировано в Японии свыше 10 тыс.) — это целый погребальный комплекс. Под большой сферической или уникальной квадратно-круглой насыпью, т. е. тоже круглой, но с более низкой квадратной площадкой спереди (дзэнпо коэн фун), находится одна или несколько камер горизонтального или вертикального типа, сложенных из каменных блоков и содержащих гроб с телом покойного и разнообразный погребальный инвентарь. Многие элементы этого «убежища мертвых» представляют собой неповторимое явление. Кроме самой формы насыпи в виде замочной скважины (если на нее смотреть сверху) археологам бросаются в глаза каменные плиты на поверхности кургана, каменные столбы и глиняные цилиндры (ханива) вокруг насыпи, миниатюрные изображения храмов, строений, воинов, животных, каменные гробы-саркофаги прямоугольной формы, керамические гробы, не говоря уже о многих предметах инвентаря,

которые в богатейших погребениях исчисляются тысячами. Мелкие курганчики — захоронения воинов — неисчислимы. Погребения в траншеях в общей насыпи иногда довольно сложные. В одной насыпи может быть до сотни таких траншей и более.

Народное творчество при режиме Ямато создало немало оригинального как в материальной, так и в духовной сфере. В описанных курганах находят много бус и немало железных мечей. Бусы вырезались из различных пород камня, в том числе из такого твердого, как жадеит, нефрит, горный хрусталь, а также из искусственной стекловидной пасты, часто окрашенной. По форме бусы очень разнообразны: кроме простейших шариков и цилиндров сохранена и усложнена традиционная коммобразная бусина, появился катаэдр. Новым явлением стала художественная обработка эфесов и рукояток железных мечей. Знаменитые ханива отличаются уже не только четкостью и законченностью формы (как бусы), разнообразием художественного осмысления одной детали (как рукоятка или эфес меча), но и разработкой композиционного целого — будь то модель дома, фигурка воина или изображение животного. В этих трех сферах приложения художественного вкуса людей Ямато можно подметить зародыши стремления к тщательной проработке мелких деталей при сохранении свободы композиции, динамичности, к преодолению засушенности, устранению чрезмерно строгой симметрии, ставших позднее отличительными признаками японского искусства. Даже приложение этого мастерства не было утрачено в веках: рукоятки мечей и ханива периода Ямато возродились в эфесах Камакура и нэцкэ Токугава.

Синтоистская мистерия (кагура) стала частью народных празднеств (мацури) и исполнялась двумя хорами в сопровождении оригинальных музыкальных инструментов — цитры с 13 струнами (кото) и др. Народные песни, предания, героические сказания частично попали в «Кодзики», «Нихонги», фудоки. В последнем источнике они сохранили более непосредственный, местный колорит. Старейшими образцами песенного творчества считаются Ад- зума-ута и Сакимори-ута, исполнявшиеся коллективно на празднествах.

Уже в эпоху Ямато совершилось сложение зачаточной формы стихотворения-песни из двух стихов по пяти слогов в каждом. Вслед за ней появилась строфа с тремя стихами (ката-ута) и двумя вариантами метрики: 5-7—7 и 5-7—5, а затем и «длинная песня» (нага-ута) со строфой 5-7 7—

7. Древняя народная поэзия стремилась утвердить пяти-семисложный стих как основной элемент строфы. На вторую половину VII в. приходится рождение пятистиший с метрикой 5–7—5>—7–7 (танка) [Конрад, 1974 (II), с. 35–36].

Таковы весьма беглые зарисовки оригинальных сторон традиционной бытовой культуры Ямато

Итоги

Период с III по VII в. включительно в японской культуре приобрел поворотное значение. Именно в это время во всех отраслях культуры архипелага произошли события, значение которых ощущалось по крайней мере в течение тысячелетия. Культура указанного периода тесно связана с двумя истоками — местными традициями, особенно в их позднейшем преломлении (культура яёи), и с заморскими новшествами (прежде всего с корейско-китайскими). Это бесспорно, но уже менее бесспорно соотношение этих двух истоков. Например, по теории Эгами Намио, довольно популярной в последнее время в Японии, в IV–V вв. произошла мощная диффузия северных кочевников и их культуры, определившая культурный и политический облик поздней курганной поры [Egami, 1963, с. 16]. По мнению более осторожных ученых, было несколько диффузий, но менее значительных и отнюдь не нарушающих собственного культурного развития [Иофан, 1974, с. 36].

Из трех культурных центров, существовавших в то время на материке (Китай, Индия, Корея), наиболее важное значение для Японии имели Китай и Корея. При этом по крайней мере до середины VI в. Корея значительно опережала Китай в роли арсенала культурных новшеств. Это опережение сохранялось, хотя и в меньшей степени, еще почти сто лет после этого срока [Bryan, 1927, с. 80—105]. Впрочем, понятия Китай, Индия, Корея в приложении к тому времени — всего лишь условные географические представления наших дней или недавнего прошлого. Ни одно из этих понятий не определяло действительно единой культурной зоны («центра»), Китай был разделен между северными и южными династиями, сильно отличавшимися друг от друга в культурном отношении. На Корейском полуострове существовали три государства, и все с достаточно разной культурой. И если между Пэкче и Силлой различия были не столь уж велики, то между Когурё и этими двумя странами — довольно значительны. Такая неоднородность — характерная черта культурной диффузии III–VII вв.

Следующая важная особенность диффузии на Японские острова связана уже с преобладающей ролью корейских государственных образований в культурных связях между материком и архипелагом [Ishida,

1928, с. 75]. Эта преобладающая роль сложилась уже давно, по крайней мере в позднем неолите. Поэтому сам культурный контакт был из-за географической близости делом привычным, постоянным и регулярным и в результате приводил к медленным, но стойким переменам, которые не нарушали самого механизма культурного развития и преемственности. Прекрасным примером этого служит курганная культура, как и предшествующая культура яёи, многое воспринявшая с Корейского полуострова. Ранняя стадия курганной культуры не смяла поздний этап культуры яёи, а развилась в его недрах. Это же относится и к другим разделам японской культуры эпохи, не покрываемым термином «курганная культура».

Третьей особенностью влияния материковой цивилизации можно считать заметную миграцию материкового (прежде всего корейского) населения на архипелаг, стимулируемого местными политическими неурядицами. Наконец, четвертой (последней в ряду, но не по значению) является взаимный характер корейско-японских контактов. Впервые с определенностью можно говорить о непосредственном участии японцев в делах полуострова, об обратном воздействии японской культуры на корейскую, о сознательных поисках на полуострове нужных культурных новшеств или их создателей и носителей.

В ходе этих контактов Япония обогатилась двумя новшествами, оказавшими сильнейшее влияние на всю ее культуру в дальнейшем: письменностью (иероглификой) и буддизмом. Иероглифика проникла, по видимому, в V в., а в VI в. распространилась по всей стране. Она давала ключ к овладению духовными, богатствами, накопленными на материке, и позволяла фиксировать собственные научные и культурные достижения, историческую традицию, вести делопроизводство. Буддизм нанес мощный удар по замкнутым и застывшим родовым представлениям, принес с собой основы логики, проник во все поры общественной, культурной и художественной жизни. Роль конфуцианства, заметная лишь с начала VII в., на этом этапе оказалась скромной.

Вошли в обиход простейшие измерительные приспособления, в том числе счетные палочки, китайская система мер и весов, несколько вариантов летосчисления (буддийский, китайский лунно-солнечный календарь, девизы годов правления). Возникла астрономическая служба и фиксация наблюдений. Буддийские священники стали распространителями

континентальных медицинских навыков, лекарств и литературы, сначала корейских, а потом китайских. Сложилась нерасчлененная естественно-фармакологическая наука — хондзо, или лекарствоведение. Разведка полезных ископаемых привела к открытию на архипелаге богатых медных рудников, а китайская технология помогла освоить выплавку медных сплавов (в том числе бронзы), железа, стали. Зародилось изготовление бумаги и простейших механических аппаратов (водяного колеса, водяных часов, компаса).

Научные представления, требующие сравнительно высокого уровня отвлеченного мышления, впервые получили возможность развития благодаря знакомству японцев с основами логики, содержащейся в буддийских и конфуцианских сочинениях, с научной теорией, излагаемой в немногочисленных научных трудах, наконец, с письменностью, позволившей прикоснуться к дальневосточной сокровищнице знаний и фиксировать собственные наблюдения. Нетрадиционность для японцев этих инноваций сказалась на процессе развития отдельных наук: точные науки (математика, астрономия) развивались медленнее, прикладные науки — быстрее. Практически-прикладная сфера всех наук вообще естественно в своем развитии опережала теоретическую сферу.

В Японии сложился определенный художественный стиль. В буддийской скульптуре он выразился в монументальности религиозного образа — сурового и возвышенного, в тенденции его к индивидуализации и конкретизации. В архитектуре этот стиль принял облик величественности храмовых ансамблей. Во всех вещах искусства той поры художественный образ был лишен отвлеченности, сложной символики; он воспринимался непосредственно и в однозначной эмоциональной окраске. Несомненно, это не столько выражение состояния дальневосточного искусства той поры, сколько следствие определенной непосредственности художественного восприятия, неизощренности художественного вкуса, ученического этапа буддийского искусства на архипелаге, в конечном счете большой тяги к конкретности и непосредственности во всей духовной жизни. Эта черта сказалась на всех первых ступенях развития буддийской живописи в Японии (от условности росписей алтаря Тамамуси к большей реалистичности росписей алтаря Татибана).

Многие технические приемы были импортированы в это время из Китая и Кореи. Они укрепили отрасли художественного ремесла, уже

существовавшие в стране: металлоделательное, керамическое, ткацкое, кожевенное — и, возможно, дали толчок к появлению новых ремесел: лакового, шелкоткацкого и др. [Попов, 1964, с. 61–65].

Период Асука (середина VI — середина VII в.) превратился в подлинную колыбель древней японской культуры. Именно тогда возникли почти все остальные ее разделы, и никогда позже их трансформация не отличалась столь сплошным и революционным характером. Несомненно, это результат «счастливого» совпадения двух факторов: наличия мигрирующих носителей передовых достижений на континенте и зрелости японского общества, подготовленного к их восприятию и творческому развитию. Не случайно именно в это время воспринято многое такое, что, по-видимому, в той или иной форме было присуще уже ханьской культуре (III в. до н. э. — III в. н. э.), оказавшей определенное воздействие на культуру яёи и раннего железного века, но только теперь создались условия для того, чтобы воспринятое стало органической частью складывающегося типа культуры. Этот этап становления культуры — переходный с точки зрения освоения континентальной культуры. Перенесенная на японскую почву материковая культура еще не растворяется и сохраняет символическое значение. Отчасти под ее влиянием происходит концентрация духовных сил страны для объединения. Но смена культурных форм осуществлялась не так быстро, как политических, первые сохранились в прежнем виде до второй половины VII в. [Тамура, 1956].

Во второй половине VII в. в культурном развитии страны наблюдаются немаловажные перемены. Заметное место в культурных контактах приобретает третий континентальный культурный центр — Индия. Происходит очевидная переориентация японских интересов и в отношении двух других культурных центров: на первое место уверенно и прочно выходит Китай. Эта переориентация покоилась на сложном узле причин и привела к существенным результатам.

Объединение Китая, начатое династией Суй, было доведено до конца династией Тан к 618 г. Полное объединение Корейского полуострова под главенством Силлы запаздывало во времени (около 676 г.). Хотя результаты консолидации в обоих случаях оказались значительны, воздействие объединения Китая на Японские острова во много раз превосходило влияние силланского объединения. Большая эффективность культурной консолидации тайского Китая при расширении технических возможностей

Японии в области морских контактов прочно и на века определила первостепенное для Японии место китайского центра и вторую, хотя и важную по значению, роль Кореи. Многозначительным фактором новой стадии контактов стала направляющая роль японского государства. Правительство решительно взяло под свой контроль посольства, культурные миссии, паломничество, стажировку школяров за рубежом, отбор наиболее важных нововведений. Буддизм получил государственную поддержку, что облегчило ему распространение, хотя и не привело к вытеснению синтоизма. Был принят ряд мер по сбору материалов для «Кодзики» и «Нихонги», составленных уже в начале VIII в. [Хаясия, 1971, с. 159–163, 231–234].

Усложнение государственной деятельности потребовало большего внимания к письменности, к хронологии, к математике и счетоводству, даже к медицине. В спешном порядке заимствовались наиболее необходимые новшества и делались первые серьезные попытки упорядочения полученного ранее. Большинство наук, искусств, ремесел развивались как дворцовые. Именно такую форму приняла тенденция к государственной их регламентации. Несомненно, именно государственная поддержка и руководство помогли многим отраслям науки и культуры укрепиться и сформироваться на японской почве.

Становление науки и культуры в Японии того периода сталкивалось с рядом трудностей. В древности и в раннем средневековье развивались главным образом такие отрасли науки и техники, которые представляли существенный интерес для класса феодалов. К таким относились инженерное дело, агротехника, строительство, оружейное дело. Ежедневная жизнь была насыщена суевериями. Даже астрономия и календарь были поставлены им на службу: главное их назначение видели в предсказании будущего. Развитие же наук и художеств, «актуальность» которых казалась сомнительной (математика, философия, живопись и пр.), обеспечивалось лишь из-за поддержки дворца. Другим препятствием для развития науки и техники стала практика «посвящения в секрет» (хидэн). Она предписывала держать в строгом секрете любое личное достижение на научном или техническом поприще. Секрет мог быть передан лишь наиболее способному ученику либо отпрыску своей фамилии, и то после многолетнего процесса «посвящения» [Накамура, 1958].

Древняя японская наука достигла вершины своего развития лишь к

VIII в. Это объясняется сравнительно поздним оформлением японцев как единой народности, слабостью таких стимулов, как товарная экономика и внешняя торговля.

Переломный характер эпохи отчетливо выразился в изменении пути развития искусства. Переход от искусства первобытного к искусству древнему знаменовался определенной двойственностью: принесением новых стилей и параллельным сохранением старых, появлением новых видов искусства, до этого слабо оформленных в Японии (архитектура, скульптура, живопись). Этот период воплотился в Японии в искусстве Асука (см. [Egami, 1973, с. 119–131, 144–151]).

Следующий период ознаменовался усвоением и переработкой пришлых стилей и видов искусства, слиянием их с местными традициями и созданием единого образа культуры, воплощенного в эпохе Хакухо (650–720). Именно в это время было создано много произведений японского искусства, которые стали для нас свидетельством значения суйтанского культурного потока для Японии. Некоторые авторы сравнивают значение этого потока с ролью римской культуры для окружающего мира [Kan Chiahsing, 1963, с. 51]. Хотя беглый взгляд на заимствования в VII в. приводит к мнению о копировании китайской модели, действительность отличается от этой модели. В политической теории японцы не приняли китайскую догму о свержении императора, лишившегося «мандата Неба», в семейной системе они продолжали курс на увековечение семьи путем сохранения фамилии, а не на основе незыблемости кровной патрилинейной непрерывности в конфуцианском духе. Буддийский ритуал в Японии отличался от того, который существовал в Китае, и сама буддийская доктрина должна была примириться с синто [Nguyen Khac-Kham, 1973, с. 314–315].

Чтобы оценить культуру Ямато как этническое явление, необходимо вспомнить о триаде этнодифференцирующего слоя культуры в древних и раннесредневековых обществах: о традиционно-бытовой культуре, языке и сознании.

Традиционно-бытовая культура людей Ямато отличалась выраженным своеобразием почти во всех своих сферах, о которых мы можем иметь хоть какое-то представление. Изучение записей японских имен, названий должностей, топонимов в «Вэй чжи», в собственно японских источниках

показывает, что даже носители таких локальных культур, как вадзин и население Ямато, говорили на общем древнеяпонском языке. Единство сознания демонстрируется как общностью религиозных воззрений и мифологических мотивов, к тому же подчеркивающих общность происхождения японцев, так и (в приложении к Ямато) осмыслением своего гео-графического положения как некоего единства. В древнейших источниках Ямато выступает как единый островной мир: «Страна восьми островов», «Страна больших островов». Затем появляется указание на расположение по отношению к континенту: область, обращенная к Японскому морю, именуется внутренней (ура); область, обращенная к Тихому океану, — внешней (омотэ). Но одновременно при этом осознается, что по крайней мере главный остров (Хонсю) — это не только остров, но и горная страна, одна половина которой обращена на запад — «теневая» (Санъиндо), другая — «солнечная» — на восток (Санъёдо) [Попов, 1964, с. 26–27].

Итак, этнодифференцирующий слой культуры Ямато был прочен, обширен и — в глазах подавляющего большинства его носителей— до середины VII в., в сущности, был равнозначен понятию культуры в целом. Однако в этом слое не содержалось ничего (или содержалось мало) такого, что делало бы культуру «закрытой» для восприятия иноземных новшеств при определенных условиях. В эти условия входили: свободный приток и отбор, постепенность, восприятие иноземного в основном верхушкой общества, подготовленной к этому. Сочетание стойкой традиционности и принципиальной «открытости» определило на века отношение Японии к внешнему миру.

Заключение

Любое человеческое общество необычайно сложно. Именно поэтому легче описать общество, чем достаточно полно выделить частные признаки, специфичные для данного общества, но по существу общие для целой серии обществ, т. е. разработать его типологию. Попытаемся наметить контуры типологии японского общества III–VII вв. В методическом отношении она строится на ряде теоретических разработок, выполненных в нашей стране в последние десятилетия.

В интересах такой типологии мы выделили в обществе Ямато три сферы: этническую, социально-экономическую (или общественную в узком смысле слова), культурную — и присоединили к ним еще одну: окружение, состоящее как бы из двух «полусфер» (естественно-географической среды и окружающего человеческого мира). Каждая из первых трех сфер обладает известной автономностью функционирования, способностью воздействовать на другие сферы (это особенно характерно для социально-экономической сферы), но все они образуют неразрывное единство в рамках Истории, поскольку их полнокровное существование немыслимо вне этого единства. Разумеется, в это единство входят, хотя и на особых правах, обе «полусферы» окружения, причем человеческий мир, строго говоря, также имеет право на выделение в нем — на следующем таксономическом уровне и в рамках каждой отдельной действующей силы (народа, страны, государства) — тех же трех сфер, что и в Ямато: этнической, социально-экономической и культурной.

Подобная типология предполагает не столько характеристику указанных сфер, пусть даже сжатую, абстрактную, удобную для сопоставления, сколько выяснение характера связей между этими сферами. Такое выяснение представляет определенные трудности: соотношение самостоятельности и зависимости сфер непостоянно; возможности выбора направления связей достаточно широки; сами отношения неопределенно-неравноценны; механизм действия таких отношений может быть качественно различным, так как зависит от разницы в структуре самих сфер. В интересах типологии мы вынуждены упростить, формализовать как суть процессов, протекающих в каждой из сфер, так и характеристику отношений между ними.

Понятие «окружающий мир», как уже говорилось, включает естественно-географический и человеческий аспекты. Приступая к разбору первого аспекта — как фона развития древнеяпонского общества (обратное воздействие на него в ту эпоху было невелико), — нелишне напомнить известное положение о том, что на ранних стадиях существования человеческого общества неэкономические, необщественные факторы (в узком смысле слова) играли особо важную роль. В докапиталистическом обществе экономические, вещные связи еще не покрывали собою все другие виды общественных отношений (какие, бы ни называли) и тем более не покрывали отношений не чисто общественных. Сами эти отношения — вещные и невещные — прочными и сложными узами оказались привязаны к природным, географическим факторам. Географический фактор определяет возможность существования человека в данном месте, формы человеческого быта, естественные пределы территории распространения населения, пути и методы контактов. В нашем случае наибольшее значение имело островное положение страны, резко выделявшее ее из материковой в основном Азии. Напомним, что в Азии 100 единиц площади материка соответствуют одной единице площади морского побережья, а в Европе на единицу побережья приходится 30 единиц материка [Шевеленко, 1969, с. 88]. Мягкий и достаточно разнообразный климат в сочетании с морскими и наземными богатствами определил сравнительно раннее появление человеческого общества на Японских островах.

Положение о естественных пределах территории распространения населения в применении к архипелагу, первоначально заселенному разными племенами, а не только одними японцами, означало довольно быстрое наступление критической фазы, когда распространению японцев по островам был положен естественный предел: такой предел предстал в конечном счете в виде моря, хотя в рамках изучаемой эпохи, до VIII в., имелся еще некоторый резерв расширения этнической территории на севере Хонсю за счет вытеснения оттуда более отсталых айнов (эмиси). Однако распространение на север было затруднено как более суровыми естественными условиями, так и сопротивлением хорошо приспособленного к ним местного населения. Уже племена — носители культуры яёи (в обеих ее вариантах — кюсюском и кантоском) в своем естественном продвижении достигли довольно стабильных пределов. Режим Ямато, покорив племена хаято и кумасо на юге Кюсю и отодвинув

свои границы на восток от оз. Бива на Хонсю, на несколько веков (до IX в.) исчерпал возможности дальнейшего расширения японских владений на островах. Попытки экспансии за море имели лишь временный успех, и от них пришлось отказаться. Вся сложная и бурная история древнейшего распространения японцев получила отражение в мифах о заселении островов, о походах Дзимму, Ямато-такэру, Дзингу [Yasuda, 1971; Harashima, 1961; Kono, 1969]. Наступление критического момента в естественном распространении привело к сравнительно раннему осознанию японцами своего территориального единства и в конце концов определило на века особый ход развития страны, для которого столь характерно максимальное и виртуозное использование внутренних возможностей.

Так, израсходование удобной части земельного фонда уже на заре истории стимулировало переход от залежной системы земледелия к переложной, что косвенно содействовало развитию орошения, а вся ситуация в целом — укреплению в племенах организующего начала (распределения земель, контроля над орошением). При режиме Ямато и в ходе реформ Тайка важнейшее место отводилось земельному переделу, проблеме подъема целины, контролю над орошением (госуй) и т. п. [Yoshimura, 1972]. Островное (и достаточно обширное в условиях архипелага) распространение территории Ямато создало сложное сочетание изоляции и независимости, отдаленности и безопасности сношений. Относительная сложность контактов с внешним миром обернулась препятствием для непрерывности диффузии инородных культурных и этнических элементов и способствовала появлению этнической и в меньшей мере культурной исключительности, зафиксированных в древних мифах и преданиях.

Все сказанное выше приобретает особую важность, когда речь идет об этнических проблемах (см. [Obayashi, 1965]). Как мы уже говорили выше (см. гл. 4), еще жива тенденция рассматривать этнические отношения как частный случай отношений социальных. Одни, ставя знак равенства между этнической общностью и общественным явлением, указывают на полную слитность этнической общности и общественной формации в общиннородовом строе. Впоследствии, утверждают они, общность раскалывается с разложением общества на классы. «В ходе истории происходит переход этнических общностей в категории общественно-политических формаций и категорий общественно-экономических

формаций в этнические общности» [Ефимов, 1966, с. 181–182]. Другие, видя определенные различия между этнической и социальной организациями, говорят о том, что контуры этнических образований в древности и в средние века определялись соотношением государственных, языковых, религиозных факторов [Козлов, 1969, с. 64]. Наконец, третьи утверждают, что в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступающих в роли его структурообразующей формы, и обращаются при этом к факторам, лежащим в основе этнических процессов. Последние могут быть внутриэтническими (языковыми), межэтническими (психологическими, культурными), внеэтническими (природными, географическими) [Бромлей, 1973, с. 38, 160–162; Арутюнов, Че-боксаров, 1972, с. 1].

Последний вывод, безусловно, позволяет прийти к заключению, что хотя этнос, его признаки и свойства и выступают перед нами в основном в социальной оболочке, в сущности, ни один из пяти основных признаков этноса в своем зарождении, развитии и бытии не подчиняется исключительно чисто общественным законам. Специфика языковых процессов уникальна. Единство происхождения в подоснове своей имеет биологический характер; превращаясь же в «условность», оно — вместе с самосознанием — подчиняется законам психологии. Общность территории имеет под собой естественно-географическое основание. Сложность этногенеза, а также этнической истории как раз и заключена в переплетении действующих сил самого разного происхождения и характера в рамках динамической системы.

Хотя в системе признаков, определяющих понятие «этнос», роль отдельных признаков менялась, единство происхождения в принципе всегда занимало особое место. На раннем этапе существования человеческого общества происхождение — в глазах современников — являлось единственным надежным определителем этнического сообщества. Именно поэтому происхождение нигде не избежало мифотворчества. В Японии оно также привело к появлению мифов о происхождении японского народа — о племени идзумо и др. [Akihide, 1957]. Все другие признаки (в самоощущении народов древности) если и играли какую-то роль, то лишь подсобную. И только в дальнейшем, по мере затемнения этого основного признака, остальные получили внешне самостоятельное значение. В действительности они допускались лишь как средство, позволяющее отождествить отдельные лица и целые группы,

происхождение которых стало неуловимым, с тем или иным этносом, единство происхождения которого ощущалось как незыблемое.

Отмеченная нами сложность ситуации привела — уже в наше время — к выделению в едином доселе понятии «этнос» двух категорий: собственно этноса (этникос) и этносоциального организма (эсо)^[59]. В этой паре для этникоса, по-видимому, допускаются не чисто социальные признаки. На поздней стадии первобытного общества роль эсо выполняло племя, обладающее потестарными (организаторскими) функциями, а роль этникоса — соплеменность, т. е. категория лиц, объединяемых общностью происхождения и не обязательно связанных общим местом проживания. В применении к феодализму микроединицей этникоса объявлен человек, а микроединицей эсо — моногамная или большая семья; основным подразделением для этникоса считаются народности 1-го и 2-го порядков, т. е. «элементарные» и «сложные», состоящие из нескольких «элементарных», а для эсо — феодальная народность; макроединицей для этникоса служит этнолингвистическая общность, а для эсо — этнополитическая общность. Для феодальных этнолингвистических общностей характерно не столько единство, сколько родство языков. Упомянутые этнополитические образования способны «покрывать» несколько различных по своему происхождению этнических единиц, сформировавшихся в прошлом. Как этникосы, эти образования являются народностями 1-го и 2-го порядков [Бромлей, 1973, с. 39–40, 132, 143].

Из всего этого для нас важны два исходных момента: признание этнической истории в качестве самоценностного явления и соответственно выделение этносу более важного места в развитии человеческого коллектива.

Первый момент в свете фактических данных, изложенных в гл. 4, приводит нас к следующему. Последняя массовая миграция на архипелаг, создавшая значительные и самостоятельные этнокультурные регионы, связана с носителями культуры яёи. Люди вадзин и Ямато в этническом отношении представляли собой уже довольно однородное целое. Это ощущается, в частности, в последовательном их самопротивопоставлении племенам эмиси. Японская мифология также оттеняет единство происхождения японского народа. «Нихонги» и «Кодзики» подтверждают существование известного языкового единства на всем ареале обитания

людей Ямато (т. е. кроме севера Хонсю и юга Кюсю). Толмачи и переводчики в этих источниках фигурируют обычно тогда, когда речь идет о переселенцах корейского или китайского происхождения и об эмиси. Формированию территориальной общности способствовали географические условия: площадь архипелага, если иметь в виду древних японцев в целом, территория отдельных островов, равнин, горных долин, если говорить об отдельных племенах. Ареалы распространения некоторых из этих племен устанавливаются по письменным, археологическим данным. Эти же данные позволяют говорить о сравнительно единообразном облике культуры Ямато, или курганной культуры, не уничтожаемом присутствием в ее рамках локальных субкультур. Люди Ямато отделяли себя от обитателей севера о-ва Хонсю (эмиси, эдзо, или айны) и юга о-ва Кюсю (хаято). Итак, можно говорить о принципиальном совпадении в древней Японии этникоса и эсо, поскольку, как указывает Ю. В. Бромлей, эсо может иметь временной и пространственный ракурсы [Бромлей, 1973, с. 39]. Такой результат стал возможным благодаря специфике этнических процессов. Для эпохи разложения первобытного общества доминирующими становятся процессы этнического объединения, консолидации, ассимиляции и интеграции, причем древние и средневековые этнические общности проявляют склонность к самоконсолидации, противясь ассимиляции [Бромлей, 1973, с. 143, 157]. Зато сами такие этносы, например древнеяпонский, охотно подвергали ассимиляции инородные этнические группы, в частности китайско-корейских иммигрантов [Ким Тосу, 1973].

Ориентируясь на общие представления о характере феодальной народности [Агаев, 1965, с. 37–67], надо отметить, что, сохраняя, упрочивая и расширяя единство происхождения, древнеяпонская народность к VIII в. приобрела ряд существенных признаков. По-настоящему оформилась территориальная общность. Причем это оформление сказалось не только в создании государственных границ, но и в упрочении территориальных связей. Последние тесно срослись со связями хозяйственными, в применении к Японии — с земледельческими. Общеязыковое единство укрепилось принятием иероглифической письменности. Как фактор этнического самосознания возникло разделение понятий: культуры традиционной и культуры заимствованной. Первым свидетельством роста этнического самосознания служат следующие два примера.

В 690 г. японец-военнопленный был удостоен особой награды за то,

что, попав в 661 г. в китайский плен, он продал себя в рабство, чтобы обеспечить четверем другим японцам-пленникам возвращение на родину. В 670 г. в «Синь Тан шу» появляется термин Жибэнь (яп. Нихон), отсюда «японец» (яп. нихондзин), причем новый этноним включает в себя название родины — Нихон [Wang Chi-wa, 1936, с. 150].

Совмещение этникоса и эсо в Ямато в первой половине первого тысячелетия способствовало усилению воздействия этнической сферы на социальную, точнее — социально-политическую. Этническая общность сама существует как результат «стихийного» общения людей во всех сферах жизни, и в общественной жизни она сохраняет приоритет перед политической организацией уже в силу своей большей древности [Колесницкий, 1967, с. 4]. Политическая консолидация невозможна без этнической [Бессмертный, 1967, с. 87], причем речь идет, естественно, о консолидации народности — носителя государственности, так как раннеклассовые государства могли включать ряд народностей и племен. Многие элементы древнеяпонской народности, о которых говорилось выше, существовали еще на стадии перехода от первобытнообщинного строя к государственному. Понятно, что это имело существенное значение для складывания государственности. А это означает, что в древней Японии интенсивные этногенетические процессы, восходящие к глубочайшей древности, явно предшествовали социально-политическим, заметно проявившимся лишь с III–IV вв., и стимулировали эти последние.

Замечено, что этническая неустойчивость служит своеобразной предпосылкой для развития рабства как социально-экономического фактора [Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972, с. 5], и наоборот. У вадзин известны две категории несвободных: рабы из своего племени и пленники-иноземцы. Последняя форма зависимости считалась более тяжелой. Такое же соотношение между категориями несвободных сохранялось и в Ямато. Это свидетельствует о наличии этнического самосознания уже во II–III вв. и, следовательно, об определенной этнической устойчивости. Эта устойчивость и впоследствии, в V–VII вв., препятствовала росту тенденции к порабощению.

Политическая организация использовала многие достижения этнической, особенно территориальной общности, которая в значительной степени определила характер самой этой организации. Иллюстрацию этого положения мы видим на примере истории японского народа. Северная

граница Ямато первоначально оказалась и этнической границей. И лишь по мере завоевания японцами островов она постепенно отодвигалась на север, причем однородная этническая основа государства явилась фактором, который содействовал объединению и расширению его пределов [Колесницкий, 1963]. Если чисто общественные отношения рано переплетались с этническими, хотя и частенько преломлялись в форме последних, то позднее появившиеся политические связи должны были с боем отстаивать свое право на существование и форма их воплощения диктовалась именно этническими отношениями. Так же как в Европе этнически пестрое наследство, доставшееся германцам— наследникам Римской империи, диктовало пестроту политических образований [Бессмертный, 1967, с. 87], так на Японских островах этническая монолитность обеспечила в VII в. создание единого в масштабах архипелага государства. Идея этого государства — во многом плод заморской мысли, а для населения формы его этнического существования еще долго оставались более привычными и важными, чем институты политической организации.

Этнос и культура связаны сложными узами, но этнодифференцирующая часть культуры нетождественна культуре в целом. Лишь традиционная культура, т. е. устойчивая и бытовая, прочно связана с тем или иным этносом [Бромлей, 1973, с. 67–74]. Столкновение двух культурных потоков (местного и континентального) красной нитью проходит в японских источниках. Именно для переходной поры, например для эпохи Асука, принадлежность к тому или иному потоку, сознательный выбор отдельных их компонентов, в частности религиозных (буддизма, синтоизма), осложнялись этнической окраской этих потоков и компонентов. Известные в истории Ямато метания между указанными двумя верованиями (двоеверие) есть одновременно и фактор этнического самосознания. Споры при дворе японского царя начиная с 552 г. между сторонниками и противниками буддизма осложнялись и интернациональным характером буддизма (подчеркнутым и в грамоте царя Пэкче). Но для приверженцев синтоизма — верования этнодифференцирующего — это качество буддизма оказалось наиболее неприемлемым. Зато тем более привлекательным оно явилось для китайских и корейских переселенцев и части японской знати, породнившейся с ними и прикоснувшейся к иному этническому и культурному миру. Созревшее этническое самосознание способствовало созданию такого набора этнодифференцирующих культурных признаков,

который не препятствовал широкому заимствованию заморских новшеств. Этническое единство Ямато благоприятствовало созданию раннеклассической японской культуры.

Воздействие японского этноса на окружающий мир в это время сказалось в постоянном и упорном давлении на этнос эмиси (айнов), не говоря уже о поглощении кумасо и хаято. В 581 г. некоторые вожди эмиси носили японские имена [Nihongi, XX, 8]. Японский этнос принял непосредственное, хотя, по-видимому, недолгое и неширокое, участие в этнической истории Южной Кореи, куда переселились некоторые японские кланы [Ueda, 1962].

Итак, этнос тесными взаимными узами связан с обществом и культурой. Перейдем же к рассмотрению этих категорий. Советские японоведы давно определили раннегосударственный строй Японии как феодальный ^[60]. Возникновение раннефеодального государства Японии связывалось с серединой IV в. [Всемирная история, 1957, с. 52], а позднее, после разработки проблемы образования Ематай — даже с III в. [Конрад, 1974, с. 369]. В период со второй половины VII в. феодальные отношения стали господствующими и приобрели адекватное политическое оформление. «Весь VII век истории Японии проходит в борьбе за утверждение именно феодализма» [Конрад, 1974(1), с. 373]. Однако путь к такому выводу не простой, поэтому целесообразно остановиться на наиболее важных пунктах исходной ситуации, перехода и оформления нового общества.

Разложение первобытнообщинного строя в Ямато началось с изживания коллективного хозяйства и коллективного распределения продукта. Возможность такого изживания была обусловлена конкретным уровнем развития земледелия: усовершенствованием железных земледельческих орудий, достигнутым еще в III–IV вв., и победой поливного рисосеяния. Усовершенствование земледельческих орудий на той стадии делало ненужным совместный труд землепашцев. Победа поливного рисосеяния на сравнительно небольших — в силу природных условий архипелага — полях открывала широкие возможности для приложения труда отдельных семей, обеспечивая высокую урожайность ценного продукта. Однако оросительная система, без которой невозможно существование поливного рисосеяния, требовала сохранения известного

общественного контроля хотя бы над некоторыми производственными процессами.

Существенным следствием отмирания коллективизма стал труд малой семьи, о котором К. Маркс писал, что «это — парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для накопления движимого имущества, например скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных... Вот элемент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство» [Маркс, т. 19, с. 419]. В Ямато парцеллярный труд привел к накоплению зерна и рабов. Упрочение имущественного неравенства стало первым шагом к классовому образованию.

Как известно, возможность эксплуатации не ведет тотчас же к возникновению эксплуатации. Она реализуется в зависимости от характера избыточного продукта и способа его применения. Благоприятные условия накопления продукта поливного рисосеяния, с одной стороны, и необходимость сохранения организационного контроля за системой орошаемых участков — с другой, способствовали выделению больших семей, сосредоточивших в своих руках как крупное личное хозяйство, так и организационный контроль над соседними хозяйствами. Это предшественники кланов и кланы (удзи).

Организационные функции присущи любому обществу. При первобытнообщинном строе в каждой общине «существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц... группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда» [Энгельс, т. 20, с. 183–184] как в общественном производстве, так и в сфере управления.

На этой стадии поведение людей регулировалось не только обычаями, но и сознательно создаваемыми правилами, которые в дальнейшем благодаря медленным темпам развития жизни превращались в обычаи [Королев, Мушкина, 1963, с. 20]. Хорошим примером этого положения служит ситуация в Ематай, изложенная в «Вэй чжи» (см. гл. 5). Важнейшим средством придания этим обычаям и правилам авторитета стало сакральное их оформление. Материальная возможность создания влиятельной прослойки, могущей добиться такого оформления, обеспечивалась тем же высоким продуктом и концентрацией солидной его доли в руках сильных семейств. Раннее укрепление жречества в Ямато и последующая

сакральная власть государя в экономическом отношении стали возможны благодаря обильным жертвоприношениям сильных семейств в расчете на получение еще большего избыточного продукта следующего урожая [Берзин, 1966, с. 62].

Укрепление родовых общин, соединенных с рабовладением, относят ко II–III вв. [Конрад, 1974 (I), с. 368]. Вожди общин на пути укрепления своей власти и расширения влияния сталкивались с внутренним и внешним противодействием, что толкало их на создание племенных и общеплеменных объединений (Ематай. Ямато). Но процесс этот подчинялся известным законам. Размеры племени определялись в конечном счете размерами и числом входящих в него кланов. Первое зависело от хозяйственной, второе — от военной целесообразности. Нарушение оптимальных показателей вело либо к отпочкованию (дочерних, или малых, кланов), либо к поглощению мелких кланов крупными.

К концу первобытнообщинного строя на островах сложилась многоступенчатая система кланов и племен, дальнейшее развитие которой к классовому обществу должно было происходить по одному из двух путей: от обычного племенного союза из равноправных общин или от племенного союза с неравноправными племенами [Берзин, 1966, с. 64–69]. От выбора пути зависела структура будущего классового общества в стране (более жесткая при выборе второго пути). По какому же пути пошли японские племена? На первый взгляд кажется, что ответ прост. В гл. 5 говорилось о неравномерном развитии общин и кланов — коренных и пришлых, о выделении сильных («благородных») кланов (Мононобэ, Сога и др.), о завоеваниях, переселениях и добровольных подчинениях как средствах присоединения одними кланами и племенами других. Все эти явления скорее характерны для второго пути. Однако разделение между кланами шло не столько по принципу «военные — производственные», сколько по линии «сильные — слабые» (производственные корпорации — бэ — не являлись кланами). Подчинение слабых родов и племен сильным не приводило к порабощению или дискриминации первых. Наиболее ранние из известных племен и союзов племен — владения федераций Ематай — не обнаруживают явных проявлений неравенства. Хотя в Ямато появлялись предпосылки для развития по второму пути (узурпация власти кланами Мононобэ, Сога), но в конечном счете власть этих кланов рухнула и на решающей стадии возобладала тенденции первого пути. Союзы возникли в земледельческих районах (север Кюсю, Кинай, Киби, Идзуми) и

распоряжались значительным фондом избыточного продукта.

Лишь часть этого продукта могла использоваться в хозяйстве, значительная доля шла на военные и сакральные нужды, проходя через руки вождей, военачальников и жрецов. Это положение укрепляло их власть и позволяло уже в III–IV вв. вести значительные завоевательные походы, отдавшие в распоряжение режима Ямато всю центральную и западную части о-ва Хонсю, часть о-ва Кюсю и, возможно, юго-западную оконечность Корейского полуострова.

В это время наметилось изменение в социально-экономическом строе страны. Расширение власти стало зависеть не только от увеличения клана, но и от частных владений (тадокоро, миякэ). В V–VI вв. в Ямато наблюдались два типа социально-экономических отношений: ранний, первобытнообщинный с элементами патриархального рабства, и более поздний, рабовладельческий с элементами прежней кровнородственной общины. Наиболее остра столкновение между этими двумя типами отношений проявилось в борьбе кланов Мононобэ и Сога во второй половине VII в. [Конрад, 1974(1), с. 369–370].

Выбор пути от общеплеменного союза к классовому обществу, победа одного из двух перечисленных типов социально-экономических отношений (или, может быть, рождение третьего типа) — все это упиралось в критическую фазу смены формаций, т. е. в переходный период. Разумеется, надо оговориться. Победа первобытнообщинных отношений в исторической перспективе может быть либо временной, либо длительной. В первом случае она затормаживает развитие рабовладельческого строя, не позволяя ему вырасти в формацию, в последнем — на неопределенно долгий срок продлевает существование первобытнообщинных отношений (существуют племена, так и не вышедшие за рамки таких отношений). Победа же рабовладельческих отношений означает наступление соответствующей формации.

Важным признаком переходной ступени является противоречивость ее собственной структуры, временный характер синтеза разнородных социальных структур, генетически принадлежащих разным формациям. Для первобытнообщинного строя переходная ступень характеризуется рождением социальных элементов возникающего общества при относительном сохранении общинно-патронимического типа социальных

связей. Причем появление нового (например, классовых отношений) представляется разделением на противоположности элементов предшествующей системы (появление знатных и несвободных в недрах первобытного коллектива вадзин). Переходная ступень особенно чувствительна к среде и природным условиям. На переходной стадии зависимость конкретных форм хозяйственного и социального развития достигает максимума [Андреев, 1972, с. 59, 62, 63, 66].

Сказанное относится и к переходу Японии от первобытнообщинной формации к следующей. Общая оценка возможности развития древней и раннесредневековой Японии по пути рабовладения не раз давалась в советской историографии (см. гл. 1). Еще в 1957 г. Н. И. Конрад разъяснял, что развитию рабовладельческих отношений в Японии препятствовали: сохранение земледелия в руках общинников, невозможность создания крупных рабовладельческих латифундий в гористой стране, ограниченность источников пополнения рабской силы [Всемирная история, 1957, с. 53]. В дальнейшем некоторые из этих положений были развиты и дополнены другими. Быстрое истощение внутренних ресурсов пополнения рабской силы сопровождалось все растущей недоступностью ресурсов внешних (Корея). Социально-этнический состав контингентов рабов постепенно тоже становился неблагоприятным для Ямато. Местные рабы (яцуюко) комплектовались частично из сородичей, частично из иноплеменников и были малочисленны. Заморские переселенцы по крови были чужды японцам, но в культурном отношении превосходили жителей архипелага. Они долго сохраняли свою социальную структуру, жили компактными поселками (томо-бэ, каки-бэ), и, хотя считались зависимыми, их статус напоминал привилегированное полурабство (см. [Конрад, 1974(1), с. 372]) ^[61]. К перечисленному можно добавить и такие факторы, как мощное влияние феодального Китая, этническая сплоченность населения Ямато, отсутствие по соседству, в пределах, до которых простирались внешние связи Ямато, рабовладельческих государств, неразвитость денежного хозяйства, значительная прочность общины и т. п. В том или ином сочетании они образуют набор факторов, объясняющих отсутствие рабовладельческой формации в других государствах. Отдельные факторы могут отличаться иной характеристикой, не нарушая при этом итогового результата; например, высокий уровень производительных сил в древней Руси не помешал ей миновать рабства [Мавродин, 1971, с. 64].

При всей убедительности этой аргументации, если ею ограничиться, то минование рабовладельческой формации и переход к формации феодальной в Японии выглядит как частный и исключительный случай. В действительности это не так. В теоретическом плане «из всех формаций рабовладельческая является единственной, где в период развитого рабовладельческого общества воспроизводство рабочей силы невозможно в самой рабовладельческой стране, а осуществляется за счет ввоза рабов из других стран» [Мейман, Сказкин, 1960, с. 82]. Невозможно себе представить страну, рабская экономика которой целиком или хотя бы в основной своей части держалась на рабстве за долги да за преступления. Поскольку при любой форме рабовладения производственных рабов должно быть немало, ситуация противоречит законам социального и этнического развития. К сказанному надо добавить, что все рабы должны обходиться достаточно дешево, чтобы в условиях невысокой производительности труда стать рентабельными. Относительно дешевы, однако, были лишь рабы-пленники. Но, даже имея доступный внешний рынок пополнения рабов (а Япония в VI–VII вв. его утратила), рабовладельческое государство должно было обладать достаточно высоким уровнем развития производства, общественного разделения труда, товарного хозяйства, торговли (первые два показателя в Ямато были весьма средними, последние два — низкими). Не удивительно поэтому, что рабовладельческая формация в принципе могла утвердиться лишь в немногих сильных государствах, живущих за счет более слабых соседей. К таким государствам Ямато не принадлежало.

Закономерность альтернативы «рабовладение — феодализм» обусловлена не только многими чертами их взаимного сходства, но и тем принципиальным обстоятельством, что при феодализме воспроизводство основных эксплуататорских классов осуществляется внутри данной страны, а это обеспечивает одновременное существование ряда феодальных стран, в том числе и соседей. Именно такая ситуация и сложилась в этом районе Дальнего Востока в IV–VII вв.

Переход от первобытнообщинного строя к феодальному произошел в Ямато не сразу, не непосредственно, а через стадию, включающую неразвитое рабовладение, домашнее патриархальное рабство ^[62]. Поскольку переходный период при всей неопределенности его границ занимал в реальной действительности протяженный исторический этап, сложность

социальной, этнической и культурной среды отражалась на политической организации. В гл. 5 мы подробно говорили о социальной и этнической организации Ематай и определяли это владение как варварское государство.

Образования такого типа известны во многих частях света. У восточных славян непосредственными предшественниками древнерусского государства стали племенные княжества полупатриархального, полуфеодального характера. Они сложились на племенных землях как межплеменные политические объединения [Мавродин, 1971, с. 99—100]. В Западной Европе такие образования известны под именем варварских королевств, которые в средневековой историографии оцениваются как переходные, полуфеодальные (дофеодальные) или раннефеодальные.

В таких образованиях (в Западной, Восточной Европе или Японии) основные признаки государства — территориальное деление населения и публичная власть — либо не имелись полностью в наличии, либо были функционально незрелыми. Территориальное деление не слишком отличалось от племенных владений, а функция публичной власти исполнялась примитивными органами, переплетающимися с догосударственной системой управления (военная демократия). Вместо регулярного войска существовали королевская дружина (дружина царицы Химико) и народное ополчение. Функции внутреннего управления несли общины, а королевские, «царские» должностные лица обладали довольно ограниченными правами и нечетко очерченными пределами власти (цари Ямато в III–IV вв.). Производственные отношения в варварских королевствах отличались переходным характером. Рабовладельческие и общинные формы собственности разлагались, а новая, феодальная только зарождалась. Ни рабы, ни общинники не превратились еще в феодально-обязанных, в крепостных.

Еще не сложились настоящие классы (эксплуататоров и эксплуатируемых), хотя и существовало имущественное и социальное неравенство. Поэтому и раннефеодальное государство тоже еще не сложилось как организация политического господства феодалов [Корсунский, 1963, с. 16, 160]. «Там, где феодальные отношения развивались лишь под влиянием внутренних процессов разложения родоплеменного строя (а также там, где имело место завоевание, но объектом его были племена, не превосходившие по уровню общественного развития завоевателей), становление раннефеодального государства

приобретало длительный, затяжной характер (раннефеодальные государства сложились в Англии в VII–XI вв., в Норвегии — в XI–XII вв.). Типы формирования государства в этих странах, разумеется, соответствовали здесь характеру процесса образования феодальной собственности и антагонистических классов феодального общества. Но отсутствие сложившегося государства, в свою очередь, тормозило процесс феодализации. В таких странах органы зарождающегося государства в течение длительного времени сосуществовали с органами военной демократии, которые служили родовым общинникам опорой в их борьбе против феодализирующейся знати и королевской власти» [Корсунский, 1963, с. 183–184].

Автор цитаты справедливо придает важное значение синтезу. Однако в исторической науке еще отсутствует четкая и единообразная разработка этого понятия. По одной из более поздних работ допускается: 1) изолированное (и консервативное) развитие общества при отсутствии влияния со стороны, т. е. бессинтезное развитие; 2) синтезированное развитие в двух вариантах; а) при господстве данной страны над соседними землями или при уверенном использовании страной внешних сил; б) при утрате независимости в пользу других стран или союзе с ними [Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972, с. 5]. В других схемах вариант 2а именуется «полусинтезным», а раскрытие содержания всех трех понятий варьируется. Например, на материале Западной Европы выделяются такие варианты: 1) «уравновешенный», при равной пропорции позднеимских и варварских элементов и гетерогенности аграрных и социальных отношений; 2) «синтетический», с явным превалированием античных начал, при длительном сохранении рабовладельческого уклада, римских форм собственности, элементов римской государственности; 3) «бессинтезный», предполагающий рождение феодализма из недр родоплеменного строя варваров, при слабости крупного землевладения и городов, отсутствии влияния римской государственности [Удальцова, 1971, с. 13–15].

Центральное место в истории отводится бессинтезному пути. Однако на этом пути особенно велика роль факторов политических (тип государства), этнических (зрелость этноса), социальных (состояние общества), даже культурных (целостность культуры).

При существовании разных схем синтеза и при известной неопределенности понятий (влияние, независимость, равная пропорция и

т. п.) отдельные авторы по-разному оценивают роль синтеза в — формировании феодального общества даже у довольно хорошо изученных народностей Западной Европы. Так, одни полагают, что у «саксов Британии синтез почти отсутствовал» [Корсунский, 1963, с. 1 —12], другие — что «отсутствовал вовсе» [Неусыхин, 1956, с. 152].

Японские ученые в целом склоняются к бессинтезному варианту развития своей страны [Мацуока, 1970, с. 2] ^[63]. Правда, не надо забывать, что при этом они имеют в виду позднюю дату начала феодализма в стране — одновременную с крушением Танской империи, когда влияние Китая на Японию резко уменьшилось. Однако в VII–VIII вв. это влияние было наиболее сильным. Поэтому бессинтезный вариант развития японского общества применительно к раннему средневековью приходится принимать с оговорками (к Японии вполне применим и вариант 2а — «уравновешенный», «при уверенном использовании внешних сил») и впредь до разработки теорий синтеза в целом.

Ощущая эту неопределенность, отдельные историки при попытках дать типологию феодализма во всемирном масштабе ставят особняком японский вариант даже в пределах «дальневосточного типа», усматривая, однако, некоторое сходство его с «западноевропейским типом» [Колесницкий, 1974, с. 16], либо вообще выделяют очень обширные регионы [Качановский, 1971, с. 262–263].

Это станет вполне понятно, если мы обратимся к классификации социально-экономических факторов феодализации, расположенных по степени важности: 1. а) развитие производительных сил, б) структура собственности, в) воздействие природной среды; 2. а) эволюция общины, б) рост городов, в) взаимоотношение города и деревни, г) формы эксплуатации, д) классовая борьба (удельный вес пунктов внутри разделов 1–2 может варьироваться); 3. а) демографические отношения, б) миграции, в) воздействие государства, г) эволюция форм государственности, д) внешние завоевания, е) политические перемены, ж) идеологические явления (пункты раздела 3 еще менее стабильны) [Удальцова, 1971, с. 371].

В Японии можно наблюдать позитивное воздействие пунктов 1в, 2а, 3а, 3ж и негативное — пунктов 2б, 2в, 3д, что уже само по себе создает в высшей степени специфическую ситуацию. Медленное, «бессинтезное»

развитие раннесредневековой Японии способствовало длительному доживанию догосударственного общинного устройства, патриархального и рабовладельческого укладов (их официально признавал и упорядочивал кодекс Тайхорё). Это в известной мере определялось тем, что переход к феодализму не сопровождался коренной ломкой основных форм хозяйственной жизни. В раннем средневековье преобладала та же мелкая крестьянская собственность, хотя и эксплуатируемая теперь государственной властью. В структуре общества поэтому создалось состояние, о котором Энгельс писал, как о крепостном праве раннего средневековья, сохранявшем «много черт древнего рабства» [Энгельс, т. 19, с. 339]. Но в сложной системе укладов определяющим все же явился феодальный уклад. Это прямо вытекает из положения, что самым существенным для феодализма является характер отношений между классом земельных собственников и непосредственными производителями.

Закономерность победы того или иного уклада (или указанного характера отношений) объясняется следующим образом. Удельный вес какой-то группы населения в производстве сам по себе еще не определяет формацию. Важно отношение, создаваемое ею в производстве и принимающее облик предельного отношения. В докапиталистических классовых обществах предельное отношение выражается в различных формах внеэкономического принуждения. Если в таком сложившемся обществе в решающей сфере производства обнаруживается рабовладельческий уклад, то независимо от его удельного веса он становится системообразующим для всех форм господства. Феодализм от рабовладельческого строя — отличается отсутствием в решающей отрасли производства в обществе рабовладельческого уклада [Очерки..., 1970, с. 257–258].

В том, каким сложился характер этих отношений в раннесредневековой Японии, проявилась общеисторическая закономерность. Историческая наука установила, что под раннефеодальным укладом понимается преимущественно государственная форма эксплуатации свободного и полузависимого населения. Преобладание государственной формы эксплуатации определило характер политического устройства, основанного еще на территориальных началах. Поэтому для ранней формы феодализма характерно преобладание публичной зависимости населения от государственной власти, которая присваивает массу прибавочного продукта в форме дани-налогов

[Колесницкий, 1974, с. 6, 13, 15; Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972, с. 322]. «Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение [т. е. общая собственность на землю], сама может реализовываться самым различным образом. Например, ей нисколько не противоречит то обстоятельство, что, как в большинстве основных азиатских форм, объединяющее единое начало, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как высший собственник или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы» [Маркс, т. 46, ч. 1, с. 1463].

«Японское феодальное государство основывалось на государственной феодальной собственности на землю» [Всемирная история, 1957, с. 54]. Это положение, покоящееся на исторической разработке Ф. Энгельса и реальном историческом материале, иногда без всяких на то оснований ставится под сомнение исключительно потому, что считается краеугольным камнем теории азиатского способа производства (см. [Качановский, 1971, с. 122, 124, 263]). Однако дальнейшее изучение вопроса позволило Н. И. Конраду утверждать, что феодализм в Японии «сначала прошел общий для всей Восточной Азии путь надельной системы» [Конрад, 1974(1), с. 373], которая являлась естественным следствием принципа государственной верховной собственности на землю^[64]. По утверждению Н. И. Конрада, эта система обусловлена: 1) силой и устойчивостью общины, которую было трудно уничтожить, но возможно поставить под контроль государства — единственного собственника земли; 2) относительной слабостью правящего класса, неспособного еще в лице отдельных представителей взять контроль над подопечными; 3) влиянием Китая и Кореи, где господствовала надельная система [Конрад, 1974 (I), с. 373].

Надельная система была исторически обречена — в Японии она просуществовала в разных формах до начала X в., но она явилась закономерным этапом аграрной и социальной систем раннефеодальной Японии.

Переход к надельной системе (и к оформлению раннефеодального государства) в Японии принял, как мы знаем, характер переворота (реформ Тайка), так как, во-первых, полусвободные потомки корейских и китайских переселенцев и другие категории несвободных (бэмины) видели в надельной системе свое освобождение и экономическую независимость, а во-вторых, царский род Ямато только таким путем мог рассчитывать на

гегемонию в будущей системе, или, как иногда говорят, «на возврат к власти» см. [Конрад (I), 1974, с. 273]).

Относительная слабость правящего класса в целом и переход к новому устройству путем переворота резко усилили центральную власть. «Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковые, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть, возникшая не из их среды...» [Энгельс, т. 19, с. 496]. Это «единое начало» часто перерастает в деспотическую власть. Изолированность их одинаковых интересов, одинаковый уровень социальных отношений по всей стране возводят общественную власть во всесильное верховное начало, вторгающееся во все стороны жизни подданных. Земельная собственность общины превращается в предлог для фискальных вымогательств. Общественный фонд земель сосредоточивается в руках властей. Государственная власть строится иерархически вследствие большого объема одинаковых дел и социальной стереотипности любой части страны. Власть деспота принимает сакральный характер, так как деспот концентрирует в себе реальные общественные связи, земледельческий труд, разобщающий производителей, и всесильный правящий слой — такова структура восточных обществ аграрной бюрократии [Виткин, 1969, с. 121–122].

Однако не следует преувеличивать деспотический характер императорской власти в ранней Японии (см. [Сиодзава, 1958]). Недаром 50-летний период организации новой политической структуры завершился созданием кодекса Тайхорё, т. е. победой правового принципа управления (отсюда и термин «правовое государство» — «рицурё кокка»). Правовой же принцип классового подавления отличается от прочих сочетанием психологических способов воздействия с физическим, причем первым отводится наиболее важная роль. Лишь когда правовая норма не достигает цели, вступают в действие административные и судебные органы государства [Королев, Мушкина, 1963, с. 25–26].

Ф. Энгельс указывает, что по отношению к базису политическая власть может действовать в двойном направлении: «Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор

этому развитию, и тогда, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития» [Энгельс, т. 20, с. 188]. На первом этапе государство, охраняя прогрессивные производственные отношения, играет прогрессивную роль, даже осуществляя сугубо классовые функции (но последние на этом этапе получают сравнительно небольшой размах). Функция массового подавления может быть направлена частично даже против эксплуататорских классов, связанных с предшествующей стадией. Охраняя новую систему производственных отношений, государство выражает интересы большинства населения. Положение средневековой Японии подтверждает справедливость этого высказывания.

Кодекс Тайхорё регулировал многие стороны экономической, общественной и культурной жизни, и в этом проявилась его общесоциальная функция. Кроме прямого вмешательства непосредственно в экономические отношения (надельная и налоговые системы) новое государство вмешивалось в нее косвенно — регулируя инфраструктуру (транспорт, ирригационное хозяйство). В общественной сфере новое государство осуществляло свою социализаторскую функцию, т. е. формирование человека как социального существа, обладающего определенными физическими, психическими, профессиональными качествами, необходимыми для определенной структуры общества [Каск, 1969, с. 19]. Хотя социализаторская функция японского государства была подчинена интересам класса феодалов, она до известной степени была вынуждена ограничивать интересы господствующего класса: «Чтобы возможно было угнетать какой-либо класс, необходимо обеспечить условия, при которых он мог бы влачить, по крайней мере, свое рабское существование» [Маркс, т. 4, с. 435].

Развивая социализаторскую деятельность, раннефеодальное государство в Японии осуществляло и, по выражению В. И. Ленина, «функции попа», т. е. регулирование неантагонистических классовых противоречий, установление единого для всех мировоззрения (религии). Последнее не могло возникнуть стихийно в обществе, разделенном на классы, но и не могло быть навязано одной лишь силой всем классам и группам. Так, по Ф. Энгельсу, «в лице государства перед нами выступает первая идеологическая сила над человеком» [Энгельс, т. 21, с. 311]. Идеологическая же функция в чистом виде — это деятельность государства, направленная на внедрение в сознание людей системы

политических, нравственных, религиозных, философских взглядов, определяющих отношение этих людей к существующему правопорядку [Каск, 1969, с. 39].

Социально-экономическое (общественное) развитие Ямато оказывало чрезвычайно сильное, иногда определяющее влияние на этническое и культурное. Расширение запашки, подъем целины и переселение на новые земли в Тогоку и в другие районы способствовали этническому смешению. Значение укрепления общественных и государственных институтов для этнических отношений подчеркивается часто (см., например, [Корсунский, 1966, с. 25]). Так, совпадение государственных границ с этническими, как правило, способствует этнической консолидации [Мавродин, 1971, с. 163]. Известно, что процесс формирования народностей осложнялся иерархичностью политической структуры, сопряженной с острыми противоречиями между центробежными и центростремительными тенденциями. Эта структура предопределяла конкретные рамки интенсивной консолидации. В одних случаях большую интенсивность приобрели процессы, охватившие целую группу племен в рамках крупных государств, в других — оказались интенсивными консолидации нескольких племен в рамках небольших политических образований [Бромлей, 1973, с. 139–140]. Для развития народа и государства Ямато характерно развертывание процессов консолидации в довольно значительном по размерам государстве, чьи границы совпадали с этническими. Для этнической истории существенное, хотя еще неясное в деталях значение имело создание хозяйственной общности на базе феодализма [Беркович, 1965, с. 185].

В Ямато на предфеодальной и раннефеодальной стадиях складывание хозяйственной (рисоводческой) общности, несомненно, укрепляло общность этническую, объединяя в ней всех рисоводов (в том числе и потенциальных — иммигрантов-ремесленников) и исключая из нее всех нерисоводов по традиции, например эмиси.

Идеологическая функция перебрасывает мостик к культурной жизни населения. Известно, что социальное и культурное находится в единстве с точки зрения собственно отношений, образующих социальную систему, и средств регулирования этих отношений. Ведь культура — функция общественной жизни людей. Она дает средства организации и координации действий объединенных в различные социальные группы индивидуумов.

Достигается это путем установления определенных правил в различных сферах деятельности [Маркарян, 1969, с. 67–69].

Как показано в гл. 6, государственное начало сыграло видную роль в формировании раннеклассической японской культуры. Углубление сначала имущественной, а потом классовой дифференциации в обществе Ямато привело к выделению в однородной прежде культуре верхушечной. Государству оставалось подвергнуть институтизации культуру господствующего класса. Эта институтизация означала одновременно и осуществление социализаторской (право, конфуцианство) и идеологической (буддизм) функций государства.

Воздействие общественной структуры Ямато на окружающий мир трудно выявить. Для решения этой задачи особое значение приобретают письменные источники. Однако японские в этом отношении мало полезны, хотя и по разным причинам: когда речь заходит о континенте, сведения о японском влиянии вытесняются сообщениями о континентальном воздействии; когда дело касается соседей Ямато по архипелагу, источники просто умалчивают об этом процессе. Несомненно, однако, что непрекращающееся наступление Ямато на северные районы Хонсю, безусловно, сопровождалось многосторонним, хотя и неясным во всех подробностях воздействием на многие сферы жизни эмиси, или айнов. Для корейского, особенно китайского общества активность социально-экономической сферы Ямато вовне имела в основном информационное значение.

Культура как определенный результат человеческой деятельности и как способ этой деятельности, выраженный в действиях и поступках, имеет наибольшее значение для этнического размежевания. При этом наиболее этничный слой культуры в узком значении слова, т. е. без языка, определяется двумя основными категориями: коллективностью и традиционностью. Это так называемая бытовая культура. В пределах территории феодальной народности культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытное время, даже при известной потере культурного единообразия за счет появления антагонистических классов с собственной культурной спецификой [Бромлей, 1973, с. 30, 71, 142].

В интересующее нас время на фоне отсутствия единства мировой цивилизации сложилась дальневосточная историко-культурная общность,

частью которой впервые в VIII в. осознала себя Япония. В один и тот же, 552 г. на севере Китая возникла тюркская держава, а в Японии принято буддийское учение. Это, конечно, совпадение, но политические неурядицы в Восточной Азии действительно вызвали приток в Японию корейских и китайских эмигрантов— носителей новых политических и религиозных идей, культурных навыков, научных знаний, художественных вкусов. Незримыми узами разной прочности Япония оказалась связанной с тремя культурными центрами на материке: с корейским, китайским, индийским. Корея стала посредником в китайско-японских связях, а в III — середине VI в. заняла ведущее положение в связях японского архипелага с континентом [Ван Лида, 1975]. Буддизм и отчасти конфуцианство были приняты на вооружение носителями нарождающейся идеологии, противостоящей родовой знати с ее традициями. В V в. появляется, а в VI в. распространяется китайская письменность.

Культурное развитие населения Японских островов отличалось в III–VII вв. активизацией роли внешней культурной среды. Воздействие этой среды по-разному сказалось на отдельных сторонах духовной, научной, художественной жизни населения: создавая «дни сферы интересов, перекраивая другие, влияя на третьи. Это закономерно: восприятие культуры, идеологии вследствие их значительной автономной силы всегда происходит в стране-восприемнике выборочно, а воспринятое легко подвергается переосмыслению. Исследователями отмечено, что длительное социально-политическое взаимодействие между этническими целостностями в рамках одного региона превращает социальные общности в носителей одной и той же культуры [Очерки..., 1970, с. 266].

В данном случае можно говорить условно о трех лагерях: китайском, корейском, японском — в рамках дальневосточного культурного региона. Общение этих лагерей не привело к созданию единой культуры по целому ряду причин (если не иметь в виду создание самого дальневосточного культурного региона). Применительно к Японии одной из важнейших в серии причин оказалась особая сложность путей и методов контактов, о которой мы говорили выше. Однако эта сложность не помешала созданию в рамках архипелага целостного культурного ареала с довольно равномерным распределением элементов культуры континентальной [Nash, Schaw, 1965].

Средневековое мирозерцание отличалось цельностью и

недифференцированностью, а средневековая культура охватывала неизмеримо более широкий круг категорий, нежели в новое время. И те и другие были пронизаны религиозностью [Гуревич, 1972, с. 8, 12]. Это обстоятельство облегчило создание феномена, получившего наименование «раннебуддийской культуры» и отличающегося большим сходством своих проявлений на обширном регионе материкового и островного Дальнего Востока. Это сходство — в действительности не столь полное, как кажется на первый взгляд, — создавалось близостью общих истоков и изначальных форм проявления. Влияние религиозных представлений распространялось в Японии и на средства выражения. В математике видели не просто точную науку, но средство через число познать волю богов (появились математические формулы для предсказания исцеления или смерти больного). Астрономия основной задачей ставила выяснение воли сверхъестественных сил по планетам и звездам. Искусство рассматривалось как средство постижения божества и т. д.

В раннефеодальном государстве церковь впервые создала идеологическое обоснование политической власти. Еще клановые культы наделяли вождей и царьков сакральным ореолом. Но неудача таких вождей и королей расценивалась как утрата ими магической власти и основание для их смены. Поэтому в Западной Европе варварские народы заменили родовую религию христианством [Корсунский, 1963, с. 164]. В древней Японии синтоизм также наделял царей сакральной властью, которая, однако, не спасала носителей этой власти от преждевременной смерти и лишения прерогатив власти. Буддизм же оказался как раз той идеологией, которая давала царям известную надежду избежать этих неприятных осложнений. Кроме того, упорядоченная схема мира, разработанная буддизмом, распространялась японскими правителями и на земную, прежде всего политическую, жизнь. Однако в отличие от континентальных стран буддизм на Японских островах на первых порах занял скромное положение по сравнению с синтоизмом, и это определило специфику его влияния на другие сферы жизни.

Поскольку в средние века различные сферы общественной духовной жизни слабо дифференцированы, право приобретает значение показателя универсального регулятора общественных отношений. Однако в раннесредневековом Китае нормы права далеко не полностью обеспечивали функционирование общества и государственного управления, порядок обеспечивался поведением, этическими нормами [Гуревич, 1972,

с. 139–140]. Хотя идея и образцы письменного права пришли в Японию из Китая, именно на островах они воплотились в кодексе Тайхорё, реально регулировавшем почти все значительные стороны жизни, тогда как старая традиция была оттеснена в область быта, а новые этические нормы, тоже заимствованные с материка, только-только набирали силу. Это придало японскому средневековому праву, по крайней мере на ближайшие 200 лет, такую универсальность и значительность, которой в то время не знало право других стран дальневосточного региона. Разумеется, воплощение такого права стало возможным благодаря существованию сильного раннефеодального государства, но вызревание достаточно высокой правовой мысли— достижение духовной культуры.

В художественной жизни интересно отметить характерное пренебрежение к единичному как к объекту воспроизведения, а заодно и к понятию авторства как индивидуального творчества. Подлинной ценностью наделялось не единичное, а традиционное, повторяющееся, поскольку и природа демонстрирует лишь повторение природных циклов (см. [Гуревич, 1972, с. 87]). Отсюда тенденция к безликой обобщенности в художественных произведениях, к копированию как средству осуществления первостепенной задачи — воспроизведения в научном и художественном творчестве созданных ранее образов и выработанных канонов. Эта тенденция стала укрепляться уже в раннесредневековой Японии.

Существенной стороной культурной жизни раннесредневековой Японии стало участие в ней государства. Выше мы говорили о роли государства в развитии религии, права. Однако оно оказывало известное влияние и на другие сферы культуры. Некоторые японские ученые даже придают этому влиянию чуть ли не решающее значение. Их рассуждения сводятся к следующему. Почти на протяжении всей древности не прекращалась мощная диффузия континентальной культуры. По общей закономерности, когда менее культурный народ заимствует более высокую культуру, неизбежно наступает некий смутный период. Но японский народ в этой ситуации почему-то не оказался, а контакт с иноземной культурой не вызвал шока, хотя с того момента, как он узнал, принял, освоил и превратил пришлую культуру в собственную, не прошло и столетия. В этом, утверждают они, проявились стойкая самобытность и энергия японцев, а также руководящая роль государства в культурной жизни страны. Об этом говорят императорские указы, мобилизовавшие все силы

государства на культурное строительство. Поэтому древняя культура Японии полностью приняла государственный, или национальный, облик. С точки зрения рассмотренной концепции древняя культура Японии выступает как одна из причин существования государства, ведь создание культуры стало фактически государственным делом [Тamura, 1956, с 9—11].

Однако соприкосновение с континентальной культурой в III–VII вв. не было ни внезапным, ни однократным. Приток иностранных новшеств носил пульсирующий характер. Это давало японцам возможность спокойно «переварить» новинки и исключало наступление шокового состояния. Археологические исследования дополнительно подтверждают, что между древней и раннесредневековой стадиями японской культуры не существовало резкого скачка. Развитие культуры протекало эволюционно и диктовалось в основе своей общим развитием производительных сил. Обильный приток новинок континентальной культуры потому и способствовал созданию облика раннеклассической японской культуры, что строго соответствовал потребностям и возможностям культурной жизни на островах. В противном случае эти новшества были бы либо отброшены как преждевременные, либо существенно видоизменили аборигенную культуру. Путь формирования древнерусской культуры — но при участии уже византийского, а не китайско-корейского элемента — в этом смысле протекал аналогично (см. [Мавродин, 1971, с. 96]). Поэтому выглядит преувеличением утверждение, что раннесредневековая культура Японии обязана своим образованием государственности, как таковой.

Культура, как мы знаем, важный признак этноса. Уже благодаря этому ей обеспечена важная роль в его жизни. В этнической истории японцев эта роль, в частности, проявилась в процессе более четкого размежевания культуры на традиционную (этнодифференцирующую) и на заимствованную. Первая укрепила этническое самосознание, вторая расширила его, например, за счет создания религиозного синкретизма из синтоизма и буддизма или осталась пока за его пределами (даосизм). Складывание единой культуры способствовало цементации общества Ямато в целом. Выделение же верхушечной культуры содействовало укреплению феодальной структуры общества, прежде всего нормативных (право), этических (конфуцианство), идеологических (буддизм) его звеньев.

Японская культура по отношению к внешнему миру выступала не

только как сторона воспринимающая. Она оказывала многостороннее влияние на эмиси (айнов). От японцев к ним проникли железо, культура разведения проса, турнепса, умение изготавливать ткани из конопли, новые формы орудий труда, оружия, утвари, существенно изменившие их быт [Takakura, 1960. с. 13]. Археологическая культура Сацумон (VIII–IX вв.), по-видимому общая для японцев севера Хонсю и для айнов, является следствием таких контактов [Komai, 1964, с. 9]. Японская культура внесла известный вклад в древнюю корейскую культуру [Anazawa, 1975, с. 70; Kitano, 1973]. «Нихонги» сообщают об отправке в 553 г. в Пэкче двух «добрых» коней, 50 луков с наборами стрел к ним, двух кораблей [Nihongi, XIX, 37], о посылке в 668 г. в Силлу 50 кусков шелка, 50 кин ^[65] шелка-сырца, 50 кож, грузового судна [Nihongi, XXVII, 19]. Отзвуки японской культуры достигли танской столицы Чанъань [Оно, 1964, с. 628]. Японские школяры участвовали в жизни китайских университетов, а паломники вместе с китайскими буддистами трудились в Китае над переводами и комментариями буддийской литературы [Хэ Чанцунь, 1965, с. 291].

Рассмотренная специфика этнических, социальных и культурных процессов в древней и раннесредневековой Японии своим обликом немало обязана внешнему миру (см. гл. 3). Роль природной среды уже была нами вкратце охарактеризована. Обратимся теперь к человеческой среде, оказавшей сложное воздействие на Японский архипелаг.

В рассматриваемый период континентальный мир в интересующих нас сферах опережал Ямато либо в качественном, либо во временном отношении, в то время как Ямато шло впереди неяпонского мира архипелага.

Для этнической истории жителей архипелага принципиальное значение приобрели бурные этнические процессы на континенте. Следствием этих процессов явилось, с одной стороны, создание этнически однородных государств, в том числе и на Корейском полуострове, а с другой — крупные переселения на острова, обеспечившие расширение базы японского этноса. В период с III–II вв. до н. э. по VII в. н. э. континент для Японских островов оказался резервуаром массивированных (носители культуры яёи) или пульсирующих (выходцы из Китая и из Кореи) миграций. Немалое значение имели и менее бурные этнические отношения между японцами и их сухопутными соседями — эмиси (айнами).

Источники избегают писать об этом, но известно, что айны вступали с японцами в смешанные браки [Komai, 1964, с. 9] и, вероятно, еще чаще так поступали японцы, так как много айнов проживало на территории Ямато. На стадии, когда японское общество и внешний мир принадлежали к разным формациям, отношения между ними принимали характер межформационный. В принципе межформационные отношения могут быть очень сложными, но в данном случае "мы имеем дело с более простым случаем. Континентальные державы находились на стадии феодализма, для которого межформационные отношения не являлись абсолютно необходимыми, но их партнер — островные образования, находясь на стадии первобытнообщинного строя, могли: 1) разложиться и перейти на следующую стадию развития; 2) законсервироваться; 3) миновать ряд ступеней поступательного развития и достичь уровня континентального партнера. Япония пошла по третьему пути, открывшему наибольший простор для реализации политических интересов.

Само воздействие классовых образований на первобытнообщинную периферию может подразделяться на несколько категорий: технологическое, экономическое, социально-экономическое, идеологическое [Хазанов, 1962, с. 89–91]. В некоторое отступление от правила для древней Японии характерно превалирование технологической категории воздействия без видимого развития категории экономической (торговой), но с равномерным распространением двух остальных категорий. Сам процесс воздействия регулировался тремя факторами: высокой активностью культурного центра — Китая, известной удаленностью Японии от этого центра и благоприятным для восприятия состоянием общества, находящегося на стадии разложения первобытнообщинного строя. Резкое для той поры расхождение в уровнях развития между Китаем и Японией сглаживалось посреднической ролью Кореи, чей уровень был ближе к японскому. На следующей стадии, когда обе стороны принадлежали к одной формации, можно представить следующие формы взаимодействия, уже межрегионального: а) между регионами, олицетворяющими различные фазы в развитии одной и той же модели формационного отношения; б) между регионами одних и тех же стадийных фаз, но олицетворяющими различные модели формационного отношения; в) между регионами различных стадийных фаз в развитии формации и различных моделей формационного отношения (взаимодействие стран типа «а» и «б»).

При «мирных» формах взаимодействия в случае «в» обмен социальными ценностями будет близок нулю в силу их несовместимости, но зато обмен товарами займет основное место. В случае «а» соотношение этих параметров будет обратным, в случае «б» — усредненным [Очерки..., 1970, с. 279–282]. При «военных» формах взаимодействия их результат, естественно, меняется, но этот случай нас сейчас не интересует, так как не имеет отношения к Японии III–VII вв.

Если мы вспомним сказанное об общественном устройстве Китая и Кореи (гл. 3), то окажется, что в период древней Японии взаимодействия между континентом и островами развивались по типу «в», но в раннем средневековье положение изменилось. Японское общество стало развиваться по модели дальневосточного феодализма, отличаясь от других партнеров по этой модели стадией развития. Это обеспечивало ему широкую возможность обмена социальными и культурными ценностями со странами и народами материка. Доказательством использования этой возможности служило выборочное, но прямое восприятие во второй половине VII в. в ходе реформ Тайка континентальных социальных институтов, возможное только в наиболее благоприятных условиях контакта и в период ломки общественного строя страны-восприемника (тип «а»). Взаимосвязи с корейскими государствами, проходившие до середины первого тысячелетия по типу «передовая периферия — отсталая периферия», после этой даты перешли в другой класс: «центр — центр» [Первобытная..., 1978, с. 123].

В итоге контакт с окружающим миром на межформационном уровне способствовал тому, что Япония миновала стадию рабовладельческой формации, а контакт на межрегиональном уровне обусловил первоочередной приток социальных ценностей, в особенности организационных, способствовавших оформлению надельной системы и других феодальных институтов. Эти ценности ускорили развитие японского общества. Но их восприятие и их эффективное использование оказались возможными благодаря сходству между процессами общественного развития, находившимися в расцвете на Корейском полуострове и в своем начале на Японском архипелаге-[Inoue, 1974].

Формирование мощных культурных центров на континенте и дальневосточной культурной общности явилось событием огромной важности для Японии. Культурное воздействие переселенцев оказалось

очень длительным, более длительным и весомым, чем этническое, а в дальнейшем культурные новшества на островах вообще не сопровождались этническим внедрением. Оно осуществлялось натурализовавшимися переселенцами. Примером этого могут служить некоторые корпорации накануне реформ Тайка — они отличались от чисто японских лишь отдельными производственно-культурными навыками [Hirano, 1961]. При этом важно напомнить, что даже полная ассимиляция не требовала такой же полной аккультурации [Козлов, 1969, с. 306].

Это важное наблюдение помогает правильно оценить вклад корейско-китайских переселенцев в этническую и культурную историю Японии. На межформационном уровне происходило в основном технологическое воздействие окружающего мира (проникновение предметов материальной культуры), на межрегиональном — на первое место вышло восприятие культурных ценностей.

Менее броским, но более длительным оказалось воздействие местной культуры — айнской, предопределенное этническими контактами. Немало айнских элементов в синтоизме: сам японский термин «ками» (божество) произошел от айнского «камуи», известный эпизод об удалении японской богини солнца Аматэрасу в гром имеет аналогию в айнской мифологии. Заместители подлинного жертвоприношения у японцев (гохэй) тесно связаны с айнскими инау, так же как японское харакири — с айнским жертвенным самоубийством — пере [Арутюнов, 1957, с. 4–8, 10, 11].

В итоге для истории Японии III–VII вв. наиболее важную роль сыграли: раннее завершение процессов этнической консолидации; бессинтезный путь общественного развития; такое выделение этнодифференцирующего слоя культуры, которое не препятствовало широким культурным заимствованиям с материка; взаимодействие с окружающим миром на межформационном и межрегиональном уровнях. Все это привело к созданию на островах в раннем средневековье феодальной народности, раннефеодальной государственности, раннеклассической культуры.

Использованная литература [\[66\]](#)

Произведения основоположников марксизма-леннизма [\[67\]](#)

Маркс, Энгельс. Т. 4.—Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Т. 4.

Маркс. Т. 19.— Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. — Т. 19.

Маркс Т. 46.— Маркс К. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857–1858 годов — Т. 46. Ч. 1.

Энгельс. Т. 19.—Энгельс Ф. Марка.—Т. 19.

Энгельс. Т. 19.— Энгельс Ф. Франкский период. — Т. 19.

Энгельс. Т. 20.— Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Т. 20.

Энгельс. Т. 21.— Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Т. 21.

Энгельс. Т. 37.—Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту 27 октября 1890 г. — Т. 37

Источники

Бичурин, 1950.— Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшее время. Т. 1. М., 1950.

Древние фудоки, 1969.— Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн). Перевод, предисловие и комментарии К. А. Попова. М., 1969.

Идзумо-фудоки, 1966.— Идзумо — фудок и. Перевод, комментарии и предисловие К. А. Попова. М., 1966.

Ким Бусик, 1959.— Ким Бусик. Самкук саги (Летописи трех царств). Издание текста, перевод, вступительная статья, комментарии М. Н. Пака. М.г 1959.

Кюнер, 1961.— Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Самкук саги, 1914.— Самкуксаги (Исторические записки трех государств). Сеул, 1914.

Florenz, 1919.—Florenz K. Die historische Quellen der Shinto-Religion au& dem altjapanischen und chinesischen iibersetzt und erklart. Gotingen — Leipzig, 1919.

Japan..., 1951.— Japan in the Chinese Dynastic Histories. Later Han Through Ming

Dynasties. Transl. by Ryusaku Tsunoda. Ed. by L. Goodrich. South Pasadenar 1951.

Koj'iki, 1969.—Kojiki. Transl. with an Introduction and Notes by D. L. Philippi..Tokyo,1969.

Nihongi, 1956.—Nihongi. Chronicles of Japan from the Earliest Times to AD 697.

Transl. from Original Chinese and Japanese by W. G. Aston. L., 1956.

Литература

Агаев, 1965.— Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965.

Андреев, 1972.— Андреев И. Л. Историко-генетический анализ и проблема смены формаций (на материале перехода от первобытной формации к классовому обществу). — "Вопросы философии". 1972, № 4.

Арутюнов, 1975.— Арутюнов С. А. Дзимму-тэнно. Мифический вымысел и историческая реконструкция. — Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

Арутюнов, Чебоксаров, 1972.— Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Этнические процессы и информация. — «Природа». 1972, № 7.

Арутюнов, 1962.— Арутюнов С. А. Древний восточноазиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1962.

Арутюнов, 1961.— Арутюнов С. А. Этническая история Японии на рубеже нашей эры. — «Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия». Т. XXIII. М. — Л., 1961.

Арутюнов, 1960.— Арутюнов С. А. К оценке роли миграций в древней истории Японии. — «Советская этнография». 1960, № 1.

Арутюнов, 1957.— Арутюнов С. А. Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры. — «Советская этнография». 1957, № 2.

Барг, 1973.— Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.

Берзин, 1966.— Берзин Э. О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций. — Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства). М., 1966.

Беркович, 1965.— Беркович М. Е. К вопросу об особенностях процесса формирования немецкой народности. — Средние века. Вып. 27. М., 1965.

Бессмертный, 1967.— Бессмертный Ю. Л. Изучение раннего средневековья и современность. — «Вопросы истории». 1967, № 12.

Бродский, 1969.— Бродский В. Е. Японское классическое искусство. Очерки Живопись, графика. М., 1969.

Бромлей, 1973.— Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Ван Ли-да, 1957.— Ван Ли-да. Роль, которую сыграло экономическое и культурное развитие «трех государств» (Силла, Когурё, Пэкче) в сближении китайской и японской культур. — «Шисюе юэкань». Кайфын, 1957, № 10.

Ван Цэй-у, 1936.— Ван Цзи-у. О маршрутах сношений между Китаем и Ва. — «Юйгун». Пекин, 1936, т. 3, № 10.

Вацудзи, 1957.— Вацудз и Тэцуро. Нихон кодай буйка (Древняя культура Японии). Токио, 1957.

Виткин, 1969.— Виткин М. А. Некоторые особенности развития докапиталистических формаций. — Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

Волков, 1938.— Волков К. Фальсификация истории японского средневековья военно-фашистской кликой. — «Исторический журнал». 1938, № 3.

Воробьев, 1958.— Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958.

Воробьев, Соколова, 1976.— Воробьев М. В., Соколова Г. А. Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. М., 1976.

Всемирная история, 1957.— Всемирная история. Т. 3. М., 1957.

Глухарева, 1975.— Глухарев а О. Н. Открытие гробницы Такамацудзука. — «Научные сообщения Музея искусства народов Востока». Вып. 8. М., 1975.

Гольдберг, 1957.— Гольдберг Д. И. [Рец. на:] И д з у Кимио. История Японии. Токио, 1953.— «Советское востоковедение». 1957, № 6.

Гуревич, 1972.— Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Денике, 1935.— Денике Б. П. Япония. Альбом по архитектуре. М., 1935.

Джарылгасинова, 1979.— Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхована»). М., 1979.

Джарылгасинова, 1972.— Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев). М., 1972.

Ефимов, 1966.— Ефимов А. В. Этническая общность и общественные формации. — Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства). М., 1966.

Есида, 1955.— Есида Мицукуни. Нихон-но кагакуси (История японской науки). Токио, 1955.

Жуков, 1975.— Жуков Е. М. — Некоторые вопросы теории социально-экономической формации. — Проблемы социально-экономических

формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.

Жуков, 1939.— Жуков Е. М. История Японии. Краткий очерк. М., 1939.

Иванами, 1962.—Иванами кодза. Нихон рэкиси (История Японии в лекциях издательства «Иванами»). Т. 1–4. Токио, 1962.

Имамия, 1957.— Имамия С и н. Дзэдай-но тоти сэйдо (Древнейшая земельная система). Токио, 1957.

Иноуэ, 1960.— Иноуэ Мицусада. Нихон кокка-но кигэн (Истоки японского государства). Токио, 1960.

Иноуэ, 1964.— Иноуэ Такэо. Нихон тандзё вадза. Кагакуся каймэйсита синва-но сэйкай (Загадка происхождения Японии. Мир мифов, иллюстрируемый ученым). Токио, 1964.

Иофан, 1974.— Иофан Н. А. Культура древней Японии. М., 1974.

Иофан, 1963.— Иофан Н. А. Из истории металлургии в Японии VI–VIII вв. — «Краткие сообщения Института народов Азии». 1963, № 61.

Исикава, 1959.— Исикава Цунэтаро. Нихон кодай-но дотэцу-но сэйрэн исэки-ни кансүру кэнкю (Изучение истории выплавки меди и железа в древней Японии). Токио, 1959.

Исимура, 1973.— Исимура Юкио. О рабах японской древности (о разновидностях холопов-кэнинов). — «Рэкиси хёрон». Токио, 1973, № 3.

История Китая, 1974.— История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

История Кореи, 1974.— История Кореи с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1974.

История Кореи, 1960.—История Кореи. Т. 1. М., 1960.

Ито, 1965.— Ито Нобуо, Миягава Тора о, Маэда Тэйдзи, Есидзава Т ю. История японского искусства. М., 1965.

Иэнага, 1972.— Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972.

Кадоваки, 1960.— Кадова ки Тэйдзи. Нихон кодай кёдотай-но кэнкю (Древняя японская община). Токио, 1960.

Кайондзи Тёгоро, 1959.—Кайондзи Тёгоро. Тайка-но кайсин (Реформы Тайка). Токио, 1952.

Каск, 1969.— Каск Л. И. Функция и структура государства. Л., 1969.

Качановский, 1971.— Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.

Ким Сокхён, 1966.— Ким Сокхён. Чхоки чо-ил квангэ ёнгу (Корейско-японские отношения в ранний период). Пхеньян, 1966.

Ким Сокхён, 1965.— Ким Сокхён. Вступление людей из Кара на Японские острова по японскому мифу о «сошествии тэнсон». — «Йокса

квахак». Пхеньян, 1965, № 3.

Ким Сокхён, 1963.— Ким Сокхён. О колониях трех хан и трех королевств (сам хан, сам кук) на японской территории. — «Йокса квахак». Пхеньян, 1963, № 1.

Ким Тосу, 1973.— Ким То су. «Натурализовавшиеся» и «импорт» в свете истории. — Нихон бунка то Тёсэн (Японская культура и Корея). Токио, 1973.

Кимия, 1955.— Кимия Ясухико. Никкан бунка корю си (История культурных связей между Японией и Китаем). Токио, 1955.

Китаяма, 1966.— Китаяма Сигэо. Нихон кодай сэйдзи си-но кэнкю (Политическая история древней Японии). Токио, 1966.

Китаяма, 1962.— Китаяма Сигэо. Тайка-но кайсин (Реформы Тайка). Токио, 1962.

Козлов, 1969.— Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

Кокка, 1954.— Кокка-но сэйсэй (Создание государства). Токио, 1954.

Колесницкий, 1974.— Колесницкий Н. Ф. Некоторые итоги дискуссии по проблемам раннеклассовых обществ. Типология феодализма. — Вопросы истории феодализма. М., 1974.

Колесницкий, 1967.— Колесницкий Н. Ф. Феодальное государство (VI–XV вв.). Пособие для учителей. М., 1967.

Колесницкий, 1963.— Колесницкий Н. Ф. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.). — «Средние века». Вып. 23. М., 1963.

Конрад, 1974 (I). — Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974.

Конрад, 1974 (II). — Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М... 1974.

Конрад, 1937.— Конрад Н. И. Лекции по истории Японии. Древняя история(до 645 г.). М.,1937.

Конрад, 1923.—Конрад Н. И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк. Пг., 1923.

Королев, 1963.— Королев А. И., Мушкина А. Е. Государство и власть. — «Известия высших учебных заведений. Правоведение». 1963, № 2.

Коростовцев, 1975.— Коростовцев М. А. Рабовладельческая формация в свете исторического материализма. — Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.

Корсунский, 1966.— Корсунекий А. Р. Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе. — Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе. Тезисы докладов. М., 1966.

Корсунский, 1963.— Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

Ксгстылев, 1888.— Костылев В. Очерк истории Японии. СПб., 1888.

Левин, 1971.— Левин М. Г. Этническая антропология Японии. М., 1971.

Лим Консан, 1963.— Лим Консан. Чосоный пукокчэ-э кванхан ёнгу (Система частных зависимых в Корее). Пхеньян, 1963.

Лим Чонсан, 1967(1). — Лим Чонсан. О наследном принце Сётоку-тайеи. — «Йокса квахак». Пхеньян, 1967, № 2.

Лим Чонсан, 1967(11). — Лим Чонсан. Военно-политический переворот 645 г в царстве Ямато в свете отношений между Пэкче и Ва. — «Йокса квахак», Пхеньян, 1967, № 6.

Лим Чонсан, 1966.— Лим Чонсан. Крупные местные племена Ямато (Японии) в начале VI в. и «маленькие государства» пэкчийского происхождения. — «Йокса квахак». Пхеньян, 1966, № 5.

Лим Чонсан, 1965.— Лим Чонсан. Положение государства Ематай, его отношения с тремя хан и тремя государствами. — «Йокса квахак». Пхеньян, 1965, № 2.

Ма Пэйтан, 1935.— Ма Пэйтан. О Ва по китайским летописям. — «Юйгун». Пекин, 1935, т. 3, № 4.

Мавродин, 1971.— Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

Маркарян, 1969.— Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

Мацуока, 1970.— Мацуока Хисао. Особенности японского феодализма. М., 1970.

Мейман, 1960.— Мейман М. Н., Сказкин С. Д. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. — «Вопросы истории». 1960, № 1.

Мещеряков, 1978.— Мещеряков А. Н. [Рец. на:] R. J. Miller. Ancient Japanese Nobility. The Kabane Ranking System. Berkeley — Los Angeles — London, 1974.— «Народы Азии и Африки». 1978, № 1.

Мидзуно, 1973.— Мидзуно Акиёси. Об иммигрантах из древней Кореи. — Нихон бунка то Тёсэн (Японская культура и Корея). Токио, 1973.

Мидзуно, 1967.— Мидзуно Ю. Нихон кодай кокка: Ва На коку, Дзёококу, Кунаококу (Древние государства Японии: страны Ва и На, страна царицы, страна Куна). Токио, 1967.

Мотоида, 1970.— Мотоида Кикуси. Мощь императорских родичей в ранний период Тайка. Характер и позиция клана правителя. — «Нихон рэкиси». Токио, 1970, № 10 (269).

Накада, 1956.— Накада Каору. Кодай Никкан косёси дампэнко (Очерки по истории связей между Японией и Кореей в древности). Токио, 1956.

Накамура, 1965.— Накамура Тосиаки. Процесс формирования категорий зависимых: томобэ, какибэ, дзакко (К вопросу о служащих — нюсики). — «Нихон рэкиси». Токио, 1965, № 201.

Накамура, 1958.— Накамура Коя. Кодай бунка (Древняя культура). Токио, 1958.

Наоки, 1964.— Наоки Кодзиро. Нихон кодай-но удзи то тэнно (Кланы и императоры японской древности). Токио, 1964.

Народы Восточной Азии, 1965.— Народы Восточной Азии. М. — Л., 1965.

Неусыхин, 1956.— Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе V–VIII вв. М., 1956.

Николаева, 1972.— Николаева Н. С. Декоративное искусство Японии. М., 1972.

Нихон, 1961.— Энциклопедия по истории Японии (Нихон рэкиси дайджитэн). Т. 20–21. Токио, 1961.

Нихон си гайрон, 1968.— Нихон си гайрон (Очерки по истории Японии). Токио, 1968.

Нихон си-но сотэн, 1963.— Нихон си-но сотэн (Спорные вопросы японской истории). Токио, 1963.

Нихон си нэмпё, 1966.— Нихон си нэмпё (Хронологические таблицы по истории Японии). Токио, 1966. ч

Нюмон Нихон си, 1968.— Нюмон Нихон си (Введение в историю Японии). Т. 1. Токио, 1968.

Новосельцев, 1972.— Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.

Окадзаки, 1955.— Окадзаки Кэй. Бронзовые меч, копье и секира. — Яёисики бунка (Культура яёи). Токио, 1955.

Оно, 1964.— Оно Кацутоси. Центральные проблемы японо-танских культурных отношений. — «Каогу». Пекин, 1964, № 12.

- Основы этнографии, 1968.— Основы этнографии. М., 1968.
- Ота, 1955.— Ота Рё. Нихон дзёдай сякай сосики-но кэнкю (Организация древнего японского общества). Токио, 1955.
- Очерки, 1959.— Очерки по истории Китая (с древности до «опиумных войн»). М., 1959.
- Очерки, 1970.— Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.
- Пак, 1969.— Пак М. Н. О возникновении и утверждении феодализма в Корее (некоторые проблемы современной корейской историографии). — Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока (историографические очерки). М., 1969.
- Пак, 1957.— Пак М. Н. Некоторые спорные вопросы истории Кореи (в связи с выходом в свет 1 тома «Истории Кореи»). — «Вопросы истории». 1957, № 8.
- Пак Сихён, 1966.— Пак Сихён. Квангэтхо-ван нынъби (Погребальная стела короля Квангэтхо-вана). Пхеньян, 1966.
- Первобытная..., 1978.— Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978.
- Пинус, 1973.— Пинус Е. М. Кодзики — записки о делах древности. — «Проблемы Дальнего Востока». 1973, № 4.
- Пинус, 1972.— Пинус Е. М. У истоков японской письменности (по памятникам «норито», «фудоки», «Нихонги», «Кодзики» VII — начала VIII в.). — Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов 5-й научной конференции. М., 1972.
- Плетнер, 1929.— Плетнер О. К изучению японского феодализма. — «Аграрные проблемы». 1929, № 2.
- Поздняков, 1977.— Поздняков И. Г. Проблемы японского феодализма в трактовках прогрессивных японских историков. — Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977.
- Поздняков, 1966.— Поздняков И. Г. О причинах отставания Востока. — Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства). М., 1966.
- Поздняков, 1962.— Поздняков И. Г. Прогрессивная японская историография о характере феодализма в Японии. — «Народы Азии и Африки». 1962, № 3.
- Попов, 1964.— Попов К. М. Япония. Очерки развития национальной

культуры и географической мысли. М., 1964.

Радуль-Затуловский, 1947.— Радуль — Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М., 1947,

Рю Хакку, 1975.— Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975.

Сайто, 1956.— Сайто Тадаси. Местоположение Ематай (с археологической точки зрения). — Яматай коку (Страна Ематай). Токио, 1956.

Сакамото, 1956.— Сакамото Таро. Разные заметки о разделе вожэнь в «Вэй чжи». — Яматай коку (Страна Ематай). Токио, 1956.

Сакамото, 1949.— Сакамото Таро. Тайка кайсин-но кэнкю (Реформы Тайка). Токио, 1949.

Седо дзэнсю, 1973.— Энциклопедия письма (Седо дзэнсю). Т. 9. Токио. 1973.

Сиодзава, 1958.—Сиодзава Кимио. Кодай сэнсэй кокка-но кодзо (Образование и структура древнего деспотического японского государства). Токио, 1958.

Сугихара, 1955.— Сугихара Сёскэ. Культура яёи. — Яёи сики бунка (Культура яёи). Токио, 1955.

Сырицын, 1977.— Сырицын И. М. Современная историография генезиса японского феодализма. — Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977.

Сырицын, 1973.— Сырицын И. М. Реформы Тайка и проблема общины в освещении послевоенной японской историографии. — «Вестник Московского университета». Серия XIV. Востоковедение. 1973, № 2.

Сырицын, 1970.— Сырицын И. М. Современная японская историография о формировании и социальной структуре древнего государства. — «Вестник Московского университета». Серия XIV. Востоковедение. 1970, № 2.

Сырицын, 1969.— Сырицын И. М. К вопросу об изучении феодализма в Японии. — Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока (Историографические очерки). М., 1969.

Такигава; 1956.— Такигава Масадзиро. Нихон дорэй кэйдзайси (История рабской экономики в Японии). Токио, 1956.

Тамура, 1956.—Тамура Минору. Нихон кодай кокка то котэн бунка (Древнее государство в Японии и классическая культура). Токио, 1956.

Танаами, 1970.— Танаами Хироси. Образование системы земельных налогов. — «Нихон рэкиси». Токио, 1970, № 4 (263).

Тасэ, 1942.— Тасэ Сукэсигэ. Нихон кагаку си моногатари (Рассказы из истории японской науки). Токио, 1942.

Тихвинский, 1967.— Тихвинский С. Л. Некоторые вопросы истории Японии в современной советской историографии. — «Вопросы истории». 1976, № 4.

Тома, 1960.— Тома Сэйта. Удзуморэта киньин (Захороненная золотая печать). Токио, 1960.

Тома, 1947.— Тома Сэйта. Нихон кодай кокка. Сэйрицу-ёри боцураку-мадэ току-ни соно кисо кодзо-но хааку то хихан (Древнее государство Японии. Исследование и критический разбор его базы от возникновения и до падения). Токио, 1947.

Труды..., 1879–1880.— Труды третьего международного съезда орьенталистов в С.-Петербурге. СПб., т. 1, 1876.

Тэрая, 1958.—Тэрая Тося. Два-три частных замечания о проведении в жизнь надельной системы (хандэн). — «Н;мон рэкиси». Токио, 1958, № 9 (№ 123).

Удальцова, 1971.— Удальцова З. В. Генезис и типология феодализма. — Средние века. Вып. 34. М., 1971.

Уэда, 1969.— Уэда Масааки. Нихон кодай кокка роккю (Сборник статей по древнему японскому государству). Токио, 1969.

Уэда, 1963.— Уэда Масааки. Обстоятельства развития системы уездных управлений. — «Сирин». Киото, 1963, т. 46, № 2.

Уэда, 1961.— Уэда Масааки. Структура системы зависимых (бэминов). — «Нихон рэкиси». Токио, 1961, № 53.

Уэда, 1959.— Уэда Масааки. Нихон кодай кокка сэйрицу си-но кэнкю (История создания древнего государства Японии). Токио, 1959.

Фукуда, 1926.— Фукуда Токудзо. Общественное и экономическое развитие Японии. Л., 1926.

Хазанов, 1972.— Хазанов А. М. Проблемы взаимосвязи классовых обществ и первобытной периферии в докапиталистические эпохи. — «Народы Азии и Африки». 1972, № 1.

Хан гук са, 1960.— Хан гук са (История Кореи). Т. 1, Сеул, 1960.

Хани, 1957.— Хани Горо. История японского народа. М., 1957.

Харасима, 1965.— Харасима Рэйдзи. Перемены в организации крестьян в VII в. (в Японии). — «Рэкиси хёрон». Токио, 1965, № 5, 7, 9.

Хаясия, 1971.—Хаясия Тэцусабуру. Нихон-но кодай бунка (Древняя культура Японии). Токио, 1971.

Хиго, 1956.— Хиго Кадзуо. Ематай — это Ямато. — Яматай коку (Страна Ематай). Токио, 1956.

Хондзё, 1927.— Хондзё Эйдзиро. Социальная история Японии. М., 1927.

Хэ, 1965.— Хэ Чанцюнь. Две беседы из истории китайско-японского культурного обмена в древности. — «Чжунхуа вэньши луьцун». Пекин, 1965, № 6.

Цой Килсон, 1963. — Цой Кил сон. Критический разбор сказания, повествующего про агрессивные действия королевы Дзингу в Силле. — «Июкса квахак». Пхеньян, 1963, № 2.

Цусэцу..., 1961.— Цусэц, у Нихон сёмин сэйкацу си (Иллюстрированная история жизни народных масс Японии). Т. 1. Токио, 1961.

Чебоксаров, 1970.— Чебоксаров Н. Н. Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 9. М., 1964.

Черевко, 1977.—Черевко К. Е, К вопросу об изучении «Кодзики» («Запись о делах древности»), 712 г. — Письменные памятники Востока. Ежегодник — 1972. М., 1977.

Черевко, 1973.—Черевко К. Е. К вопросу об изучении в СССР истории японской национальной культуры (О литературном памятнике «Кодзики»). — «Проблемы Дальнего Востока». 1973, № 4.

Шао, 1955.— Шао Сюньчжэн. Дружественные отношения между народами Китая и Японии на протяжении двух тысяч лет. — «Синьхуа юэбао». Пекин, 1955, № 10.

Шевеленко, 1969.— Шевеленко А. Я. Природный фактор и европейское общество V–X веков. — «Вопросы истории». 1969, № 10.

Эйдус, 1968.—Эйду с Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк. М., 1968.

Эндо, 1968.— Эндо Мотоо. Нихон си-но ното (Заметки по истории Японии). Токио, 1968.

Эноки, 1960.— Эноки Кадзуо. Яматай коку (Страна Ематай). Токио, 1960.

Яmano, 1967.—Яmano Юкихиса. Положение в Восточной Азии на рубеже годов Тайка ч японская политика. — «Нихон рэкиси». Токио, 1967, № 229.

Японское..., 1973.—Японское декоративное искусство. Нэцкэ, керамика, лаки, металл. Из собрания Государственного музея народов Востока. М., 1973.

Akihide, 1957.— Akihide Mishina. A Study of Surrendering Myth of

Izumo «Minzokugaku kenkyu». Tokyo, 1957, vol. 21, № 1.

Anazawa, 1975.— Anazawa Wakou, Manome Jun'ichi. The Finds from Kaya' Barrows at Changnyong, Kyodong, South Korea, Excavated by Yatsui Saiichi in 1918–1919.—«Kokogaku zasshi». Tokyo, 1975, vol. 60, № 4.

Aoki 1974.— Aoki Michiko. Ancient Myths and Early History. A Cultural Foundation. N. Y., 1974.

Asakawa, 1963.—Asakawa Kan'ichi. The Early Institutional Life of Japan. A Study in Reform of A.D. 645. N.Y., 1963.

Aston, 1889.— Aston W. G. Early Japan History. — «Transactions of the Asiatic Society of Japan». Yokohama, 1889, vol. 16, pt. 1.

Beardsley, 1950.—Beardsley R. K. Bibliographic Materials in the Japanese Language on Far Eastern Archaeology and Ethnology. Ann Arbor, 1950.

Brentjes, 1974.— Brentjes B. Zur friihen Kunst der Nomadenvolker Zentralasiens.

Dberlegungen und Hypothesen. — «Asien. Afrika. Lateinamerika». Berlin, 1974, Bd 2, № 4.

Bretschneider, 1882.— Bretschneider E, History of Materia Medica and Botanyon Japan. — «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society». Shanghai, 1882, vol. 16.

Bryan, 1927.—Bryan J. I. The Civilization of Japan. L.—N.Y., 1927.

Chikasige, 1936.— Chikasige I. Alchemy and other Chemical Achievements of the Ancient Orient. Tokyo, 1936.

Cultural Anthropology..., 1967.— Cultural Anthropology in Japan. Tokyo, 1967.

Duus, 1969.— Duus P. Feudalism in Japan. N. Y., 1969.

Egami, 1973.— Egami Namio. The Beginnings of Japanese Art. New York — Tokyo, 1973.

Egami, 1964.— Egami Namio. The Formation of the People and the Origin of the State in Japan. — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko». Tokyo, 1964, № 23.

Egami, 1963.— Egami Namio. Light on Japanese Cultural Origins from Historical Archaeology and Legend. — Japanese Culture. Its Development and Characteristics. Chicago — New York, 1962.

Enoki, 1954.— Enoki K. Les Origines de l'empire du Japon; dans leur rapports avec l'histoire generate de l'Extreme Orient. — «Cahiers d'histoire mondiale», P., 1954, vol. 2, № 1.

Ethnology..., 1968.—Ethnology in Japan. Historical Review. Tokyo, 1968.

Florenz, 1889–1892.— Florenz K. A. Staatlich und Gesellschaftliche Organization im Alten Japan, — «Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft fur

Natur und Volkerkunde Ostasiens». Tokyo, 1889–1892, Bd 5, № 44.

Fujikawa, 1926.— Fujikawa Yu. A Brief Outline of the History of Medicine in Japan. — Scientific Japan. Past and Present. Tokyo, 1926.

Furuta, 1969.— Furuta T. The Country of Yama-(w)i. — «Shigaku zasshi». Tokyo, 1969, vol. 78, № 9.

Gardiner, 1969.—Gardiner K. H. J. The Early History of Korea. The Historical Development of the Peninsula up to the Introduction of Buddhism in the Fourth Century A. D. Camberra, 1969.

Gaspardone, 1938.— Gaspardone E. La chronologie ancienne du Japon. — «Journal asiatique». P., 1938, t. 230, fasc. 2.

Gonthier, 1956.— Gonthier A. Histoire des institutions japonaises. Bruxelles, 1956.

Gowland, 1915.— Gowland W. Metals and Metal-Working in Old Japan. — «Transactions and Proceedings of the Japan Society». L., 1915, vol. 13.

Groot, 1948.— Groot G. An Essay on Early Japanese History. — Transactions of the Asiatic Society of Japan. Tokyo, 1948, vol. 1.

Hall, 1966.— Hall J, W. Government and Local Power in Japan 500 to 1700. A Study Based on Bizen Province. Princeton, 1966.

Hall, 1962.— Hall J. W. Feudalism in Japan. A Reassessment. — «Comparative Studies in Society and History». The Hague, 1962, vol. 5, № 1.

Harada, 1957.— Harada Y. China and Japan: Ancient Cultural Relations. — «China Reconstructs». Peiping, 1957, vol. 6, № 8.

Harashima, 1972.— Harashima R. Minashiro and koshiro. Reconsiderations. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1972, № 387.

Harashima, 1961.—Harashima R. Conquest of Izumo by Yamato Dynasty. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1961, № 249.

Hashimoto, 1956.— Hashimoto M. Ancient Japan Studied in the Light of Far Eastern History. Tokyo, 1956.

Hayashi, 1970.— Hayashi N. Problems on the Law of Asuka-Kiyomihara. — «Shirin». Kyoto, 1970, vol. 53, № 1.

Higo 1969.— Higo K. The Emperors of Ancient Japan. — «Palaeologia». Osaka, 1969, vol. 16, № 2/4.

Hirano, 1977.—Hirano K. The Yamato State and Korea in the Fourth and Fifth Centuries. — «Acta Asiatica». Tokyo, 1977, № 31.

Hirano, 1965.— Hirano K. Establishment of the «Uji» (Functional Clans) and its Structure in Ancient Japan. — «Palaeologia». Osaka, 1965, vol. 12, № 1.

Hirano, 1961.— Hirano K. A Study of the Hata Clan. — «Shigaku zasshi». Tokyo, 1961, vol. 70, № 3.

Honiden, 1969.— Honiden K. Formation of the Kiki Shinwa (Japanese Mythology) and Clericalism in the Latter Half of the 7th Century. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1969, № 349.

Hora, 1954.— Hora T. Chronological Study of the Fall of Yamatai kuo. — «Nihon rekishi». Tokyo, 1954, № 68.

Howells, 1968.— Howells W. W. Ainus in Pre-Historic Japan. A Study by Discriminant Analysis. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3. М., 1968.

Howells, 1966.—Howells W. W. The Jomon Population of Japan. A Study by Discriminant Analysis of Japanese and Ainu Crania. — «Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University». Cambridge (Mass.), 1966, vol. 57, № 1.

Hulbert, 1962.—Hulbert H. B. History of Korea. Vol. 1. L., 1962.

Hulse, 1943.— Huls'e Fr. S. Physical Types among the Japanese. — «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Harvard University». Cambridge (Mass.), 1943, vol. 20.

Iba, 1934.— Iba Y. Fragmentary Notes on Astronomy in Japan. — «Popular Astronomy». Northfield (Minnesota), 1934, № 42.

Iba, 1937.— Iba Y. Fragmentary Notes on Astronomy in Japan. — «Popular Astronomy». Northfield (Minnesota), 1937, № 45.

Ichikawa, 1961.— Ichikawa K. Shang, Wu-yiieh and the Cultures of the Pacific. — «Minzokugaku kenkyu». Tokyo, 1961, vol. 25, № 1.

Imai, 1967.— Imai Keiichi. Naturalized Korean and Kori: Kori-no miyatsuko. — «Chosen gakuho». Tenri, 1967, № 43.

Inoue, 1974.— Inoue H. Early Ancient Forms of Social Organization in Korea and Japan. — «Chosen gakuho». Tenri, 1974, № 73.

Inoue, 1971.— Inoue H. Relation between the Yamato Court and the Korean Countries. — «Chosen gakuho». Tenri 1971, № 60.

Inoue, 1977.— Inoue M. The Ritsuryo System in Japan. — «Acta Asiatica». Tokyo, 1977, № 31.

Inoue, 1964.— Inoue M. Imperial Edict of Taika Reform in 646.— «Shigaku zasshi». Tokyo, 1964, vol. 73, № 1,2.

Inoue, 1951.— Inoue M. Formation of Kokuzo System. — «Shigaku zasshi». Tokyo, 1951, vol. 60, № 11.

Ishida, 1974.— Ishida E. Japanese Culture. A Study of Origins and Characteristics. Honolulu, 1974.

Ishida, 1928.— Ishida M. Cultural Relations Between Japan and Corea in the Asuka and Nara Period. — «Kokogaku zasshi». Tokyo, 1928, vol. 18, № 2.

Ishihara, 1968.—Ishihara M. a. o. Symposium: Problems in the Studies of

Japanese History Viewed from Oriental History. — «Nihon rekishi». Tokyo, 1968, N 245.

Iyanaga, 1964.— Iyanaga T. On the two types of Miyake. — «The Journal of the Faculty of Literature Nagoya University». Nagoya, 1964, № 35.

Japan...', 1970.— Japan at the XIth. International Congress of Historical Science in Moscow. Vol. 1–2. Tokyo, 1970.

Japan..., 1965.— Japan at the XIIth. International Congress of Historical Sciences

in Vienna. Tokyo, 1965.

Japan..., 1964.—Japan. Its Lands, People and Culture. Tokyo, 1964.

Japon..., 1960.— Le Japon au XIe congres international des sciences historiquesa Stockholm. L'etat actuel et les tendances des l'etudes historiques au Japon. Tokyo, 1960.

Joflon des Longrais. 1958.— Joiion des Longrais. Fr. L'Est et l'Ouest: Institution. du Japon et de ÷ Occident Comparees. Six etudes des sociologie juridique. Paris — Tokyo, 1958.

Kameda, 1960.— Kameda T. Researching Currents on Irrigation in Ancient Japan. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1960, № 246.

Kan, 1963.— Kan Chia — hsing. Influx of Chinese Culture into Japan During; Sui and Tang Dynasties. — «United College Journal». Hongkong, 1963V vol. 2.

Kanazeki, 1966.— Kanazeki T. On the Origin of the Japanese from the Viewpoint of Physical Antropology. — «Minzokugaku kenkyu». Tokyo, 1966, vol. 30,№ 3.

Karlgren, 1923.— Karlgren B. Analitic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. P., 1923.

Katsuki, 1965.—Katsuki T. Hakuho Sculpture. — «Oriental Art». L., 1965, vol.11, № 3.

Kemper, 1971.— Kernper Ul. Periodisierungen in der japanischen Geschichtsschreibung. — Asien: Tradition und Fortschritt. Wiesbaden, 1971.

Kidder, 1972.—Kidder J. E. Early Buddhist Japan. L., 1972.

Kidder, 1959.— Kidder J. E. Japan Before Buddhism. L., 1959.

Kikuchi, 1967.—Kikuchi Y. Class and Status Kohmin — «Rekishigaku kenkyu».Tokyo, 1967, № 9.

Kikuchi 1965.—Kikuchi Y. On Dealing in Land in Ancient Japan. — «Shirin». Kyoto, 1965, vol. 48, № 2.

Kiley, 1977.—Kiley C. J. Uji and Kabane in Ancient Japan. — «Monumenta Nipponica». Tokyo, 1977, vol. 32, № 3.

Kiley, 1976.—Kiley C. J. The Role of the Queen in the Archaic Japanese

Dynasty. — Actes du XXIX congres Internationale des orientalistes, 1973, Japan, vol. 1.

Kiley, 1973.— Kiley C. J. State and Dynasty in Archaic Yamato. — «Journal of Asian Studies». Ann Arbor, 1973, vol. 33, № 1.

Kim, 1972.— Kim Jae Bung. Dates on Early Japanese History. — «Chosen gakuho». Tenri, 1972, № 63.

Kim, 1970.— Kim Jae Bung. A Study on the Yamatai State. — «The Han». Tokyo, 1970, vol. 4, № 3.

Kinoshita, 1971.— Kinoshita Tadaishi. Overlapping of Two Types of Ethnical Culture: Jomon and Yayoi. — «Minzokugaku kenkyu». Tokyo, 1971, vol.36,№ 1.

Kitamura, 1957.— Kitamura Bunji. An Essay on the Policy of the Government towards Be-no tami in the Period Following the Taika Reform. — «The Annual Reports on Cultural Science». Sapporo, 1957, № 6.

Kitano, 1973.—Kitano Kohei. An Archaeological Study of Kaya and Kaya Culture in Korea. — «Kobe shosen daigaku kiyo, bunka ronshu». Kobe, 1973, № 21.

Kobori, 1957.— Kobori A. Les etapes historiques des mathematiques au Japon. — Univ. de Paris. Conference faite au Palais de la decouverte le 3 nov. 1956. Hist, des Sciences, ser. D. № 44. p., 1957.

Kohama, 1960.— Kohama M. An Anthropometric Study of the Japanese. On the Local Differences and the Origin of the Japanese. — «The Quarterly Journal of Anthropology». Fukuoka, 1960, vol. 7, № 1–2.

Komai, 1969.— Komai K. Thoughts on the Kumaso and Hayato Stocks. — «Palaeologia». Osaka, 1969, vol. 16, № 2–4.

Komai, 1964.— Komai K. The Ainu in the Age of T'ang Dynasty. — «Acta Asiatica». Tokyo, 1964, № 6.

Komatsu, 1962.— Komatsu Isao. The Japanese People. Origins of the People and the Language. Tokyo, 1962.

Kono, 1972.— Kono Katsuyuki. The View of «Monarch» as an Ideology of the Kojiki and Nihonshoki. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1972, № 389.

Kono, 1969.— Kono K. Formation of the Legend on Yamato-takeru (Mainly on the Eastern Conquest). — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1969, № 346.

Kurihara, 1967.— Kurihara Tomonobu. The Diplomatic Phase of Sam-han of the Ancient Korea towards Japan. — «Kodab. Tokyo, 1967, № 49, 50.

Kurihara, 1964. (I). — Kurihara Tomonobu. An Aspect of the International Surroundings of Yamatai koku as Described in San Kuo Chin. — «Shigaku zasshi». Tokyo, 1964, vol. 73, № 12*.

Kurihara, 1964 (II). — Kurihara Tomonobu. On the Ancient States Yamatai and Yamato. — «Shikan». Tokyo, 1964, № 70.

Ledyard, 1975.— Ledyard G. Galloping Along with the Horseriders: Looking for the Founders of Japan. — «Journal of Japanese Studies». Seattle, Wash., 1975, vol. 1, № 2.

Leonard, 1969.—Leonard J. N. Early Japan. Weert, 1969.

Lewin, 1962.—Lewin B. Aya and Hata. Bevölkerungsgruppen Altjapans kontinentaler Herkunft. Wiesbaden, 1962.

Maekawa, 1965 (I). — Maekawa A. Problems of Status and Class System of Shisei and Bemin in 5th and 6th Centuries. «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1965, № 304.

Maekawa, 1965 (II). — Maekawa A. Formation Process of Uji-Kabane-sei in Ancient Japan. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1965, № 298.

Maki, 1970.—Maki Kenji. Conditions for the Correct Interpretation of Weich'ih. — wejen — ch'iuian — «Shirin». Kyoto, 1970, vol. 53, № 5.

Maki, 1962.—Maki K. The Society of Weijen in the Second and Third Centuries. — «Shirin». Kyoto, 1962, vol. 45, № 2.

Marugame, 1972.— Marugame K. Problems Concerning the Era of Ancient Times in Japan, — «Chosen Gakuho». Tenri, 1972, № 63.

Masumura, 1968.— Masumura H. Emperors of the Place of the Rising Sun and of the Place the Setting Sun — on the Credentials of the Japanese King. — «Shirin». Kyoto, 1968, vol. 51, № 3.

Miller, 1967.—Miller R. A. Old Japanese Phonology and the Korean-Japanese Relationship. — «Language». Baltimore, 1967, vol. 43, № 1.

Miller, 1974.— Miller R. J. Ancient Japanese Nobility. The Kabane Ranking System. Berkeley — Los Angeles — London, 1974.

Minami, 1963.— Minami H. Cultural Theories on Japan by the Japanese Scholars. A Geneological Review. — «Shiso». Tokyo, 1963, № 463.

Mitsuhashi, 1966.—Mitsuhashi T. Japanese Farming Prior to the Taika Reform. — «Keizai ronshu». Tokyo, 1966, v. 16, № 45.

Miyahara, 1966.— Miyahara T. The Structure of the Nu-hi in Ancient Japan. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1966, № 312.

Mizuno, 1968.—Mizuno Yu. Origins of the Japanese People. — «Understanding Japan». Tokyo, 1968, № 22.

Mizuno, 1967,— Mizuno Yu. A Study of Zingu kogo. — «Shikan». Tokyo 1967, № 76.

Morris, 1971,—Morris I. Yamato Takeru. The Brave of Japan. — «History Today». L., 1971, vol. 21, № 9.

Mun Sa Wi, 1971.—Mun Sa W i. On Reclamation of Kinai Region by

Immigrants from the Three Dynasties in Ancient Korea. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1971, № 374.

Mflnsterberg, 1904, 1905, 1907.—Munsterberg O. Japanese Kunstgeschichte. T. 1–3. Braunschweig, t. 1 — 1904, t. 2 — 1905, t. 3— 1907.

Murdoch, 1910.—Murdoch J. A History of Japan. Kobe, 1910, vol. 1. From the Origins to the Arrival of the Portuguese in 1542 A.D.

Nachod, 1906, 1929.—Nachod O. Geschichte von Japon. Gotha, 1906 Bd 1
L

1929, Bd 2, H. 1.

Nakamura, 1969.—Nakamura H. A History of Development of Japanese Thought A.D. 592—1868, vol. 1. Tokyo, 1969.

Nakamura, 1961.—Nakamura H. Japan and Indian Asia. Their Cultural Relations in the Past and Present. Calcutta, 1961.

Nakamura, 1967.— Nakamura K. On the Land-ownership in Ancient Japan. — «Keizaigaku». Sendai, 1967, vol. 28, № 3–4.

Naoki, 1968.— Naoki K. Tax System and «Miyake» in Ancient Japan. — «Jimbun kenkyu». Osaka, 1968, vol. 20, № 9.

Naoki, 1962.— Naoki K. On the Private Military Force of Tenno in the Ancient Japan. — «Shirin». Kyoto, 1962, vol. 45, № 3.

Nash, Schaw, 1965.— Nash D., Schaw L. C. Achievement and Acculturation: A Japanese Example. — Context and Meaning in Cultural Anthropology. N. Y., 1965.

Naumann, 1967.— Naumann W. Die Qoldfunde von 749 und der Einfluss koreanischer Immigranten im Japan. — «Oriens Extremus». Hamburg, 1967, vol. XIV, № 1.

Nguyen, 1973.— Nguyen Khac-Kham. Japanese Culture and The Earliest Chinese Model. — «Studies on Japanese Culture». Tokyo, 1973, vol. 2.

Nishio, 1913.— Nishio K. The Mining Industry of Japan. — «Transactions of the American Institute of the Mining Engeneers». N. Y., 1913, vol. 43.

Noma, 1954.— Noma Seiroku. The Art of Clay. Primitive Japanese Clay Figurines, Earthenwares and the Haniwa. Tokyo, 1954.

Obayasbi, 1965.— Obayashi T. Some Theoretical Problems in Historical Ethnology. — «Minzokugaku kenkyu». Tokyo, 1965, vol. 30, № 2.

Oka, 1964.— Oka M. Ethno-Historical Formation of the Japanese People. — Japan, its Land, People and Culture. Tokyo, 1964.

Okubo, 1894.— Okubo T. Die Entwicklungsgeschichte der Territorialverfassung und Selbstverwaltung Japans in politischer und insbesondere wirtschaftlicher Beziehung. Halle, 1894.

Pak Siln, 1972.—Pak Si1n, A Study of Earliest History of Japan. —

«Chosen Gakuho». Tenri, 1972, № 65.

Pippon, 1935.— Pippon T. Shotoku Taishi Jfl Shichi Jo Kempo. Die 17 Verfassungsartikel

Shotoku Taishi's und eine japanische Interpretation. — Studien zur Geschichte und Kultur des Nahen und Fernen Ostens Paul Kahle zum 60 Geburtstag. Leiden, 1935. Podpalova, 1970.—Podpalova G. I. Soviet Historiography of Japan in 1960–1970. Moscow, 1970.

Podpalova, 1968.— Podpalova G. Fifty Years of Soviet Historiography of Japan (1917–1966). M., 1968. -

Ponsonby-Fane, 1959.—Ponsonby — Fane R. A. B. The Imperial House of Japan. Kyoto, 1959*.

Readings in Japanese History: Vol. 1: Early Japan — Heian. Tokyo, 1976.

Rih Jin Hi, 1974.— Rih Jin Hi. Some Problems of the Tombstone of King Kwang Kae-to. — «Shigaku zasshi». Tokyo, 1974, vol. 83, № 7.

Robinson, 1961.— Robinson G. W. Early Japanese Chronicles: The Six National Histories. — Historians of China and Japan. L., 1961.

Rumpf, 193... — Rumpf Fr. Die Historische Auswertung der ältesten chinesischen Berichte über Japan. B., 193...

Saeki, 1977.— Saeki A. Studies on Ancient Japanese History. Past and Present. — «Acta Asiatica». Tokyo, 1977, № 31.

Saito, 1969.— Saito T. Vestiges of the Culture of Naturalized Japanese from Korean and Chinese Birth in Our Country. — «Ninon rekishb. Tokyo, 1969, № 251–252.

Sakamoto, 1971.— Sakamoto Y. Japan and Korea in the 3d Century. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1971, № 369.

Sakamoto, 1969.— Sakamoto Y. Korea and Japan in the 5th Century. — «Shirin». Kyoto, 1969, vol. 52, № 5.

Sakazume, 1963.— Sakazume N. The Boot, the Emperor, the Rice and the Metal — «Kokogaku zasshi». Tokyo, 1963, vol. 49, № 1.

Sansom, 1962.— Sansom G. B. Japan, A Short Cultural History. N. Y., 1962.

Sansom, 1958.— Sansom G. B. A History of Japan to 1334. Stanford Univ. Press. 1958.

Seki, 1962.— Seki A. Concerning the Governors of Togoku During the Taika Era. — «Bunka». Sendai, 1962, vol. 21, № 2.

Seki, 1959.— Seki A. The Taika Reform and the Authority of Tenno. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1959, № 228.

Seki, 1973.—Seki K. The Eastern Expedition of Emperor Jimmu: True or Not? — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1973, № 394.

- Seth, 1969.— Seth R. Milestones in Japanese History. Phil — N.Y., 1969.
- Shiio, 1933.— Shiio B. The Relation between Japanese National Traits and Buddhism. Tokyo, 1933.
- Shiozawa, 1965.— Shiozawa K. Les historiens japonais et le mode de production asiatique. — «La pensee». P., 1965, № 122.
- Shirai, 1926.— Shirai M. A Brief History of Botany in Old Japan. — Scientific Japan. Past and Present. Tokyo, 1926.
- Slawik, 1955.— Slawik A. Austronesische Elemente in den japanischen Reichgrunderungssagen und das Hayato-Problem. — Congres International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques, 1952. Wien, 1955.
- Smith, Mikami. — Smith D. E., Mi k ami Y. A History of Japanese Mathematics. Chicago, 1914.
- Soon Yueh-lun, 1971.— Soon g Yueh-lun. A Study of Naturalized Japanese. From Chinese Birth in Ancient Times. — Proceedings of the Twenty-Seventh International Congress of Orientalists. 1967. Wiesbaden, 1971.
- Suematsu, 1958.— Suematsu Y. Japan's Relations with the Asian Continent and the Korean Peninsula (Before 950 A.D.). — «Cahiers d'histoire mondiale». P., 1958, t. 4, № 3.
- Sugiyama, 1971.— Sugiyama J. Some Problems of Deer Hunting. — «Chosengakuho». Tenri, 1971, № 60.
- Suzuki, 1968.— Suzuki O. Historical Background of the Art of Asuka Period. — «Chosen gakuho». Tenri, 1968, № 49.
- Suzuki, 1948.— Suzuki S. Study of Wej-jen-chuan from the Historical Data. — «To a Ronso». Tokyo, 1948, vol. 6.
- Takahashi, 1956.— Takahashi H. K. Etat actuel et tendances generates des etudes historiques au Japon depuis la guerre. — «Revue historique». P., 1956, an. 80, t. 216, fasc. 1.
- Takahashi, 1960.— Takahashi T. A Point of View of the Kokuzo System. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1960, № 244.
- Takakura, 1960.— Takakura Sh. The Ainu of Northern Japan. A Study in Conquest and Acculturation. Philadelphia, 1960.
- Takekoshi, 1930.— Takekoshi Y. The Economic Aspects of the History of the Civilization of Japan. Vol. 1. L., 1930.
- Tanaka, 1967.— Tanaka K. A Treatise on the Tradition of Empress Jingo. — «Journal of Gakugei Tokushima University». Tokushima, 1967, vol. XVI: Social Science.
- Torigoe, 1975.— Torigoe K. Between the Gods and the Emperors: A New Reconstruction of the Early History of Japan. — «Memoirs of the Research

Department of the Toyo Bunko». Tokyo, 1975, № 33.

Torigai, 1972.— Torigai N. Ruling Ideology of the Emperor (Tenno) System in Ancient Japan. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1972, № 384.

Torikai, 1970.— Torikai N. The Establishment of the Clan Genealogy in «Kojiki». — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1970, № 364.

Tubaki, 1968.— Tubaki K. The Face of Japanese in Comparison with that of the Ainos, Manchus, Mongols, Northern Chinese, Hoimius (Chinese Muhummedans), Dahurs and Golds (Yupitatz). — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3. М., 1968.

Tuge, 1961.— Tuge H. Historical Development of Science and Technology in Japan. Tokyo, 1961.

Ueda, 1962.— Ueda M. A Study of the Clans Moved to Korea in Former Ages of Taika. — «Chosen gakuho». Tenri, 1962, № 24.

Uemura, 1977.— Uemura S. The Empress Jingu and Her Conquest of Silla. — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library). Tokyo, vol. 35.

Uemura, 1955.— Uemura S. Concerning the Locations of the Yamataikoku, Kunakoku and Toumakoku Mentioned in the Wei Chi Weijen-chuan. — «Shigaku zasshi». Tokyo, 1955, vol. 64, № 12.

Wada, 1956.— Wada S. Ancient Japan in Oriental History. Kyoto, 1956.

Waida, 1976.— Waida M. Sacred Kingship in Early Japan: A Historical Introduction. — «History of Religions». Chicago, 1976, vol. 15, № 4.

Wang Chi-wu. 1936.— Wang Chi — wu. A Study of the Nomenclature «Japan». — «Historical Studies» («Shihhsueh chik'an»). Peking, 1936, № 2.

Wedemeyer, 1930.— Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. Untersuchungen zur Chronologie und Territorialverfassung von Alt Japans bis zum 5 Jahrhundert nach Chr. Lpz, 1930.

Wedemeyer, 1927.— Wedemeyer A. Zur Territorialentwicklung des japanischen Reich. Zur Chronologie des frühjapanischen Geschichte. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft». Lpz., 1927, Bd VI, H. 1.

Wheeler, 1952.— Wheeler P. The Sacred Scriptures of the Japanese. N.Y., 1952.

Yagi, 1965.— Yagi A. Again on the Text of the Imperial Edict of the Taika Reform. — «Shigaku zasshi». Tokyo, 1965, vol. 74, № 3.

Yaku, 1969.— Yaku M. The Kojiki in the Life of Japan. Tokyo, 1969.

Yamada, 1969.— Yamada K. The Internal Disturbance in the Yamato State in Equivalent to the Kibi Revolt Against Yamato. — «Konan keizaigaku ronshu». Kobe, 1969, vol. 10, № 1.

Yasumoto, 1973.— Yasumoto B. The Questions about the Yamatai-State and Emperor Jinmu's Eastern Expedition. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1973, № 398.

Yasuda, 1971.— Yasuda N. Izanaki-Izanami Myth and Agricultural Rite of Italian Millet. — «Minzokugaku kenkyu». Tokyo, 1971, vol. 36, № 3.

Yazaki, 1968.— Yazaki T. Social Change and the City in Japan from Earliest Times through the Industrial Revolution. Tokyo, 1968.

Yoshida, 1972.— Yoshida A. The Emergence of Ancient Landlord (Kuni-no miyako) System in the Kibi Area. — «Rekishigaku kenkyu». Tokyo, 1972, JY ° 384.

Yoshimura, 1972,—Yoshimura T. Fundamental Characteristics of the Agrarian Policy of the «Ritsur-yp State» during the Eight Century Japan as Regards the Development of" Ko-chi System. — «Shigaku zasshi». Tokyo, 1972, vol. 81, № 10.

Young, 1958.— Young J. The Location of Yamatai. A Case Study in Japanese Historiography 720—1945. Baltimore, 1958.

Словарь терминов

Авасэ китан — изготовление металлических изделий по способу «сочетания пластинок»

агата — округ

агата-мияцукэ — управитель округа

агата-нуси — владыка округа

аеата-нуси-удзи — группа свойственников агата-нуси

адзиро — плетенка

асон — одно из клановых званий

атаэ — клановое звание (букв, «благородный»)

ая — клан переселенцев

ая-бэ — корпорация из переселенцев

аяхито — член корпорации ая-бэ

ая-но атаэ

ая-но обито — звания руководителей корпораций переселенцев — ая

ая-но сугури

Бу — клан, род (в Корее)

будзоку рэнго — племенной союз

бэ — корпорация зависимых

бэмин — член корпорации зависимых

бэньцао см. хондзо

Вакэ — одно из клановых званий (букв, «правитель»)

ван — король

Гакумонсо — паломники-богословы

гёбу-сё — уголовная палата

гёсю см. нагон

гихо ржи — календарь годов правления ифэн (676–678)

гонин—девиз годов правления (810–823)

госуй — контроль над орошением

гохэй — бумажные полоски в синтоистском храме

гуанышин-табель рангов

гунси — уездный начальник

гэко — низшие дворы

гэнка ржи — календарь годов правления юань-цзя (424–452)

Даво — надзиратель за рынками

дадзай-но соцу — наместник

дадзайфу — наместничество на Кюсю
дадзёдайзин — канцлер, первый министр
дайбу — большой человек
дадзёкан — Государственный совет
дзёбо — разметка-планировка городов
дзёдзин — простонародье
дзёмон — «веревочный орнамент» в эпоху неолита в Японии
дзёрисэй — система деления земельных площадей на участки
дзибу-сё — палата по делам знати и государственного церемониала
дзикифу — кормовые, жалованье
дзингикан — совет по делам культов
дзинсинран — смута года под циклическим знаком дзинсин (672)
дзинся — синтоистский храм
дзисай — «носитель скверны»
дзэмпо коэн фун — квадратно-круглый курган
догу — глиняные фигурки
додзодан — патронимическая группа
Ё — отработка
Ерорё — кодекс
Идэн — ранговые земли
имаки-но ая — «новые ханьцы» (китайцы)
имики — клановое звание
имикура — первая из трех сокровищниц
шаги — старшина села; сборщик налогов
инау — культовые объекты у айнов
инкё — «уход на покой»
исима — название должностного лица
пидайсоцу — великий предводитель
ифэнли см. ихорэки
ижима см. исима
Кабанз — клановые звания
кагами-цукуруи-бэ — корпорация зеркальщиков
тгура — синтоистская мистерия
сайфу и тхунсань-сы — условно: визирь
саки-бэ — нецарские корпорации
сами — дух, божество
канки — начальник района
канототори см. синью
канси — служащие центрального правительства

хантёбан — матерчатые подвески с металлическими украшениями;
условно: стяг

канко — казенный рабский двор

хата-ута — «короткая песня», стихотворение

киби-бэ — земледельческая корпорация клана Киби

кацуоги — украшение на коньке крыши

Киёмихарарё — кодекс

кими — клановое звание (букв, «повелитель»)

Кинай — Внутренние (околостолличные) провинции (Центральная Япония)

киси — клановое звание

ко — семья, двор

кобэцу — предки императорского двора

когоиси — циклопические каменные ограды

кодэн — земли за заслуги

кокугакуся — ученые националистической школы

кокудо тоицу — объединение страны

кокуси — губернаторы провинций

Кокуси — ортодоксальная школа в Японии

кокую — поселок, удел

кольпхум — корейская система кланов и званий

комин — «граждане»

кондо — золотой (главный) храм

кондэн — целина, новь

кори — волость

косиро — потомственные кормильцы (категория зависимых)

косэки — подворный реестр

кото — музыкальный инструмент

котянь — тягловое поле

кукхак — государственная школа (в Корее)

кунай-сё — палата императорской казны

купи — область, страна, удел

куни-но мияцуко — управляющий областью

кура — амбар

кусуси — клановое звание

кэйтё — налоговые списки

кэнин — домашний слуга

кэса — сорт ткани

люйлин — китайская система узаконений

Мабито — клановое звание
магатама — коммаобразная буса
мацури — празднество
миагата — царское рисовое поле
никосиро — потомственные царские кормильцы
микотомоти — начальник деревни
мимакаси — наименование должностного лица
миманакара — наименование должностного лица
миману — наименование должностного лица
мимаячжси см. мимакаси
мимашэн см. миману
мимбу-сё — палата народных дел
минасиро — именные царские кормильцы
мита — царское поле
мити-но си — клановое звание
митэй-но дзосё — кланы неизвестного происхождения
мицуги — дань
мицуда-со — вид росписи лаком
мия — дворец-храм
миякэ — царский амбар, царское владение
миякэ-си — управляющий миякэ
мияцуко — клановое звание (букв, «управляющий»)
монко — семья
моно-но-бэ — корпорация оружейников
мура — село, сельская община
мурадзи — клановое звание
На — имя
нага-ута — «длинная песня», стихотворение
нагон — советник
найдайдзин — министр двора
Накатоми-бэ — корпорация жрецов (Накатоми — греческая фамилия)
накацукаса-сё — палата императорских дел
насиро — именные кормильцы
норито — моления
нотатара — плавка металла с подачей воздуха
нукатэ — наименование должностного лица
нухи — раб
нуцзяти см. нукатэ
нэнго — годы правления

Обито — клановое звание, глава корпорации
окими — клановое звание владельца, царя (букв, «великий повелитель»)

окура — третья из трех сокровищниц

окура-сё — палата казны

дми — клановое звание

О мире — кодекс

омурадзи — клановое звание (букв, «великий мурадзи»)

ооми — клановое звание (букв, «великий оми»)

оса — клановое звание

Отото-бэ — корпорация Отото

охараи — «великое очищение»

пилдэнчук — «золотой жук»

пукок (кор.) см, *каки-бэ*

рёко — дворы-стражи мавзолеев

рёмин — свободный (букв, «добрый народ»)

ринтоку ржи — календарь годов правления линьдэ (664–665)

рицурё — законы и установления (уголовные и гражданские)

«рицурё кокка» — «правовое государство»

року — куски ткани

рюгакусэй — странствующие школяры-студенты

садайдзин — левый министр

сакухо — инвестирура

сандзо — три сокровищницы

сантэнрэки — календарь «трех небес»

саэки-бэ — корпорация оружейников

сё — палата, министерство

сёбан — иноземные кланы

сёгунат — военное правление

сёкокка рэнго — союз малых государств

Сёсоин — сокровищница

сикибудэн — должностные земли

сикибу-сё — палата придворных церемоний и гражданских чинов

симбэцу — кланы «божественного происхождения»

син — родовое имя (китайское)

сина-бэ — корпорация из иммигрантов

синью — 58-й год 60-годичного китайского цикла

сиро — провиант, мера земельной площади

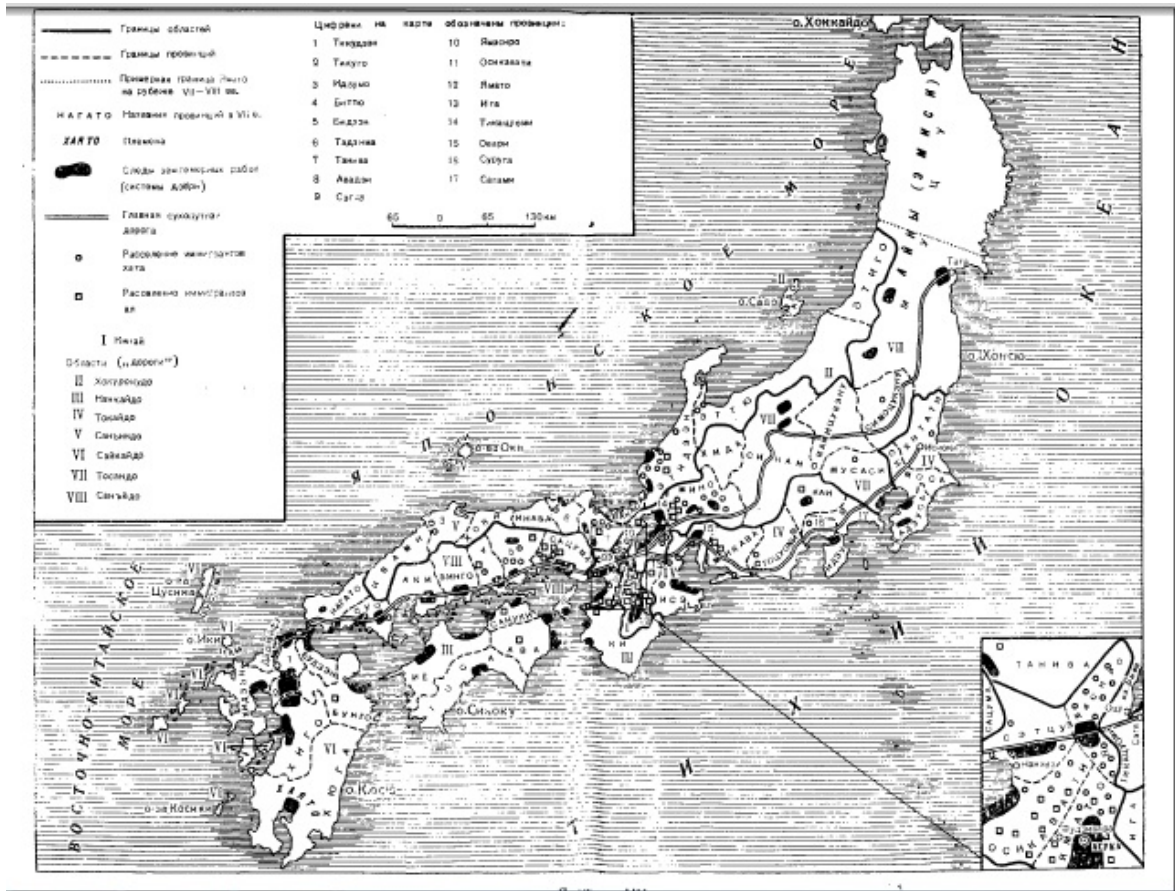
ситидо — система семи «дорог» (областей)

со — земельный налог
Сога-бэ — корпорация Сога
содзоку — род с боковыми ответвлениями, сородичи
сотайтэки дорэй — система всеобщего рабства
сугури — клановое звание
сукунэ — клановое звание (букв, «высокородный»)
сумэраги — титул царя Ямато
сумэра-но микото — титул царя Ямато
суэ, суэки — парадная керамика раннего железного века
сэйко — пленные-несвободные
сэммин — несвободные, простонародье (букв, «подлый народ»)
сэнсэй кунсю сэй — деспотическая монархическая система
сяку — фут
Та-бэ — земледельческая корпорация
тадокоро — частное поле
тайка — девиз годов правления (букв, «великие перемены») {645–
649)
Тайхорё— кодекс
Тайхо-Ерорё — кодекс
Такамимусуби — «Высокая троица»
татикара — налог с поля
тацугаи — земельный пристав
те — смешанная подать
таги — украшения на концах стропил
тикара см. татикара
томо — служилые режима Ямато
томо-бэ — царские корпорации
томо-но мияцуко — управляющие царскими корпорациями
томэн — дикий хлопчатник
тонэри — ближний слуга
тори — ворота синтоистского храма
торифунэ — «корабль-птица»
тхунсань-сы — условно: визирь
тэга — знать
тэмпэй — девиз годов правления (729–766)
тэнно — император (см. сумэра-но микото)
тэнсон—титул императора (букв, «внук Неба»), прилагается также к
клан царя
тюмон — средние (главные) ворота буддийского храма

удайдзин — правый министр
удзи — клан
удзи-но ками — вождь клана
удзибито — член клана (свободных)
удзигами — дух-покровитель клана
умэ-бэ — морская корпорация
унэмэ — наложницы, женская прислуга, заложники женского пола
усумэ-бэ — корпорация крупорушников
утицукура — вторая из трех сокровищниц
Фубин — военное поселение
фубито — клановое звание, писец
фубито-бэ — корпорация писцов
фудоки — естественно-географические описания
фуко см. *дзикифу*
фунадама — дух-покровитель корабля
хадзи-ки — повседневная керамика раннего железного века
хакухо — девиз годов правления (673–686)
хала — клан
хандэн — надельная земля
хани-бэ — корпорация гончаров
ханива — глиняная погребальная модель (букв, «глиняный кругляк»)
хань — китайская этническая общность
хата — клан иммигрантов
хёбу-сё — палата военных дел
хиноки — японский кипарис
хидэн — посвящение в секрет (производственный и т. п.)
хинубори — обороняющий область
хито — низшие чиновники, служащие
хондзо — сочинения по лекарствоведению (букв, «деревья и травы»)
хондо — главное здание буддийского храма
хонкэйтё — клановые генеалогии
хоу — князь
хофури — жрец
хуася — древнекитайская этническая общность
хэйто — дворы в кормление
цзюньтяньчжи — китайская система уравнительного землепользования
цумодой — брак в доме невесты
цыши — губернатор

цюйшуай — великий предводитель
Чжаншуай — главный предводитель
чжаньбянь — поле во владение
чжунжэнь — соплеменники
Чхомсондо — астрономическая обсерватория (Корея)
чэньфу — признать себя вассалом
Ши — патронимическое имя
эбису — айны (букв, «дикари»)
эбито — люди в кормление
эйю дзидай — «героическая эпоха»
эси — звание
этати — отработка, барщина
Юаньцзяли см. гэнка ржи
югэй — колчаноносцы
юки-бэ — корпорация по изготовлению колчанов
юраку — поселок
юхата — способ окраски ткани
Яёи — название энеолитической керамики и культуры
яка-бэ — домашние рабы
яхата — резиденция
якахито — домашние слуги
якахито-бэ — корпорация домашних слуг
яма-бэ — горная корпорация
яцуко — несвободный

Япония в VII в.

Япония в VII в.

notes

Примечания

¹ The Kogo shui, or Gleanings from Ancient Japanese Stories. Transl. by Kato Genchi and Hoshino Hikoshiro. Tokyo, 1925. L. 1976.

² Norito: A New Translation of the Ancient Japanese Ritual Prayers. Transl. by D. L. Philippi. Tokyo, 1959; Ancient Japanese Rituals. Transl. with commentaries by E. M. Satow. — «Transactions of the Asiatic Society of Japan». Vol. 7, p. 2. 4. Tokyo, 1879; Vol. 9, Tokyo, 1881; Vol. 27, p. 1. Transl. by K. Florenz. Tokyo, 1900.

³ Название Лю (фамилия основателя) придается для отличия этой династии от более известной — Сун X–XIII вв., особенно когда речь идет о летописях этой династии или сношениях с нею. Так же обстоит дело с династией Ци, которую для отличия от одноименной династии периода «борющихся царств» называют «Южной», хотя официально она такого обозначения не имела. По тем же основаниям мы ставим в скобки Цянь в названии летописи «[Цянь] Хань шу».

⁴ См.: Хирата Тосихару. Нихон кодэн-но сэйрицу-но кэнкю (Трактат о появлении японских классиков). Токио, 1959; К а н д а Хидэо. Кодзики-но кидзо (Структура «Кодзики»). Токио, 1959; Умэдзава Исэдзо. Кики хихан (Критика «Кодзики» и «Нихонги»). Токио, 1962; Yaku M a s a o. The Kojiki in the Life of Japan. — «East Asian Cultures Studies Series». Tokyo, 1969, № 13; Кодзима Норуюки. Дзёдай Нихон бунгаку то Тюгоку бунгаку (Древняя японская и китайская литературы). Токио, 1963; Т а к э д а Юкити. Кодзики сэцува гун-но кэнкю (Исследование группы преданий в «Кодзики»). Токио, 1954; Курано Кэндзи. Кодзики хёкай (Критический разбор «Кодзики»). Токио, 1960; Саэки Арикиё. Синсэн сёдзироку (Новый реестр кланов и фамилий). Т. 1–2. Токио, 1962–1963.

⁵Разные авторы по-разному читают иероглифы, входящие в название этой страны: Ематай, Яматай. В последнем случае принимается современное «онное» чтение иероглифов, заманчивое своим сходством с «Ямато», в первом — старое, восстанавливаемое новейшими словарями. Есть и другие чтения, менее популярные. Некоторые отмечают, что последний знак («тай») появился в сравнительно недавних изданиях источников, а до этого вместо него использовался знак «и» («ви»), и предлагают прочтение Ямави [Furuta, 1969]. Другие этот последний знак считают позднейшей добавкой, а два первых читают «сама» (шаман) [Kim Jae Bung, 1970]. Хотя японские, а вслед за ними и другие ученые предпочитают современное чтение иероглифов названия (Яматай), мы остановились на древнем чтении знаков, предлагаемом словарем Б. Карлгрена (B. Karlgren. *Analytic Dictionary of Chinese and Sino Japanese*. P. 1923) и принятое Н. Я. Бичуриным и Н. В. Кюннером. Выбор системы транскрипции, когда речь идет о корейских или японских топонимах и этнонимах в китайских источниках, не прост. Названия самих этих источников или их глав (глава о вожэнь в «Вэй чжи») мы передаем в оригинальном звучании, т. е. на языке источника. В таком же звучании мы употребляем те топонимы (Лолан, Дайфан) и этнонимы (сяньби), которые либо более тесно связаны китайской историей, либо известны в китайской транскрипции в современной литературе. В других мы отдаем предпочтение местному, национальному звучанию: Когурё вместо Гаогюйли, ва вместо во и т. д. В транскрипции названий владений круга Ематай мы иногда делаем уступки широко принятому в Японии чтению, отклоняющемуся от стандарта: Цусима вместо Тайма или Цуйма — по современному названию острова, На вместо Ну — по древнему, а не современному чтению знака, Куна вместо Куну — под влиянием отождествления этого названия с древним японским топонимом.

⁶ Oka Masao. The Basic Structure of Japanese Culture. — «Нихон миндзо-кугаку тайкэй». Токио, 1962, № 2.

⁷ Oka Masao, Yawata Ichiro, Egami Namio, Ishida Eiichiro. Origin of the Japanese People and Culture and Formation of the Japanese State. — «Minzokugaku kenkyu». Tokyo, 1948, vol. 13, № 3.

⁸ Н. Izui. Austronesian Elements within the Formation of the Japanese Language. — «Minzokugaku kenkyu». Tokyo, 1953, vol. 17, № 2; С. Оно. Нихонго-но кигэн (Происхождение японского языка). Токио, 1957.

⁹ Янагида Кунио. Кайдзо-но мити (Путь по морю). Токио, 1951.

¹⁰ Вакамори Таро. Прародина японского народа. — «Нихон миндзокуси». Токио, 1963.

¹¹ Ch. Haguenaer. Origines de la civilisation japonaise. Introduction a l'etude de la prehistoire du Japan. Premiere partie. P., 1956.

¹² См.: А. П. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. — «Советская этнография». 1946, № 4; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Древнее население человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии. — «Труды Института этнографии АН СССР». Н. С. Т. 16. М., 1951.

¹³ С. А. Арутюнов. Древняя Япония и Арктика. — Материалы Московского отделения РГО: История географических знаний, историческая география, этнография. М., 1969, вып. 3; Б. Г. Григоренко. Древнейшие культуры Японских островов и материк. — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969, вып. 1.

¹⁴ Нихон кодай отё сирон дзёсэцу (Введение в дискуссию по истории древней Японии царского периода). Токио, 1952.

¹⁵ Кнтаяма Сигэо. О проблеме героической эпохи в Японии. — «Ниховкодай-но сэйдзито бунгаку». Токио, 1956.

¹⁶ Симпозиуму Нихон кокка-но кигэн (Симпозиум по происхождению японского государства). Токио, 1966.

¹⁷ Абэ Танэхико. Сисэй (Удзи кабанэ). Токио, 1960.

¹⁸ Каваото Нохэй. Заметки о крепостничестве. — «Нихонси кэнкю». Киото, 1960, № 47–49.

¹⁹ Основные положения доклада Мацуока Хисао, представленного на XIII Международном конгрессе исторических наук, подверглись критике со стороны советских ученых (см. [Удальцова, 1971, с. 18]).

²⁰ Mayuzumi Hiromichi. On the Twelve Official Ranks. — «Rekishi to bunka». 1959, № 4.

²¹ Нисидзима Садао. Восточная Азия с VI по VIII в. — «Иванами кодза. Нихон рэкиси». Токио, 1962, т. 2, ч. 2.

²² Камэда Такаюки. Дзинсин-но ран (Смута дзинсин). Токио, 1961.

²³ См. также: Нихон кодайси-но сёмондай (Проблемы древней истории Японии). Токио, 1968.

²⁴ См.: Хам Чханчо. Критика фальсифицированных сведений о Корее в учебниках по японской истории. — «Йокса квахак». 1967, № 2; Ли Чилин. По поводу обстоятельств открытия стелы Квангэтхо-вана. — «Йокса квахак». 1959, № 5; Ким Сокхён. О надписи на мече, раскопанном в древнем погребении в Фунэяма в Японии. — «Йокса квахак». 1966, № 2.

²⁵ О. В. Плетнер. Конспект лекций по истории Японии. М., 1923.

²⁶ Н. И. Конрад. Лекции по древней и средней истории, читанные в 1936—37 гг. на кафедре Института Красной профессуры в Москве.

²⁷ Н. И. Конрад. Надельная система в Японии. — «Труды Института востоковедения». Л. — М., 1936, т. 17.

²⁸ История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1956; История стран зарубежной Азии в средние века (учебное пособие для восточных факультетов). М., 1970.

²⁹ Поэтому нельзя согласиться с мнением И. Г. Позднякова об игнорировании у нас в стране работ японских авторов, отстаивающих существование в Японии рабовладельческой формации [Поздняков, 1966, с. 226], хотя надо признать что в целом эта проблема заслуживает большего внимания.

³⁰ Pageant of Japanese Art. Vol. 1–6. Tokyo, 1952–1956.

¹ В древних японских источниках все правители Ямато, начиная с Дзимму, носят одинаковый титул, который позднее (и в исследовательской литературе) стал осмысляться как «император». Этот титул записан всюду одинаково иероглифически, хотя звучал он по-разному: вначале, по-видимому, как «сумэ-раги», «сумэра-но микото», позднее как «тэнно». Мы употребляем чтение «тэн-но» лишь начиная с VII в., а для предшествующего периода употребляем титул «царь» и производные от него (во избежание чрезмерного разрыва в терминологии). Понятно, что реальное значение титула «царь» будет при этом колебаться от вождя до монарха в зависимости от конкретной эпохи. Собственной «фамилии» этого клана не сохранилось, так как повсюду в источниках он выступает как «просто императорский».

¹ Все три выражения — допустимое чтение одного и того же китайского бинорма.

² При переводе этих двух терминов мы пренебрегаем их современным социально-иерархическим соотношением, особенно разительно отличающимся, когда речь идет о нухи (слуги-рабы).

³ Интересно, что мифология сохранила предание о схватке между корейским и японским божествами [Древние фудоки, 1969, с. 100].

⁴ Именно поэтому и во избежание путаницы при употреблении определения «родовой» мы в качестве синонима «удзи» используем термин «клан».

⁵ Заманчивое своей стройностью построение вроде того, что кланы носили названия удзи и кабанэ, зависимые, или бэмины, — одно название удзи, несвободные — одно лишь имя, не соответствует действительности [Хондзё, 1927, с. 14].

⁶ Напомни, что та же традиция возводит 19 древнейших кланов (а фактически все кланы) к одному предку — к Каму-я-вими-ми, сыну легендарного Дзимму [Кожікі, II, 55–22].

⁷ В этом разделе мы рассматриваем лишь общественную сторону званий; их организационно-управленческие функции — тема следующего раздела.

⁸ Мияцуко (ми+яцуко) — буквально значит «ближний (царский) слуга».

⁹ Агата — первоначально царское рисовое поле.

¹⁰ По одной из версий, первичных званий насчитывалось 12 (см. [Жуков, 1939, с. 5, примеч. 2]), а общий перечень достигает трех десятков.

¹¹ Сам термин связан с общественной ячейкой Пэкче (бу) и вошел в обиход в Ямато с VI в. [Лим Консан, 1963].

¹² Утверждение «Кодзики» о том, что пять первых корпораций (томо или бэ) спустились с неба вместе с предком японского императора, есть попытка узаконить их существование в веках средствами мифа [Kojiki, I, 39—1].

¹³ Тенденция отождествления всех зависимых с казеннообязанными отражается, в частности, в интересной работе Жена де Лонгре [Jouon des Longrais, 1958, с. 232].

¹⁴ До 5 % населения [Hall, 1966, с. 35]. Некоторые исследователи увеличивают эту цифру до 10 % [Хани, 1957, с. 31] и более.

¹⁵ В VII в. известна как Камицукэну.

¹⁶ Японское чтение китайского по происхождению слова тэнно — сумэра микото. Это звание в древности прилагалось не только к правителям, но, например, к Ямато-такэру и к другим лицам [Древние фудоки, 1969, с. 31, 86].

¹⁷ «Кодзики» говорят о появлении предка носителей этой должности во время легендарных походов Дзимму [Кожікі, II, 47–17; 55–22].

¹⁸ Сиро — около 23 кв. м.

¹⁹ Вторичный клан. Знак читается ныне «якара» («дзоку») — «родня».

²⁰ Хотя сам девиз Тайка ограничен 645–649 гг., эпоха реформ Тайка охватывает всю вторую половину VII в.

²¹ Японское чтение китайского по происхождению слова дайзин — ооми.

²² Было создано 58 провинций.

²³ Со ссылкой на Такигава Масадзиро Е. М. Жуков сообщает, что земельный надел, приходящийся на семью, обеспечивал не более 3/5 годовых потребностей в рисе [Жуков, 1939, с. 13].

²⁴ Впрочем, некоторые авторы называют следующие годы переделов: 646, 652, 670, 690, 702, 708-й, где тенденция к переделам через 6 лет или через период, кратный шести, выражена во всех случаях, кроме 690 г. [Сакамото, 1949, с. 357].

²⁵ По Сакамото Таро, 3 и 2 % [Сакамото, 1949, с. 574].

²⁶ 1 то = 18 л.

²⁷ Для нас важно помнить, что это писал ученый, посвятивший цитируемый труд изучению одного из нескольких регионов Японии, причем не центрального.

¹ Целесообразно привести пример, который предлагает сам автор концепции (Ю. В. Бромлей) для объяснения этих новых понятий: современные немцы, как таковые, образуют этникос, но немцы в ГДР и в ФРГ составляют в каждом случае особые эсо.

² Известные колебания были лишь в отношении датировки начала феодальной поры, и то лишь постольку, поскольку поздним считалось само появление государственности в Японии. Так, О. Плетнер датировал начало феодализма в Японии серединой X в. [Плетнер, 1929, с. 177].

³ В связи с этим трудно согласиться с утверждением И. Г. Позднякова о том, что у нас «без всяких доказательств отрицается существование рабовладельческого строя в Японии» [Поздняков, 1966, с. 226].

⁴ Хотя некоторые исследователи считают таких рабов в полном смысле слова производственными, а такое рабовладение — развитым (см. {Коростовцев, 1975, с. 81}).

⁵ Это мнение, как правило, разделяют и у нас (см. [Жукев, 1975, с. 18–19]).

⁶ Можно было бы не упоминать про осмысление надельной системы как «варианта государственного социализма», развенчанное у нас еще в 30-х годах [Волков, 1938], если бы такая формулировка не повторялась иногда и теперь [Leonard, 1969, с. 18].

⁷ 1 кин приблизительно равен 600 г.

Язык литературы определяется: для книг и статей, вышедших в СССР, языком описания; для иностранной литературы — местом издания, причем, если речь идет о литературе, вышедшей на зарубежном Дальнем Востоке, независимо от языка описания. В том случае, если работы, опубликованные на Дальнем Востоке и приводимые не на национальном языке, написаны на западно-европейском или имеют резюме на таком языке, они снабжены «звездочкой».

Переводы оговорены особо.

Работы К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений.